

ISSN 2307-2598

Министерство образования и науки РФ
Алтайский государственный университет

**СОЦИОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ:
НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ, ТВОРЧЕСТВО**

Сборник статей

Выпуск 8

Часть 2

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2016

УДК 316 (082)
ББК 60.5я43
С 693

Рецензент:

кафедра эмпирической социологии и конфликтологии
Алтайского государственного университета

Ответственные редакторы:

профессор, декан факультета социологии *О. Н. Колесникова*;
профессор, заведующий кафедрой общей социологии *Е. А. Попов*

Техническая поддержка: К. И. Коваль

С 693 **Социология в современном мире: наука, образование, творчество** [Текст] : сборник статей. — Вып. 8 : в 2 ч. / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. — Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2016. — Ч. 2. — 330 с.

ISSN 2307–2598

В сборник включены материалы по широкому кругу социальных проблем, рассматриваемых авторами сквозь призму современного социологического знания и на уровне междисциплинарных научных связей социологии с философией, историей, антропологией, психологией и другими теоретическими и прикладными сферами. Особое внимание уделяется потенциалу социологической науки в развитии социально мыслящего человека, проблемам социологического образования и другим актуальным вопросам. Сборник посвящен 25-летию факультета социологии Алтайского государственного университета.

Издание предназначено для широкого круга специалистов в области социогуманитарного знания — ученых, педагогов, аспирантов и студентов.

УДК 316 (082)
ББК 60.5я43

Издание подготовлено в рамках реализации проекта Министерства образования и науки РФ «Гражданская и этническая идентичность в системе сохранения социальной безопасности населения приграничных территорий Российской Федерации» (№ 1475)

ISSN 2307-2598

© Оформление. Издательство
Алтайского государственного
университета, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ III. ПОТЕНЦИАЛ ПРИКЛАДНОЙ СОЦИОЛОГИИ В ИЗУЧЕНИИ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА, ЧЕЛОВЕКА И КУЛЬТУРЫ

<i>Колесникова О. Н., Чуканова Т. В.</i> Проблемы и перспективы жизнедеятельности населения постсоветского приграничного пространства	10
<i>Нагайцев В. В.</i> Социальный конфликт как объект управления	16
<i>Сергиенко А. М., Иванова О. А.</i> Миграция сельской молодежи как индикатор благополучия села.....	21
<i>Боброва Г. Е.</i> Опросы населения как способ изучения общественного мнения по вопросам противодействия коррупции	27
<i>Вараксина Н. В.</i> Показатели эксклюзии лиц пожилого и старческого возраста	31
<i>Гончарова Н. П.</i> Социологический анализ постсоветских трансформаций хозяйственной деятельности в горных регионах Южной Сибири	35
<i>Догадаева Н. С.</i> Социокультурные проблемы модернизации России.....	39
<i>Максимова С. Г., Ноянзина О. Е.</i> Модели формирования гражданской идентичности в современном российском обществе	41
<i>Жилыева И. А.</i> Организация независимой оценки качества предоставления социальных услуг населению	52
<i>Ипатов Т. Е.</i> Результаты опроса военнослужащих и гражданских лиц относительно событий на Украине	56
<i>Шахова Е. В., Мазуренко А. А., Гилева Н. Р.</i> Представления современной молодежи о национальностях в системе повседневных практик взаимодействия	60
<i>Капусткина Е. В.</i> Социология питания: динамика потребительских практик россиян	63
<i>Максимова С. Г., Омельченко Д. А.</i> Психосемантические модели формирования национальной идентичности населения современной России	66

<i>Михайлова Н. К.</i> Особенности трудовой занятости студентов.....	79
<i>Горбунова А. А.</i> Этническая идентичность населения Алтайского края.....	83
<i>Климова Н. В.</i> Социальные предпочтения студенческой молодежи в сфере массовой коммуникации.....	86
<i>Констанц Т. К.</i> Современное состояние и динамика сельско-городских миграций в Алтайском крае.....	89
<i>Омельченко Д. А., Максимова С. Г., Гончарова Н. П.</i> Состояние сферы межнациональных отношений в оценках жителей Алтайского края.....	93
<i>Борисова О. В.</i> Сущность понятия «гражданин» (по материалам социологического исследования в Алтайском крае).....	98

РАЗДЕЛ IV. СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА В СИСТЕМЕ ЗНАНИЙ О ЧЕЛОВЕКЕ И МИРЕ

<i>Чуканова Т. В., Бем А. А.</i> Профилактика девиантного поведения подростков в условиях социально-реабилитационного центра.....	102
<i>Мазайлова Т. А., Медведева И. В.</i> Концепция Т. Парсонса о роли больного как теоретическая основа исследования развития паллиативной помощи.....	105
<i>Бочарова А. С.</i> Особенности арт-терапии в процессе реабилитации наркозависимых.....	110
<i>Буянова А. Е.</i> Арт-терапевтические техники в социальной работе с семьей и детьми (на примере фототерапии и монотипии).....	113
<i>Дронова Е. Н.</i> Формы реализации восстановительного подхода в индивидуальной профилактической работе с несовершеннолетними.....	116
<i>Липинская М. Н.</i> Диверсификация направлений социальной работы с молодыми мигрантами в Германии.....	120
<i>Мельник Ю. О.</i> Практики трудоустройства молодежи с инвалидностью в Барнауле.....	124

<i>Миллер С. М.</i> Больничная клоунада в контексте психосоциальной работы: перспективы и сложности реализации (в оценках экспертов).....	127
<i>Морева Ю. Е.</i> Возможности арт-терапии в работе с подростками девиантного поведения.....	131
<i>Обрывко Е. И.</i> Социальное проектирование в детских общественных объединениях: воспитательные эффекты.....	133
<i>Рожкова А. С., Зайцев К. А.</i> Реабилитация детей с ограниченными возможностями здоровья посредством пет-терапии.....	136
<i>Хакимова М. П.</i> Качество социального обслуживания людей с ментальной инвалидностью (оценка потребителей услуг).....	140
<i>Славнова В. К.</i> Сексуальное воспитание молодежи как социальная проблема современного общества	144
<i>Соловьев В. В.</i> Об оценке качества социальных услуг	148
<i>Тишкова Е. В., Чуканова Т. В.</i> Инновации в системе социального обслуживания граждан пожилого возраста.....	151
<i>Хабарова Е. В., Рябцева Н. Б.</i> Социальная работа с детьми, испытывающими насилие (по материалам Республики Алтай).....	154
<i>Тишкова Е. В.</i> Медико-социальное сопровождение дисфункциональных семей с детьми: теоретические аспекты	158
<i>Вишник Т. В., Калинина Ю. А.</i> Семья в XXI в.: опасные тенденции и основные направления развития	162
<i>Шитова Л. А.</i> Основные характеристики проблемы жестокого обращения с детьми.....	167
<i>Шунк Е. П., Очаковская Е. С.</i> Социально-психологическое консультирование подростков с девиантным поведением.....	170
<i>Яковлева А. В.</i> Проблема осуществления социального контроля по запрету продажи алкогольной продукции несовершеннолетним	173
<i>Марфутенко И. А.</i> Независимая оценка качества социальных услуг как форма общественного контроля	176

РАЗДЕЛ V. СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ В ОБЪЕКТИВЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

<i>Попов Е. А.</i> Социальная безопасность населения в условиях глобализации и модернизации мирового устройства: отклик российского приграничья	182
<i>Чуканова Т. В.</i> Влияние самоактуализации личности на социальное самочувствие молодежи	190
<i>Абашина А. Д., Догадаева Н. С.</i> Информационная модель социальной реинтеграции семей мигрантов	194
<i>Атасова Н. Ю., Бутина А. В., Омельченко Д. А.</i> Молодежный акционизм в зеркале региональных СМИ: палитра практик в Алтайском крае	197
<i>Бабушкина Е. В., Миллер С. М., Тамразян Н. А.</i> Молодежное добровольчество: вклад в устойчивое развитие современного российского общества	201
<i>Беляева К. А.</i> Безопасность игровой деятельности ребенка в современных условиях	205
<i>Вараксина Н. В.</i> Формы эбьюзинга в стареющем обществе	208
<i>Возилкина М. Е.</i> Открытость информации о деятельности попечительских советов учреждений социальной сферы Алтайского края	212
<i>Гафурова Э. Н.</i> Социально-правовая защита иностранных граждан в России	216
<i>Дель В. В.</i> Общая характеристика способов обеспечения духовной безопасности	220
<i>Оболянский Г. В.</i> Герой нашего времени. Какой он?	224
<i>Домашев А. Н.</i> Социокультурный контекст развития городской среды	233
<i>Жабина А. В.</i> Проектная деятельность социально ориентированных некоммерческих организаций в Барнауле	238
<i>Кайгородов Е. В., Петунина Е. В., Ермилова Е. Е., Мишина В. Л.</i> Особенности социального взаимодействия директорского корпуса общеобразовательных школ Алтайского края	241
<i>Кобелев К. Ю.</i> Общественные организации как форма участия молодежи в политической жизни	246

<i>Кузнецова В. И.</i> Доступная среда: миф или реальность?	249
<i>Лобанова А. Д.</i> Этапы развития методологии социального проектирования.....	253
<i>Мелиев Ф. С.</i> Социально-правовая защита персональных данных граждан Российской Федерации.....	257
<i>Микова М. П.</i> Особенности развития института участковых уполномоченных полиции в современном российском обществе	260
<i>Муродалии Р. К.</i> Специфика защит прав мигрантов в современной России.....	263
<i>Доровских А. С.</i> Обучение персонала компаний города Барнаула с помощью бизнес-тренингов.....	266
<i>Оболянский Г. В.</i> Великодержавность и патриотизм россиян как предмет полемики и дискуссии	270
<i>Пинигина Е. К.</i> Спонсорство как дополнительный источник финансирования спорта	278
<i>Подрезов М. В.</i> Проблема беженцев в Федеративной Республике Германии	282
<i>Севрюкова Н. В.</i> Капитал человеческий и социальный.....	286
<i>Соколенко А. А.</i> Жизнь человека в условиях современного муниципального развития.....	289
<i>Спирина А. С.</i> Предприниматель как потенциальный представитель среднего класса.....	292
<i>Стебунова А. В.</i> Мотивация студентов к добровольческой деятельности	295
<i>Стерляева Н. А.</i> Некоторые аспекты суицидального поведения подростков (на примере Алтайского края)	298
<i>Стрельникова М. А.</i> Производственные конфликты врачей и медсестер в государственных бюджетных учреждениях здравоохранения.....	302
<i>Усова А. В.</i> Доминирующие ценности при межпоколенном взаимодействии носителей культуры	305
<i>Целуйко И. В.</i> Молодежные субкультуры современного российского общества	308

<i>Черепанова М. И., Неваева Д. А., Щеглова Д. К., Сарыглар С. А.</i> Роль межэтнических установок в социальном взаимодействии ...	311
<i>Муродалии Р. К.</i> Социально-правовой статус мигрантов из Республики Таджикистан в современной России	315
<i>Шахова Е. В.</i> Блоги и авторские колонки как условия формирования общественного мнения в контексте межэтнических отношений (на примере Алтайского края).....	318
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	323

Раздел III

**ПОТЕНЦИАЛ ПРИКЛАДНОЙ
СОЦИОЛОГИИ В ИЗУЧЕНИИ
АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ
РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА,
ЧЕЛОВЕКА И КУЛЬТУРЫ**

О. Н. Колесникова, Т. В. Чуканова (Барнаул)

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРИГРАНИЧНОГО ПРОСТРАНСТВА

В результате развала СССР появилась территориальная локализация новых независимых государств, связанных общностью существования в одном государстве и сохраняющих в этой связи некую идентичность, определяемую как постсоветская. Актуальность заключается в том, что одним из наиболее важных аспектов социологического анализа современных тенденций общественного развития является изучение проблем жизнедеятельности населения приграничья как обобщенной эмоционально-оценочной реакции на социальные изменения и свое положение в трансформирующемся обществе. Изучение проблем жизнедеятельности населения приграничья важно в контексте происходящих в последнее время перемен в мире, поскольку позволяет понять их влияние на формирование жизненной позиции населения. Самочувствие населения, проживающего на приграничной территории, важная характеристика, отражающая уровень удовлетворенности/неудовлетворенности отдельных индивидов и социальных групп их текущим положением, на основе которого формируются модели актуального социального поведения, а также жизненные стратегии, устремленные в будущее. Показатели, влияющие на самочувствие населения, в концентрированном виде отражают степень адаптации населения к современной социально-экономической ситуации.

По результатам исследований в области социологии, социальной психологии и философии накоплены данные, которые можно рассматривать как теоретико-методологические предпосылки для изучения проблемы и его социологической интерпретации. Так, работы, посвященные анализу современного состояния российского общества (Т. И. Заславская, Н. Ф. Наумова, В. В. Радаев, Р. В. Рывкина, Ж. Т. Тощенко и др.), свидетельствуют об углубляющихся процессах социальной дифференциации, об изменении социальной структуры российского общества. Выделяют такие критерии дифференциации населения, как экономический статус индивида, статус власти, уровень образования, стиль жизни, престиж и другие, которые по-разному действуют в современном обществе.

Ряд авторитетных источников указывает на необходимость интерпретации процессов, происходящих в современном российском обществе, с новых методологических оснований (Г. С. Батыгин, И. Ф. Девятко, Л. Г. Ионин, В. А. Ядов и др.). К ним можно отнести как политеоретическую, так и полидисциплинарную интерпретацию, что делает актуальным использование арсенала смежных дисциплин в социологических исследованиях. В психологической (А. П. Петровский, П. М. Якобсон) и социально-психологической литературе (И. С. Кон, К. Г. Юнг, Э. Фромм и др.) имеются выводы о повышении значимости психологических факторов в социальных процессах, конструктивности и перспективности подхода, согласно которому искать ответы на социальные вызовы надо в самом человеке, поскольку в условиях социальной неустойчивости именно человек с его устремлениями и переживаниями является устойчивой точкой отсчета.

Важная роль механизмов идентификации в складывании определенного типа социального самочувствия раскрыта в зарубежной литературе (F. M. Andrews, R. F. Jugglehart, S. B. Withey, E. Diener, Y. Griffin, B. Williams и др.).

В рамках социологического подхода социальное самочувствие характеризуется как «относительно устойчивая эмоциональная реакция субъекта на воздействие социальной среды и условий его жизнедеятельности». Оно выступает «результатом осознания и переживания человеком смысла и значимости различных сторон жизни, вырастает из непосредственных условий бытия человека, определяющих степень удовлетворения его многообразных потребностей, возможностей развертывания индивидуальной жизни, самоутверждения, самореализации» [1]. Социальное самочувствие, таким образом, определяется как интегральная характеристика удовлетворенности/неудовлетворенности человека своим положением, как индикатор его настроений и ориентаций. Важным в данном определении является то, что это в большей степени субъективный показатель. Социологическая наука рассматривает социальное самочувствие как сложную форму достаточно устойчивого целевого социально-психологического состояния, возникающего у человека или группы людей под влиянием объективных обстоятельств их жизнедеятельности в обществе. Это состояние является тонким индикатором социального бытия людей, показывает удовлетворенность ими, своим положением, своей жизнью, отражает их уверенность или неуверенность в сегодняшнем и завтрашнем дне. Роль социального самочувствия сказывается на поведении человека как регулятора поведения, выражаясь в различных формах активности/пассивности личности.

В настоящее время ощущается определенный дефицит конкретных социологических исследований, которые бы на эмпирическом уровне раскрывали и представляли проблемы населения приграничья на постсоветском пространстве. Считаем, что сравнение базовых показателей самочувствия основных стратификационных групп на уровне конкретных регионов, таких как Алтайский край (Россия) и Восточно-Казахстанская область (Казахстан) позволит выявить общие и специфические проблемы жизнедеятельности населения приграничных постсоветских территорий.

Приграничное пространство — особая территория, образ мышления населения которой в определенной степени отличается от образа мышления населения центральных регионов государств. Определяющим фактором является то, что жители приграничных территорий находятся под влиянием как минимум двух государств — того, в котором проживают, и того, с которым граничат. В результате идет постоянное сравнение, оценка динамики развития приграничных регионов, что в значительной мере определяет идентичность населения, степень лояльности к власти, экономическое и миграционное поведение. Для создания и поддержания стабильной общественно-политической ситуации важны исследования в этой сфере и их своевременный анализ. Опыт такой работы имеется и у специалистов Алтайского края РФ и Восточно-Казахстанской области РК, но его общение и совместная деятельность еще недостаточно развиты [2].

Исторические корни тесного взаимодействия Алтайского края и Восточно-Казахстанской области являются прочным основанием к успешной интеграции. В немалой степени этому способствовали административно-территориальные преобразования, происходившие в период существования Российской империи и СССР [3]. Частые изменения административных границ на территории Алтайского края (РФ) и Восточно-Казахстанской области (ВКО РК) в течение последних полутора веков способствовали углублению развития взаимосвязей между регионами в политической, торгово-экономической и духовно-нравственной сферах. Нахождение регионов в составе одного государства (Российская империя, а затем СССР) обусловило развитие не конкурирующих между собой экономик, что также способствует дальнейшей интеграции: Алтайский край — аграрно-индустриальный регион, работающий, в основном на внутренний рынок РФ, а ВКО — индустриальный центр, работающий и на экспорт. Следовательно, регионы серьезно не конкурируют друг с другом, так как производят в значительной мере разную продукцию, что предполагает активный торговый обмен.

Анализ материалов социологических исследований, проведенных в 2013 г. в Алтайском крае профессорско-преподавательским составом факультета социологии Алтайского государственного университета и в Восточно-Казахстанской области РК Институтом анализа и прогнозирования ВКО, выявил, что рейтинг проблем, волнующих население Алтайского края и Восточного Казахстана, имеет много общего: социально-экономические проблемы, проблемы злоупотреблений представителей государственных органов, экологические и др. Имеются недостатки и в решении проблем преступности, равенства по полу и возрасту, религиозной и этнической принадлежности, входящие в рейтинг наиболее актуальных проблем в Алтайском крае, и низкое качество медицинского обслуживания, коммунальные проблемы, проблемы молодежи и её миграции в Восточном Казахстане [1; 4; 5].

Таблица 1

Рейтинг актуальных проблем, волнующих население на основании социологических исследований (2013 г.)

Восточно-Казахстанская область	Алтайский край
1. Низкое качество медицинского обслуживания	1. Проблемы бедности
2. Рост цен на товары и продукты первой необходимости	2. Преступность
3. Коррупция, злоупотребление в органах власти	3. Экологические угрозы
4. Низкий уровень доходов населения (низкая заработная плата, пенсии, пособия и т.д.)	4. Проблема произвола чиновников и правоохранительных органов
5. Состояние экологии, загрязнение окружающей среды	5. Проблемы одиночества и заброшенности
6. Коммунальные проблемы (высокие тарифы, перебои с электричеством, газом, водоснабжением)	6. Притеснения из-за возраста или пола
7. Трудно устроиться на работу по специальности и за достойную зарплату	7. Преследования за политические убеждения
8. Проблемы молодежи (трудоустройство, образование, досуг и т.д.)	8. Религиозные проблемы
9. Отъезд жителей из населенного пункта	9. Ущемления по национальному признаку

Примечания: Сведения по Алтайскому краю РФ. См.: Колесникова О.Н., Артюхина В.А., Чуканова Т.В. Социальное самочувствие как интегральная характеристика жизнедеятельности населения региона: результаты мониторингового исследования // Вестник Алтайской науки. 2014. № 1. С. 115–120;

Сведения по Восточно-Казахстанской области — данные социологических исследований, проведенных ТОО «Институт анализа и прогнозирования ВКО» в 2013 г. по заказу Управления внутренней политики ВКО РК.

Уровень социального оптимизма населения, проживающего в исследованных приграничных регионах, оказался примерно равным: 39,5% опрошенных в 2013 г. в Алтайском крае полагают, что в ближайшем году будут жить лучше, 38,0% — в Восточном Казахстане [1; 4].

В плане демографического развития можно отметить, что для Алтайского края РФ, как и для Восточно-Казахстанской области РК, одной из актуальных проблем является отток населения. Для ВКО это отрицательное сальдо межобластной внутригосударственной и межгосударственной миграции; для Алтайского края — отрицательное сальдо межрегиональной внутригосударственной миграции. При этом положительное сальдо межгосударственной миграции для Алтайского края на 40,4% обеспечивается за счет эмигрантов из Казахстана [6, с. 186].

Таблица 2

Сальдо миграции населения Восточно-Казахстанской области РК и Алтайского края РФ (2013 г.)

Восточно-Казахстанская область	Алтайский край
Всего – 51,7 человек на 10 тыс. человек населения	Всего – 26,8 человек на 10 тыс. человек населения
Межобластная внутригосударственная миграция – 35,9 человек на 10 тыс. человек населения	Межрегиональная внутригосударственная миграция – 49,4 человек на 10 тыс. человек населения
Межгосударственная миграция – 15,8 человек на 10 тыс. человек населения	Межгосударственная миграция +22,6 человек на 10 тыс. человек населения

Примечания: Сведения по Алтайскому краю РФ См.: Социально-экономическое положение Алтайского края. 2013 год. Стат. доклад / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. — Барнаул, 2014. С. 185;

Сведения по Восточно-Казахстанской области рассчитаны по данным Департамента статистики Восточно-Казахстанской области Агентства Республики Казахстан по статистике: Экспресс-информация — 10–39/404, 11 мая 2014 г.; Бюллетень «Миграция населения Восточно-Казахстанской области. Демография. 14 серия». — 10–36/351, 23 апреля 2013 г.

Контент-анализ СМИ по проблемам социального самочувствия и безопасности населения Алтайского края и Восточно-Казахстанской области за 2013 г. (Алтайский край $n = 988$; ВКО $n = 1249$) показал совпадение наиболее часто поднимаемых журналистами проблем. Из общего числа проанализированных статей большая часть посвящена проблемам в социальной сфере (Алтайский край — 43%; ВКО — 54%), таким как ЖКХ, качество здравоохранения и образования, низкий уровень жизни населения. Отличия состоят в том, что в СМИ в Алтайском крае наиболее волнующей проблемой является вопрос качества здравоохранения и образования (39,4% от проанализированных статей по социальной проблематике). Источники социальной напряженности в области нелегальной миграции и преступности описаны в 22,7% публикаций по социальной тематике. Жилищные проблемы населения и трудности в функционировании сферы ЖКХ стали предметом рассмотрения 24,7% газетных статей, посвященных социальной сфере общественной жизни. В СМИ ВКО часто поднимаются такие вопросы, как проблемы пассажирского транспорта и автоперевозок, перебои электричества и проблемы инвалидов.

В экономической сфере предметом рассмотрения 17% материалов СМИ в Алтайском крае и 12% в Восточно-Казахстанской области являются проблемы развития малого бизнеса, агропромышленного комплекса, рост цен и безработица. В ВКО часто в СМИ публикуются материалы по вопросу повышения пенсионного возраста, задержке и невыплате заработной платы; в Алтайском крае РФ — об упадке экономики. В связи с актуальностью экологических проблем как для Алтайского края, так и для Восточно-Казахстанской области (7 и 9,1% соответственно) часто встречаются материалы о незаконной вырубке лесов, расхищении природных богатств. Для Алтайского края РФ в целом актуальны проблемы загрязнения окружающей среды и лесных пожаров, а для ВКО РК — выбросы крупных металлургических предприятий.

В сфере духовно-нравственной жизни общества для журналистов и Алтайского края РФ (13%), и Восточно-Казахстанской области (10%) актуальны проблемы искусства и культуры, падения нравственности, трудности патриотического воспитания и вопросы религии. Кроме того, в материалах СМИ ВКО также часто встречаются материалы по проблеме языкового общения [1; 4; 5].

В целом градация проблем внутри обозначенных приоритетных сфер, актуальных для населения и освещаемых в СМИ, идентична для Алтайского края РФ и Восточно-Казахстанской области РК, не-

которые отличия не столь значительны и связаны с особенностями социального и экономического развития регионов.

Важность приграничного сотрудничества и региональной интеграции Алтайского края РФ и Восточно-Казахстанской области РК прежде всего в глубоких исторических корнях тесного политического взаимодействия, во взаимовыгодном торгово-экономическом сотрудничестве, а также в сходстве базовых характеристик социально-го самочувствия населения.

Библиографический список

1. Колесникова О. Н., Артюхина В. А., Чуканова Т. В. Социальное самочувствие как интегральная характеристика жизнедеятельности населения региона: результаты мониторингового исследования // Вестник алтайской науки. 2014. № 1.

2. Чернышов О. В. Основы и перспективы региональной интеграции Восточно-Казахстанской области РК и Алтайского края РФ: к постановке проблемы // Этно-демографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях : материалы XIV научно-практической конференции. 11–12 сентября 2014 г. Усть-Каменогорск, 2014.

3. Алексеенко Н. В., Алексеенко А. Н. Население Казахстана за 100 лет (1897–1997 гг.). Усть-Каменогорск, 1999.

4. Данные социологических исследований, проведенных ТОО «Институт анализа и прогнозирования ВКО» в 2013 г. по заказу Управления внутренней политики ВКО РК.

5. Чуканова Т. В. Социальная защищенность населения: особенности построения региональной системы // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. Вып. 3 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2011.

6. Социально-экономическое положение Алтайского края. 2013 г. : стат. докл. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. Барнаул, 2014.

В. В. Нагайцев (Барнаул)

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ КАК ОБЪЕКТ УПРАВЛЕНИЯ

Существует две основных области научных знаний по мирному, ненасильственному разрешению социальных конфликтов с участием третьей стороны. Первая развивается в рамках правовых дисциплин и направлена на использование юридических норм при урегу-

лировании конфликтов. Здесь изучаются такие вопросы, как защита прав социальных субъектов, правовое положение участников конфликта, регламентация окончания конфликта и др. Вторая область ориентирована на поиск взаимоприемлемого согласия участниками конфликта с помощью специальных посредников и процедур. За свою историю человечество накопило немалый опыт ненасильственного разрешения конфликтов. Однако лишь со второй половины XX столетия, когда стало очевидным, что конфликты являются реальной угрозой выживанию человечества, в мире начала складываться самостоятельная область научных исследований — конфликтология, один из главных предметов которой — урегулирование и разрешение конфликтов мирными средствами.

Прежде чем приступить к анализу процедуры управленческого воздействия на социальный конфликт, как нам представляется, следует разобраться с самим феноменом конфликта. Хотя конфликт является всего лишь одним из многочисленных социальных явлений, происходящих в обществе, он всегда привлекал пристальное внимание исследователей сочетанием повсеместности его проявления и в то же время невозможности его точного предсказания: многие знают, что такое конфликт, но никто не может точно сказать, когда и где он возникнет и какими будут все его последствия. В настоящее время существенный вклад в изучение проблемы конфликта вносят порядка шестнадцать наук (социология, психология, правоведение, литература, искусствоведение, лингвистика, история, математика, педагогика, политология, социобиология, социальная философия, военные и др.).

Актуальность изучения социальных конфликтов заключается не только в феноменологии происходящего. Как показывают данные со всего мира, конфликт является весьма существенной составной частью деятельности руководителей разных уровней. Реальность такова, что менеджеры предприятий тратят до четверти и более своего рабочего времени на урегулирование различного рода конфликтов и их последствий. Одним из ключевых элементов в современном менеджменте является осознание того, что управление и разрешение конфликтов стали важнейшей задачей руководителей. К сожалению, проблематика управления социальными конфликтами не стала пока в отечественной науке предметом тщательных социологических исследований с использованием междисциплинарной методологии и соответствующего ей инструментария познания.

Далее необходимо дать определение самому понятию «конфликт». Конфликт (лат. *conflictus* — столкновение) — процесс негативного

взаимодействия (противостояния, столкновения и противодействия) социальных субъектов, направленный на устранение возникшего противоречия в их интересах. Под социальным субъектом здесь понимаются отдельный индивид, социальная группа, организация, этническая общность, социальный институт, государство, содружество государств и т. д. [1, с. 226–228]. Все социальные конфликты, возникающие по различным причинам и поводам, в обществе теснейшим образом сопряжены, взаимосвязаны и взаимозависимы. В социологии конфликт воспринимается как важнейшая форма взаимодействия людей в обществе, часть социального бытия и форма отношений между субъектами социального действия, мотивация которых обусловлена противостоящими интересами и потребностями.

В процессе диагностики социального конфликта прежде всего необходимо убедиться, что мы имеем дело именно с ситуацией конфликта, а не с каким-либо другим явлением, внешне похожим на нее. Существуют односторонняя агрессия, публичная дискуссия, конкуренция, демонстративное поведение личности, трудная жизненная ситуация, различные имитации конфликта — конкурсы, соревнования, игры, спортивные состязания и многие другие явления, не являющиеся в строгом смысле слова процессом конфликта, а представляющие собой так называемый ложный конфликт (квазиконфликт).

Конфликт — это также социальный процесс, переход от одной стадии к другой, каждая из которых характеризуется своими особенностями. Несмотря на динамику, любой конфликт характеризуется определенным набором его основных элементов, образующих структуру конфликта как целостного социального явления. Прежде всего конфликт характеризуется конфликтующими сторонами и предметом противоборства. Эти два определяющие элемента конфликта лежат в основе его структуры. «Изъятие» любого такого элемента из конфликта либо сводит его на нет, либо существенно меняет его характер.

Основной элемент социального конфликта — его участники. В большинстве ситуаций конфликта ими выступают индивиды со своими интересами, целями и ценностями. Однако социальная реальность не сводится к взаимодействию отдельных индивидов. В обществе действуют различные социальные группы, организации, общности, народы, общественные движения и иные, которые также могут выступать участниками конфликтного противоборства. Таким образом, участников конфликта, как и самих конфликтов, может быть великое множество. Всех участников конфликта можно разделить на основных (прямых) и неосновных (косвенных).

Основные участники — это непосредственные стороны конфликта, участвующие в противоборстве. Им принадлежит решающая и наиболее активная роль в его существовании и развитии. Основные участники конфликта являются его главными действующими лицами, и противоречие именно их интересов, как правило, лежит в основе социального конфликта. Поэтому основных участников именуют *субъектами конфликта, сторонами конфликта или оппонентами*.

К *неосновным участникам конфликта* относятся все остальные участники конфликта. Их часто именуют также *косвенными* участниками конфликта. По определению им принадлежит второстепенная роль в возникновении и развитии конфликта. Часто неосновных участников конфликта называют еще *третьей стороной*. В реальной ситуации конфликта грань между основными и неосновными участниками часто оказывается подвижной и относительной. В процессе развития конфликта основные и неосновные действующие лица могут меняться местами. Роль неосновных участников конфликта может быть как *конструктивной*, так и *деструктивной* — они могут способствовать не только разрешению или предупреждению конфликта, но и его обострению и дальнейшей эскалации. При этом результат вмешательства неосновного участника в конфликт может и не совпадать с его целями. Среди косвенных участников конфликта следует выделить такие группы, которые специально создаются для поддержки того или иного субъекта конфликта. Они называются *группами поддержки*. Важную роль в возникновении и развитии конфликта имеют и *другие его участники: сторонники конфликтеров; противники конфликтеров; инициаторы (зачинщики); организаторы; пособники; посредники и др.* [2, с. 101–105]. Надо сказать, что структурных элементов социального конфликта на самом деле может быть гораздо больше.

Современными исследователями социальный конфликт понимается как вполне нормальное, закономерное и неизбежное явление в любых социальных системах, источник их развития и функционирования. А коль скоро конфликт — неустранимый тип социального взаимодействия в обществе, а противоречия в интересах социальных субъектов неискоренимы, основное направление работы с социальным конфликтом — это целенаправленное управление им. Управление социальным конфликтом — система упорядоченных приёмов воздействия на конфликт, осуществляемого на любых этапах его развития самими участниками конфликтного противоборства или какой-либо третьей стороной, направленная на его урегулирование и разрешение.

Сама постановка вопроса о возможности эффективного управления конфликтами принципиальна для нас в том смысле, что она вытекает из понимания конфликта как здоровой и неотъемлемой формы социального взаимодействия субъектов в обществе. Если бы мы относились к конфликту только как к негативному явлению, то основная работа с ним сводилась бы к его скорейшему подавлению и полному устранению. Признание же социального конфликта нормальным общественным явлением, расширяет и углубляет проблему форм работы с ним (можно и нужно осуществлять — предвидение, прогнозирование, профилактику, предотвращение, предупреждение, урегулирование и разрешение конфликта). Перед специалистами, таким образом, не стоит задача полной ликвидации ни отдельных конфликтов, ни общей конфликтности, ни процессов конфликтования людей в обществе. Необходимо максимально возможно развивать конструктивные и минимизировать деструктивные последствия конфликтов и всей конфликтности в обществе. Регулирование конфликтности — комплекс разнообразных мер, ведущих к изменению параметров ее массовости, ядра, зон, глубины, остроты, эскалации и т. п. Эффективность этого регулирования прямо и непосредственно зависит от степени изученности существующей конфликтности, ее структуры, динамики, тенденций развития, а также умения управлять социальными процессами в обществе, используя различные технологии конфликто разрешения. Субъектами этой деятельности выступают не только органы власти, но и ученые, средства массовой информации, представители гражданского общества, неправительственные организации, политические партии, общественные движения, специально подготовленные миротворцы и посредники. *Конфликтологическая компетентность* — одна из существенных характеристик, которой должен обладать каждый специалист любой организации.

Очевидно, что и в России сформировалась и продолжает укрепляться общественная потребность в создании структур, обеспечивающих конфликтологическое сопровождение и консалтинг органов власти, администраций предприятий, трудовых коллективов, профессиональных союзов и отдельных граждан [3, с. 130]. Управление социальными общностями и процессами с помощью конфликтов — совершенно неразработанное направление современной социологии конфликта, представляющееся автору в нынешних условиях российской действительности весьма перспективным.

Библиографический список

1. Попов Е. А. Проекция социального: человек и социальная безопасность // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. Вып. 7 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2015.
2. Пустовалова Е. В. Коммуникативные отношения в социальных сетях человека // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. Вып. 4 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2012.
3. Колесникова О. Н. Некоторые результаты и перспективы исследования социального самочувствия населения Алтайского края // Социология в современном мире: наука, образование, творчество: сборник статей. Вып. 6 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2014.

А. М. Сергиенко, О. А. Иванова (Барнаул)

МИГРАЦИЯ СЕЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ КАК ИНДИКАТОР БЛАГОПОЛУЧИЯ СЕЛА

Перспективы устойчивого социально-экономического развития села, его инновационных перемен и решения проблем продовольственной безопасности страны во многом зависят от современных миграционных настроений сельского населения, особенно его наиболее молодой и экономически активной части. Рост миграционных настроений сельской молодежи девальвирует достижения в АПК и других отраслях экономики и социальной сферы, парализует возможности сельских жителей в модернизации социально-экономическом развитии села, а интересы органов управления — к стимулированию их активности.

В особой мере это касается аграрных регионов России, таких как Алтайский край, где высока доля сельских жителей (44% в 2013–2014 гг.) и доля сельского хозяйства в валовом региональном продукте составляет более четверти (27,9% в 2013 г.). Для исследования динамики миграции и потенциала миграционных настроений сельского населения Алтайского края и ее коренных причин нами использованы данные Росстата и Всероссийской переписи населения 2010 г. и социологических опросов сельских жителей, проведенных сотрудниками НП «Центр социально-экономических исследований и региональной политики» и Института экономики и ОПП СО РАН (под ру-

ководством А. М. Сергиенко) в 2002 (n = 1100), 2008 (n = 1100), 2011 (n = 500) и 2013 гг. (n = 150). Опросы проведены в различных по урбанизированности (периферийности) районах, в селах с различной численностью по квотной выборке (по полу и возрасту в каждом районе). Кроме того, использованы результаты интервью с экспертами (руководителями сельских муниципальных образований, предприятий, организаций социальной сферы), проведенных в 2008 (n = 128), 2011 (n = 84) и 2013 гг. (n = 60), а также материалы официального сайта администрации Алтайского края и СМИ (газета «Алтайская нива») за 2011–2015 гг.

В своих выводах мы опирались на труды отечественных (В. В. Папиорковского, Л. В. Родионовой и др.) и зарубежных исследователей, акцентирующих внимание на проблемы миграции в сельских сообществах [1–5]. Как отмечают канадские исследователи У. Колдвэлл, Дж. Болл, И. Чан и др., «закрепление» молодежи на селе является одной из наиболее приоритетных проблем регионального развития, отсутствие возможностей для молодых людей стимулирует их миграцию и требует разработки комплекса «инициатив», поощряющих молодежь оставаться на селе [1, с. 8].

В сравнении с результатами исследований, проведенных в сельских районах Алтайского края в 2008 и 2011 гг. [3–5], в последние годы миграционный потенциал села заметно «растаял» [6]. В 2008 г., накануне глобального экономического кризиса, каждый третий сельский житель хотел уехать из села, в 2011 г. таковых уже стало существенно меньше (22%) и в 2013 г. их осталось уже 19%, т. е. за предыдущие 5 лет удельный вес данной группы сократился в 1,7 раза. Причем сокращение происходило не только среди имеющих планы отъезда из села, но и среди потенциально желающих сменить место жительства без соответствующих возможностей, доля последних сократилась в полтора раза.

В основе снижения масштаба миграционных установок на отъезд из села лежат социально-экономические причины, в том числе существенное улучшение материального положения сельских жителей. За 5 лет, предшествующие опросу 2013 г., продолжали сокращаться распространенность и глубина бедности [4; 5; 7]. Кроме того, вследствие значительного улучшения транспортной обеспеченности и качества дорожной сети альтернативой переезду в город постепенно становится маятниковая трудовая миграция, которая в последние годы набрала значительный вес. По словам руководителей сельсоветов, близко расположенных к Барнаулу, *«каждое утро в город на работу выезжает от трети до половины жителей, села пустеют»*.

Современные миграционные установки сельчан также имеют преимущественно социально-экономическую основу. По данным опроса 2013 г., в каждом втором случае их определяют низкий уровень жизни (планируют уехать, «чтобы улучшить материальное положение семьи»), отсутствие перспектив для детей — в каждом третьем, нехватка «хороших» рабочих мест (с адекватной трудовому вкладу оплатой труда) — в каждом четвертом случае. За последние пять лет структура причин формирования миграционных установок существенно не изменилась. Основными выталкивающими факторами по-прежнему являются низкий уровень жизни и безработица.

Согласно данным переписи населения 2010 г., сельская молодежь Алтайского края характеризовалась меньшим уровнем оседлости по сравнению с городской молодежью и более старшим сельским населением СФО и РФ (в 1,2 и 1,4 раза соответственно). И по данным опросов населения и экспертов в 2008, 2011 и 2013 гг., отток молодежи из сельской местности является одной из наиболее острых проблем социально-экономического развития села.

Миграционный потенциал сельской молодежи значительно больше аналогичного потенциала старших возрастных групп. За 5 лет с 2008 г. доля желающих остаться на селе выросла в 1,7 раза (составляла 35% в 2008 г.), а миграционный потенциал сельской молодежи сократился в 1,6 раза (при некотором увеличении доли молодежи с неопределенным миграционным настроением). В 2013 г. он составлял 35%, т. е. доля желающих уехать из села была в 2,2 раза больше, чем в остальных группах сельского населения. И около 60% молодых сельчан не желали менять место жительства.

В 2008 г. почти 70% молодых селян, определившихся с направлением переезда, выбрали городскую местность региона, еще 12% опрошенных хотели бы переехать в соседний регион Сибири, около 7% — в европейскую часть России, 5% — на Север, 3% — в другое село того же района. Почти пятая часть молодых селян Алтайского края с миграционными установками на отъезд определилась с направлением переезда, еще столько же молодых людей удерживает поменять место жительства отсутствие денежных средств на переезд. Низкие доходы и безработица также относятся к основным причинам потенциальной миграционной активности сельской молодежи (47% опрошенных). Второй наиболее распространенной причиной потенциальной миграции молодых селян является желание найти подходящую работу (46%) и повысить уровень своего образования (12%). По словам временной безработной из п. Комсомольского Павловского района, «после окончания педагогическо-

го вуза я вернулась в родное село, но в местную школу мне устроиться не удалось, а идти на сельхозпредприятие «за копейки» я не хочу. Поэтому придется ехать в город и устраиваться по специальности, родители обещали помочь с арендой жилья, а там, может, удастся удачно выйти замуж».

Вектор миграционных установок сельской молодежи изменился незначительно. В 2013 г. сельская молодежь была нацелена переехать в города своего региона либо в меньшей степени в другие регионы страны. За предшествующие 5 лет среди планирующих переехать данная категория молодых людей тоже составляла подавляющее большинство, но постепенно исчезли желающие уехать в другую страну (в 2008 г. их было около 2%) и неопределившиеся с потенциальным местом жительства — «еще не знаю куда, но обязательно уеду» (11% в 2008 г., более 4% в 2011 г.); в выборке не оказалось и планирующих переезд в пределах сельской местности.

В настоящее время миграционные установки сельской молодежи региона значительно дифференцированы в зависимости от демографических и социально-экономических характеристик ее положения. Основными причинами формирования у молодых селян миграционных установок на отъезд являлись низкое материальное положение, неудовлетворительное состояние профессионально-трудовых характеристик, а также трудности получения желаемого уровня образования. Наиболее высоким миграционным потенциалом обладала молодежь, имеющая относительно слабые связи с селом, например, из-за пребывания длительное время в городе для получения профессионального образования.

Серьезным ограничением переезда в город являются проблемы трудоустройства. Так, молодой инженер СПК «Знамя Родины» с. Калмыцкие Мысы Поспелихинского района, выпускник факультета механизации аграрного университета, «... пробовал зацепиться в городе, однако без стажа работы где там по специальности устроишься? Разве что на подхвате в многочисленных шиномонтажных и прочих автомастерских. Но такая перспектива положительных эмоций не вызывала. И не только у меня»*.

По данным статистики, за 2012–2014 гг. миграционная убыль сельской молодежи Алтайского края снизилась почти вдвое и составила 4,4 тыс. чел., что, с одной стороны, на четверть меньше в сравнении с более старшим сельским трудоспособным населением, с другой стороны, прямо противоположно ситуации с городской молодежью:

* Под крышей дома. Своего! // Алтайская нива. 2015 г. № 13 (627). 9–15 апр.

за тот же период ее миграционный прирост также снизился приблизительно в два раза (до 2,3 тыс. чел.).

Доля внутрирегиональных перемещений молодых селян в городскую местность в ее общем миграционном обороте в пределах РФ выросла на 5 п. п. (до 67,4%) и по итогам 2014 г. в абсолютном выражении составила 3,2 тыс. чел. (на 40% меньше в сравнении с 2012 г.). Миграционная убыль сельской молодежи в 2014 г. наблюдалась в большинстве районов края, кроме семи (Алтайский, Завьяловский, Калманский, Зональный, Первомайский, Солонешенский, Усть-Калманский районы). Наибольший отток молодых селян зафиксирован в Немецком национальном, Тальменском, Смоленском и Змеиногорском районах [4, 5, 8].

В 2014 г., в сравнении с 2012 г., межрегиональная миграционная убыль сельской молодежи края снизилась вдвое и составила 1,5 тыс. чел. (городской молодежи — 1,7 тыс. чел.). На 11% (до 0,4 тыс. чел.) вырос приток молодежи в сельскую местность региона из стран СНГ и Балтии (в городской местности почти вдвое вырос миграционный отток — до 0,8 тыс. чел.). В рассматриваемый период наибольшей миграционной активностью отличалась подгруппа в возрасте 25–29 лет (как и среди молодых горожан).

Активная миграционная убыль молодых селян за пределы Алтайского края наблюдалась в 2000–2014 гг. По сравнению с началом 2000-х гг. отток сельской молодежи за пределы региона в последние несколько лет уже не так разительно отличается от соответствующих процессов среди молодых горожан и более старшего сельского населения трудоспособного возраста. В целом же сохранение тренда внешней для края миграционной активности сельской молодежи Алтайского края, наметившегося с начала 2000-х гг., в ближайшие годы может привести к плавному сокращению оттока молодых селян за пределы региона.

Таким образом, парадоксальной особенностью современной ситуации является заметное сокращение потенциала динамики миграционных настроений сельской молодежи из-за сочетания позитивных и негативных факторов: с одной стороны, благодаря повышению уровня их жизни в последнее десятилетие, а с другой — из-за сокращения молодежи в демографической структуре сельских жителей, а также вследствие изменений притягательной силы городов как постоянного места жительства. В последнем случае на это повлияло существенное развитие транспортной и дорожной сети, обеспечивающей связь села с городом и создающее основу роста маятниковой трудовой миграции, а также низкие возможности города принять сель-

ских молодых мигрантов на постоянное место жительства путем создания подходящих рабочих мест и недорогого жилья.

И хотя масштабы миграционных установок сельской молодежи остаются значительными (более трети хотят уехать из сельской местности), они уже в большей мере характеризуют процессы урбанизации и в меньшей степени формируют угрозу сохранения и социальной безопасности сельского сообщества. Перспективы позитивных сдвигов в миграционном настроении сельской молодежи видятся прежде всего в создании эффективных рабочих мест и комплекса жизненных условий на селе, необходимых для реализации ключевых, уникальных функций — рекреационной и обеспечения продовольственной безопасности.

Библиографический список

1. Caldwell W., Ball J., Chan Y., Ainley S. Rural Research Priorities. Ontario, 2010.

2. Пациорковский В. В. Сельско-городская Россия. М., 2010.

3. Алтайское село: тенденции и механизмы социального развития: кол. монография / науч. ред. А. Я. Троцковский. Барнаул, 2011.

4. Бедность сельской России в условиях модернизации экономики: процессы и механизмы формирования и преодоления: кол. монография / под общ. ред. А. М. Сергиенко. Барнаул, 2014.

5. Устойчивое развитие сельских территорий Алтайского края: социально-экономические и пространственные аспекты: кол. монография / науч. ред. А. Я. Троцковский. Барнаул, 2013.

6. Сергиенко А. М. Социальное развитие села: от выживания к системным инновациям? // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. Вып. 7 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2015.

7. Сергиенко А. М. Доходы как фактор формирования и преодоления сельской бедности: структурные изменения с начала 2000-х гг. // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. Вып. 6 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2014.

8. Иванова О. А. Типология сельской молодежи Алтайского края и по социально-экономическим показателям ее положения и специфике миграционных установок // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. — Вып. 4 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2012.

Г. Е. Боброва (Новокузнецк)

ОПРОСЫ НАСЕЛЕНИЯ КАК СПОСОБ ИЗУЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ ПО ВОПРОСАМ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

Первое антикоррупционное СМИ (ПАСМИ) — федеральное специализированное средство массовой информации (сетевое издание), освещающее антикоррупционную политику в России и за рубежом. В Интернете сегодня существуют различные издания, имеющие антикоррупционную направленность. У них много общего с точки зрения как целей и задач, так и разделов, посвященных различным аспектам коррупции и противодействия ей. Вместе с тем каждое из них имеет свою специфику, «изюминку», делающую его не похожим на другие. Так, «Антикоррупционный журнал» содержит инструкции, как вести себя гражданину, когда ему приходится вступать в официальные отношения с государством или его отдельными представителями — чиновниками [1]; интернет-издание «Национальный Антикоррупционный Совет Российской Федерации» дает подробную информацию о том, как составить электронное обращение в адрес Президента РФ или Общественной палаты России [2]; на ПАСМИ [3] хорошо представлена лента новостей, есть возможность гражданам сообщить о коррупции, проводятся журналистские расследования и активно используются опросные методы: интервью и экспресс-опросы. Экспресс-опрос, чаще всего проводимый в форме голосования по одному, но актуальному на текущий момент вопросу, довольно популярный способ изучения общественного мнения по проблемам коррупции в различных сетевых изданиях. Однако отличительной чертой Первого антикоррупционного СМИ является архив опросов, проведенных с 2012 г. Именно они и составляют объект нашего исследования.

Строго говоря, рассуждать об общественном мнении в данном случае можно лишь с известной долей условности, поскольку речь идет не о мнении большинства всего общества, а о мнении посетителей сайта, которые являются частью этого большинства. К сожалению, мы не смогли найти данные ни о ежемесячной аудитории ПАСМИ, ни о количестве респондентов, принявших участие в экспресс-опросах издания. Поэтому информация по 122 вопросам, заданным журналистами ПАСМИ за 3 года, не может претендовать на репрезентативность, она дает лишь весьма поверхностный срез общественного мнения по проблеме противодействия коррупции. Тем не менее материалы этих опросов позволяют составить представление о том, каким

аспектам антикоррупционной политики журналисты уделяли больше всего внимания, заостряя на них и интерес своих читателей, направляя этот интерес в определенное русло; обнаружить «пробелы» в правосознании посетителей Первого антикоррупционного СМИ; выявить тенденции в оценке пользователей сайта эффективности проводимых в России антикоррупционных мер в случае неоднократного повторения одного и того же вопроса спустя определенное время.

Из всего массива вопросов (122), половина (62) приходится на 2014 г., почти четверть (32) — на 2013 г. и по 12 и 16 вопросов — на 2012 и 2011 г. соответственно. Тематически можно выделить два аспекта проблемы коррупции, которые оказались в фокусе внимания журналистов ПАСМИ, о чем свидетельствует количество опросов, посвященных им. Это «Силловые ведомства и коррупция» и «Коррупция в государственных органах субъектов РФ» (19 и 15 вопросов соответственно). Отметим особенность вопросов по силовым ведомствам (МВД и ФСБ) — они имеют сквозной характер, присутствуют на всех этапах опросов ПАСМИ, что неудивительно, поскольку именно силовые структуры призваны бороться с коррупцией. Содержательно их можно разделить на вопросы о доверии населения к ним, оценки эффективности их деятельности по противодействию коррупции и отношения к делу ГУЭБиПК МВД РФ.

Ответы на вопросы о доверии к МВД и ФСБ продемонстрировали очень низкий его уровень (17% в 2013 г. и 15% в 2014 г. — в отношении МВД; 22% в 2014 г. — в отношении ФСБ). Снижение уровня доверия к МВД в 2014 г., возможно, связано с арестом сотрудников ГУЭБиПК МВД РФ в феврале 2014 г., которым ставились в вину провocations взятки, превышение должностных полномочий, организация преступного сообщества. Не случайно, количество тех, кто затруднился ответить на вопрос, составило 13%, при отсутствии таковых в 2013 г. Начиная с 2014 г. дело Главного управления экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России, возглавляемого генералом Д. А. Сугробовым, оказалось в эпицентре опросов, касающихся силовых ведомств. Ответы читателей ПАСМИ указывают на явную динамику их отношения к этому громкому делу. Если в сентябре 2014 г. на вопрос: «Кто для вас генерал Сугробов?» 43% из них отвечали «оборотень в погонах», 32% считали его антикоррупционером-жертвой и 25% затруднились с ответом, то уже в декабре рассматривали арестованных сотрудников по делу ГУЭБиПК в качестве антикоррупционеров-жертв — 49%, коррупционеров-провокаторов — 36%, при этом лишь 15% затруднились с ответом. В том же декабре 66% участников опроса считали, что против арестованных сотрудни-

ков данного дела ведется информационная война, а в феврале 2015 г. 65% полагали, что экс-сотрудники ГУЭБиПК необоснованно обвиняются в инкриминируемых им преступлениях. При этом, в качестве основания, на котором строятся их представления об этом деле 46% назвали личный опыт, 29% и 25% — информацию из источников и публикаций в СМИ соответственно. Как видим, четверть опрошенных формирует свою позицию под влиянием журналистов, надо полагать, в том числе и Первого антикоррупционного СМИ, которые явно на стороне генерала Сугробова и его подчиненных.

Анализ материалов на ПАСМИ, посвященных силовым ведомствам, и опросов, касающихся их деятельности, позволяет выявить особенности последних: во-первых, для ответов на некоторые вопросы респонденты просто не обладают необходимой информацией в силу «закрытости» определенных структур, в частности ФСБ. Поэтому вопрос: «Действительно ли между ФСБ и МВД ведется война за сферы влияния?» скорее должен быть адресован экспертам, а не рядовым гражданам. Во-вторых, подобные вопросы больше напоминают проверку на внимательность читателей, поскольку чаще задаются после появления статьи, в которой озвучена позиция журналиста или эксперта по данной проблеме, но не представлены альтернативные точки зрения. В итоге, опрос не дает объективной информации по существу проблемы.

Вместе с тем, как было отмечено выше, опросы на ПАСМИ позволяют получить весьма полезную информацию по различным аспектам противодействия коррупции.

В силу ограниченности объема статьи кратко остановимся на некоторых из них. Обратимся ко второму большому блоку вопросов, касающихся коррупции в государственных органах субъектов РФ, которые оказались в фокусе антикоррупционной политики согласно Национальному плану противодействия коррупции на 2014–2015 годы [4]. Из 15 опросов, посвященных этой теме, 13-приходится на 2015 г. По оценкам респондентов, коррупция в региональных структурах власти — это явление закономерное и системное. Так ответили 93% участников в отношении глав субъектов в целом, 100% — касательно первых лиц Новгородской области, 65% применительно к главе Республики Коми; об этом же свидетельствуют и косвенные вопросы, связанные с губернаторами Сахалинской области А. Хорошавиным (60% не считают, что его могли подставить), Иркутской области С. Ерошенко (82% полагают, что он должен ответить за допущенный конфликт интересов), Омской области В. Назаровым (52% не признают его финансовую политику обоснованной).

Несмотря на разоблачительные процессы, участники опросов на ПАСМИ не рассматривают борьбу с коррупцией как эффективную. Отправкой точкой для формирования этого можно считать дело Оборонсервиса. Напомним, что в самом начале этого дела А. Мамонтов в телепередаче «Специальный корреспондент» [5] даже предлагал борьбу с коррупцией рассматривать в качестве национальной идеи. Однако далеко не все участники передачи были настроены так оптимистично. К. Шахназаров фактически предложил не торопиться, апеллируя к исторически практикам проведения кампаний в СССР/России. Возможно, из этого же исходила и часть респондентов ПАСМИ, которые в 2012–2013 гг. в абсолютном большинстве (89%) были убеждены, что А. Сердюкова никогда не арестуют. Примерно такую же картину дает и оценка борьбы с коррупцией на протяжении трех лет. 77% респондентов в 2013 г. отрицали усиление борьбы с коррупцией, 85% в следующем были недовольны антикоррупционной политикой, проводимой руководством страны, в 2015 г. 80% не считают, что В. Путин жестко действует против чиновников-коррупционеров.

Однако следует учитывать и другие факторы оценки противодействия коррупции в РФ, в частности, как СМИ освещают антикоррупционную политику. В 2012 г. 79% участников опроса были этим недовольны, в 2015 г. 81% указали на то, что положительные результаты противодействия коррупции не находят достаточного отражения в mass media.

Серия вопросов на ПАСМИ касалась отношения читателей издания к мерам противодействия коррупции. 87% участвовавших в опросах являются сторонниками ужесточения наказания за коррупцию, 61% полагают, что в России уживется система информирования и доносительства о фактах коррупции, но при этом только 47% поддерживают предложение о том, чтобы государство платило заявителям о ней; 88% не верят, что значительное увеличение зарплаты чиновникам способно снизить коррупционные риски.

Вопросы на Первом антикоррупционном СМИ позволяют выявить серьезные изъяны в правосознании участников опросов. Так, лишь 39% читали ФЗ «О противодействии коррупции» [6]. 57% выступают за увольнение госслужащих, ставших фигурантами коррупционных скандалов, даже если их вина еще не доказана, что противоречит статье 49 Конституции РФ о презумпции невиновности [7]. 70% допускают ограничение хождения наличности в России, что расходится с положениями 8 статьи Основного Закона РФ о свободном перемещении товаров, услуг и финансовых средств.

Таким образом, экспресс-опросы — вещь весьма полезная в «умелых руках», они могут выступать индикаторами настроений пусть не большинства, но его части, помогать выявлять ее «болевые точки», «бреши», работать в направлении их устранения, равно как и совершенствования СМИ собственного инструментария для получения более достоверной информации.

Библиографический список

1. О проекте Антикоррупционный журнал [Электронный ресурс]. URL: <http://askjournal.ru/o-proekte> (дата обращения: 01.11.2015).
2. Национальный Антикоррупционный Совет Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://korupcii.net> (дата обращения: 01.11.2015).
3. Первое Антикоррупционное СМИ [Электронный ресурс]. URL: <http://pasmi.ru> (дата обращения 01.11.2015).
4. Национальный план противодействия коррупции на 2014–2015 годы (утвержден Указом Президента РФ от 11 апреля 2014 г.) [Электронный ресурс]. URL: [http://askjournal.ru... protivodejstviya-korruptcii...](http://askjournal.ru...protivodejstviya-korruptcii...) (дата обращения: 01.11.2015).
5. Специальный корреспондент. 13.11.2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://video.yandex.ru-специальный-корреспондент.13.11.2012-видео> (дата обращения: 01.11.2015).
6. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 05.10.2015) [Электронный ресурс]. URL: <http://referent.ru/1/207342>.
7. Конституция РФ 1993 г. М., 2015.

Н. В. Варакина (Барнаул)

ПОКАЗАТЕЛИ ЭКСКЛЮЗИИ ЛИЦ ПОЖИЛОГО И СТАРЧЕСКОГО ВОЗРАСТА*

Термин «эксклюзия» используется по отношению к людям различного возраста, расы, вероисповедания, имеющим ограничения доступа к тем или иным социальным институтам или благам. Пожилое население в современном мире всё чаще становится дистанцированным от активной жизни, подвергается эксклюзии в различных областях.

* Работа выполнена при поддержке РГНФ в рамках проекта № 15–03–00579 «Социальная эксклюзия лиц старших возрастных групп в современной России» (руководитель – С. Г. Максимова).

Рассматривая факторы, обуславливающие эксклюзию пожилых людей, Ашгар Заиди основную причину видит в исключении старшего возраста из материальных обменов. Джим Огг и Силви Рено анализируют исключенность пожилых из родственных отношений, ограничение и сведение до минимума общения с выросшими детьми, потерю внимания со стороны родственников. Дэвид Филипс и Кевин Ченг в центр внимания ставят трансформацию системы ценностей и мировоззренческих позиций, определяющих отношение к старшему возрасту в современном обществе, включая представления пожилых об их месте и роли в социальных отношениях. Астрид Стакелбергер, Доминик Абрамс и Филипп Частоней рассматривают возрастную дискриминацию как источник эксклюзивных практик, делая акцент на политических решениях по защите прав пожилых людей. Д. И. Сапонов, А. А. Смолькин выделили четыре основных измерения, по которым эксклюзия пожилых может развиваться независимо: семья, социальное окружение, работа, социальная активность. Для каждого измерения отдельно разработаны индексы инклюзии/эксклюзии. В соответствии с современными представлениями об эксклюзии пожилых Д. И. Сапонов, А. А. Смолькин не включили в индекс материальное благосостояние [1].

М. Вольф предлагает следующую классификацию ситуаций социальной эксклюзии.

1. *Эксклюзия от средств к существованию.* Предполагалось, что в 60-х гг. при переходе от крестьянских обществ к индустриальным спрос на рабочую силу будет превышать ее предложение. Однако вышло наоборот. Особенно сильно такого рода эксклюзия проявилась в 80-е гг. в странах Африки и Латинской Америки, где начались значительные структурные изменения. Этот процесс затронул прежде всего людей с высшим образованием и работавших в отраслях, финансировавшихся государством. Инфляция сократила их доходы и заставила отказаться от привычного им жизненного уклада. Для рабочих и «среднего класса» эксклюзия означала инклюзию в мир опасных жизненных стратегий и размывание классовой самоидентификации.

2. *Эксклюзия от социальных услуг, благосостояния и сетей социальной безопасности.* До 1980-х гг. как в бедных, так и в богатых странах росли ожидания относительно социальных прав и услуг, гарантированных государством: права на образование и здравоохранение для всех; социальной безопасности против нужды; права на жилище, безопасное водоснабжение и вывоз отходов и иных гарантий. Результатом урезания ряда социальных услуг по отношению к одним группам населения и сохранения услуг для других становится увели-

чение незащищенных групп, например, одиноких матерей с детьми, увеличивается также число бездомных людей.

3. *Эксклюзия от культуры потребления.* Для значительной части населения эксклюзия означает нищету, нужду и невозможность удовлетворения базовых потребностей в еде и крове. Однако для еще большей части населения эксклюзия от потребления представляет собой более сложную проблему, связанную с доступом к информации о разнообразных и меняющихся нормах потребления. Следствие неосуществленных потребительских стремлений — эксклюзия из сферы общественных услуг и сетей безопасности, а также из сферы политического выбора. В той мере, в какой новые области потребления становятся культурной необходимостью, эксклюзия может быть свойственна группам с любыми доходами.

4. *Эксклюзия из политического выбора.* С одной стороны, в большинстве стран люди могут участвовать в относительно свободных выборах, имеют доступ к различным источникам информации и т. д. Однако в этих условиях эксклюзия из политического выбора не устраняется вследствие олигархических и бюрократических черт политических партий, доверие к которым оставляет желать лучшего. Кроме того, возможности даже самого сильного государства становятся ограниченными по сравнению с господством антигосударственной, ориентированной на рынок идеологией. Обязательства политических лидеров перед избирателями часто отступают на второй план под давлением мировой экономической системы и баланса сил в собственной стране. Результаты такого рода эксклюзии из политического выбора могут варьировать от политической апатии до насильственных реакций.

5. *Эксклюзия от массовых организаций и солидарностей.* Организации и менее формально выраженные формы солидарности, с помощью которых люди борются за преодоление эксклюзии, основаны на следующих факторах: желании контролировать источники средств существования (профсоюзы, крестьянские объединения, ассоциации торговцев и т. д.); стремлении удовлетворить свои потребительские предпочтения и потребности в кредите (кооперативы, кредитные союзы и т. д.); отношении к государственным услугам и услугам муниципальных или добровольных организаций (ассоциации родителей, пенсионеров и т. д.); принадлежности к местным территориальным сообществам; желанию в религиозных и этнических идентичностях. Незащищенность и нестабильность массовых организаций ограничивают возможности реализации социальных нововведений и способствуют формированию эксклюзии для значительных групп населения.

6. *Эксклюзия от возможности понимания происходящего.* Становление «информационного общества» порождает специфическую форму эксклюзии, связанную с «шоком со стороны будущего» (О. Тоффлер). Для одних «информационное общество» означает максимально широкий выбор жизненных стилей, гендерной и возрастной идентификации [2]. Для других это влечет за собой усложнение стратегий выживания и возрастание рисков. Значительная часть населения довольствуется сообщениями о спортивных событиях, частной жизни знаменитостей при практическом отсутствии по-настоящему тревожной информации [3].

Безусловно, специфика социальной среды (пространства) в целом влияет на состояние социальной эксклюзии пожилых и выбор наиболее адекватных существующим социальным проблемам способов ее преодоления. С изменением общества претерпевают изменения и его социальная структура, и механизмы интеграции и дифференциации, и система ценностей, и, соответственно, границы социального жизненного потока, выступающего фарватером социальной деятельности. Следовательно, не проанализировав социальный контекст, мы не в состоянии понять особенности социальной эксклюзии и выбор способов. Анализ особенностей современного общества в частности позволяет объяснить роль самореализации в преодолении социальной эксклюзии пожилых.

Термин «социальная эксклюзия» встречается в социально-философской литературе крайне редко и существуют затруднения с его определением, то рассмотрение социальной эксклюзии требует обращения к проблеме «отчуждения». Использование теории отчуждения позволяет «открыть» проблему социальной эксклюзии с онтологической точки зрения [4].

Если социальная эксклюзия предстает перед нами как процесс исключения из общества, основанный на социальной практике, т. е. закрепленный в социальных стереотипах и нормах, институционально закрепленный, то «отчуждение» представляет собой такое состояние человека, в котором он утрачивает чувства связи или реальные отношения с окружающими людьми, с обществом или даже с природой. Это состояние бытийной оторванности человека от того, что некогда было ему близко, дорого и необходимо. При этом человек ощущает дискомфорт, потерянность (а часто и страдание), нарушается ритм его жизни. Отчуждение может охватывать не только индивида, но и целые группы людей, отдельные социальные слои, классы и если широко распространяются дискомфортные условия существования, большие группы людей оказываются ненужными существующему обществу [5].

Иными словами, социальная эксклюзия фиксирует в большей степени механизм социальных связей и отношений между обществом и человеком, а «отчуждение» сущность этих связей и отношений.

Библиографический список

1. Сапонов Д. И., Смолькин А. А. Социальная эксклюзия пожилых: к разработке модели измерения // Мониторинг общественного мнения. 2012. № 5.
2. Смирнова Т. В. Пожилые люди: стереотипный образ и социальная дистанция // Социологические исследования. 2008. № 8.
3. Замятина О. Н. Культура ценностных ориентаций студентов как показатель социальной эффективности региональной системы высшего образования // Социальная политика и социология. 2007. № 1.
4. Ноянзина О. Е., Гончарова Н. П., Максимова С. Г. Элементы социальной исключенности на региональном рынке труда: особенности экспертного восприятия // Известия Алтайского государственного университета. 2014. № 2/1 (82).
5. Микляева А. В. Возрастная дискриминация как социально-психологический феномен: монография. СПб., 2009.

Н. П. Гончарова (Барнаул)

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОСТСОВЕТСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ГОРНЫХ РЕГИОНАХ ЮЖНОЙ СИБИРИ*

Проблемы природопользования в мировой и российской науке активно обсуждаются с конца 1960-х гг., когда влияние человека на природные экосистемы достигло критической точки вследствие серьезного загрязнения окружающей среды [1]. История природопользования — это история хозяйственного освоения территории, ее ресурсно-сырьевого потенциала с анализом происходящих изменений в состоянии природной среды. Как отмечает Е. С. Волкова, характер природопользования напрямую зависит от типа хозяйственной деятельности, которая ведется на территории в конкретный историче-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта № 14–05–00650 «Постсоветские трансформации систем горного природопользования Южной Сибири».

ский отрезок и трансформируется вместе с развитием общественно-экономической системы [1]. Трансформация — это преобразование, количественно-качественные изменения системы природопользования, приводящие к смене преобладающего вида природопользования, перестройке всех его компонентов: правового, экономического, территориального и экологического [2].

В приграничных территориях, расположенных на стыке государственных и природных границ, все процессы, в том числе природно-экологические, протекают более разнообразно и представляют огромный потенциал для их экономического развития. Именно к таким территориям относятся российские регионы Южной Сибири, в частности Алтай, который объединяет территории Республики Алтай и Алтайского края, отличающиеся аграрной направленностью экономики [3].

Важнейшим природным фактором формирования и развития культурных ландшафтов Алтая является прежде всего его горный рельеф. Горные территории влияют на хозяйственную жизнедеятельность человека особенно ярко [4]. На протяжении нескольких тысячелетий на территории Алтая с ее специфическими природными условиями складывалась максимально адаптированная к ним система природопользования.

Под системами традиционного природопользования мы вслед за Д. А. Дириным понимаем территориально локализованные совокупности форм, приемов и принципов устойчивого взаимодействия местных сообществ и природной среды их обитания, сложившиеся в результате эволюционной адаптации населения к природным условиям территории и передающиеся от поколения к поколению в виде традиций хозяйственной деятельности [5].

Система природопользования, основанная на кочевом животноводстве с подсобной ролью охоты, была сформирована на рассматриваемой территории не менее двух тысяч лет назад и вплоть до начала XX в. практически не менялась. В советское время на Алтае коренным образом изменилась организация природопользования, что было связано с отменой частной и общинно-родовой собственности на землю и переводом населения к оседлости, а также с коллективизацией хозяйства в 1930-е гг. Постсоветские трансформации систем горного природопользования связаны с распадом большинства коллективных хозяйств и невозможностью формирования на их месте крупных бизнес-структур в силу особенностей природных условий данной территории. В таких условиях наиболее рациональным выходом для местного населения стало возвращение к малозатратным по своей сути традиционным формам хозяйствования на базе частной собствен-

сти и формирования общественных (часто семейно-родовых) бригад в целях совместного ведения хозяйственной деятельности [5].

Социологические исследования трансформации систем горного природопользования с применением опросных методов (анкетирования, нарративных интервью), анализа документов, наблюдения, ретроспективного анализа в совокупности с географическими и историческими методами позволят изучить пространственные, функциональные и социально-психологические аспекты в динамике систем природопользования рассматриваемой территории.

В ходе исследования «Постсоветские трансформации систем горного природопользования Южной Сибири» (проект РФФИ № 14–05–00650) на первом этапе для выявления особенностей территориальной организации и функционирования современных систем природопользования, а также тенденций и факторов их трансформации с точки зрения непосредственных участников этого процесса были разработаны анкета и гайд нарративного интервью, составлены карточки невключенного наблюдения, которые призваны характеризовать особенности современного быта населения исследуемой территории, фиксировать проявления в них традиционных и инновационных аспектов природопользования.

На втором этапе социогеографического исследования в ходе экспедиционных работ были проведены полевые исследования на территории Республики Алтай — осуществлялся сбор фактического материала относительно особенностей организации природопользования в разных ландшафтных условиях и интервьюирование местных жителей ($n = 200$). Интервью проводилось с представителями различных этнических групп на обследуемой территории. В проекте опрашивались представители местных сообществ, выделяющиеся особой организацией расселения и хозяйства.

Анализ предварительных результатов исследования показал, что за последние 20 лет образ жизни местного населения изменился — появились новые автоматизированные технологии, пришедшие на смену ручному труду, изменился сам уклад жизни. Все активнее стали применяться новые способы хозяйствования с применением новой техники: трактора, машины, сенокосилки. Местное население сегодня занимается такими видами хозяйственной деятельности, как скотоводство (85,7%), рыболовство (28,6%), торговля (28,6%), охота (14,3%) [6].

Традиционным и приоритетным видом хозяйства в районе испокон веков является скотоводство, что со временем не изменилось. Тем не менее в настоящее время скотоводство — это в основном тра-

диции, нежели источник дохода. Сегодня в районе развиваются фермерские хозяйства, строительство, торговля, производство кирпича и кумыса. Последнее десятилетие активно развивается туристическая деятельность [6].

Обработка полученных экспедиционных материалов позволила выявить некоторые особенности современного природопользования в исследуемых участках. Были сделаны предварительные выводы относительно некоторых тенденций постсоветских трансформаций систем природопользования. Например, на рассматриваемой территории отмечается возвращение к традиционным способам хозяйствования и семейно-родовым хозяйственным бригадам после распада крупных коллективных хозяйств; внедрение нетипичных отраслей хозяйства (например, обслуживание туристов); смена хозяйственной специализации в соответствии с рыночной конъюнктурой (например, распространение мараловодства на месте овцеводческих хозяйств Алтая); учащение игнорирования правил рационального природопользования (например, несоблюдение пастбищеоборотов во многих животноводческих хозяйствах и особенно в личных подсобных хозяйствах) и др.

Библиографический список

1. Волкова Е. С. Трансформация региональной системы природопользования в Западной Сибири: историческая ретроспектива // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. Вып. №9 (99).
2. Шарабарина С. Н. Трансформация системы землепользования алтайской курортно-рекреационной местности // Ползуновский вестник. 2011. №4/2.
3. Краснаярова Б. А. Пространственно-динамические процессы взаимодействия алтайских регионов // Вестник АРГО. 2014. №3.
4. Дирин Д. А. Факторы культурогенеза и формирования культурных ландшафтов Алтая // Известия Алтайского государственного университета. 2011. №3/2.
5. Дирин Д. А., Браун Н. К. Трансформационные процессы в природопользовании коренного населения Юго-Восточного Алтая // Известия Алтайского государственного университета. 2013. №3/2 (79).
6. Гончарова Н. П., Дирин Д. А. Трансформация этнокультурных ландшафтов и систем горного природопользования Алтая в оценках жителей Кош-Агачского района // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. Вып. 7 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2015.

Н. С. Догадаева (Санкт-Петербург)

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ

Глобальные проблемы, вставшие перед человечеством в период мирового кризиса, обуславливают необходимость выработки альтернатив моральных, социальных, экономических траекторий исторического пути цивилизации, переориентации всех видов жизнедеятельности человека, кардинального изменения мировоззрения, выхода за границы технократически ориентированных ценностей и идеалов.

Новые технологии современного мира изменяют стиль жизни людей, способствуют расцвету частного сектора, быстрой урбанизации. Укрепляется гражданское общество, развивается демократия. Страны, которые воспользовались этими тенденциями, совершили скачок вперед, остальные остались в стороне от интеграции. Новыми путями развития человечества становятся императивы экологической безопасности, социальной справедливости, демократического устройства и экономического благополучия. Новые гуманистические идеалы ориентированы на обеспечение жизнеспособности, самодостаточности и социальной справедливости общества.

Россия, находясь в русле процессов глобализации, также вступила на дорогу модернизации. Безусловно, что это не просто выбор, а требование современности. Вместе с тем, основываясь на мнениях многих отечественных авторов, важно отметить условия успеха социальных преобразований в нашей стране, к ним прежде всего относятся: опора на культурные традиции и ценности страны, ее народов; социальность развития, его человеческое и социальное измерение; глубокое понимание и уважение характера жизни народа, его норм и традиций, ценностей и морали, которыми руководствуется в своей жизни большинство; ответственность государства за судьбы Отечества; гармоничная интеграция частных и общественных интересов [1, с. 4].

Перечисленные обстоятельства относятся преимущественно к условиям социо- и политико-культурного характера, затрагивают аспекты культурной основы процессов модернизации. В связи с данными положениями возникает проблема соответствия данных условий цивилизационному и социокультурному коду общества. Например, А. Вебер указывает, что инновационная экономика может сформироваться только в определенном социокультурном контексте, который предполагает свободу личности, творческую свободу, соревновательность и т. п. А в современной России эти культурные предпо-

сылки модернизации находятся на достаточно низком уровне. Трудно рассчитывать на модернизацию общества без социальных инноваций, поднимающих уровень культуры, нравственности, возвышающих человека [2, с. 136–137].

Специалисты Всероссийского Центра изучения уровня жизни под руководством В. Н. Бобкова предлагают в целях социального развития и построения социального государства принятие и реализацию Социальной доктрины РФ, опирающейся на национальную и культурную идентичность ее народов и ориентированной на вхождение нашей страны в число стран-лидеров по ключевым показателям качества и уровня жизни в течение жизни двух-трех поколений.

По оценке директора Института социально-экономических проблем народонаселения РАН А. Ю. Шевякова, в основе социального развития в России лежат ложные парадигмы и мифы о том, что по мере экономического роста будут автоматически создаваться возможности для успешного решения социальных проблем и повышения уровня жизни большинства населения. Таким образом, по мнению ряда исследований в нашем обществе наблюдается тенденция к дезинтеграции, к разрушению основы общественного целого — солидарности. Многие особенности российского сознания и социальной культуры объективно усложняют задачи модернизации: слабая организованность, невысокая ценность производительного труда, низкая культура социального компромисса и др. Надо отметить также традиционное отсутствие у российского политического класса необходимых качеств рациональности и социальной ответственности, что приводит к излишней бюрократизации, росту коррупции и клиентелизму.

К сожалению, социальный субъект российской модернизации еще не сформировался, деятельность государства в управлении экономическими и социальными процессами, системе социальной защиты в недостаточной степени подкрепляются частной инициативой, институтами гражданского общества. С одной стороны, анализ содержания документов, принимаемых на уровне государства свидетельствует о его желании решать задачи развития практически во всех отраслях социальной сферы: здравоохранении, науке и культуре, социальной защите и сфере жилья, труде и занятости, сфере демографии и т. д. В то же время в сути намечаемых реформ и изменений можно заметить признаки попыток переложить вопросы социального развития на самих граждан, ограничившись адресными мерами помощи слабым слоям.

Современная модернизация предполагает запуск комплексного социокультурного процесса, в котором управленческие и технологиче-

ские решения подчинены гуманитарным целям, а гуманитарные цели соотнесены с экономическими задачами [3, с. 392]. Можно предположить, что основными ценностями, способствующими модернизации, являются ценности самоотдачи и открытости, то необходимо осуществлять и меры по их укреплению начиная с молодого поколения.

Библиографический список

1. Скворцов И. П. О социокультурных аспектах модернизации современной России // Теория и практика общественного развития. URL: http://teoriapractica.ru/rus/files/arhiv_zhurnal/2011/4/fil%D0%BEs%D0%BEfy%D0%B0/skvortsov.pdf (дата обращения: 14.11.2015).

2. Вебер А. Б. Проблема ценностных ориентиров развития // Теория и политика инновационного развития и инновации в политике: круглый стол журнала «Полис» и Института социологии РАН // Полис. 2010. № 5.

3. Шепелева С. В. Социальное самочувствие: междисциплинарный подход. // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. Вып. 6 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2014.

С. Г. Максимова, О. Е. Ноянзина (Барнаул)

МОДЕЛИ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ*

В конце XX столетия в российском обществе произошли значительные социально-экономические и политические преобразования. Вся система общественных отношений существенным образом обновилась, произошло ее реформирование. Это, безусловно, актуализирует исследовательский интерес к вопросам воспроизводства и формирования гражданской идентичности не только малочисленных народов, но и всего населения нашей многонациональной родины. Трансформационным процессам подверглась не только экономическая основа российского общества, но и идеологическая, что обусловило необходимость поиска и конструирования новой, несоветской идентично-

* Публикация подготовлена в рамках гранта РФФИ № 14-06-00196 «Математико-статистический анализ конструирования ментальных репрезентаций «образа другого»» (2014–2016).

сти населения страны как на теоретическом уровне, так и в практической деятельности.

Вопросы формирования гражданской идентичности личности отражены в работах, посвященных роли государства в становлении личности гражданина и гражданского общества; роли церкви в развитии гражданского общества в России, значению СМИ как механизма формирования гражданского типа личности и др. [1–3].

Отечественная научная мысль отражает вопросы становления гражданской идентичности чаще всего как односторонний процесс, который направляется государством. При этом остаются слабо проработанными вопросы, касающиеся взаимосвязи личностных и институциональных механизмов формирования гражданской идентичности. В современном глобальном обществе вопросы становления гражданской идентичности являются первоочередной задачей для самой личности.

Изучение механизма формирования гражданской идентичности населения чрезвычайно актуально на сегодняшний день. Такую актуальность «подогревают» не только общемировые тенденции развития социальных и политических систем, но и специфические условия новой российской государственности.

В современных социально-политических системах важным функциональным элементом является именно формирование гражданской идентичности. Соответственно, для того, чтобы обеспечить стабильное функционирование и самовоспроизводство социально-политических систем, необходимо обеспечить целенаправленность действий в сфере формирования гражданской идентичности. На общемировом пространстве проблемы гражданской идентичности «подогреваются» как социально-политическими последствиями глобализации, кризисом наций-государств, так и усилением процессов региональной интеграции, проблемами в функционировании демократических институтов.

Значительная трансформация российского общества и государства, вызвавшая радикальные перемены социальной реальности, усиливает актуальность вопросов формирования гражданской идентичности в современной России. Социально-политические трансформации порождают определенный «кризис идентичности», существенное место в котором занимает кризис гражданской идентичности, последствиями которого можно назвать изменения гражданского становления разных поколений [1].

Основу гражданской идентичности составляет общественная потребность в интеграции, которая достигается путем приобще-

ния к ценностям и целям конкретного социума. Эти цели и ценности можно выразить через такие ценностные символы, как Родина, страна, государство. Однако эти символы могут быть наполнены конкретным содержанием только через социокультурный контекст. При этом ценностная система общества способна обновиться гораздо медленнее, чем произойдет обновление социальных институтов. Тот факт, что ценностные изменения «запаздывают», существенно затрудняет процесс социализации, в рамках которого решаются основные проблемы формирования гражданской идентификации, прежде всего молодого поколения.

Основным вектором развития социального механизма формирования гражданской идентичности можно назвать процесс демократизации влияния на гражданское становление личности институтов государства и гражданского общества.

В процессе становления и развития российской государственно-сти важно учитывать не только гражданские качества личности. Необходимо также уделять внимание тому, как выполняются гражданские обязанности, особенно когда речь идет о формировании представительных органов власти. Также ценностью представляет такой фактор развития российской государственности, как социальная активность граждан, их участие в деятельности муниципальных органов власти, в общественных организациях, и в целом в процессе формирования гражданского общества в России [1].

В связи с вышесказанным изучение социального механизма формирования гражданской идентичности, нахождение потенциальных путей оптимизации этого механизма, повышение его эффективности с помощью оптимально скоординированных усилий институтов государства и гражданского общества до сих пор остается актуальнейшей задачей.

По мнению отдельных отечественных исследователей, социальный механизм формирования гражданской идентичности можно считать более или менее устойчивой системой взаимосвязанных и последовательных действий государственных институтов и других социально-политических субъектов, методов и способов формирования патриотизма и других гражданских черт личности, а также идентификации индивида с государством.

По мнению Н. В. Павловой и Г. И. Степанова, проблема формирования гражданской идентичности — одна из приоритетных функций высшего образования. Концепция подготовки современных специалистов включает приобщение студента к фундаментальным культурным ценностям и нормам гражданской жизни; формирование от-

ветственной личности, способной осуществлять рациональный выбор в сложных условиях; воспитание гражданина, живущего в правовом государстве [4].

Однако в процессе формирования гражданственности молодежи могут возникнуть следующие трудности:

- невозможность реализовать свой творческий потенциал из-за отсутствия необходимых социальных условий (усиление социального расслоения, сокращение потребности в рабочей силе, неуверенность в завтрашнем дне);
- пассивность, отчуждаемость, индифферентность, потребительство молодых людей;
- невостребованность высокоинтеллектуального труда;
- низкий уровень социальной защищенности молодежи, который выражается в трудностях материального и бытового порядка;
- разорванность мировоззренческих установок.

Государственная же идентичность, полагает Л. М. Дробижева, формируется значительно проще. Волей лидера политическая элита через средства образования и СМИ оформляет, распространяет и закрепляет в официальных документах государственные знаки и символы, воздействуя тем самым на общественное сознание. Намного сложнее с формированием *гражданского самосознания*, чувством общности с гражданами, солидарности вокруг ответственности за свою судьбу и жизнь окружающих. Различение государственного самосознания, идентичности (иногда его называют государственным) и гражданского только начинается [5–7].

Сложность состоит в том, что в консолидирующих факторах и государственной и гражданской общности много общего. Повседневное, массовое сознание воспринимает государство не только как властные учреждения по управлению, или силовые структуры, которые обеспечивают охрану порядка, защиту границ, но и как страну, образ которой начинает формироваться в семье, затем в школе и в кругу неформального общения, а также подкрепляется средствами массовой информации.

Таким образом, и сама государственная идентичность — сложный конструкт, включающий представление о стране. И именно эти представления более всего пересекаются при идентификации людей с гражданами России, ибо и общее историческое прошлое и культурное достояние — *консолидирующие факторы гражданской идентичности*. Однако гражданская идентичность включает и отличающие именно ее характеристики. В кросскультурных

сравнительных международных исследованиях *гражданская идентичность*, самосознание измеряются принятием респондентами позиции ответственности за судьбу граждан страны, готовностью действовать во имя их интересов, доверием к окружающим, участием в политических акциях (например, выборах), чувством солидарности.

Можно выделить целый ряд факторов, влияющих на проявление и формирование гражданской идентичности индивидов, среди которых:

- сохранение идентичности «советского» человека со смещением в ностальгию (что не дает сформироваться новой российской гражданской идентичности), необходимость интеграции, переосмысления советского прошлого;
- актуальные политические события: стимуляция гражданской солидарности и формирования гражданской идентичности;
- формирование гражданской идентичности преимущественно «сверху»: политическая воля, политический курс, но — недоверие населения к власти, формализация процесса формирования гражданской идентичности (все «на словах», в виде лозунгов);
- гражданское и патриотическое воспитание в школе;
- деятельность общественных организаций, развитие гражданского общества (все, что ему мешает, автоматически препятствует формированию гражданской идентичности);
- проблема «регионализации» — доминирования местных интересов над общероссийскими, региональной идентичности над общегражданской «на местах»;
- проблема бесконфликтного «совмещения» гражданской и этнической идентичности: этническая идентичность более эмоционально заряженная и «сильная», легко актуализируется и доминирует над гражданской [8, 9].

В рамках проекта РФФИ № № 14–06–00196 «Математико-статистический анализ конструирования ментальных репрезентаций «образа другого»» было проведено исследование ментальных репрезентаций «образа другого» в социальных представлениях населения России (на основе психосемантического исследования), в ходе которого опрошено население различных возрастных и национальных групп двух регионов — Алтайского края, республики Алтай — 400 респондентов (по 200 респондентов в возрасте 15–75 лет в каждом регионе). Основная цель исследования заключалась в изучении моделей формирования гражданской идентичности.

Характеристика выборочной совокупности

В Алтайском крае в исследовании приняло участие 212 респондентов, из которых 59,4% проживали в городе Барнауле, 40,6% — в селе, в том числе 14,2% — в Кытмановском районе, 13,7% — в Солонешенском районе, 12,7% — в Усть-Пристанском районе. Было опрошено 46,2% мужчин и 53,8% женщин, что отражало пропорции населения, существующие в генеральной совокупности. Возраст респондентов в соответствии с дизайном выборочной совокупности варьировал от 15 до 75 лет, средний возраст составил 41,9 года. Распределение респондентов по возрастным категориям было следующим: 27,6% — возраст 15–29 лет, 35,2% — 30–49 лет и 37,2% — 50 лет и старше. В ходе анализа национальной идентификации респондентов выяснилось, что 86,3% идентифицировали себя с русскими, 2,4% отказались отмечать свою национальность, оставшиеся 11,3% выбрали другие национальности, в том числе 9,9% — армянскую, по 0,5% — немецкую, украинскую и аварскую.

В Республике Алтай в исследовании приняли участие 200 респондентов, из которых 24,6% проживали в городе Горно-Алтайске, 75,4% — в селе, в том числе 27,8% — в Майминском районе, 16,5% — в Чемальском районе, 15,3% — в Чойском районе и 15,8% в Шебалинском районе. Было опрошено 45,9% мужчин и 54,1% женщин, что отражало пропорции населения, существующие в генеральной совокупности. Возраст респондентов в соответствии с дизайном выборочной совокупности, варьировал от 15 до 75 лет, средний возраст составил 40,49 года. Распределение респондентов по возрастным категориям было следующим: 25,7% — возраст 15–29 лет, 41,5% — 30–49 лет и 32,8% — 50 лет и старше. В ходе анализа национальной идентификации респондентов, выяснилось, что 64,5% респондентов считали себя русскими, 35,5% представляли другие национальности: 21,3% — алтайцев, 4,4% — казахов, 3,8% — кумандинцев, 1,1% — тубалар. Незначительная часть респондентов (2,7%) имела смешанную идентичность (в основном русских и алтайцев, русских и казахов), 2,2% респондентов отказались отмечать свою национальность.

Анализ и обработка данных исследования социальных представлений и установок гражданской идентичности проводился в несколько этапов.

На первом этапе исследования на основе анализа средних значений показателей и характеристик гражданской идентичности, их выраженности относительно среднего по шкале были составлены общие профили ролевых позиций гражданской идентичности.

Роли с позиций гражданской идентичности: Я — гражданин; Идеальный гражданин; Обычный гражданин России; Житель моего региона; Гражданин мира (космополит).

Для оценки ролей были разработаны набор дескрипторов, представляющие биполярные шкалы, описывающие эмоционально-оценочные характеристики образа, особенности менталитета, характеристики национальной культуры, поведенческие характеристики межэтнических и межкультурных взаимодействий, особенности социального восприятия образов с позиции самоидентификации респондента.

На втором этапе с помощью однофакторного дисперсионного анализа выявлялись различия в средних значениях по шкалам (дескрипторам) по ролевым позициям. Для оценки статистической значимости различий между парами средних значений использовались апостериорные *post hoc* тесты. На третьем этапе на основе усредненных значений исследовались латентные факторы, обуславливающие восприятие ролевых позиций представителями различных возрастных и национальных групп. Вначале проводился анализ корреляционных взаимосвязей между ролевыми позициями и дескрипторами, позволяющий выявить семантические близости и ассоциации, которые могли бы составить основу латентных факторов, обуславливающих восприятие категорий гражданственности. Использовался иерархический кластерный анализ для переменных, в качестве меры близости использовался коэффициент корреляции Пирсона. Далее с помощью метода главных компонент и варимакс-вращения проводился факторный анализ, значения факторов были сохранены как отдельные переменные по методу регрессии. На четвертом этапе на основе выделенных факторов и проекции элементов были построены семантические пространства, описана специфика социальных установок и представлений у возрастных и национальных групп. Для статистической обработки и визуализации результатов применялась программа IBM SPSS 20.0, MS Excel статистическое программное обеспечение R [10–12].

Результаты кластерного и корреляционного анализов при оценке гражданской идентичности показали, что между определенными группами ролевых позиций и дескрипторов есть значимые взаимосвязи, означающие существование латентных переменных (факторов), обуславливающих восприятие гражданских ролей и выступающих в качестве смысловых детерминант гражданской идентификации. В ходе анализа корреляционных взаимосвязей между ролевыми позициями на транспонированных данных было выявлено, какие

из них воспринимаются сходным образом в свете смысла, закладываемого определенным набором дескрипторов. Так, позиция «Я гражданин» оказалась статистически взаимосвязанной со всеми ролевыми позициями, причем наиболее сильно с позициями «Гражданин моего региона» (0,92) и «Обычный гражданин России» (0,89). Позиция «Идеальный гражданин» имеет статистическую взаимосвязь с позицией «Гражданин мира» (0,75) и «Я гражданин» (0,76). Таким образом, образованы две группы ролевых позиций, воспринимающихся сходным образом, причем первая из них (я гражданин — гражданин моего региона — обычный гражданин региона) максимально схоже описываются предложенными дескрипторами, характеризующими гражданскую идентичность.

В результате факторного анализа, проведенного на общей выборке агрегированных данных, было выделено три значимых фактора, описывающих 74,7, 16,1 и 5,3% дисперсии переменных (в совокупности 96,1%), включенных в модель.

В первый фактор ($\lambda = 16,4$) с высокими положительными нагрузками ($\alpha > 0,7$) вошли такие переменные, как гордость настоящим своей страны, правовая грамотность, борьба с нарушением прав человека, социальный оптимизм, знакомство с историей страны, доверие к власти, электоральная активность, наличие политических убеждений, общественная активность, привязанность к малой родине, использование национальной символики. Отрицательный полюс переменной задавался дескриптором толерантности к различным мнениям по отношению к России, ее народу. Смысл фактора заключается в положительной или отрицательной оценке внешней общественно-политической и гражданской активности. Во второй фактор ($\lambda = 3,6$) с максимальными нагрузками в диапазоне 0,77–0,99 вошли переменные эмоционального отношения к собственной гражданственности и рационального/потребительского отношения к гражданству: ощущение связи с другими жителями страны, законопослушность, гордость общим историческим прошлым, готовность встать на защиту отечества, отрицательный полюс фактора задан переменными, описывающими миграционные намерения, и приверженность коллективизму/индивидуализму. Положительный полюс третьего фактора ($\lambda = 5,2$) описывают переменные самостоятельности, использования национальной атрибутики.

Семантическое пространство построено по координатам факторных значений для ролевых позиций по двум первым факторам (общественно-гражданская активность и эмоциональность отношения к стране/гражданству). Геометрическая конфигурация (расположе-

ние) ролевых позиций позволяла оценить сходство восприятия групп с разными гражданскими идентичностями в свете представлений и смысла, задаваемого главными факторами — фактором «когнитивно-деятельностного отношения к гражданственности» и фактором эмоциональной привязанности к родине и ее народу.

Так, в зоне положительных значений по обоим факторам располагались ролевые позиции «Обычный гражданин» и «Гражданин моего региона». С учетом того, что изначально негативные оценки дескрипторов задавались наивысшими значениями, то эти две роли рассматриваются нами как максимально далекие от проявлений общественной и гражданской активности и положительных эмоций по отношению к своей стране и готовности беззаветно служить родине, ничего не требуя взамен и стоять на защите ее интересов. Соответственно, симметричное положение ролевой позиции «Идеальный гражданин» в зоне отрицательных значений по обоим факторам свидетельствует о максимальной отдаленности позиции от негативного отношения к своей стране, в том числе и на уровне деятельности, отчуждения от системы общественно-политической деятельности.

Ролевая позиция «Я гражданин» в нашем семантическом пространстве расположилась в зоне отрицательных значений по оси второго фактора и положительных — первого. Это характеризует эту ролевую позицию выраженным позитивным эмоциональным отношением к своей стране, ее истории и готовности служить ей и защищать, но при этом описывает пассивность в сфере общественно-политической и гражданской активности. Гораздо более активной, деятельностной, осведомленной в сфере и имеющей опыт разнообразной гражданской активности, но при этом не имеющей тесных эмоциональных связей с родиной и низкой готовностью встать на защиту ее интересов в социальных представлениях, выступает позиция «Гражданина мира».

Семантическое пространство ролевых позиций относительно гражданской идентичности, присущее возрастной группе 15–29-летних респондентов, имело свою специфику. Смысл ролевой позиции «Обычный гражданин России» располагается в зоне отрицательных значений по шкале эмоционального отношения к собственной гражданственности и низких проявлений гражданской активности и активной жизненной позиции, образ «Гражданин моего региона» связан с более негативными оценками как по шкале привязанности к малой родине, так и по уровню проявлений общественно-политической активности. Гражданская идентичность «Идеальный гражданин» в социальных представлениях молодежи Алтайского края ассоциирует-

ся с максимальным проявлением привязанности и позитивным ассоциальным отношением к своей стране и народу и высоким уровнем гражданского акционизма. Позиция «Я гражданин» в представлениях молодых людей расположена в зоне достаточно высокой общественно-политической активности и невыраженной эмоциональной привязанности к малой родине, рационализации чувства патриотизма.

Семантическое пространство ролевых позиций относительно гражданской идентичности, свойственное группе 30–49-летних, в целом повторяет оценки молодежи в отношении ролевых позиций «гражданин мира» и «идеальный гражданин». Позиция «Обычный гражданин» при отрицательных значениях переменных гражданской активности обладает более выраженными характеристиками гражданской активности и эмоционально негативного отношения к стране. Ролевая позиция «Я гражданин» в представлениях граждан среднего возраста окрашена более негативными оценками привязанности к малой родине и стране в целом.

Семантическое пространство ролевых позиций относительно гражданской идентичности, свойственное группе 50–75-летних, наполнено не схожими с общими оценками ролевых позиций и социальных представлений более младших групп смыслами. Так, при схожем оценивании смыслов позиций «Гражданин мира» и «Идеальный гражданин» позиция «Я гражданин» выражено оценивается как более социально и граждански активная при невыраженном негативном ассоциальном оценивании связей со страной и народом, а позиция «Гражданин моего региона» мыслится как не выражено, но тем не менее активная в гражданском отношении позиция «Обычный гражданин России» хотя и наполнена негативными эмоциональными оценками, представляется как нейтральная в поведенческом отношении.

Подводя итог сказанному, следует сделать вывод, что на современном этапе становление гражданской идентичности характеризуется такими чертами, как осознанная необходимость существования объединяющих ценностей, которые основаны на принципах духовности, патриотизма, правовой культуры; социальная зрелость личности; способность признать активную роль государства в процессе структурирования гражданской сферы общества; воспитание самостоятельности и предприимчивости; развитие умений целенаправленно действовать в меняющейся экономической и социально-политической среде.

До тех пор, пока государство будет продолжать инициировать развитие гражданского общества, пока гражданская идентичность личности формируется «сверху», гражданина (по документам, de

jure) нельзя назвать «настоящим» гражданином (de facto). В российском обществе гражданином считается тот, кто является носителем гражданских прав и обязанностей. При этом для личности все-таки остается открытым вопрос о том, что значит быть и как стать гражданином.

Вместе с тем процесс формирования гражданской идентичности предполагает более широкое партнерство между институтом гражданского общества и властью, определенную долю постоянного участия граждан в политическом процессе. Без формирования гражданской идентичности вряд ли возможно говорить о реально действующем гражданском обществе.

Библиографический список

1. Юшин М. А. Политические механизмы формирования гражданской идентичности молодежи в современной России : дис. ... канд. полит. наук. Тула, 2007.

2. Максимова С. Г., Гончарова Н. П., Ноянзина О. Е., Авдеева Г. С., Омельченко Д. А. Патриотизм и национализм: ментальные репрезентации и поведенческие стратегии населения современной России : монография / под общ. ред. С. Г. Максимовой. Барнаул, 2013.

3. Максимова С. Г., Авдеева Г. С., Ноянзина О. Е., Максимов М. Б., Омельченко Д. А. Социально-экономические условия формирования патриотических установок и гражданской идентичности в Алтайском крае // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2015. № 2 (124).

4. Павлова Н. В., Степанов Г. И. Формирование гражданской идентичности как социального механизма становления гражданского общества [Электронный ресурс]. URL: <http://protestirui.ru/2012-12-21-17-01-44/111> (дата обращения: 01.12.2015).

5. Дробижева Л. М., Аклаев А. Р., Коротеева В. В., Солдатова Г. У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х гг. М., 1996.

6. Дробижева Л. М. Российская и этническая идентичность: противостояние или совместимость // Россия реформирующаяся. М., 2002.

7. Дробижева Л. М. Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность // Этнические, религиозные и гражданские идентичности в современной России / под ред. В. С. Магуна. М., 2005.

8. Попов Е. А., Максимова С. Г. Гражданское общество в современной России: региональное измерение // Право и политика. 2012. № 7.

9. Максимова С. Г., Гончарова Н. П., Ноянзина О. Е. Социально ориентированные некоммерческие организации в Российской Федера-

ции: состояние и перспективы развития : монография / под общ. ред. С. Г. Максимовой. Барнаул, 2013.

10. Максимова С. Г., Ноянзина О. Е., Гончарова Н. П. Социально-экономические критерии выбора стратегии социологического исследования регионов // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2013. № 4 (102).

11. Максимова С. Г. Методологические подходы к анализу ментальных репрезентаций «образа другого» // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. Вып. 7 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2015.

12. Omelchenko D., S. Maximova, Noyanzina O., Goncharova N., Avdeeva G. National Identity and Patriotism among Russian Youth: Representations, Feelings and Actions // Asian Social Science. 2015. T. 11. № 6.

И. А. Жилыева (Барнаул)

ОРГАНИЗАЦИЯ НЕЗАВИСИМОЙ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ УСЛУГ НАСЕЛЕНИЮ

Одним из основных факторов развития Российской Федерации является достижение общественно значимого результата, который выражен в виде повышения качества жизни граждан. Повышение качества жизни граждан обусловлено уровнем удовлетворения актуальных для них потребностей, а также возможностью граждан пользоваться системой социальных услуг, включающих в себя информационные, правовые, транспортные, культурные, образовательные, медицинские и другие услуги. В этой связи в рамках социальной политики Российской Федерации особое значение приобретают меры по повышению уровня и качества жизни населения, улучшению демографической ситуации, модернизации здравоохранения и других отраслей социальной сферы в целях обеспечения доступности качественных социальных услуг лицам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации [1].

В Послании Президента Российской Федерации Федеральному собранию 12 декабря 2013 г. заявлено о том, что «важнейшая задача — создание системы независимой оценки качества социальных учреждений» [2].

По данным Росстата в социальной сфере (культура, социальное обслуживание, образование, охрана здоровья) насчитывается более

160 тыс. организаций, оказывающих отдельные виды услуг гражданам, в том числе социальные услуги, оказываемые 3,8 тыс. организациями социального обслуживания. В Алтайском крае насчитывается более 60 организаций социального обслуживания населения, что, безусловно, ставит на повестку дня актуальный вопрос независимой оценки качества оказания услуг в этих организациях.

Проблема независимой оценки качества услуг, предоставляемых учреждениями социального обслуживания населения, достаточно актуальна в настоящее время. Несмотря на повышенный результат к данному вопросу со стороны государства и общества, он остается недостаточно изученным. Социальное обслуживание представляет собой деятельность по предоставлению социальных услуг гражданам. Социальная услуга является действием или действиями в сфере социального обслуживания по оказанию постоянной, периодической, разовой помощи, в том числе срочной помощи, гражданину в целях улучшения условий его жизнедеятельности и расширения его возможностей самостоятельно обеспечивать свои основные жизненные потребности [3]. При этом институт социальных услуг, являясь подсистемой социальной сферы общества, оказывает существенное влияние на развитие личности, социальных групп и общества в целом.

Понятие «качество социальных услуг» определяется как совокупность характеристик предоставляемых услуг, которые придают ей способность удовлетворять обусловленные или предполагаемые потребности потребителя этих услуг [4]. Критерием качества социальных услуг для граждан, находящихся в трудной жизненной ситуации, является сформированность социальной субъектности — стабилизация качества жизнедеятельности, а для социально активных слоев, желающих получать социальные услуги, повышение уровня социальной субъектности — улучшение качества жизнедеятельности [5]. Оценка качества социальных услуг заключается в проверке полноты, своевременности предоставления этих услуг, а также их результативности (материальной, определяющей степень решения материальных или финансовых проблем клиентов, или нематериальной, определяющей степень повышения физического, морально-психологического состояния клиента, решения его бытовых, правовых и других проблем в результате взаимодействия с исполнителем услуги).

Анализ научной литературы по вопросам независимой оценки качества социальных услуг позволяет сделать вывод о необходимости совершенствования комплексной системы управления качеством социальных услуг, которая представляет собой совокупность методов и средств по регулированию качества социальных услуг в соответ-

ствии с установленными требованиями эффективного функционирования организаций социального сектора [6].

Основным направлением деятельности по формированию и развитию системы управления качеством оказываемых социальных услуг является создание этой системы, что предполагает разработку критериев и методологии оценки качества социальных услуг, укрепление положения учреждений посредством достижения таких целей, как расширение возможностей потребителей социальных услуг по их приобретению; содействие достижению и непрерывному повышению уровня качества социальных услуг; совершенствование системы управления учреждениями социальной сферы; снижение производительных затрат и потерь, вызванных несовершенной организацией процесса оказания социальных услуг; содействие профессиональному росту работников, занятых в социальном секторе; повышение престижа учреждений социальных услуг в регионе и за его пределами [7].

В соответствии с Национальным стандартом Российской Федерации ГОСТ Р 52496–2005 «Социальное обслуживание населения. Контроль качества социальных услуг» в процессе проверки системы качества учреждений необходимы контроль соответствия системы качества требованиям стандарта и документации на нее; анализ и оценка состояния функционирования системы качества в целом и отдельных ее составных частей; анализ соответствия предоставляемых услуг требованиям нормативных документов; выработка корректирующих действий, направленных на устранение недостатков, выявленных в процессе предоставления услуг, и совершенствование системы качества [6]. При контроле и оценке качества услуг учреждение также должно обеспечивать самоконтроль персонала, предоставляющего услуги, как составную часть процесса контроля, обеспечивать приоритет клиентов в оценке качества услуг и практиковать в учреждении регулярную оценку степени удовлетворенности клиентов услугами путем проведения социологических опросов.

На практике выделяется шесть этапов проверки качества социальных услуг: предварительный — рассматриваются все документы, источники, составляется приказ учреждения о проведении проверки, определяется рабочая группа по проведению проверки; этап целеполагания — формулирование целей, задач, рассмотрение участников работы, определение регламента проведения проверки; этап обработки информации — сбор, систематизация и анализ информации, поиск дополнительных источников информации, изучение ресурсов и среды, которые могут быть использованы для достижения целей;

методологический этап — разработка плана действий, определение методов исследования, выбор критериев для оценки результата, проведение работы по оценке качества; процедурный этап — проверка на месте осуществляется с помощью схемы по определенным направлениям работы; контрольно-аналитический этап — подведение итогов, анализ, составление отчета об итогах проведения проверки качества оказания услуг с выводами, полученными группой проверяющих, внесением предложений по улучшению качества. Для оценки качества социальных услуг возможно использование четырех методов оценки качества оказываемых социальных услуг, в том числе: анализ документации, социальное картографирование, выборочные опросы местных жителей и экспертные опросы [7].

Таким образом, при проведении процедуры независимой оценки качества социальных услуг необходима комплексная система управления качеством социальных услуг в виде определения модели менеджмента качества социальных услуг, выбора методов и средств оценки качества социальных услуг, планирования действий по регулированию качества социальных услуг в соответствии с установленными требованиями эффективного функционирования организаций социального сектора.

Библиографический список

1. Вараксина Н. В. Региональные особенности проявления демографического кризиса и проблематики стареющего общества // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 7 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2015.

2. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 12.12.2013 г. // Российская газета. 2013. № 282.

3. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях устранения ограничений для предоставления государственных и муниципальных услуг по принципу «одного окна» : Федеральный закон Российской Федерации от 28.07.2012 г. № 133-ФЗ // Российская газета. 2012. 30 июля.

4. Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации : Федеральный закон Российской Федерации от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ // Российская газета. 2013. 30 дек.

5. Зубова Н. Ю. Качество социального обслуживания / УГМА Росздрава. Екатеринбург, 2008.

6. Колесникова О. Н., Чуканова Т. В. Социальная защищенность населения: особенности построения региональной системы // Социо-

логия в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 3 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2011.

7. ГОСТ Р 52496–2005. Социальное обслуживание населения. Контроль качества социальных услуг. М., 2006.

Т. Е. Ипатова (Барнаул)

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСА ВОЕННОСЛУЖАЩИХ И ГРАЖДАНСКИХ ЛИЦ ОТНОСИТЕЛЬНО СОБЫТИЙ НА УКРАИНЕ

Российско-украинские отношения вышли на межгосударственный уровень после распада Советского Союза, однако по-прежнему оставались дружескими. Все кардинально изменилось в 2014 г., когда на Украине начала развязываться гражданская война, а после ряда событий в Крыму и на Донбассе Россия была объявлена военным противником Украины, в результате чего пострадали не только Россия и русскоязычное население, но и все страны мира.

«Украина и Россия — государства, ведущие свои истоки от Новгородско-Киевского княжества, закономерно, что политический кризис, приближающийся к гуманитарной катастрофе, в соседнем государстве нашел отклик у российских граждан, ученых, политиков и власти. Как бы ни разворачивались события, а общая история не позволяет быть недружественными народами» [1, с. 17]. Все сказанное дает право сделать вывод, что мы должны быть в курсе всего, что происходит на Украине в такой сложный для нее период. Однако возникает проблема достоверности предоставляемой информации. Мы узнаем последние новости по федеральным телеканалам, через прессу или Интернет, мало у кого есть возможность получать сведения из первых уст, поэтому мы не можем быть уверены, что получаемые материалы являются абсолютно истинными (рис. 1, 2).

Данные Фонда общественного мнения относительно совпадают с данными, представленными на рисунке 2, и объясняются следующим образом: «Такие оценки и мнения во многом связаны с тем, что сегодняшняя информационная повестка попадает в резонанс с установками и ожиданиями большинства россиян» [2]. По нашему мнению, более точно можно говорить об этой проблеме, анализируя рисунок 1, где 90% опрошенных не доверяют предоставляемой информации, вероятнее всего, это связано с тем, что военнотружаче-

щие располагают иными исходными данными, которые недостижимы для простого гражданина Российской Федерации. Однако нельзя говорить и о том, что материалы являются абсолютно не надежными и должны вызывать у граждан полное недоверие. Так, проверенным фактом является информационная война на Украине и в странах Евросоюза против России. Эти данные подтверждаются рисунками 3, 4, где показано следующее: большинство респондентов среди двух групп населения считают, что факт информационной войны против России присутствует в современном мире. Текущий вопрос не был освещен в иных социологических опросах, однако МИД РФ дает следующие комментарии на заданную тему: «События в Украине продемонстрировали, что мы сталкиваемся с возрастающей конкуренцией, часто недобросовестной в вопросах формирования общественного мнения. По сути, против России развязана настоящая информационная война, предпринимаются беспрецедентные шаги по дискредитации российской политики» [3].

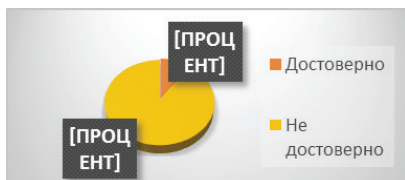

Рис. 1. Мнение военнослужащих о том, насколько достоверна предоставляемая информация об Украине в прессе, на телевидении и в Интернете

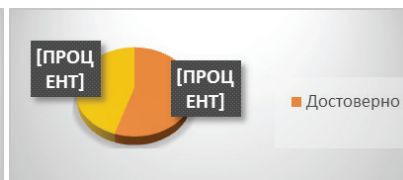

Рис. 2. Мнение гражданского населения о том, насколько достоверна предоставляемая информация об Украине в прессе, на телевидении и в Интернете

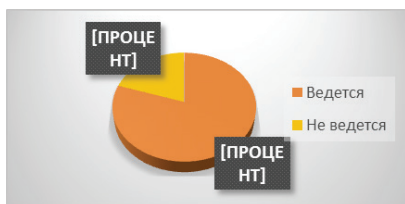

Рис. 3. Мнение военнослужащих о факте ведения информационной войны против России на Украине и в странах Евросоюза

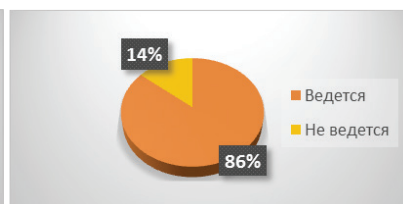

Рис. 4. Мнение гражданского населения о факте ведения информационной войны против России на Украине и в странах Евросоюза

Поскольку информационная война является уже доказанным фактом, однако не все зарубежные СМИ при оценке событий на Украине критично настроены по отношению к позиции России. Традици-

онные медиа, как правило, являются рупорами официальной власти, но многие сетевые журналисты стремятся доносить информацию до аудитории в более объективном ключе [4, с. 121]. Нельзя не сказать и о других методах ведения борьбы с Россией — это антироссийские санкции, которые были направлены на разрушение экономики нашей страны. Показатели социологического опроса представлены на рисунках 5, 6. На диаграммах видно, что большинство военнослужащих затрудняются ответить на вопрос, потому что военные — это работники бюджетной сферы, а их заработная плата является гарантированной. Эта группа населения также проживает на государственном полупансионе, т. е. имеет определенные льготы, хотя среди гражданского населения далеко не все респонденты — представители государственных профессий, на большинство опрошенных антироссийские санкции никак не повлияли.

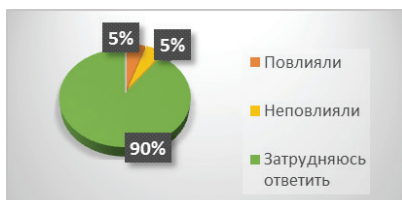

Рис. 5. Ответы на вопрос «Повлияли ли на благополучие военнослужащих антироссийские санкции?»

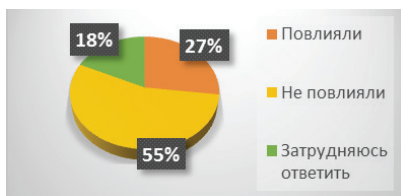

Рис. 6. Ответы на вопрос «Повлияли ли на благополучие гражданских лиц антироссийские санкции?»

Тем не менее ВЦИОМ представляет данные о том, что последствия западных санкций стали более ощутимы. Прежде всего они ударили по кошельку [5].

Несмотря на все негативные последствия, которые в большей или меньшей степени коснулись благополучия населения России, представители обеих групп населения относятся к Украине и украинцам достаточно дружелюбно. Между тем военные все же лояльнее в этом вопросе (рис. 7, 8).

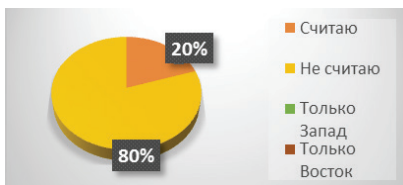

Рис. 7. Ответы на вопрос «Считают ли военные Украину врагом России?»

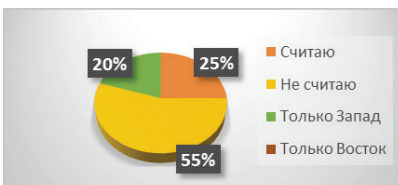

Рис. 8. Ответы на вопрос «Считают ли гражданские лица Украину врагом России?»

Однако ровно половина респондентов среди гражданского населения хотели бы, чтобы произошло присоединение Донецкой и Луганской народных республик к России, среди военнослужащих этого хотело бы большинство опрошенных. При этом подавляющая часть респондентов проголосовали за то, чтобы Россия способствовала прекращению огня на юго-востоке, не поддерживая ни одну из сторон. ВЦИОМ комментирует эту ситуацию следующим образом: «Российско-украинские отношения, по мнению россиян, достигли дна — хуже, чем сегодня, их не оценивали никогда. Но отказываться ради их улучшения от поддержки ополченцев Донбасса России не следует, считают опрошенные» [5].

Вероятнее всего, такое различие во мнениях среди данных групп существует вследствие того, что военнослужащие проживают в иных условиях, нежели гражданское население, и владеют информацией, которая обычным гражданам сейчас недоступна или же является большой тайной. Однако можно сделать вывод, несмотря на то, что большинство украинских политиков и политиков Евросоюза отзываются о России плохо, винят ее во всех мировых катастрофах, в частности, премьер-министр Украины Арсений Яценюк заявил: «мир поделен на белое и черное, мир поделен на добро и зло, и Россия находится там, где зло, и там, где исключительно темные силы». Российские граждане в целом относятся к Украине дружелюбно, испытывают сочувствие и переживают за ее граждан.

Также, несмотря на многочисленные санкции против России со стороны Киева и стран Евросоюза, стоит заметить, что общий настрой граждан на эту ситуацию достаточно лояльный, люди не видят в этом масштабной проблемы. Шансы западных санкций на достижение конечной цели — изменение внешней политики России — фактически равны нулю, ровно так же, как они равны нулю в стремлении ослабить существующий политический режим нашей страны.

Библиографический список

1. Матвеев О. В. Трагедия украинского кризиса: история и политика // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. № 3 (25).
2. Фонд общественного мнения [Электронный ресурс]. URL: <http://fom.ru/SMI-i-internet/11427> (дата обращения: 26.10.2015).
3. GORDONUA.COM [Электронный ресурс]. URL: <http://gordonua.com/news/worldnews/MID-RF-Protiv-Rossii-razvyazana-nastoyashchaya-informacionnaya-voyna-55158.html> (дата обращения: 26.10.2015).

4. Голоусова Е. С. Факт и его интерпретация в СМИ: кризис на Украине глазами зарубежных журналистов // Гуманитарный вектор. 2014. № 3 (39).

5. Всероссийский центр изучения общественного мнения [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wciom.ru/> (дата обращения: 07.11.2015).

Е. В. Шахова, А. А. Мазуренко, Н. Р. Гилева (Барнаул)

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ О НАЦИОНАЛЬНОСТЯХ В СИСТЕМЕ ПОВСЕДНЕВНЫХ ПРАКТИК ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В современном многонациональном обществе вопросы, касающиеся межэтнических отношений, являются достаточно актуальными.

Специфическое геополитическое положение России, исторически сложившийся многонациональный тип государства, наследие советского прошлого, неоднозначные последствия реформ последних десятилетий делают чрезвычайно важной задачу сохранения целостности страны и формирование единой гражданской идентичности [1, с. 220].

Борьба с различными негативными явлениями в данной области сегодня осуществляется преимущественно двумя путями — пресечением националистической активности правоохранительными органами и формированием толерантности и патриотизма у граждан (преимущественно у молодежи) [2, с. 30].

При изучении межэтнического взаимодействия важным аспектом является анализ состояния социокультурной сферы, массового сознания, а также сложившихся и доминирующих оценок и представлений в данной области современной молодежи.

Исключительная важность научного анализа проблемы межэтнического взаимодействия определяется тем, что именно посредством взаимодействия планируется, организуется деятельность многоэтнического сообщества. От совершенствования процессов межэтнического взаимодействия во многом зависит и будущее самого общества, уровень его целостности и степень прогрессивности [3, с. 5].

Несмотря на то, что деятельность всех сфер общества направлена на предотвращение разного рода межнациональных конфликтов, на стремление добиться согласия и мира между всеми нациями, проживающими в социуме, неприязнь к представителям других народов,

непонимание культуры других, стереотипное мышление все еще характерно для населения. Молодые люди зачастую не имеют четкого представления об особенностях культуры, традициях, жизни других народов, что ведет к барьеру во взаимопонимании и комфортной жизни.

В связи с тем, что данная тема является актуальной для современного общества, нами было проведено исследование представлений современной молодежи о национальностях через категории повседневного взаимодействия.

В начале исследования респондентам (студенты первого курса магистратуры факультета социологии Алтайского государственного университета, русские по национальности) предлагалось оценить 11 усредненных фотографий мужских лиц разных национальностей, 11 фотографий национальных костюмов и 11 фотографий национальных жилищ. Далее ими были названы ассоциации, связанные у них с этими карточками. На фотографиях были представлены лица, костюмы и жилища следующих национальностей: русский, немец, китаец, японец, грузин, индус, эскимос, монгол, испанец, грек, мексиканец.

На основе выделенных характеристик было сконструировано 60 дескрипторов, которые образовали 30 биполярных шкал. Далее был проведен факторный анализ и процедура построения психосемантических пространств.

В результате исследования были получены следующие результаты:

Представления о людях разных национальностей через усредненные фотографии лиц.

В данном психосемантическом пространстве было выделено 4 группы.

Первую характеризует русская нация. Респонденты описали себя через положительный дескриптор «трудолюбивый». Вторая объединила монгола, японца и китайца. Респонденты описали их через такие качества, как «хитрый» и «глупый». Основная характеристика представлена дескриптором — «чужой». Третья группа представлена лицами следующих национальностей: грек, немец, эскимос, испанец. Респонденты утверждают, что они «хмурые», «небрежные», эти люди раздражают, их остерегаются и ждут от них лжи («лживые»). В четвертую входят грузин, индус, мексиканец. С одной стороны они представляются «общительными», «веселыми», «добрыми», «уверенными в себе людьми», с другой, в их лицах отмечены такие качества, как «враждебность», «равнодушие».

Представления о людях разных национальностей через национальные костюмы.

В этом психосемантическом пространстве было выделено 5 групп.

В первую группу вошли русские, китайцы и японцы. Эти костюмы характеризуются дескриптором «близкий». Владельцев этих костюмов оценили как открытых, умеренных, сдержанных людей. Следующая группа объединила грузин и монголов. Их костюмы вызвали у респондентов чувство опасности и отчуждение. Эти народы воспринимаются как жесткие, но яркие личности. Третья представлена немцами, мексиканцами и испанцами. Их костюмы охарактеризовали как старомодные, неудобные. Индусы и греки составили следующую группу, их наряды вызвали симпатию. Отдельную группу составили эскимосы, чьи костюмы были охарактеризованы как спокойные.

Представления о людях разных национальностей через национальные жилища представлено 4 группами.

Испанцев, грузин и греков охарактеризовали как гостеприимных и радушных. Монголы, мексиканцы и китайцы представляются аккуратными. Такие народы, как немцы, русские и японцы считаются щедрыми. В отдельную группу были выделены индусы и эскимосы, их охарактеризовали с помощью дескрипторов «страшный», «чужой».

Таким образом, анализируя отношение респондентов к различным постройкам народов, к их национальным костюмам и даже к их фотографиям, мы выявили определенные закономерности, вследствие чего, можно сказать, что оценивая данные факторы, косвенно оценивается сам представитель национальности. Поэтому воспитание уважительного отношения среди молодых людей разных национальностей, раскрытие значимости особенностей разных культур является достаточно актуальным.

Библиографический список

1. Максимова С. Г., Авдеева Г. С. Воспроизводство рискованных форм сексуального поведения в контексте анализа социальной безопасности // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 6 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2014.

2. Максимова С. Г. Методологические подходы к анализу ментальных репрезентаций «образа другого» // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 7 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2015.

3. Столярова Г. Р. Феномен межэтнического взаимодействия: опыт постсоветского Татарстана : дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 2004.

Е. В. Капусткина (Санкт-Петербург)

СОЦИОЛОГИЯ ПИТАНИЯ: ДИНАМИКА ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ ПРАКТИК РОССИЯН

Общеизвестно, что потребность в питании относится к категории базовых. Соответственно, отказаться от еды даже в период экономического кризиса практически невозможно. Но можно трансформировать потребительские практики в этой сфере. Какие же изменения произошли в потреблении продуктов питания россиянами в экономически сложной ситуации, особенно во время санкций, введенных по отношению к России большинством европейских стран, и встречного эмбарго по отношению к ним со стороны правительства Российской Федерации?

Первая тенденция связана с тем фактом, что почти половина россиян в условиях кризиса вынуждена перераспределить семейный бюджет для покупки самого необходимого и в первую очередь еды. При этом 17% вынуждены сократить расходы на покупку продуктов питания. Таким образом, сформировалось мнение о том, что россияне стали меньше есть. Но это не что иное, как миф. Количество потребляемых калорий не уменьшилось. Изменилась их стоимость. Возросло потребление «дешевых калорий», которые дают такие продукты, как мука, яйца, определенные виды хлеба [1].

Вторая тенденция непосредственно связана с предыдущей. Из-за изменившегося курса рубля и введенного Россией эмбарго на ввоз продовольствия из стран Евросоюза и США многие российские потребители были вынуждены отказаться от привычных продуктов. Так, по сравнению с прошлым годом в 2015 г. наша страна более чем на треть сократила закупки из стран дальнего зарубежья. Например, в марте в Россию было ввезено на 38% меньше продовольственных товаров, чем в марте 2014 г. Очевидно, что в такой ситуации должно было произойти импортозамещение, т. е. освободившееся место смогли бы занять отечественные производители. Но рост внутреннего производства продуктов питания за истекший период составил только 3%. Наибольшего успеха добились производители российских сыров, а также овощных и грибных консервов, мяса птицы. При этом необходимо отметить, что еще до «войны санкций» Россия на две трети обеспечивала себя продовольствием. Кроме переориентации российских потребителей на отечественные продукты, они стали рациональнее относиться к покупкам и, соответственно, реже выбрасывать купленные продукты [2].

В-третьих, во многих российских семьях в последние годы наблюдается возврат от питания вне дома к домашнему. Эту тенденцию можно считать позитивной, поскольку многие исследователи считают, что в настоящее время приготовление и употребление домашней еды превратились в своеобразное хобби. Другими словами, люди постепенно утрачивают повседневные практики готовки. Но именно такая «правильная еда» является одной из важных составляющих семейной идентичности и одной из форм социального воспроизводства семьи. В связи с вышесказанным встает вопрос о том, что является «правильным семейным обедом». Как показывают исследования британских ученых, он готовится хозяйкой (женой, матерью) для членов семьи, которые собираются вместе для совместной трапезы дома, в приятной и расслабленной обстановке, т. е. воспроизводит традиционный этнический формат питания и семейные ценности [3, с. 85].

Что касается России, то, согласно данным проведенных в 2013–2014 гг. в Санкт-Петербурге методов опроса и глубинных интервью исследований, «правильный обед» всегда приготовлен своими руками дома из сырых натуральных продуктов, а не полуфабрикатов. При этом предпочтение отдается «жидкому горячему», т. е. супу. По мнению многих респондентов, его отсутствие делает обед «неполноценным». Кроме того, значительная часть опрошенных считает, что обед должен состоять из нескольких блюд. Таким образом, респонденты воспроизводят ту модель питания, которая была сформирована в советской родительской семье. К стандартам «советского питания» как раз и относятся обязательное наличие супа, использование жирных и высококалорийных продуктов, высокое употребление хлеба и приготовление еды впрок [3, с. 90]. «Вместе с тем, обеденные практики становятся более гибкими, ситуационные факторы и личные предпочтения играют все большую роль. Так, обеды «наедине с собой» становятся скорее правилом, а не исключением. Композиция обеда имеет явную тенденцию к упрощению, да и «правильность» традиционно рациона подвергается сомнению» [3, с. 98].

И, наконец, изменилось отношение россиян к посещению заведений общественного питания. Так, уже в 2014 г. 55,4% россиян считали питание вне дома дорогим удовольствием. Исследование компании Nielsen, проведенное в сентябре 2015 г. в российских городах с населением свыше миллиона, показало, что в первую очередь потребители стали отказываться себе в посещениях развлекательных заведений, таких как бары, пабы и ночные клубы. Очень многие перестали ходить туда без повода. Меняется и динамика визитов в рестораны японской, итальянской и смешанной кухонь. Кроме того, что эти по-

сещения стали гораздо реже, клиенты экономят на десертах и на качестве заказываемых вин. А те гости, кто по разным причинам вынуждены периодически питаться вне дома, стали отдавать предпочтение ресторанам быстрого питания, причем 64,4% гостей при выборе места посещения стали ориентироваться на средний чек. По оценкам NPD Group Russia, с января 2014 г. по июнь 2015 г. поток посетителей в заведениях подобного типа увеличился на 7%. При этом выручка таких лидеров рынка, как Макдональдс, KFC и Burger King, выросла на 15%. В целом питаются вне дома всего 10,9% россиян, в то время как в США эта цифра достигает 44, 5% [4].

Подводя итог, можно выделить несколько тенденций в современных потребительских практиках в сфере питания.

Во-первых, изменилась структура продуктов, потребляемых россиянами, но не их калорийность.

Во-вторых, ожидаемое во время введенного Россией эмбарго на ввоз из США, Евросоюза и ряда других стран привычных для отдельных россиян продуктов импортозамещение себя не оправдало. Экономических успехов достигло только очень ограниченное число отечественных отраслей.

В-третьих, во многих российских семьях в силу экономических причин произошла переориентации с питания вне дома на домашнюю еду. Этот процесс можно рассматривать как положительный, так как еда в семейной обстановке позволяет сохранить самоидентификацию.

И последнее — из-за дороговизны посещения развлекательных учреждений общественного питания в силу изменившегося курса евро и доллара потенциальные клиенты перестают посещать их. В рестораны средней ценовой категории отправляются только по специальным поводам. А большинство посетителей заведений общественного питания предпочитают дешевые рестораны фастфуда.

Библиографический список

1. URL: <http://www.gazeta.ru/business/2015/04/08/6631405.shtml>.
2. URL: <http://www.bfm.ru/news/290308>.
3. Ганскау Е. Ю., Минина В. Н. Правильный обед глазами петербуржцев // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. № 1.
4. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2838027>.

С. Г. Максимова, Д. А. Омельченко (Барнаул)

ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ*

В результате произошедших трансформаций, утраты «идеологического стержня» межэтнические отношения на всем постсоветском пространстве существенно обострились. В связи с этим отечественные ученые-обществоведы вновь обратились к вопросам исследования национальности. Вместе с тем эти исследования проводились в рамках разных методологических концепций, что до сих пор оставляет дискуссионными вопросы анализа категорий «этничность», «национальность», «гражданская идентичность», «этническая идентичность» и «национальная идентичность» [1, 2].

К настоящему времени западная и российская наука значительно обогатилась работами, посвященными изучению вопросов социальной, национальной, государственно-гражданской и этнической идентичности. Довольно глубоко проанализированы вопросы социальной идентичности, проблемы конструирования, формирования и воспроизводства коллективной идентичности. Вместе с тем сегодня сложно найти комплексные научные исследования, посвященные изучению социального механизма формирования и национальной идентичности населения в современном российском обществе.

Теория национальной идентичности в современной науке развивается в рамках трех основополагающих подходов: примордиализма (от англ. *primordial* — исконный, изначальный), конструктивизма, инструментализма.

В науке тождественность двух типов идентичностей подтверждается концепцией культурного примордиализма (Э. Смит, У. Коннор, Ю. В. Бромлей). Согласно этой концепции нация представляет собой ступень этногенеза. Хотя в отечественной теории этноса между этнической и национальной идентичностью проводится некоторое различие, тем не менее, именно эта теория считает, что в основе нации находится этнический субстрат, так как нация наделена такими этническими компонентами как общность языка, культуры, осо-

* Публикация подготовлена в рамках гранта РФФИ № 14–06–00196 «Математико-статистический анализ конструирования ментальных репрезентаций „Объема другого“» (2014–2016).

бенности психики. Согласно этой теории все эти компоненты наличествуют и у племени, и у народности, и у нации. Именно благодаря этим свойствам нации остаются нациями, а не чем-то иным. Исходя из этой теории история России — это история саморазвития русской этнической идентичности, что автоматически исключает даже присутствие в ней других народов [3].

В России о новом российском проекте — российской нации — и, соответственно, российской идентичности, впервые были высказаны идеи в начале 1990-х гг. В. А. Тишковым. В связи с особенностями исторической ситуации в 1990–2000-е гг. фокусы в изучении российской идентичности, естественно, менялись. До конца 1990-х гг. в центре внимания было утверждение российской идентичности в сопоставлении с этнической идентичностью. Для одних она тогда была «удобным убежищем», где тебя понимают, для других — символом этнонационального возрождения [4].

Еще один аспект, неизбежно возникающий при рассмотрении проблем национальной идентичности, — проблема соотношения и взаимодействия этнической и национальной идентичности между собой и с другими типами идентичности, который до настоящего времени является недостаточно разработанным. Одни авторы отождествляют эти виды идентичности, другие проводят различие, однако в целом в употреблении этих понятий остается много неясного. Особенно слабо эта проблема разработана в отечественной литературе. Чаще всего термины этническая и национальная идентичность употребляются как синонимы [5].

Социальная психология анализирует понятие этнической идентичности в контексте исследования механизмов ее формирования. Следовательно, этничность нужно рассматривать как элемент структурных взаимосвязей между группами. Социально-психологический подход к анализу этнической идентичности в центр внимания ставит процесс, с помощью которого конструируются и выстраиваются взаимосвязи индивидов друг с другом, с другими группами людей либо в своих собственных, либо в других этнических группах.

Этническая идентичность — это, несомненно, явление динамическое. Оно подразумевает наличие взаимодействий на различных уровнях анализа: индивида, социума и культуры. Идентичность в этнологии рассматривается как процесс отнесения индивидом к себе качеств и характеристик своего внешнего окружения, стремление выделить в своей личности черты, имеющие жизненно важное и необходимое значение в сложившихся условиях. Исследователь Г. Г. Шпет дает такое определение этнической идентич-

ности: «переживание своего тождества с одной этнической общностью и отделения от других» [6].

Затронув вопросы формирования «этнической реальности» в контексте формирования этнической идентичности, нельзя не остановиться на проблеме взаимосвязи «этничность — этническая идентичность».

Мы согласны с мнением Л. М. Дробижевой о том, что этничность рассматривается как предписываемая и конституированная обществом характеристика. При этом формирование этнической идентичности происходит в результате конструирования социальной реальности на основе этничности, однако не сводится к ней.

Несомненно, индивид рассматривается как субъект социального конструирования. Соответственно, его нельзя описывать как личность внеисторическую, внациональную. Человек появляется на свет в определенном этнонациональном окружении, поэтому формирование личности происходит уже в соответствии с теми социальными установками и обычаями, которые есть у окружения. Если родители индивида принадлежат к одной и той же этнической общности, то проблем этнического самоопределения практически не возникает. Этот индивид довольно легко идентифицирует себя со своей этнической группой. Связано это с тем, что основной механизм формирования этнических стереотипов и установок поведения — это добровольное воспроизводство поведенческого образца или подражание. В результате подражания индивидом усваивается культура, язык, традиции, этнокультурные и социальные нормы, а также обычаи родственной национальной сферы. В противоположном случае, когда родители индивида принадлежат к разным этническим общностям, формирование этнической идентичности происходит намного сложнее и противоречивее [7, с. 9; 8].

Помимо подражания существует и такой механизм формирования этнической идентификации, как принуждение. Орудиями принуждения можно считать традиции и ценностные ориентиры общества. Наконец, этническая идентификация основывается на рациональном свободном выборе индивида, который, к примеру, может отказаться от национально-этнической идентификации и стать «гражданином Вселенной».

Во втором случае речь идет о самостоятельном «конструировании» этнической идентичности, тогда как в первом случае это конструирование навязывается индивиду извне. В таком случае говорят не о конструировании, а о «конституировании» этнической идентичности. В таком случае происходит как бы отождествление этнической идентично-

сти и этничности. Как считают отечественные исследователи, этничность и этническая идентичность как продукт первой можно рассматривать в качестве глубинных постоянных сущностей на протяжении существования человечества. Такая позиция называется «примордиалистской» («первичной», «первобытно-ориентированной») [9].

Если этническая идентичность формируется в результате принуждения, то его орудиями считаются ценностные ориентиры и традиции общества. В этом случае не совсем удачно говорить о конструкции идентичности. Более подходящим видится здесь образ ценностных ориентиров и традиций как «инструментов» моделирования этнической идентичности. В то же время этническая идентичность, являясь базовым компонентом этничности, может выступать средством и инструментом реализации стоящих перед обществом целей. Эта идея лежит в основе инструменталистского подхода, акцентирующего интерес исследователей к механизмам превращения этничности в политическую силу. Другими словами, на рассмотрении механизмов политизации этнической идентичности и сосредоточен инструментализм [9].

В представленном исследовании мы сосредоточимся на вопросах формирования национальной идентичности, которая в той или иной мере пересекается с проблемами формирования этнической идентичности.

В рамках проекта РФФИ № № 14–06–00196 «Математико-статистический анализ конструирования ментальных репрезентаций «образа другого»» было проведено исследование ментальных репрезентаций «образа другого» в социальных представлениях населения России (на основе психосемантического исследования), в ходе которого опрошено население различных возрастных и национальных групп двух регионов — Алтайского края, республики Алтай — 400 респондентов (по 200 респондентов в возрасте 15–75 лет в каждом регионе). Основная цель исследования заключалась в изучении моделей формирования национальной идентичности.

Характеристика выборочной совокупности.

В Алтайском крае участвовали в исследовании 212 респондентов, из них 59,4% из Барнаула, 40,6% — сельские жители, в том числе 14,2% проживали в Кытмановском районе, 13,7% — в Солонешенском, 12,7% — в Усть-Пристанском районах. Среди опрошенных 46,2% мужчин и 53,8% женщин (пропорции населения, существующие в генеральной совокупности). Возраст респондентов в соответствии с дизайном выборочной совокупности — от 15 до 75 лет, средний возраст — 41,9 года. Распределение респондентов по возрастным

категориям было следующим: 27,6% — возраст 15–29 лет, 35,2% — 30–49 лет и 37,2% — 50 лет и старше. Среди опрошенных 86,3% идентифицировали себя с русскими, 2,4% отказались отмечать свою национальность, 11,3% выбрали другие национальности.

В Республике Алтай в исследовании приняли участие 200 респондентов. 24,6% респондентов проживали в Горно-Алтайске, 75,4% — в селе, в том числе 27,8% — в Майминском районе, 16,5% — в Чемальском, 15,3% — в Чойском и 15,8% в Шебалинском районах. Соотношение 45,9% мужчин и 54,1% женщин отражало пропорции населения в генеральной совокупности. Возраст респондентов в соответствии с дизайном выборочной совокупности — от 15 до 75 лет, средний возраст — 40,49 года. Распределение респондентов по возрастным категориям было следующим: 25,7% — возраст 15–29 лет, 41,5% — 30–49 лет и 32,8% — 50 лет и старше. В ходе анализа национальной идентификации респондентов выявилось, что 64,5% респондентов считали себя русскими, 35,5% представляли другие национальности: 21,3% — алтайцев, 4,4% — казахов, 3,8% — кумандинцев, 1,1% — тубалар. Незначительная часть респондентов (2,7%) имела смешанную идентичность (в основном русских и алтайцев, русских и казахов), 2,2% респондентов отказались отмечать свою национальность.

Анализ и обработка данных исследования проводились в несколько этапов. На первом этапе исследования на основе анализа средних значений показателей и характеристик национальной идентичности, их выраженности относительно среднего по шкале были составлены общие профили ролевых позиций гражданской идентичности.

Роли с позиций национальной идентичности: русские, европейцы, азиаты, славяне, народы Кавказа, народы Средней Азии (казахи, узбеки, таджики и др.); Малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока; мигранты; народ, дружественный моему народу; народ, враждебный моему народу.

Для оценки ролей был разработан набор дескрипторов для биполярных шкал, описывающих эмоционально-оценочные характеристики образа, особенности менталитета, характеристики национальной культуры, поведенческие характеристики межэтнических и межкультурных взаимодействий, особенности социального восприятия образов с позиции самоидентификации респондента.

На втором этапе выявлялись с помощью однофакторного дисперсионного анализа различия в средних значениях по шкалам (дескрипторам) и ролевым позициям. Для оценки статистической значимо-

сти различий между парами средних значений использовались апостериорные *post hoc* тесты.

На третьем этапе на основе усредненных значений исследовались латентные факторы, влияющие на восприятие ролевых позиций представителями различных возрастных и национальных групп. Вначале проводился анализ корреляционных взаимосвязей между ролевыми позициями и дескрипторами, позволяющий выявить семантические близости и ассоциации, которые могли бы составить основу латентных факторов, обуславливающих восприятие категорий гражданственности. Использовался иерархический кластерный анализ для переменных, в качестве меры близости использовался коэффициент корреляции Пирсона. Далее с помощью метода главных компонент и варимакс-вращения проводился факторный анализ, значения факторов были сохранены как отдельные переменные по методу регрессии. На четвертом этапе на основе выделенных факторов и проекции элементов были построены семантические пространства, описана специфика социальных установок и представлений у возрастных и национальных групп. Для статистической обработки и визуализации результатов применялись программы IBM SPSS 20.0, MS Excel, статистическое программное обеспечение R [10–12].

По результатам проведенных исследований можно сформулировать ряд концептуальных выводов:

Результаты кластерного и корреляционного анализов показали, что между определенными группами ролевых позиций и дескрипторов при оценке национальной идентичности есть значимые взаимосвязи, означающие существование латентных переменных (факторов), обуславливающих восприятие национальных ролей и выступающих в качестве смысловых детерминант национальной идентификации.

В ходе анализа корреляционных взаимосвязей между ролевыми позициями на транспонированных данных было выявлено, какие из них воспринимаются сходным образом в свете смысла, закладываемого определенным набором дескрипторов.

Так, позиция «Русские» оказалась сильно и статистически значимо взаимосвязана с позициями «Славяне» ($r = 0,97$) и «Народ, дружественный моему народу» ($r = 0,94$). Все указанные позиции отрицательно коррелировали с позицией «Народ, враждебный моему народу».

Ролевая позиция «Европейцев» положительно коррелировала с позицией «Азиаты» ($r = 0,63$) и «Народ, враждебный моему народу» ($r = 0,55$).

Ролевая позиция «Азиаты», кроме уже упомянутой корреляции с «Европейцами», имела большую взаимосвязь с позициями «Народы Средней Азии» ($r = 0,84$) и «Мигрантами» ($r = 0,78$), а также с позициями «Малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока» ($r = 0,65$) и «Народы Кавказа» ($0,60$).

Позиция «Народы Кавказа» в большей степени оказалась взаимосвязана с «Народом, враждебным моему народу» ($r = 0,77$) и «Народами Средней Азии» ($r = 0,56$), которые, в свою очередь, ассоциировались с «Мигрантами» ($r = 0,86$), а также с «Малочисленными народами Севера, Сибири и Дальнего Востока» ($r = 0,63$). Между полярными референтными позициями «Народа, дружественного моему народу» и «Народа, враждебного моему народу» существовала сильная и статистически значимая отрицательная взаимосвязь ($r = -0,67$).

2. В результате факторного анализа, проведенного на общей выборке агрегированных данных, было выделено три значимых фактора, описывающих 56,6, 27,7 и 10,4% дисперсии переменных (в совокупности 94,7%), включенных в модель.

В первый фактор ($\lambda = 12,5$) с высокими положительными нагрузками ($\alpha > 0,8$) вошли переменные, описывающие особенности национального характера (дружественный, доверчивый, отзывчивый, честный и порядочный, стремится к равенству и равноправию, спокойно относится к другим точкам зрения, трудолюбивый), эмоциональной реакции (вызывает симпатию и уважение) и самоидентификации (свой, близкий, похожий), что позволяло охарактеризовать этот фактор в целом как фактор общей оценки, детерминирующей положительное или отрицательное восприятие национальных и этнических позиций.

Смысл второго фактора ($\lambda = 6,1$) задавался дескрипторами, имеющими максимальные нагрузки в диапазоне 0,6–0,9 и описывающими социально-экономическое положение (богатый, находится высоко на социальной лестнице), культурный уровень (образованный, культурно развитый), тип мышления и поведения (сторонник прогресса, инноваций, дисциплинированный). Отрицательный полюс фактора задавался переменной «не вызывает зависти». Данный фактор, условно говоря, являлся фактором «социально-экономического прогресса и культурного развития», на одном полюсе которого располагались дескрипторы, ассоциируемые с благосостоянием и высоким уровнем развития технологий, образования и культуры, вызывающих восхищение и зависть, тогда как на другой полюс отражал противоположные тенденции — консерватизм, сопряженный со слабой дисциплиной и организованностью, низкий уровень образования и культуры, бедность.

Положительный полюс третьего фактора ($\lambda = 2,3$) описывался такими характеристиками, как толерантность, ответственность и дисциплинированность, поддержка прогресса и инноваций, сочетающаяся с практичностью и рациональностью, осторожностью. Отрицательный полюс был задан противоположными по смыслу параметрами — чрезмерной эмоциональностью и импульсивностью, консерватизмом, отсутствием дисциплины. В целом данный фактор раскрывал особенности современных западных или традиционных восточных цивилизационных культур и соответствующих типов ментальности (рациональной западной и преимущественно интуитивной и эмоциональной восточной).

3. Семантическое пространство, построенное по координатам факторных значений для ролевых позиций по двум первым факторам. Геометрическая конфигурация (расположение) ролевых позиций позволяла оценить сходство восприятия национальных групп в свете представлений и смысла, задаваемого главными факторами — фактором «оценки» и фактором социально-экономического и культурного развития.

Так, в зоне положительных значений по обоим факторам располагались ролевые позиции «Русские», «Славяне» и «Народ, дружественный моему народу», которые воспринимались как соответствующие идеалу национального характера и поведения, соответствовали критериям положительной идентификации. Позиции «Европейцев» и «Народов Кавказа» обладали выраженными характеристиками по второму фактору, т. е. оценивались как обладающие значительным уровнем благосостояния (максимальным для жителей Европы) и культурного развития, однако не соответствующим образу идеального народа, отношения с которым основаны на дружбе и уважении, с которым хочется связать свою национальную идентичность.

Ролевая позиция «Малочисленных народов...» располагалась в зоне положительных значений по первому фактору, т. е. оценивалась в целом положительно и ассоциировалась с типичными для русского народа чертами характера: порядочностью, отзывчивостью, радушием и др. В то же время по второму фактору эта роль находилась в зоне отрицательных значений, что позволяло ее описывать как ущемленную в социальном и экономическом отношении, зависимую, далекую от прогресса и инноваций, не вызывающую зависть.

В наименее выгодном с точки зрения социального восприятия положении находились «Мигранты», «Народы Средней Азии», «Азиаты» и «Народ, враждебный моему народу», факторные значения по которым были отрицательными по обоим факторам. В то же время нель-

зя утверждать, что все они воспринимались одинаково негативно. Так, мигранты и представители народов Средней Азии оценивались как не обладающие образованностью и культурой, консервативные и бедные, но по оси эмоционально-оценочного компонента находились на грани между «своими» и «чужими», «плохими» и «хорошими». Образы «Азиатов» и «Народа, враждебного моему народу», напротив, характеризовались как финансово и технологически более благополучные, но не совпадающие по ментальности и образу мышления с позициями, по которым идентификация была максимальной.

4. Факторная структура, рассчитанная на усредненных данных для группы респондентов младшего возраста (15–29 лет), была идентичной с полученной на общей выборке, изменения факторных нагрузок были незначительными и описывали 93,0% дисперсии переменных. Таким образом, можно утверждать, что молодое поколение в процессе этнической самоидентификации и формировании мнений о представителях различных этносов руководствовалось общими критериями, присущими гражданской нации в целом, в независимости от национальной принадлежности.

Семантическое пространство ролевых позиций отражало особенности восприятия объектов оценивания, присущие данной возрастной группе. Так, позиция «Европейцев» была изолирована от остальных и воспринималась как воплощение культуры, прогресса и инноваций, но в то же время оценивалась негативно с точки зрения самоидентификации и соответствия образу «дружественного народа». Молодежь Алтайского края, таким образом, демонстрировала идеализированные представления о жителях Европы, но не стремилась идентифицировать себя с ними, осознавая существующие различия в траекториях цивилизационного развития. Позиции «Русских», «Славян» и «Народа, дружественного моему народу» были оценены высоко по параметрам, задаваемым в первом факторе, но сближались с «Малочисленными народами...» как неблагополучные в экономическом отношении, далекие от технологического прогресса. Позиция «Народов Кавказа» также переместилась в зону отрицательных значений по второму фактору, что означало более низкую оценку их социально-экономического развития молодежью. Другие позиции оценивались сходным образом с общей выборкой.

5. Факторная структура, релевантная для группы опрошенных 30–49 лет, имела сходные показатели качества и информативности факторов, с небольшим перераспределением нагрузок из третьего фактора во второй, не приводящего к существенному изменению смысла. Для семантического пространства данной возрастной груп-

пы была характерна более высокая оценка комплекса позиций «Русские — Славяне — Народ, дружественный моему народу», сближающегося по второму фактору с «Европейцами» и более пессимистическая оценка представителей народов Средней Азии, воспринимающихся как более зависимые, социально и экономически неблагополучные, чем мигранты в целом.

6. На матрице средних в группе 50–75-летних было выделено три значимых фактора, описывающих 93,0% дисперсии переменных. Первый фактор соответствовал первому фактору, выделенному на общей выборке и в других возрастных группах. Во второй фактор, в целом сохраняющий значение оппозиции социального благополучия, процесса и инноваций и противопоставленным им бедности, ассоциированной и традиционным укладом жизни, добавлялась коннотация, связанная с наивностью и доверчивостью на отрицательном полюсе и хитростью, расчетливостью, смелостью и свободой на положительном, что придавало данному фактору личностно ориентированный смысл. Если в других возрастных группах обладание богатством выступало скорее характеристикой социального контекста, в котором происходило оценивание ролей, то для старшей группы эти характеристики были личностно детерминированными. Третий фактор, несмотря на вращение, минимизирующее равномерные распределения нагрузок по факторам, оказывался в значительной степени сопряженным со вторым и первым факторами, его положительный полюс, помимо характеристик сдержанности и толерантности, дисциплины и ответственности, получал значимую коннотацию, связанную с дружелюбием и враждебностью, являющимися эмоционально-оценочными реакциями на поведение, соответствующее полюсам.

Указанная специфика наполнения факторов отразилась на конфигурации ролевых позиций в семантическом пространстве. Распределение проекций по квадрантам было идентичным с другими группами, однако роли, находящиеся в нижней части пространства, имеющие отрицательные значения по второму фактору, оказались более «утопленными», что свидетельствовало о большей выраженности негативных представлений о данных группах у старшего поколения.

7. Сравнение по группам национальностей выявило существенное расхождение в восприятии национальных ролей, что проявилось как в наполненности факторов конструктами (дескрипторами), так и в конфигурации ролевых позиций в семантическом пространстве.

Так, в группе русских респондентов генеральная оппозиция «свой — чужой», лежащая в основе национальной идентификации и самоопределения, составляла не только основу первого, оценочно-

го фактора, но и определяла часть смысла, закладываемого во втором факторе. Вследствие этого в семантическом пространстве часть позиций перемещалась в сторону более высоких значений по второму фактору. В частности, позиция «Народа, враждебного моему народу» получила характеристики более благополучной и образованной, тогда как в других группах она была однозначно локализована в зоне отрицательных значений. Таким образом, образ «врага», несмотря на однозначное противопоставление по идентификационным признакам, в сознании русских респондентов представлялся не просто «плохим» по любым показателям, но, напротив, обладал некоторыми достоинствами и преимуществами, придающими ему статус «достойного» и достаточно сильного врага.

8. Разительный контраст, по сравнению с русскими респондентами, представляла факторная структура и семантическое пространство, построенные на выборке респондентов Алтайского края со смешанной и нерусской идентичностью. Содержание выделенных факторов отличалось смещением смысла, создаваемое «вмешательством» оценочных дескрипторов. Так, характеристики целеустремленности и трудолюбия, честности и порядочности, симпатии и уважения, вносящие значительный вклад в первый фактор, проявлялись также во втором факторе, придавая ему личную обусловленность. Дескрипторы эмоциональности, импульсивности, и противопоставленные им сдержанность и хладнокровие в других группах составляющие основу третьего фактора, в группе с иноэтнической идентичностью определяли сущность основного, идентификационного фактора.

В итоге, семантическое пространство отражало принципиально иную конфигурацию ролевых позиций. Позиция «Народы Кавказа» соседствовала с «Народом, дружественным моему народу», «Славяне» и «Русские» переместились в зону отрицательных значений по второму фактору и стали восприниматься сходно с позицией «Малочисленных народов...». «Народ, враждебный моему народу» ассоциировался с представителями азиатских национальностей, тогда как «Европейцы» выступали в качестве эталона по уровню обеспеченности и образованности, вызывающие зависть, но не идентифицировались ни с одной другой ролевой позицией. Одним из существенных изменений являлось перемещение позиции «Мигранты» в зону положительных значений по первому фактору, что соответствовало большей идентификации респондентов с данной социальной группой.

9. Факторная структура, рассчитанная на выборке респондентов из Республики Алтай, имеющих смешанную или отличную от рус-

ской идентичность, существенно отличалась от рассмотренных ранее. Четыре выделенных фактора описывали 88,2% дисперсии переменных. Особенностью первого фактора являлось перераспределение нагрузок в сторону усиления смысла, связанного с дружелюбностью, смелостью, стремлением к равноправию, отзывчивостью и доверчивостью. Идентификационные дескрипторы (свой, похожий на меня, близкий) имели меньший вклад в первом факторе и больший во втором, смысл которого соответствовал смыслу второго фактора в группе 30–49-летних и 50–75-летних респондентов (фактору культурного развития и национального характера). Третий фактор описывался переменными социального и экономического положения, тогда как четвертый основывался на оппозиции эмоциональности и импульсивности, не вызывающих зависти, но порождающих определенные ассоциации со своей идентичностью, и сдержанности, вызывающей зависть и восхищение.

В итоге, семантическое пространство отражало принципиально иную конфигурацию ролевых позиций. Позиция «Азиатов» соседствовала с «Народом, дружелюбным моему народу» в зоне положительных значений по первому и второму факторам, «Европейцы» располагались изолированно от всех в зоне положительных значений по второму фактору и отрицательных по первому. «Малочисленные народы...» сближались со «Славянами», а «Народы Средней Азии» — с «Мигрантами». В отличие от «русского» пространства, позиция враждебного народа переместилась из зоны положительных значений по второму фактору в зону отрицательных значений. Таким образом, для лиц с иноэтнической идентичностью образ «этнического врага» описывался только негативными полюсами дескрипторов, формирующих факторы, что свидетельствовало об отсутствии критичности и сверхстереотипном, примитивном восприятии этнических образов: если какая-то группа воспринималась как враждебная, то ей приписывались только негативные черты.

Таким образом, осознание национальной идентичности не есть нечто самопроизвольное, оно обусловлено в высокой степени конкретными общественными интересами и групповыми потребностями, в том числе и политического, экономического, культурного характера. Именно благодаря этому функционирование национальной идентичности становится в той или иной мере фактором развития социокультурных, политических и экономических процессов. Константные компоненты национальной идентичности находятся под прямым или косвенным воздействием факторов глобального уровня. Появление

ние феномена глобализации ставит новые исследовательские задачи. Проявления этничности в контексте функционирования национальной идентичности приобретают новые конфигурации.

Библиографический список

1. Ноянзина О. Е., Гончарова Н. П., Максимова С. Г., Авдеева Г. С. Современные вызовы безопасности: оценка риска подверженности экстремистским и террористическим угрозам в условиях региональных социумов // *NOTA BENE: Национальная безопасность*. 2012. № 1.

2. Omelchenko D., Maximova S., Noyanzina O., Goncharova N., Avdeeva G. National Identity and Patriotism among Russian Youth: Representations, Feelings and Actions // *Asian Social Science*. 2015. Т. 11. № 6.

3. Максимова С. Г., Гончарова Н. П., Ноянзина О. Е., Авдеева Г. С., Омельченко Д. А. Патриотизм и национализм: ментальные репрезентации и поведенческие стратегии населения современной России : монография / под общ. ред. С. Г. Максимовой. Барнаул, 2013.

4. Тишков В. А. Российский народ: история и смысл национального самосознания / Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. М., 2013.

5. Гулевский А. Н. Соотношение этнической и национальной идентичности : дис. ... канд. философ. наук. Волгоград, 2005.

6. Мазилова Г. Б. Динамика социальной идентичности личности в современном обществе : дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2006.

7. Дробижева Л. М. Ценности и символы в контексте новых концепций этничности // *Ценности и символы национального самосознания в условиях изменяющегося общества*. М., 1994.

8. Дробижева Л. М. Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность // *Этнические, религиозные и гражданские идентичности в современной России* / под ред. В. С. Магуна. М., 2005.

9. Бакланов И. С., Душина Т. В., Микеева О. А. Человек этнический: проблема этнической идентичности // *Вопросы социальной теории*. 2010. Т. IV.

10. Максимова С. Г. Методологические подходы к анализу ментальных репрезентаций «образа другого» // *Социология в современном мире: наука, образование, творчество*. Вып. 7 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2015.

11. Максимова С. Г., Гончарова Н. П., Ноянзина О. Е., Омельченко Д. А., Авдеева Г. С. Методика формирования региональных выборов в социально-экономических исследованиях социальных рисков и безопасности населения приграничных территорий // *Вестник Алтайского государственного аграрного университета*. 2014. № 8 (118).

12. Максимова С. Г., Авдеева Г. С., Ноянзина О. Е., Гончарова Н. П. Образ «другого» как структурный компонент национальной идентичности: конструктивистская парадигма // Известия Алт. гос. ун-та. 2014. № 2/2 (83). ИФ журнала в РИНЦ: 0,113. <http://elibrary.ru/item.asp?id = 22774868>

Н. К. Михайлова (Новокузнецк)

ОСОБЕННОСТИ ТРУДОВОЙ ЗАНЯТОСТИ СТУДЕНТОВ

Студенты становятся активными субъектами современного рынка труда, предъявляя спрос на рабочие места и предлагая свой труд. По данным мониторинга экономики образования, около 46% студентов, обучающихся в высших учебных заведениях, имеют работу [1]. Однако, несмотря на то, что в России наблюдается непрерывный рост студенческой занятости в режиме как неполного, так и полного рабочего дня, она остается недостаточно изученным явлением как в эмпирическом, так и теоретическом планах.

Исследование занятости студентов порождает и целый ряд вопросов, требующих ответа: мотивы и временные затраты занятости студентов; способ оформления трудовых отношений между работодателями и работающими студентами; сфера концентрации занятости и ее отраслевая структура; качество предоставляемых студентам рабочих мест и др.

В поисках ответа на эти вопросы среди студентов-экономистов было проведено исследование, в котором приняли участие 132 респондента — студенты 1–4 курсов. Анализ результатов включал в себя выделение количественных параметров и особенностей изучаемого явления.

Количественные параметры предстали в следующем виде: более четверти студентов (28,8%), обучающихся на дневном отделении экономического факультета, работают или имели опыт работы. Доля работающих студентов увеличивается от первого курса (18,2%) к последующим (43,2% на третьем курсе), т. е. чем выше курс, тем больше связан студент с рынком труда.

Временные затраты составили в среднем 82 часа в месяц, при этом чаще всего студенты работают 3–4 дня в неделю (40,9%), реже — 1–2 дня (17,4%), 1,4% работают эпизодически, остальные заняты на постоянной работе. Это меньше временных затрат работающих

в современных организациях, но в сочетании с учебой в вузе представляют весьма существенную трудовую нагрузку. График работы студентов не связан с расписанием занятий: они работают там, где есть работа, и тогда, когда есть работа. Большая часть студентов работает по вечерам и ночам (59,8%), тем самым сокращается время для учебной подготовки и физического восстановления. Подтвердился вывод ранее проводимых исследований: на первых курсах преобладает подрабатывание, а на старших ведущей становится постоянная работа [2; 3].

Одна из особенностей занятости студентов — это ее нерегулярный характер: в большинстве случаев респонденты работают/работали эпизодически, время от времени (65,2%). Однако более четверти (27,%) заняты на постоянной работе. Существенной характеристикой занятости студентов является то, что это сфера как формальных трудовых отношений, так и неформальных. 35,6% опрошенных признались, что работали на основе устных договоренностей. Чаще трудовые отношения оформляются юридически на государственных предприятиях (62,8%), реже — на частных (17,8%).

Сфера частного предпринимательства наиболее мобильна, гибка, в ней менее регламентированы условия найма. Здесь, как показало исследование, концентрируется основная масса работающих студентов. Нелегитимный характер занятости студентов может стать источником их дискриминации на рынке труда. Студент, будучи временным работником, проявляет равнодушие к своему юридическому статусу, если его работа не связана с той специальностью, которая приобретается в вузе. Среди обладателей трудовых книжек больше тех, у кого работа совпадает с будущей профессией.

Отраслевая структура рабочих мест, занятых студентами, такова: 37,9% опрошенных трудятся в торговле, 29,5% — в сфере обслуживания, 9,8% заняты в промышленности. Значимой сферой деятельности является сфера обслуживания (программирование, охрана, воспитательно-образовательные услуги, строительно-ремонтные и погрузочные работы). Основной сферой занятости студентов является торговля, так как в этой сфере легче найти работу. Высокий удельный вес занятых в розничной торговле объясняется потребностью в энергичных работниках в качестве представителей, агентов и продавцов.

Далеко не все студенты трудятся в сферах деятельности, близких их будущей специальности. Тем не менее существенной доле студентов (19,2%) удастся устроиться на рабочие места по направлению подготовки в вузе. В этом случае занятость студентов выполняет роль профессиональной стажировки.

Среди причин, побуждающих студентов к поиску работы, лидирует стремление к материальной независимости от родителей (42,4%). Причины трудовой деятельности зависят от дохода семьи. Есть студенты, которые вынуждены обеспечивать себя. Вместе с тем существует немало студентов, которые хотят добиться независимости от родителей и заработать деньги на карманные расходы. Жесткие финансовые ограничения, рост цены за обучение и жизненные расходы заставляют студентов искать работу. Однако нельзя с полной уверенностью сказать, что основным побудительным мотивом для выхода студентов на рынок труда является денежный фактор. Хотя склонность студентов к поиску работы обратно пропорциональна доходам их семей, но значительная часть (17,4%) занятых студентов проживает в обеспеченных семьях. Кроме того, другая часть студентов (6,8%) ради работы по будущей специальности трудятся в качестве стажеров, получают небольшое вознаграждение или работают бесплатно. Большинство посетителей сайта www.examen.ru (84,9%) положительно относятся к студенческой занятости в период обучения в вузе и аргументируют свою позицию высокой ценностью имеющегося опыта работы при трудоустройстве после окончания вуза и необходимости практики по специальности [4].

Полученные данные показали, что в поисках работы студенты прибегают к разным источникам: 1) родители, знакомые, друзья; 2) СМИ; 3) специальные государственные структуры трудоустройства. Коммуникабельность, наличие свободного времени, поддержка близких и друзей являлись важными условиями получения рабочего места. Решая вопросы трудоустройства, 56,1% студентов отметили, что использовали неформальные связи и контакты, а межличностные коммуникации играют главную роль в нахождении места работы. Значительная часть опрошенных (31,1%) отметили, что нашли работу с помощью друзей. Роль родителей в трудоустройстве своих детей — студентов зависит от их социально-профессионального статуса. Родители-руководители, предприниматели чаще других помогают найти своим детям работу. Чем ниже статус родителей, тем меньше они участвуют в трудоустройстве детей. 6,8% работающих студентов сами создали рабочие места для себя.

Занятость студентов существенна как своеобразная производственная практика. Отчетливо прослеживается стремление большинства студентов связать свою работу с будущей специальностью. Работа студентов имеет большое значение и как непосредственный жизненный опыт. Работающие студенты при будущем трудоустрой-

стве смогут вписать в свое резюме факт работы и тем самым повысить шансы на получение желаемой вакансии.

Полученные данные позволяют сделать следующие выводы.

1. Занятость студентов характеризуется нерегулярностью и краткосрочностью, основана на личных связях, что обеспечивает гибкость данного вида занятости в современной социально-экономической ситуации.

2. Занятость студентов является способом адаптации к экономическим трудностям, стратегией, позволяющей увеличить личный и семейный доход.

3. Занятость характерна для студентов, располагающих для этого временными и адаптивными ресурсами: они, как правило, общительны, легко вступают в контакт, готовы приобретать новые навыки, осваивать новые для них виды деятельности.

4. Рабочие места в сфере занятости студентов характеризуются низким качеством, не требуют высокой квалификации, специальных и профессиональных знаний.

5. Работа способствует профессиональной интеграции, даже если она не совпадает со специализацией, расширяет сферы общения, позволяет накапливать социальный опыт.

6. Занятость и подработка во время учебы вырабатывают у студентов навыки и качества, крайне полезные с точки зрения будущего трудоустройства, повышающие его шанс. Ранний выход на рынок труда улучшает возможности трудоустройства после окончания вуза.

Таким образом, хотя этот вид занятости не обнаруживает тесной связи с профессиональной деятельностью после окончания вуза, однако он может рассматриваться в качестве фактора, повышающего конкурентоспособность и профессиональную адаптацию будущих специалистов (бакалавров), так как в процессе трудовой деятельности оттачиваются деловые и личные качества будущего специалиста.

Библиографический список

1. Апокин А., Юдкевич М. Анализ студенческой занятости в контексте российского рынка труда [Электронный ресурс]. URL: <http://institutiones.com/strategies/983-analiz-studencheskoj-zanyatosti/>

2. Михайлова Н. К. Занятость студентов как явление на рынке труда // Человек и общество на рубеже тысячелетий : международный сборник научных трудов / под общ. ред. О. И. Кирикова. — Вып. XXXI. — Воронеж, 2005.

3. Занятость студентов и ее роль в формировании профессиональных компетенций будущих специалистов // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. 1 (49). С. 269–271.

4. Правоторов В. Студенческая занятость [Электронный ресурс]. URL: http://www.examen.ru/main2/news_and_articles/news/studencheskaj...

А. А. Горбунова (Барнаул)

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЙСКОГО КРАЯ*

Начиная со второй половины XX столетия история развития большинства народов характеризуется всплеском осознания людей своей принадлежности к определенному этносу. Для России как исторически полиэтничного государства этнический фактор всегда играл и будет играть немаловажную роль. Распад СССР и последующие кардинальные трансформации подняли вопросы этничности и межнациональных отношений на новый уровень. Одни называли этот период временем взбунтовавшейся этничности, другие — нового национального возрождения [1]. Этнические вызовы 1980–1990-х гг. стимулировали внимание к причинам роста этнической идентичности, ее содержанию и типам [2].

Этническое возрождение в настоящее время рассматривается как одна из основных черт развития человечества. Этническая идентичность, являясь важной составляющей социальной идентичности личности, выполняет ряд важных для человека функций, среди которых возможность ориентироваться в окружающем пространстве через поступление относительно упорядоченной информации, определение общих жизненных ценностей и обеспечение психологической защиты [3]. Многочисленные исследования лишь доказывают сохраняющуюся актуальность этнической принадлежности для человека.

В целях изучения проявлений этнической идентичности на современном этапе развития общества анализировались данные, полу-

* Опубликовано при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках конкурсной части государственного задания в сфере научной деятельности ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет». Код проекта: № 1475 «Гражданская и этническая идентичности в системе сохранения социальной безопасности населения приграничных территорий Российской Федерации».

ченные в результате социологического опроса населения Алтайского края, проведенного в 2015 г. Выборка составила 428 человек в возрасте 15–75 лет, среди них 46% мужчин и 54% женщин. Среди них 26,9% опрошенных в возрасте 15–29 лет, 36,4% — 30–49 лет и 36,0% респондентов в возрасте 50 лет и старше. Доля городского населения составила 39,5%, сельского — 60,5%. В социологическом исследовании изучались вопросы, связанные с формированием и проявлением этнической идентичности.

Результаты исследования показывают, что подавляющее большинство жителей Алтайского края (86,9%) воспринимают себя представителями какой-либо этнической группы. Основными этнодифференцирующими признаками, по которым происходит идентификация с соответствующим народом, являются в первую очередь язык (78,5% наблюдений), национальная принадлежность родителей (63,3%) и национальная культура (52,6%). Не менее значимыми критериями оказались общность территории проживания (39,0%), морфологические признаки этноса (25,5%), общее историческое прошлое народа и его менталитет (22,2 и 21,3% соответственно). А также различные элементы культуры: традиции и обычаи (22,2% наблюдений), национальная кухня (24,5%), национальные праздники (34,1%).

Причем необходимо отметить, что речь идет в основном о русскоязычном населении региона. Так, при ответе на вопрос о национальной принадлежности 92,1% опрошенных отнесли себя к данному народу. Количество респондентов иной национальности составило менее 1% (суммарно 7,9%).

Однако этническая идентичность предполагает не только отождествление себя с какой-либо этнической группой, но и включает в себя переживание определенных чувств, оценку значимости данного членства, принятие групповых ценностей и норм. Этническая идентичность населения Алтайского края в большинстве случаев связана с положительными переживаниями: 75,7% респондентов гордятся своей этнической принадлежностью, у 77,8% респондентов этничность вызывает исключительно положительные эмоции. Этническая принадлежность причиняет какие-либо неудобства всего 8,1% опрошенных. Большинство опрошенных (82,0%) также ощущают себя частью культуры своей этнической группы и разделяют ее идеи и убеждения (78,5%).

Идентификация как социально-психологический феномен выполняет функцию, связанную с обеспечением ощущения психологической безопасности и стабильности. Однако на современном этапе данная функция несколько утрачивает свою значимость. Так, толь-

ко 20,8% порошенных дали однозначно утвердительный ответ на вопрос «Дает ли национальность Вам чувство защищенности в кризисной ситуации?» (аналогичный процент респондентов отрицательно оценили данное утверждение), для 27,6% населения национальная принадлежность обеспечивает чувство защищенности лишь эпизодически. Количество же людей, считающих, что национальность не влияет на формирование чувства защищенности, составило 30,4%.

Особенности этнической идентичности взаимосвязаны с половой принадлежностью и возрастом респондентов. Результаты исследования показывают, что женщины чаще мужчин ощущают себя частью культуры своей этнической группы, чаще гордятся своей этнической принадлежностью и разделяют ценности и убеждения этнической группы, в свою очередь среди мужчин больший процент людей, для которых этничность причиняет неудобства. В то же время именно среди женщин наибольшее количество респондентов отметили, что этническая принадлежность способствует их психологической безопасности. Таким образом, для женского населения этническая идентичность является более значимой, что, возможно, обусловлено тем, что данная разновидность групповой принадлежности обеспечивает им чувство защищенности в кризисной ситуации.

Что касается возрастных особенностей, то старшее поколение (50 лет и старше) более высоко оценивает значимость своей этнической принадлежности и в большей мере склонно разделять идеи и убеждения своего этноса. Молодежь же, напротив, реже ощущает себя представителем своей этнической группы и частью культуры этноса, этническая принадлежность для них менее сопряжена с положительными переживаниями.

Оценка своей этнической принадлежности также зависит от типа поселения. Так, жители сельской местности реже воспринимают этническую принадлежность как источник неудобства, а также в большей степени разделяют ценности своей этнической группы. Для сельского населения национальность также обеспечивает защитную функцию.

Таким образом, результаты проведенного исследования показывают, что этническая принадлежность для большинства жителей Алтайского края обладает высокой значимостью, о чем свидетельствует высокий процент людей, ощущающих себя частью этнической группы, и положительные чувства, связанные с данной принадлежностью. Причем этническая принадлежность по-разному оценивается респондентами различных возрастов и половой принадлежности. Однако на современном этапе этническая принадлежность не всегда

обеспечивает функцию психологической защиты в кризисных ситуациях, что, возможно, может способствовать снижению ее значимости для человека.

Библиографический список

1. Арутюнян Ю. В. и др. Этносоциология. М., 1998.
2. Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / отв. ред. В. С. Магун. М., 2006.
3. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М., 1999.

Н. В. Климова (Барнаул)

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В СФЕРЕ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

В последнее время особое значение приобретает вопрос ценностных ориентиров, идеалов и потребностей молодежи, поскольку молодежь является наиболее мобильным слоем общества и принимает участие в социальных и культурных процессах. В информационном обществе развитие медиасистемы происходит стремительными темпами. Массовая коммуникация — это одно из тех важных явлений общества, которое заметно сказывается на развитии общественных отношений, она активно участвует в процессе становления общественного мнения, также оказывает особое воздействие на психологическое и социальное состояние молодежи, как аудитории с легко внушаемой психикой и неокрепшим самосознанием.

Студенческая молодежь в первую очередь выбирает из предлагаемых средствами массовой коммуникации материалов те, которые соответствуют ее запросам, ценностям, потребностям, при этом создавая свои предпочтения в выборе источников получения информации.

В социологическом словаре «предпочтение означает более высокую оценку одного объекта по сравнению с другим на основе данного критерия» [1].

Предпочтения индивидов формируются под действием многообразных культурных, социальных и экономических факторов. Они зависят от прошлого опыта человека, его ожиданий на будущее, характера его взаимодействий с окружающими, а также особенностей культуры, к которой он принадлежит. В том числе большое влияние на предпочтения оказывает возраст, пол, расовая принадлеж-

ность. Следовательно, под социальными предпочтениями понимаются — предпочтения, которые в большей степени представлены в социуме.

Средства массовой коммуникации (СМК) традиционно рассматриваются в качестве одного из «трансляторов социального опыта», важнейшего института социализации, посредством которого ценности того или иного общества передаются личности. По мнению С. А. Ворониной, «участники коммуникации одновременно находятся в нескольких коммуникативных сферах, связанных или не связанных между собой. В значительной степени этому способствует развитие средств коммуникаций. С одной стороны, бумажные и электронные технологии обеспечивают необходимый объем «памяти», сохраняющий произведенные смыслы и позволяющий продолжать и наращивать коммуникативное взаимодействие. С другой — устанавливаются все новые и новые социальные связи, поскольку увеличивается число способов включения в коммуникацию» [2, с. 39].

Основными средствами массовой коммуникации являются печать, радио, телевидение и Интернет.

СМИ в целом мире имеют огромное количество пользователей. Кроме, несомненно, позитивных функций, таких как расширение кругозора, информирование, развлечение, средства массовой информации заставляют общество испытывать массивные разноплановые, негативные воздействия, которые постоянно нарастают, оказывая особенно сильное влияние на молодое поколение.

В настоящее время проводится множество исследований, которые касаются социальных предпочтений в сфере массовой коммуникации. Для того чтобы понять, какой источник получения информации предпочтителен, рассмотрим исследование Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), который представляет данные о том, из каких источников жители России предпочитают узнавать новости, каким из них больше доверяют, насколько популярны сегодня интернет-издания. Всероссийский опрос проведен 27–28 июля 2013 г. Опрошено 1600 чел. в 130 населенных пунктах в 42 регионах России. Выборка репрезентирует городское население России. Статистическая погрешность не превышает 3,4%.

Наиболее востребованный источник новостей — телевидение. Это касается в первую очередь респондентов старше 45 лет (72–76%), а также россиян с начальным уровнем образования (74%); селян (67%). Предпочтение Интернету отдают высокообразованные респонденты (32%); москвичи, петербуржцы (35%); 18–24-летние составляют 50%.

Второй по популярности источник, с помощью которого россияне получают информацию о событиях, происходящих в стране, — Интернет. Таким образом предпочитают узнавать новости 23% опрошенных, по телевидению — 60%. Что касается остальных видов СМИ, они востребованы куда меньше: так, по радио узнают новости 5%, из газет — 7% опрошенных по сравнению с 1991 г., когда этот источник информации был на втором месте после телевидения (31%). Наименее востребованный источник новостей — разговоры с людьми (4%).

Если рассматривать россиян, которые активно пользуются Интернетом, то 48% из них получают информацию о происходящих в стране новостях из Интернета, а из телевидения 40% опрошенных.

По уровню доверия Интернет как источник информации также занимает второе место (22%) после телевидения (60%). Минимальным доверием пользуется пресса — 7% (по сравнению с 1991 г., когда пресса занимала второе место и составляла 19%), а радио доверяют всего 4%.

Для тех, кто активно пользуется Интернетом, по уровню доверия Сеть является лидером и составляет 44%. А 45% респондентов, которые ежедневно выходят в Сеть, склонны доверять в качестве источника новостей и телевидению.

Информация из интернет-версий традиционных средств массовой информации: прессы, радио, телевидения — на данный момент уступает по популярности радио- и телеэфире, печатным версиям журналов и газет. Смотреть передачу в телеэфире в назначенное время предпочитают 76% респондентов, а 21% — в интернет-версии. Такой же выбор делают опрошенные, предпочитая чтение статей в печатной версии газет — 58%, а в электронной — 29%, прослушивание передачи в радиоэфире — 55%, а в интернете — 28%» [3].

В данном исследовании представлены результаты, благодаря которым, можно определить, из каких источников россияне предпочитают узнавать новости, каким источникам доверяют больше, а также выявить, насколько популярен сегодня Интернет.

Подводя итог, можно сказать, что несмотря на стремительное развитие и внедрение Интернета в жизнь общества, ведущую роль в получении информации занимает телевидение, а Интернет является вторым по популярности источником. Утрачивают свое значение газеты, таким образом, занимают третье место, а что касается радио, так его в настоящее время используют еще реже, отводя ему последнее, четвертое место.

Библиографический список

1. Социологический словарь [Электронный ресурс]. Электр. дан. (1 файл). URL: http://slovari.belnovosti.by/content_soc/metod-izucheni-ja-predpochtenij-246.html
2. Воронина С. А. Коммуникативный уровень взаимодействия человека и информационного общества // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 5 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2013.
3. Омнибус ВЦИОМ [Электронный ресурс]. Электр. дан. (1 файл). URL: <http://wciom.ru/index.php?id = 459&uid = 114345>

Т. К. Констанц (Барнаул)

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ДИНАМИКА СЕЛЬСКО-ГОРОДСКИХ МИГРАЦИЙ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ

Миграционные процессы, характерные для современной России, стали не менее актуальными и для Алтайского края, привлекательность которого во многом обусловлена благоприятными природно-климатическими условиями, развитой инфраструктурой, близостью к месту прежнего проживания переселенцев, относительной стабильностью политической и экономической ситуации [1].

В структуре территориальных перемещений населения Алтая традиционно первое место занимает внутрикраевая миграция, на втором месте находится межобластная, далее — миграция со странами ближнего и дальнего зарубежья. Масштабы, направления и результаты внутрикраевого перераспределения населения во многом определялись социально-экономическими факторами. Города и административные районы края отличаются друг от друга природно-климатическими условиями, уровнем социально-экономического развития, возможностями в обеспечении населения рабочими местами и социальными услугами. В силу этого характер, направления, объемы и результативность миграций в отдельных территориальных образованиях имеют свою специфику.

Внутрикраевая миграция охватывает значительную часть населения края, ее доля общем объеме миграционных потоков на Алтае одна из самых высоких в Сибири — 65% [2, с. 65]. На формирование внутрикраевых миграционных потоков более существенное влияние оказывает миграция сельских, а не городских жителей.

Масштабы, направления и результаты внутрикраевого перераспределения населения во многом определяются социально-экономическими факторами [3]. Ускоренное социальное и экономическое развитие села и начало институциональных преобразований в обществе в 80-х гг. прошлого века обусловили сокращение оттока сельских жителей в города. Начавшийся в начале 1990-х гг. экономический кризис, а также дефицит продуктов питания в городах привели сначала к усилению отмеченной выше тенденции в сельско-городской миграции, а затем к ее качественному изменению — оттоку городских жителей края в сельскую местность [2, с. 102].

Однако в 1994–1995 гг. ситуация изменилась. Усилился спад производства в аграрной экономике. Резко увеличился разрыв в уровне оплаты труда работников сельского хозяйства и промышленности в пользу последних, задержки в выплате заработной платы приобрели хронический характер во всех отраслях экономики, но в сельско-хозяйственном производстве это проявилось в более острой форме, масштабы безработицы в сельской местности превысили естественный уровень. В результате чего в 1994 г. возобновилась тенденция преимущественного переезда сельских жителей в города. Финансовый кризис 1998 г. вызвал новый приток горожан в сельские поселения, но это явление носило кратковременный характер и ограничилось одним лишь годом. В дальнейшем урбанизационные процессы в сельско-городской миграции восстановились [4, с. 94].

Современная демографическая ситуация в сельской местности Алтайского края характеризуется как критическая. Наблюдается длительное сокращение численности населения, снижение рождаемости до уровня, не обеспечивающего его простого воспроизводства; рост смертности, особенно среди мужчин в трудоспособном возрасте; ухудшение качественных характеристик сельского населения, рост заболеваемости, сокращение ожидаемой продолжительности жизни; усиление гендерных диспропорций, старение населения, миграционная убыль и обезлюдение малых сел. Наибольший вклад в сокращение демографического потенциала села внесла естественная убыль населения. Так, начиная с 1992 г. за счет превышения смертности над рождаемостью алтайская деревня потеряла более 100 тыс. чел. После начала «шоковых» экономических реформ здесь ежегодно умирает в 1,5 раза больше селян, чем в 60-е гг. прошлого столетия. Среднегодовая численность родившихся в сельской местности региона в эти годы уменьшилась в 1,7 раза по сравнению с предшествующим аналогичным периодом, общий коэффициент рождаемости снизился на 2,4 пунктов промилле, а суммарный — на 32%. Эти процес-

сы в той или иной мере затронули почти все категории родившихся, независимо от возраста матери, очередности рождений, места проживания и уровня образования родителей [5, с. 328].

Следующим по значимости фактором, определяющим демографическую ситуацию в сельской местности края, является миграция. В рассматриваемый период она характеризовалась сокращением миграционной активности сельского населения, его перераспределением из республик Средней Азии и Казахстана на Алтай, появлением беженцев и вынужденных переселенцев, массовым оттоком немцев в Германию, ухудшением миграционных связей с регионами Российской Федерации, увеличением доли внутрирегиональных перемещений населения, развитием новых видов трудовой миграции [6].

Ситуация в социально-трудовой сфере алтайского села оценивается как неблагоприятная. Проблемы занятости и безработицы на селе относятся к числу наиболее острых социальных проблем. В сфере занятости — это низкий уровень оплаты труда и все еще сохраняющаяся задолженность по заработной плате на отдельных предприятиях и в организациях, неблагоприятные условия труда и несоблюдение правил техники безопасности, ненормированный рабочий день, принудительные отпуска и сокращенный график работы, нарушение трудовых прав работников и отсутствие ряда социальных гарантий [7].

Сельский рынок труда региона характеризуется повышенной напряженностью. Здесь наблюдаются более высокие по сравнению со среднерегionalными и среднероссийскими показатели общей и регистрируемой безработицы, значительные по масштабам долговременная и скрытая безработица, существенно занижена цена рабочей силы, глубокие и устойчивые во времени территориальные диспропорции. По оценкам социологов, уровень реальной сельской безработицы составляет 36%. Многие безработные имеют низкие доходы (57% респондентов), находятся в тяжелом материальном положении (33%), испытывают чувства разочарования, одиночества, неуверенности, раздражения, отчаяния (48%). Среди сельских безработных более 60% составляют женщины и 35% — молодежь, доля этих групп в экономически активном населении составляет 52 и 31% соответственно. Прослеживается устойчивая обратная связь между уровнями образования и безработицы: чем выше уровень образования, тем меньше вероятность безработицы. Среди сельских жителей с образованием ниже среднего общего (11 классов) уровень безработицы составляет 27%, а с высшим — менее 6% [5, с. 123].

Современное состояние алтайских сел вызывает особую обеспокоенность, тем более что в сельских поселениях края проживает по-

ловина наших жителей. Здесь есть ряд проблем, требующих незамедлительного решения. Это и неблагоприятная демографическая ситуация, и безработица, и проблемы социально-культурной сферы, в том числе в области образования и медицины.

Социально-экономические последствия сельско-городских миграций оказывают огромное влияние на развитие региона, на его экономическое и социальное благополучие. Отток населения из сел Алтайского края ведет к возникновению большого количества социально-экономических проблем и последствий, часть из которых уже необратима. Разрушается инфраструктура села, закрываются общеобразовательные школы, создаются классы-комплекты. Во многих селах региона отсутствуют дома культуры, школьникам и молодежи зачастую негде реализовать свои творческие возможности. Досуг населения ограничивается просмотром телепередач и прогулкой. Эти последствия негативно сказываются на духовном развитии жителей сел [8, с. 122].

Очень часто алтайское село сталкивается с проблемой квалифицированных работников, в частности, эта проблема актуальна для учителей. Современное село Алтайского края постоянно «стареет». Молодые специалисты не желают, отучившись, жить и работать в деревне. Из-за малой численности населения местные власти считают нерентабельным выделять средства из бюджета для развития образования, здравоохранения и культурно-досуговых мероприятий [2, с. 77].

Подводя итог, необходимо отметить, что в настоящее время существует ряд неблагоприятных тенденций, связанных с сельско-городской миграцией края. Отток населения из сел способствует нарушению их функционирования, наблюдается неблагоустройство сельских поселений, отсутствие должного медицинского обслуживания. Все эти проблемы оказывают огромное влияние на распространение среди жителей сел пассивного образа жизни, алкоголизма, наркомании. Эффективное экономическое развитие сел Алтайского края исследователи в целом видят в развитии АПК, улучшении его функционирования.

Библиографический список

1. Гончарова Н. П. Отражение миграционной тематики в СМИ в условиях эскалации межэтнических конфликтов // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. — Вып. 6 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2014.

2. Цветков Л. Н., Удовиченко Н. Н. Особенности миграционных процессов в России и в Алтайском крае : учебное пособие. Барнаул, 2009.

3. Стерляева Н. А. Некоторые аспекты сельско-городских миграций в Алтайском крае // Гражданская идентичность, социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве : сборник материалов международной научной конференции / отв. ред. С. Г. Максимова. Барнаул, 2015.

4. Методика выборочного обследования миграции сельского населения. Новосибирск, 1999.

5. Устойчивое развитие сельских территорий в контексте социальных проблем развития Алтайского края / А. Я. Троцковский, Л. В. Родионова, А. М. Сергиенко // Известия Алтайского гос. ун-та. 2010. № 2/1.

6. Гончарова Н. П., Ноянзина О. Е., Максимова С. Г. Миграционные процессы: угроза или условие демографической безопасности Алтайского края? (экспертная оценка риска демографического кризиса в регионе) // Известия Алтайского гос. ун-та. 2013. № 2/2 (78).

7. Баутин В. М., Козлов В. В. Устойчивое развитие сельских территорий: сущность, термины, понятия [Электронный ресурс]. URL: <http://agromagazine.msau.ru/index.php/-4/2008-03-20-14-11-56/106lr.html>

8. Еремин А. А. Население Алтайского края на современном этапе: динамика и территориальная дифференциация численности // Известия Алтайского гос. ун-та. 2010. № 3/2 (67).

*Д. А. Омельченко, С. Г. Максимова, Н. П. Гончарова
(Барнаул)*

СОСТОЯНИЕ СФЕРЫ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ОЦЕНКАХ ЖИТЕЛЕЙ АЛТАЙСКОГО КРАЯ*

Межнациональные отношения в государстве представляют собой сложный конгломерат социальных взаимодействий между населяющими его территорию народами по поводу различных аспектов общественной жизни. Их характер определяется множеством факторов, ключевую роль среди которых играет национальная политика государства. В отличие от мононациональных стран, государственные

* Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания Минобрнауки России № 28.1475.2014К «Гражданская и этническая идентичности в системе сохранения социальной безопасности населения приграничных территорий Российской Федерации».

и этнические границы которых находятся в максимальной близости, а население, условно говоря, можно считать этнически однородным, Россия всегда была многонациональным государством, от гибкости национальной политики которого зависело многое: и целостность территории и внутреннее спокойствие, отсутствие войн и крупных межнациональных конфликтов. В этой связи особое значение приобретает изучение того, как складываются межэтнические отношения в различных регионах России, какой эффект производят меры, разрабатываемые в русле государственной национально-политической доктрины.

Анализ состояния в сфере межэтнических взаимодействий, эффективности деятельности региональных органов власти по обеспечению исполнения стратегии государственной национальной политики в Алтайском крае был проведен на основе оценок населением ($n = 1178$) выраженности 21 признака, измеряемого 10-балльной шкале.

Согласно полученным средним значениям, население региона считает, что представители различных национальностей проявляют друг другу дружественное и уважительное отношение, люди стараются оказывать помощь другим в затруднительных ситуациях вне зависимости от национальной принадлежности, проявляют уважение к обычаям, традициям и языку иных национальностей, а органы власти бескомпромиссно и на деле отстаивают интересы всех жителей независимо от национальности и вероисповедания (средние значения выше 5,5 баллов). Осуждение межнациональных браков, оказание психологического давления, недружелюбные высказывания о людях иной веры, хулиганские действия и физическое насилие на межнациональной основе выражены в незначительной степени (средние значения 3,8 баллов и ниже).

В Алтайском крае, по оценкам населения, наблюдается слабая выраженность этнической конкуренции: только 6,6% респондентов дали высокую оценку проявления признака «соперничество за лидерство между представителями разных национальностей».

Одной из важных характеристик межнациональной сферы является уровень межнациональной напряженности, выступающий переменной величиной, изменяющейся под влиянием множества факторов: международной обстановки, социально-экономических условий, демографических процессов (усиления или ослабления миграции) и др. По мнению жителей Алтайского края, участвовавших в нашем опросе, хулиганские действия на межнациональной основе, физическое насилие и избиение иностранных граждан распространены

ны в незначительной степени, об этом свидетельствовали 6,1% ответов высокой, 43,2% — средней и 50,7% — низкой выраженности соответствующего показателя.

Межконфессиональные отношения в Алтайском крае были охарактеризованы как преимущественно стабильные и гармоничные: только 5,0% опрошенных отметили высокую выраженность признака «недружелюбные высказывания о людях иной веры», более половины (50,6%) указали на практическое отсутствие неуважительно-го отношения к представителям различных религий, 44,5% выбрали ответ в зоне средней выраженности.

Как показали результаты нашего исследования, в регионе ощущается более острая необходимость поддержки русской культуры, в то время как другие национальные культуры получают существенную помощь. Каждый пятый иноэтничный респондент поставил максимально высокие баллы по показателю оказания поддержки национальных культур, тогда как в выборке русских доля аналогичных ответов была намного ниже — 14,6%, при сопоставимых долях суммарных оценок средней выраженности.

Светский характер российского государства, гарантированное законом отделение церкви от органов власти предполагает отсутствие предвзятых либо, наоборот, поощрительных отношений к религиозным организациям. По мнению жителей Алтайского края, участвовавших в опросе, религиозные организации и конфессии получают намного меньшую поддержку от органов власти, чем национально-культурные объединения. Четверть респондентов оценила выраженность этой поддержки как низкую, 61,8% респондентов поставили оценки среднего диапазона, 13,5% полученных ответов свидетельствовали о существовании достаточно серьезной поддержки государства, оказываемой религиозным организациям.

В ходе сравнительного анализа частотных таблиц, возрастных, поселенческих, национальных и религиозных различий нами неоднократно отмечался сходный характер распределения оценок по различным показателям, идентичность конфигурации средних оценок в сопоставляемых группах, что означало наличие общих детерминант, скрытых причин и закономерностей, определяющих оценку характеристик сферы межнациональных отношений. Для их выявления был проведен факторный анализ.

В результате была получена трехфакторная структура. В первый фактор с максимальными нагрузками вошли показатели, характеризующие деятельность органов исполнительной власти по поддержке развития культуры и традиций представителей разных на-

циональностей (0,83), успешному разрешению возникающих конфликтов (0,82), поддержке национально-культурных общественных объединений (0,82), ведению диалога с этническими диаспорами и национальными меньшинствами (0,80), эффективному управлению системой реализации государственной национальной политики в регионе (0,80), поддержке конфессий и религиозных объединений (0,80), контролю за соблюдением соответствующего законодательства, отстаиванию интересов всех жителей региона. По сути это магистральный фактор, дающий представление о структуре межнациональных взаимодействий в регионе, в которой главными социальными акторами, от действий которых зависит не только устойчивость и стабильность межнациональной сферы, но и достижения в деле развития и поддержки национальных культур, предотвращения конфликтных ситуаций, являются региональные власти.

Второй фактор составили утверждения, отражающие негативные характеристики межнациональных отношений, такие как психологическое давление (0,81), хулиганские действия и физическое насилие (0,79), недружелюбные или враждебные высказывания о людях другой национальности (0,78), иной веры (0,78), осуждение межнациональных браков (0,74), соперничество за лидерство между представителями разных национальностей (0,74), предрассудки, мешающие установлению дружеских отношений (0,69). Тот факт, что все эти переменные попали в один фактор, свидетельствует об укорененности в сознании жителей региона представлений о ненормальности, неадекватности проявления дискриминации, их пагубного влияния на жизнь людей, межличностные отношения и дружеские связи с другими национальностями.

Третий фактор (информативность — 8,4%, суммарный вес $\lambda = 1,8$) был представлен пятью переменными: уважение к обычаям, традициям и языку иных национальностей (0,80), помощь друг другу в затруднительных ситуациях вне зависимости от национальной принадлежности (0,80), уважительное отношение к представителям другой национальности (0,72), дружба между представителями разных национальностей (0,77), справедливое распределение должностей, различных благ для любых национальностей (0,65). Примечательно, что смысловым стержнем данного фактора является взаимоуважение и взаимовыручка. Не случайно, что в сложных условиях кризисного времени, на бессознательном уровне общественного мышления происходит осознание того, что добрососедские отношения фор-

мируются только путем последовательного и неперемного взаимодействия на основе принципов толерантности, признания «другого» равным. Только там, где есть уважение, может появиться дружба и справедливость, и, напротив, без уважения вряд ли стоит надеяться на помощь в трудной, кризисной ситуации.

Обобщая полученные результаты, отметим, что формирование благоприятного межнационального климата в обществе наряду с важностью сохранения культурных особенностей предполагает преодоление межэтнического противостояния и усиления социальной сплоченности на основе общечеловеческих ценностей. Отсутствие дискриминации и оказание поддержки всем членам общества, невзирая на их расовую, этническую или религиозную принадлежность, является одним из главных условий формирования сильной гражданской нации, межнационального мира и единства.

По оценкам населения, в Алтайском крае представители различных национальностей проявляют друг другу уважительное отношение, интересуются своими исконными традициями и национальной культурой, в затруднительных ситуациях готовы прийти друг другу на помощь, невзирая на этнокультурные отличия. В целом населением высоко оценивается деятельность властей, которым удается поддерживать стабильную межнациональную обстановку, налаживать диалог с национальными объединениями и диаспорами, удерживать уровень межнациональной напряженности на приемлемом, безопасном уровне. В то же время существуют и проблемные зоны. Так, по мнению жителей Алтайского края, государство оказывает слабую поддержку конфессиям и религиозным организациям, услуги которых становятся все более востребованными, недостаточно артикулировано проявляется осуждение национализма, имеют место предрассудки, соперничество и борьба за лидерство между разными народами. Смягчение, если не полная ликвидация данных проблем будет способствовать дальнейшей гармонизации межэтнических отношений в Алтайском крае.

О. В. Борисова (Барнаул)

СУЩНОСТЬ ПОНЯТИЯ «ГРАЖДАНИН» (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ)*

Термин «гражданин» возник еще в эпоху Античности. Тогда гражданином называли жителя города, который приобрел определенный статус, некую совокупность прав и обязанностей, а с развитием буржуазного общества все более наполнялся правовым содержанием [1, с. 1].

В России смысл понятия «гражданин» изменялся в ходе социально-исторического развития российского общества. Термин «гражданин» до определенного момента имел другое значение, отличавшееся от основной современной интерпретации этого понятия [1, с. 1]. Тем не менее многие представители российской общественности конца XVIII–XIX вв. (А. Н. Радищев, А. Ф. Бестужев, Ф. М. Кречетов, В. В. Попугаев, В. Г. Белинский, К. Д. Ушинский и др.) указывали на необходимость патриотического воспитания юношества, которому практически не уделялось внимания. В частности, Е. Р. Дашкова во второй половине XVIII в., критикуя воспитательные традиции прошлого, отмечала: «Сие воспитание едва воспитанием называться может: ибо должность гражданина и право естественное юношеству было неизвестно» [2, с. 283]. А в первой половине XIX в. В. В. Попугаев высказывал мысль о том, что главной целью просвещения должна заключаться в создании политической грамотности граждан [3, с. 88].

Таким образом, очевидно, что проблема осмысления гражданской ответственности была в дореволюционной России актуальной. Она рассматривалась российской интеллигенцией в контексте нравственно-го воспитания в качестве одной из его важнейших задач.

Если обратиться к истории XX в., то в современном русском языке используется одно и то же слово для определения принадлежности человека к населению государства как территориальной или иной общности и его правового статуса. Это слово «гражданство». В слове Ожегова оно определено как «состояние в числе граждан государства, правовое положение гражданина» [4, с. 144].

* Опубликовано при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках конкурсной части государственного задания в сфере научной деятельности ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» № 1475 «Гражданская и этническая идентичности в системе сохранения социальной безопасности населения приграничных территорий Российской Федерации».

Рассмотрим содержание термина «гражданин» по мнениям жителей Алтайского края.

Эмпирическую базу исследования, результаты которого представлены в статье, составили материалы социологического исследования, проведенного в рамках реализации государственного задания Минобрнауки России № 28.1475.2014К «Гражданская и этническая идентичности в системе сохранения социальной безопасности населения приграничных территорий Российской Федерации» (n = 428).

Представим анализ ответов респондентов на вопрос «Что для Вас значит быть гражданином?».

При рассмотрении ответов респондентов выяснено, что половина опрошенных (50,6%) считают, что быть гражданином — значит соблюдать законы своей страны и уважать ее конституцию. Для 46,4% респондентов, чтобы считать себя гражданином государства, нужно быть патриотом. При этом только для 18,5% жителей края обязательным является постоянное проживание на территории страны. Также 18,3% респондентов отмечают значимость отсутствия желания переехать в другую страну.

Почти для трети жителей края (28,8%), являясь гражданином страны, важно иметь все права, предоставляемые законами этой страны, пользоваться ими и чувствовать уверенность и стабильность в экономическом и моральном плане (30%). Примечательно, что 28,3% респондентов выбрали для себя ответ «понимать свой гражданский долг, иметь гражданскую ответственность, гражданскую совесть».

Негативные оценки получил вариант ответа «уважать людей у власти». Только 10,5% респондентов считают это значимым для гражданина. И для 12,2% опрошенных необходимо чувствовать себя причастным к большим и малым делам государства, считая себя гражданином страны. Также всего 11,7% жителей нашего региона связывают понятие «гражданин» с самореализацией.

В целом респонденты вкладывают положительный смысл в термин «гражданин».

Таким образом, сущность понятия «гражданин» для жителей Алтайского края заключается прежде всего в патриотизме, соблюдении законов своей страны. Значимыми аспектами является уверенность и стабильность в экономическом и моральном плане и возможность иметь права и пользоваться ими. Также важными чертами гражданина являются понимание своего гражданского долга, наличие гражданской совести и ответственности.

Библиографический список

1. Самтакова А. А., Холопова Л. А. Гражданин и гражданственность // Концепт. 2014. Спецвыпуск №09.
2. Дашкова Е. Р. О смысле слова «воспитание» // Антология педагогической мысли России XVIII в. / сост. И. А. Соловков. М., 1985.
3. Попугаев В. В. О просвещении народном и оногo следствиях // Антология педагогической мысли России первой половины XIX в. (до реформ 60-х гг.) / сост. П. А. Лебедев. М., 1987.
4. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992.

Раздел IV

**СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА
В СИСТЕМЕ ЗНАНИЙ
О ЧЕЛОВЕКЕ И МИРЕ**

Т. В. Чуканова, А. А. Бем (Барнаул)

ПРОФИЛАКТИКА ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-РЕАБИЛИТАЦИОННОГО ЦЕНТРА

Кризисная ситуация, а также динамизм социальных процессов способствуют увеличению девиаций в различных сферах общественной жизни. Вместе с ростом позитивной девиации (научное и художественное творчество, экономическая предприимчивость, политическая активность), набирают большой оборот негативные девиации — алкоголизация и наркотизация населения, подростковая делинквентность. Очевидно, что показателем уровня дефицита нравственного и морального развития общества является девиантное поведение. Научная и общественная значимость проблемы профилактики девиантного поведения находит подтверждение в многочисленных теоретических и прикладных исследованиях этого вопроса. Важно разбираться в психологических факторах трудновоспитуемости, формах проявлений нарушения поведения, возрастных особенностях психики, основных причинах появления «трудных» детей и подростков [1; 2]. В социальной работе одним из основных направлений деятельности является профилактика различного рода отклонений.

Многочисленные исследования свидетельствуют о том, что вне семьи развитие ребенка идет по особому пути, у него формируются специфические черты характера, поведения, и чтобы они не привели к развитию девиаций, необходимо вовремя оказывать помощь в форме профилактической работы. В связи с этим социально-психологическая профилактика девиантного поведения подростков в крайнем социально-реабилитационном центре для несовершеннолетних имеет свои особенности (исследование проводилось на базе крайнего социально-реабилитационного центра для несовершеннолетних «Лучик» в Камне-на-Оби).

Социально-психологическая профилактика определяется как система мероприятий, направленных на выявление и предупреждение явлений дезадаптации обучающихся, воспитанников в образовательных учреждениях, в том числе разработку и реализацию профилактических программ [3]. Профилактика девиантного поведения включает в себя систему различных мероприятий в жизнедеятельности подростка. Это проявляется на общегосударственном, политическом, общественном, правовом, экономическом, педагогическом уровнях. Выделяются несколько форм социально-психологической профилак-

тики отклоняющегося поведения: организация социальной среды; информирование; обучение социально важным навыкам; организация деятельности альтернативной девиантному поведению; организация здорового образа жизни; активизация личностных ресурсов; минимизация негативных последствий девиантного поведения [4]. Немаловажным аспектом в проведении социально-психологической профилактики являются её способы (дискуссии, арт-терапия, интерактивные игры, игровые упражнения).

Обучение социально важным навыкам чаще происходит в виде групповых тренингов. Самыми распространёнными типами тренингов являются: тренинг резистентности — устойчивости к негативно-му социальному влиянию. В ходе данного тренинга развивается способность подростка говорить «нет» в условиях давления сверстников, а также осуществляются попытки изменения установок на отклоняющееся поведение и формирование навыков распознавания рекламных стратегий; тренинг асертивности, или аффективно-ценностного обучения. В основе этого типа тренинга лежит представление о том, что девиантное поведение связано с нарушением эмоциональности подростка. И для того, чтобы этого не случилось, подростков учат распознавать эмоции, выражать их должным образом и справляться с различного рода стрессами. Помимо всего этого, в ходе групповой работы формируются навыки принятия решения, развиваются позитивные ценности, происходит процесс повышения самооценки личности подростка. Следующий тип — тренинг формирования жизненных навыков. Прежде всего под жизненными навыками подразумевается умение общаться, взаимодействовать, поддерживать дружеские связи и правильно разрешать конфликты. Это и есть наиболее важные социальные знания и умения. Кроме этого, важным аспектом тренинга является способность принимать на себя ответственность, умение отстаивать свою позицию и интересы. Немаловажными также считаются навыки самоконтроля, изменение себя и окружающей ситуации и уверенного поведения. Думается, что подобная форма работы является наиболее результативной и перспективной.

В результате исследования проблемы девиантного поведения воспитанников краевого социально-реабилитационного центра «Лучик» было протестировано 50 воспитанников центра в возрасте от 12 до 17 лет. Из них 20 девочек и 30 мальчиков. Все опрошенные воспитанники центра имеют ту или иную степень отклоняющегося поведения.

В ходе исследования выяснилось, что воспитанники центра часто ссорятся со сверстниками и в конфликтной ситуации не скупят-

ся на ругательства (68% вступают в словесные перепалки со сверстниками). В основном эти респонденты отличаются злопамятностью и в ряде случаев могут отомстить за свои обиды.

Но также по результатам исследования видно, что отношение к дракам у респондентов в основном негативное (15 человек (30%) являются постоянными участниками драк), т. е., возможно, воспитанники совершают такие действия неосознанно. Также можно сказать о том, что основной процент опрошенных когда-либо употребляли алкоголь, 54% пробовали алкоголь хотя бы один раз, а 46% никогда не употребляли алкогольные напитки.

Тот факт, что большинство опрошенных (52%, или 26 человек) живут в полной семье, а 24 человека (48%) имеют только одного из родителей, говорит о том, что не только в неполной семье могут существовать девианты. Также отмечен большой процент респондентов, которые не хотят посещать общеобразовательные учреждения. Это становится еще одним фактором формирования девиаций среди подростков.

В ходе исследования выяснилось, что проблема девиантного поведения воспитанников краевого социально-реабилитационного центра является актуальной, были выявлены факторы его формирования: нравственно-психологическая атмосфера в семье, условия пребывания в общеобразовательных учреждениях и учреждениях интернатного типа, а также взаимоотношения в микросоциальной среде.

Для того, чтобы выяснить отношение специалистов к профилактике девиантного поведения, был проведен экспертный опрос. Одинаковое количество сотрудников (14,3%) ответили, что для профилактики проводятся беседы и экскурсии, 28,6% утверждают, что для этого достаточно тематических конкурсов. И наибольшее количество сотрудников (42,9%) говорят, что комплексный подход в профилактике девиантного поведения с включением тренинговых занятий для воспитанников наиболее результативен.

Поэтому немаловажным аспектом в социально-психологической профилактике девиантного поведения являются тренинговые занятия на улучшение взаимоотношений подростка и его окружения. Поскольку специалисты центра склоняются к тому, что основная проблема подростков — это страх общения, следовательно, и работа должна быть направлена на решение этой проблемы. Исходя из этого можно сделать вывод, что профилактические мероприятия девиантного поведения подростков должны включать в себя социально-психологические тренинги, так как это позволит преодолеть трудности взаимодействия подростка и его окружения.

Проблема девиантного поведения — это проблема общества в целом, а решение данной проблемы способствует успешному нравственному и духовному развитию государства и общества. Профилактические мероприятия девиантного поведения подростков должны включать в себя социально-психологические тренинги, так как это позволит преодолеть трудности взаимодействия подростка и его окружения. В ходе проведенного исследования выяснились типы тренингов, которые наиболее благоприятны для проведения социально-психологической профилактики девиантного поведения подростков исходя из их цели. Это тренинг резистентности, тренинг асертивности, или аффективно-ценностного обучения. Тренинг формирования жизненных навыков оказался наиболее результативным в работе с воспитанниками краевого социально-реабилитационного центра «Лучик» в Камне-на-Оби, поскольку позволяет преодолеть трудности общения и профилирует проявления девиантного поведения подростков.

Библиографический список

1. Стерляева Н. А. Роль социальных служб в системе профилактики преступности несовершеннолетних // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 5 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2013.
2. Стерляева Н. А. Роль семьи в профилактике наркозависимого поведения подростков // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 6 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2014.
3. Воробьева К. А. Профилактика агрессивности в подростковой среде // Воспитание школьников. 2008. №6.
4. Шапинский В. А., Мареев В. И. Девиантное поведение и социальный контроль : учебное пособие. Ростов-на-Дону, 1997.

Т. А. Мазайлова, И. В. Медведева (Барнаул)

КОНЦЕПЦИЯ Т. ПАРСОНСА О РОЛИ БОЛЬНОГО КАК ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ОСНОВА ИССЛЕДОВАНИЯ РАЗВИТИЯ ПАЛЛИАТИВНОЙ ПОМОЩИ

Паллиативная помощь как система ухода, которая направлена на оказание больному помощи для облегчения его соматического и психического состояния, а также поддержание его социального и духовного потенциала, была выделена в качестве самостоятельно-

го направления здравоохранения лишь вначале 80-х гг. XX в. по инициативе Всемирной организации здравоохранения. Между тем попытки описания и понимания социальных процессов, возникающих в ситуации болезни, появились в социологии гораздо раньше. Взаимоотношения пациента и врача активно исследуются в настоящее время, и связано это с трансформацией роли врача и роли пациента, сложностями, возникающими в паре «врач-пациент». Роль врача в системе паллиативной помощи отличается от характера медицинской помощи в общем. Отчасти это обусловлено спецификой ситуаций, в которые попадают и пациент, и врач, многообразием этих аспектов, формами взаимодействия и коммуникации.

Предложенная Т. Парсонсом Концепция роли больного (1951) позволяет анализировать поведение больного и врача с позиций медицинской помощи. В 1975 г. Т. Парсонс адаптирует концепцию роли больного для хронического заболевания, что отчасти позволяет использовать её как теоретическую базу для стратегии развития паллиативного подхода, исследования процесса оказания помощи неизлечимым больным пациентам. Если в изначальной концепции роли больного пациенту предписывалось делать все возможное для полного излечения, то в случае хронического заболевания, когда полное излечение невозможно, роль балансирующего фактора играет контроль над болезнью. Пациенты «контролируют» неизлечимое заболевание, что функционально соответствует обязанности «поправляться», которые появляются в социальной роли больного [1]. В этой связи возникает многообразие ситуаций, аспектов, в которые попадают врач и пациент.

С позиции социологии болезнь можно охарактеризовать как вид социального отклонения, в котором индивид обладает специфической ролью. Роль больного характеризуется свободой от обыденных социальных обязанностей, больной человек не имеет вины в своей болезни, старается бороться со своим недугом. Таким образом, больной будет ориентирован на получение компетентной профессиональной помощи, так как болезнь выступает социально нежелательным явлением. Кроме того, предполагается, что человек в роли больного будет следовать режиму, предложенному компетентным врачом. Врач считается главным лицом в легитимации роли больного ввиду того, что в западном обществе врачи имеют профессиональную монополию. Однако позиция человека в роли больного может быть подвержена критике по различным причинам. Во-первых, не отмечена разница между пациентом и ролью больного, а ведь быть больным — не значит обладать статусом пациента. Во-вторых, оно не все-

объемлющее, так как некоторые «состояния» (алкоголизм, инвалидность и беременность) не всегда приводят к освобождению от обычных социальных обязанностей. В-третьих, анализ роли больного в полной мере применим для острых состояний и лишь для некоторых хронических, однако вовсе не подходит для incurable состояний человека. Это связано с ослаблением ролевых позиций «больной — врач», когда болезнь преодолеть нельзя, а компетенции врача исчерпаны. В-четвертых, есть проблемы, сопряженные с так называемым девиантным болезненным поведением (например, ипохондрия, или синдром Мюнхгаузена), когда существует конфликт между врачом и пациентом в определении болезни. Важность взаимосвязи «врач и пациент» может быть интерпретирована и позволит определить ряд механизмов, которые в дополнение к техническим знаниям и умениям врача работают, чтобы облегчить ему функции в борьбе с болезнью и развивать другие функции, которые имеют важное значение для социальной системы.

Первоначально следует помнить, что существует огромный спектр различных типов болезней и степеней тяжести заболевания, различные типы врачей. Это говорит о том, что стоит акцентировать внимание на определенных стратегических и характерных чертах положения обоих. Например, характерные черты положения пациента и его «ближайших» партнеров, в частности, членов его семьи, могут быть классифицированы так: 1) беспомощность и нужда в помощи; 2) техническая некомпетентность; 3) эмоциональная вовлеченность.

Предположительно с позиций социальной роли больному человеку предписывается статус «беспомощность», а также «нуждаемость». Именно фактор нуждаемости является определяющим для изменения социальной роли больного и становится ведущим для роли пациента. Этот фактор будет меняться в зависимости от тяжести заболевания, испытываемых страданий, риска смерти, возможной утраты трудоспособности. Важно, что близкое окружение, под влиянием которого может происходить смена этого статуса, активно поддерживает социальную роль больного, беря на себя некоторые его функции. Несомненно, что больной «имеет право» на помощь, даже в случае возможности самостоятельно заботиться о своем состоянии, но не является компетентным, чтобы помочь себе сам, исключения составляют элементарные случаи. В нашей культуре есть специальное определение вида помощи, который ему необходим: профессиональная, техническая, компетентная помощь. Природа этой помощи накладывает дополнительное ограничение на выполнение роли. Итак, больной не только не в состоянии сделать то, что должно быть сделано, но он

делает, не «зная», что должно быть сделано и как именно это сделать. Так, при постановке двух противоречивых диагнозов обычный человек не квалифицирован, чтобы выбирать между ними. Такое противоречие накладывает отпечаток на выполнение роли, деформируя взаимосвязь «пациент — врач».

Для поддержания этой связи становится актуальным проверка профессиональности врача. Такая проверка может базироваться на субъективной оценке, объективных знаниях о квалификации врача. Так или иначе, основываясь на этих знаниях, пациент делает прогноз о развитии своей болезни, знает об осложнениях (быть осведомленным о них). К таким осложнениям относятся: ухудшение состояния, предшествующее успешному излечению (например, в случае крупной хирургической операции), риск смерти, постоянная или длительная инвалидность, серьезные финансовые затраты и др. С точки зрения здравого смысла всегда можно сказать, что пациент имеет очевидный интерес в получении успешного результата лечения, следовательно, должен быть готов принять любые меры, которые могут оказаться необходимыми. Но всегда есть вопрос (явный или неявный): «Будет ли какой-либо прок?»

Ситуация болезни, как правило, сталкивает пациента и его близких со сложными проблемами эмоциональной адаптации. Развитие ситуации «напряжения» влечет фундаментальные нарушения ожиданий, по которым люди живут. Это требует поиска выхода из дискомфортного состояния, прекращения страданий, беспомощности, избавление от страха ожидания возможной смерти. Такие нарушения жизненного уклада больного и его близких требуют смены модели поведения, выполнения социальных функций в ином психологическом статусе [2, с. 299]. Невозможность осуществлять социальную деятельность, нарушение социальных отношений, ощущение состояния униженности из-за неспособности нормально функционировать, изменение социальных отношений порождают два наиболее распространенных типа реакций: своего рода эмоциональный «шок» в начале болезни и тревога о будущем. В обоих случаях есть основания полагать, что большинство людей оценивают направление уверенности, как «все будет хорошо», т. е. они мотивированы на то, чтобы недооценивать их шансы заболеть, особенно тяжелой болезнью, и если они делают это, то, как правило, идет переоценка шансов на быстрое и полное восстановление. Поэтому даже необходимая степень эмоционального принятия реальности труднодостижима. Одна из частых возможных реакций — это попытка отрицать болезнь или различные ее аспекты. Другой реакцией может быть «жа-

лость и нытье» (жаловаться для получения дополнительной помощи или же специально для непрерывного личного внимания). В любом случае этот фактор усиливает другие, что усугубляет трудности пациента, в то время как необходимо объективное суждение об его состоянии. Проявление врачами внимания любого характера к пациенту неизбежно влияет на его эмоциональное состояние и состояние его близких.

Итак, ситуация больного в медицинской практике, во-первых, может сочетаться с беспомощностью, отсутствием компетенции, а эмоциональные расстройства делают больного особенно уязвимым. Во-вторых, формируются новые ролевые позиции и ожидания. Необходимо соответствовать ролевым ожиданиям пары «пациент — врач». И в этой системе социальных взаимодействий специфика паллиативной помощи не вписывается в предлагаемые координаты: не всегда могут выполняться ожидания, предписываемые системе «пациент — врач». Такое положение зачастую связано с особенностями заболевания и типом пациентов, которым оказывается помощь в паллиативном уходе — пациенты неизлечимы. В этой связи роль врача не вписывается в прогнозное поведение. Врач оказывается в состоянии конфликта: должен лечить, но лечить не может, поскольку заболевание лечению не поддается. Зачастую это приводит к самоустранению врача из тандема с пациентом, который не имеет квалификации, физических, социальных компетенций помочь себе, остается один на один с недугом. При этом близкое окружение больного ожидает любых действий со стороны врача, способствующих облегчению страданий, как больного, так и их самих. Однако на сформированное в других ситуациях ролевое поведение врача оказывают давление множество факторов: профессиональные стереотипы, сформированные компетенции, мнение профессионального сообщества. Таким образом, пациент и его близкие оказываются вне медицинской системы, и основным субъектами помощи больному становится ближайшее окружение. Всё это даёт возможность утверждать, что развитие паллиативной помощи находится в системном противоречии: её относят к медицинской помощи, но при этом роль врача в ней минимизирована; больному и близким требуется эмоциональная поддержка, оказание которой вне ролевой позиций «врач»; пациента не справляется со своими «обязанностями выздороветь», и это выводит его из круга «нормальных пациентов», увеличивая степень социальной изоляции. Эти и другие вопросы могут быть изучены более подробно, а предложенная Т. Парсонсом концепция позволяет использовать её для анализа современного состояния развития паллиативной помощи в России.

Библиографический список

1. Parsons Talcott, The social system. — British Library Cataloguing The social system 2nd ed (Routledge sociology classics) 1. Sociology I, 1902–1979.

2. Сиротина Т. В., Миллер С. М. Творческие технологии в практике паллиативного ухода // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 7 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2014.

А. С. Бочарова (Барнаул)

ОСОБЕННОСТИ АРТ-ТЕРАПИИ В ПРОЦЕССЕ РЕАБИЛИТАЦИИ НАРКОЗАВИСИМЫХ

На рубеже XX–XXI вв. человечество столкнулось с пониманием того, что злоупотребление наркотиками стало проблемой уже не отдельно взятого человека и даже не какой-либо страны, а всего мира в целом.

Наркотическая зависимость чревата очень серьезными последствиями, оказывающими влияние на все сферы жизни человека. Наркозависимому сложно налаживать отношения с окружающими людьми, так как у него возникает антисоциальное поведение, вспышки гнева, агрессия, неконтролируемость эмоций, лживость.

Огромное влияние наркотики оказывают на здоровье наркозависимого. Негативные последствия их принятия сказываются на всех системах организма человека: сердечно-сосудистой, дыхательной, пищеварительной, репродуктивной, нервной и др. Самым опасным последствием наркомании является склонность к суициду.

В психологический портрет наркомана часто включаются такие черты, как оригинальность, высокая чувствительность, ранимость, противоречивость, образное, художественное восприятие мира, спонтанность, детская инфантильность, склонность к фантазированию, нестандартность и большое количество ассоциаций, т. е. черты, свойственные творческим людям. Исходя из этого можно предположить, что наркозависимые обладают высоким творческим потенциалом, но он не реализуется. Блокирование стремления к творчеству может приводить к высокому внутреннему дискомфорту и ощущению безысходности, личностной несостоятельности. Преодоление этого невозможно без творческого решения, к которому человек оказывается неспособным и ищет скорее ухода от проблемы, чем её разрешения, в частности, с помощью наркотика [1].

Таким образом, можно сделать вывод, что одним из эффективных методов реабилитации наркозависимого является арт-терапия.

Реабилитация в наркологии получила следующее определение: это цельная система психологических, медицинских, образовательных, воспитательных, социальных, трудовых, правовых мер, направленных на личностную реадaptацию больных, их ресоциализацию и реинтеграцию в общество при условии отказа от употребления психоактивных веществ, вызывающих зависимость [2].

В лечебной и психокоррекционной практике арт-терапия — это совокупность методик, которая построена на применении в своеобразной символической форме техник разных видов искусства, позволяющих стимулировать художественно-творческие проявления клиента с целью корректировки нарушений психосоматических, психоэмоциональных процессов и отклонений в личностном развитии [3].

Арт-терапия используется для оказания психологической помощи пациентам, в том числе и для реабилитации больных с алкогольной и наркотической зависимостью. Считается, что арт-терапия дает выход агрессивности и иным чувствам с негативной окраской без какого-либо вреда для окружающих. Видов такого лечения множество: изотерапия, фототерапия, музыкотерапия, танцетерапия, сказкотерапия, цветотерапия, драматерапия и др.

Арт-терапия не имеет противопоказаний, позволяет работать с чувствами, кажущимися непреодолимыми (страх, тревоги, внутренние конфликты, обида, чувство вины и др.). Любой вид и форма арт-терапии — это активизация творческого потенциала человека. На физиологическом уровне эффект арт-терапии объясняется тем, что во время творческой работы активно работает правое полушарие мозга, мало используемое в быту. Ежедневная работа, решение разнообразных проблем перегружают «логическое» левое полушарие, в то время как правое остается менее задействованным. Но именно оно отвечает за чувства, психосматику, а также восприятие себя и других. Наркомания ещё называется болезнью замороженных чувств. Занимаясь творчеством и активизируя правую часть мозга, пациенты возобновляют свое привычное, правильное развитие. Методика арт-терапии помогает обрести уверенность в себе, а также адекватную самооценку [4].

В творчестве используются разные материалы: глина, цветная бумага, песок, краски, карандаши и др. В процессе работы с данными материалами происходит свободная реализация бессознательных импульсов. Активизация фантазии и воображения, выход эмо-

ций в творческом процессе сами по себе оказывают положительный эффект.

Арт-терапия активно развивается в России и за рубежом. В практической психотерапии очень важно присутствие арт-терапевта, который побуждает пациента к взаимодействию с изобразительными материалами, а в процессе обсуждения с пациентом результатов творчества позволяет ему поделиться переживаниями негативных эмоций. Арт-терапевт создает безопасную среду для работы, в которой пациент чувствует себя защищенным для того, чтобы выразить свои переживания, чувства, не испытывая никакого давления со стороны окружающей среды [5].

Хотя в работе с лицами, страдающими зависимостью от психоактивных веществ, применяется как индивидуальная, так и групповая арт-терапия, ряд авторов указывают на большую ценность групповой арт-терапии.

Процесс групповой арт-терапии, по мнению Л. И. Копытина, охватывает три этапа:

- 1) подготовительные организационные процедуры и исходная диагностика;
- 2) коррекционный этап, оценка промежуточных результатов;
- 3) завершение работы, оценка конечных результатов [6].

Арт-терапия — одно из самых интересных направлений в реабилитации пациентов. Арт-терапевтическая деятельность не только помогает клиентам справиться с проблемой, но и открывает новые, ранее неизвестные им интересы в жизни, которые после овладения теми или иными навыками в различных видах искусства становятся замещающими факторами реализации личностных потенциалов не через наркотик, а через активное творчество [5].

Творческая работа пробуждает интерес человека к искусству, развивает креативное мышление и способствует снятию эмоционального напряжения [7].

Арт-терапия является эффективным и востребованным методом в процессе реабилитации наркозависимых. Проводя арт-терапевтические мероприятия в комплексе с другими видами помощи, можно повысить общую эффективность реабилитационных мер.

Библиографический список

1. Леванова Е. И. Творческая активность у лиц с наркотической зависимостью // Сервис в России и за рубежом. 2009. № 3 (13).
2. История развития реабилитации наркозависимых [Электронный ресурс]. URL: <http://soc-work.ru/article/522>.

3. Пискун Н. Д. Теория и практика арт-терапии: методологические основания междисциплинарного подхода // Искусство и культура. 2013. № 2 (10).

4. Аталиева А. А. Программа «12 шагов» как метод социально-психологической помощи лицам с аддиктивным поведением // Сучасні підходи та технології соціально-психологічної та корекційної роботи з різними віковими групами населення: збірник матеріалів міжнародної науково-практичної конференції, 20–22 червня 2014 року / гл. редактор: Л. М. Дунаева. Одеса, 2014.

5. Беззубик К. В., Ефанов Е. В., Образцов С. Н. Арт-терапия в комплексном лечении наркозависимых людей // Сервис plus. 2009. № 2.

6. Копытин Л. И., Свистовская Е. Е. Арт-терапия детей и подростков. 2-е стереотип. изд. М., 2014.

7. Антонович И. В., Иваницкая, М. С. Актуальность использования арт-терапевтических методик в работе с детьми с ЗПР // NovalInfo. Ru (Электронный журнал). 2015. № 30. URL: <http://novainfo.ru/archive/30/ispolzovanie-art-terapevticheskikh-metodik>

А. Е. Буянова (Барнаул)

АРТ-ТЕРАПЕВТИЧЕСКИЕ ТЕХНИКИ В СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ С СЕМЬЕЙ И ДЕТЬМИ (НА ПРИМЕРЕ ФОТОТЕРАПИИ И МОНОТИПИИ)

Семейная арт-терапия — один из самых популярных методов групповой работы с родителями, супружескими парами и детьми. Она не имеет противопоказаний, позволяет работать с чувствами, кажущимися непреодолимыми (страх, тревоги, внутренние конфликты, обида, чувство вины и др.). Любой вид и форма арт-терапии — это активизация творческого потенциала человека.

Семейная арт-терапия ориентирована на решение следующих диагностических и коррекционных задач:

- исследование детского опыта, связанного с отношениями с родителями;
- изучение родительского влияния;
- изучение прошлого и текущего опыта семьи;
- выражение и осознание неосознаваемых переживаний членов семьи;
- осознание причинно-следственных связей в отношениях и реакциях членов семьи;

- выявление и коррекция дисфункциональных вариантов семейного взаимодействия;
- диагностика актуальных семейных конфликтов;
- коррекция родительского поведения;
- обогащение опыта, связанного с успешным решением семейных проблем.

Основной акцент в арт-терапии семьи делается на изучении структурно-функциональных особенностей семьи. Арт-терапия является мощным средством сближения людей, что ценно в ситуациях взаимного отчуждения, при затруднении в налаживании контактов. Является средством свободного самовыражения, предполагает атмосферу доверия, терпимости и внимания к внутреннему миру человека, что приводит к гармонизации взаимоотношений в семье. Арт-терапия в большинстве случаев вызывает у людей положительные эмоции, помогает преодолеть апатию и безынициативность, сформировать более активную жизненную позицию. Также мобилизует творческий потенциал человека, внутренних механизмов саморегуляции и исцеления.

К методам арт-терапии относятся следующие направления:

- изотерапия (выражение чувств и эмоций через рисунок);
- фототерапия;
- сказкотерапия;
- песочная терапия;
- лепка (пластилин и глина) и другие направления [1, с. 13].

Подробнее рассмотрим метод фототерапии. Фототерапия (лечение фотографией) — это широкая область, которая нашла свое применение и в социальной работе. В социальной работе это направление применяется для выявления семейных отношений, проблем. Ведь каждый согласится с тем, что фотография в жизни человека имеет большое значение.

Метод фототерапии используется в работе как с детьми, подростками, так и с семьями в целом. Рассматривая свои фотографии и обсуждая их с социальным работником, человек может испытывать те же чувства, что и были в момент съемки. При анализе фотографий можно понять, на каком жизненном этапе у человека начались те или иные изменения, которые привели к проблеме, увидеть, какие взаимоотношения существовали и существуют между членами семьи, какое настроение в момент съемки было у человека. Это определяется по позе, выражению лица и обсуждению с клиентом тех событий, которые запечатлены на фотографии [2, с. 56].

Семейный альбом делает наглядными отношения эмоциональной близости или, напротив, отчуждения между членами семьи. Неред-

ко в процессе совместного просмотра клиентом и психотерапевтом, социальным работником фотографий из семейного альбома происходит оживление воспоминаний о разных моментах семейной истории клиента, проявление чувств и осознание отношений. Роли и позиции детей в семье, в зависимости от порядка их появления на свет, хорошо проявляются в том, как они располагаются на фотографиях.

Процесс семейной социализации, т. е. привития ребенку определенных норм поведения и ценностей, также можно проследить по фотографиям из семейного альбома. Семейные нормы и ценности могут отражаться в том, каким снимкам отдается предпочтение при создании семейного альбома и как он организуется.

Большая ценность применения фотографии в работе с семьей заключается в возможности для ее членов увидеть нарушения в своих взаимоотношениях, тем самым обеспечивая их фокусировку на определенной проблеме. Нередко совместный просмотр и обсуждение фотографий членами семьи активизируют их взаимодействие друг с другом. При этом специалист помогает членам семьи в осознании своих проблем [3, с. 259].

Еще один вид семейной арт-терапии — монотипия. Это вид печатной графики, изобретение которого приписывается итальянскому художнику и гравёру Джованни Кастильоне (1607–1665).

Техника эстампа монотипией заключается в нанесении красок от руки на идеально гладкую поверхность печатной формы с последующим печатанием на станке. Полученный на бумаге оттиск всегда бывает единственным, уникальным.

Техника «Семейная монотипия» базируется на убеждении, что внутреннее «Я» человека отражается в зрительных образах всякий раз, когда он спонтанно, не задумываясь, рисует, пишет картину, лепит.

Техника «семейная монотипия» позволяет выявить характер взаимоотношений в семье; вскрыть (так сказать, обнажить) причины внутрисемейного конфликта и наметить пути выхода из него; свободно, без страха самовыразиться всем членам семьи, как следствие, получить целостное видение ситуации; восстановить контакт между членами семьи; выразить эмоции и настроения касательно проблемной ситуации всем членам семьи; дает возможность для непрямого обращения к актуальным проблемам; способствует установлению атмосферы взаимного принятия, доброжелательности, безопасности и эмоциональной поддержки; позволяет увидеть степень эмоциональной значимости проблемы для семьи в целом и конкретно для каждого члена семьи; отображает систему внутрисемейного взаимоотношения внутри существующей проблемы [4, с. 16].

Таким образом, основная цель арт-терапии в социальной работе с семьей и детьми состоит в гармонизации развития личности через развитие способности самовыражения и самопознания, осознание неосознаваемых переживаний членов семьи, самовыражения и коммуникации всем членам семьи. Такие техники арт-терапии, как «семейный альбом» и «семейная монотипия» позволяют социальному работнику выявить характер взаимоотношений в семье, активизируют взаимодействие членов семьи для решения существующей проблемы.

Библиографический список

1. Копытин А. И., Свистовская Е. Е. Руководство по детско-подростковой и семейной арт-терапии. М., 2006.
 2. Копытин А. И., Платтс Дж. Руководство по фототерапии. М., 2009.
 3. Антонович И. В. Новые арт-терапевтические техники в социальной работе: фототерапия // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сб. статей. Вып. 6. Барнаул, 2014.
- Лебедева Л. Д. Практика арт-терапии: подходы, диагностика, система занятий. СПб., 2003.

Е. Н. Дронова (Барнаул)

ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ВОССТАНОВИТЕЛЬНОГО ПОДХОДА В ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ РАБОТЕ С НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ

Реализация новелл законодательства в сфере профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних актуализирует выработку и анализ новых форм работы индивидуальной профилактической работы с несовершеннолетними. Законодатель обращает внимание субъектов профилактики на важность и необходимость пересмотра традиционных функций профессиональной деятельности социальных педагогов, педагогов-психологов, классных руководителей, базирующихся на концепциях воспитания и перевоспитания, обращает внимание на инновационный для отечественной практики восстановительный подход.

Восстановительный подход противостоит наказанию, шире реагирует на конфликт, создавая условия для восстановления способно-

сти людей понимать друг друга, заключать договор о принимаемых и приемлемых вариантах решения проблемы, возникшей в результате конфликтных или криминогенных ситуаций [1]. Возрождение интереса к примирительным процедурам в социальных конфликтах, как отмечает В. В. Нагайцев, приходится на начало XXI в. [2, с. 314]. В индивидуальной профилактической работе с несовершеннолетними восстановительный подход начал использоваться в России более 14 лет назад, у его истоков стоят специалисты общественного центра «Судебно-правовая реформа», которые совместно с коллегами из других территорий (Волгоград, Пермь, Горно-Алтайск и др.) в рамках созданной Ассоциации восстановительной медиации стали развивать практики разрешения конфликтных ситуаций с привлечением медиатора [3, с. 5]. Деятельность медиатора позволяет выйти на новый уровень взаимодействия с несовершеннолетним и его ближайшим окружением, разрешать конфликты с привлечением независимой, нейтральной третьей стороны, создавая условия для развития у несовершеннолетних ответственности не только перед законом, но и перед другой стороной конфликта, ответственности за принятие и выработку совместного решения. В настоящее время восстановительный подход разрешения конфликтов выступает одним из профессиональных инструментов индивидуальной профилактической работы, получивший нормативное закрепление в Национальной стратегии действий в интересах детей и Концепции развития сети служб медиации [4; 5]. Он расширяет сферу применения, не ограничивается деятельностью медиатора, начинает реализовываться при рассмотрении групповых споров в таких формах, как круг сообщества (круг примирения), семейная и школьная конференции [6].

Круг сообщества (круг примирения) — программа восстановительного правосудия, форма работы с несовершеннолетними по разрешению групповых конфликтов, направленная на поддержку участников в принятии решения, исцеление, социальную реабилитацию. Данная форма реализуется поэтапно:

- на мотивационном этапе хранитель круга и добровольцы, обученные программе, образующие состав круга, обсуждают ценности входящих в круг лиц и ценности для трансляции в школьном сообществе, что содействует выходу на ценности восстановительного подхода (разрешение конфликтов ненасильственным способом, исцеление пострадавшего, взаимопонимание, между людьми без применения манипуляций или силы; возвращение участникам конфликта права решения конфликтной ситуации и др.);

- на подготовительном этапе советом круга обсуждается конфликт, требующий разрешения, проводятся предварительные встречи со сторонами, принимается решение о проведении круга сообщества;
- основной этап включает конструктивный разбор проблемной ситуации в круге, где участниками выступают только те, кто каким-либо образом включен в рассматриваемую конфликтную ситуацию и готов к принятию решения по ней; открывает и ведет круг хранитель, волонтеры помогают регулировать обсуждение, которое выстраивается по определенным правилам (искренность, уважение, «дойти до конца», конфиденциальность);
- заключительный этап — закрытие круга, подведение итогов; проводятся рефлексия встречи и церемония закрытия.

Семейная конференция — восстановительная программа, актуальная для проблемной ситуации, в которую включена семья ребенка (правонарушение ребенка, конфликтные внутрисемейные отношения, угроза лишения родительских прав и др.), нацелена на создание условий трансляции семье ответственности за разработку плана выхода из кризиса и его реализацию. Проводится семейная конференция в три этапа:

- на первом этапе — «обмен информацией»: координатор, пригласив участников и представив алгоритм и правила работы, создает условия для бесконфликтного конструктивного общения специалистов и семьи;
- второй этап — «частное время семьи»: семье предоставляется возможность самостоятельно без присутствия специалистов и координатора встречи составить согласованный план выхода из проблемной ситуации, принять ответственность членам семьи за его реализацию без внешнего вмешательства;
- третий этап — «принятие плана»: обсуждение составленного плана совместно со специалистами и координаторами, оценка его правомерности и его принятие в интересах ребенка, обсуждение ожидаемых результатов, реализации плана и процедуры их оценки.

Школьная конференция — расширенный вариант медиации, помогающий в разрешении конфликтов между классами, учащимся и классом, классом и педагогом (педагогами). Школьные конференции, как показывает практика, востребованы в ситуациях угрозы исключения из образовательной организации, отвержения ребенка, школьного буллинга, групповых правонарушений и других ситуациях, негативно сказывающихся на психологическом состоянии

участников образовательного процесса. Как и процедура медиации школьная конференция технологически представлена предварительными встречами и совместной — непосредственно конференцией. При этом необходимо отметить, что отличия конференции от медиации (требуется больше временных затрат, важно следование групповым стереотипам) детерминируют риски реализации данной формы, требующие учета и профессионального реагирования.

Анализ форм реализации восстановительного подхода показывает, что они позволяют использовать метод медиации в разрешении различных конфликтных ситуаций несовершеннолетних с учетом их вида, статуса участников, оснований возникновения, прогноза последствий как выхода из конфликта, так и дальнейшего влияния факторов социализации на развитие личности.

Библиографический список

1. Восстановительная медиация в России: правовое обеспечение и стратегия развития (сборник материалов) / сост. А. Ю. Коновалов. М., 2013.
2. Нагайцев В. В. Проблемы становления социальных институтов конфликторазрешения в российском обществе // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 2–2.
3. Восстановительные программы в работе с детьми и семьями, находящимися в трудной жизненной ситуации : сборник материалов. М., 2014.
4. О национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы : Указ Президента РФ от 01.06.2012 № 761 // СПС «Консультант плюс», 2015.
5. Об утверждении Концепции развития до 2017 года сети служб медиации в целях реализации восстановительного правосудия в отношении детей, в том числе совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность : Распоряжение Правительства РФ от 30.07.2014 № 1430-р // СПС «Консультант плюс», 2015.
6. Йошпа Н. А., Великоцкая А. М. Создание и применение единой схемы ресоциализации несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы. — М., 2015.

М. Н. Липинская (Санкт-Петербург)

ДИВЕРСИФИКАЦИЯ НАПРАВЛЕНИЙ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ С МОЛОДЫМИ МИГРАНТАМИ В ГЕРМАНИИ

Социальная работа с молодежью в Германии находится на пересечении различных проблемных областей: получение образования, профессиональное самоопределение, миграционные процессы и фокусируется на помощи молодым людям с индивидуальными и социальными проблемами. Таким образом, среди основных направлений работы с молодежью можно выделить:

- помощь при переходе от школьного образования к профессиональному и последующему плавному вхождению в трудовую деятельность;
- работа с мигрантами;
- работа «уличного» социального педагога;
- социальная работа в школе как профилактическое направление, предупреждающее проблемы, которые могут возникнуть при переходе от школы к профессиональному образованию;
- помощь в воспитании;
- «опекающее» проживание.

Рассмотрим более подробно одно из направлений — социальная работа с молодыми мигрантами. К этой категории относятся молодые переселенцы иностранного происхождения или беженцы. Более 30% детей и молодых людей Германии имеет так называемый миграционный фон, что делает социальную помощь данной категории населения актуальной и значимой для государства и общества. Она нацелена на достижение равноправного участия людей во всех областях общественной жизни в соответствии с их компетенциями и возможностями [1]. Перед миграционными службами для молодежи стоит ряд задач:

- разработка проектов социальной работы;
- консультационная поддержка мигрантов;
- поддержка подростков с миграционным фоном при языковой, профессиональной и социальной интеграции в общество.

При реализации своих задач сотрудники молодежных миграционных служб особое внимание обращают на подростков и юношей в возрасте от 12 до 27 лет, прибывших в страну недавно.

Миграционные процессы оказывают на человека определенное воздействие: языковой барьер, потеря своей идентичности, вынуж-

жденная смена профессии, финансовые проблемы, дискриминация, оторванность от семьи, отсутствие перспективы, социальная изоляция, изменение социальных ролей.

На пути обращения клиента в миграционную службу могут возникнуть определенные барьеры: незнание языка, отсутствие доверия к специалистам — носителям другой культуры («меня все равно не поймут»), влияние национальных стереотипов, отсутствие знаний о системе и возможностях социальной помощи страны пребывания, страх обращения в административные органы [2].

Индивидуальная социальная работа миграционных служб включает в себя: социально-педагогическое сопровождение до, во время прохождения языковых курсов и после их окончания; составление индивидуальных планов интеграции (case management); консультирование в кризисных ситуациях в процессе интеграции; посредническую деятельность. При составлении индивидуального плана интеграции выясняется социальный статус (происхождение) клиента, его мобильность, состояние здоровья, умение выстраивать межличностное взаимодействие, место жительства, уровень знания немецкого языка, общего и профессионального образования, наличие и стабильность дохода.

Миграционные службы работают с семьями по месту жительства. Для молодых людей, проживающих в небольших городах, где нет возможности посещать языковые курсы, создаются молодежные общежития в более крупных городах. Социальные педагоги таких учреждений взаимодействуют со школами с целью организации интенсивных языковых курсов и с целью содействия процессу обучения в обычной школе. Специалисты молодежного общежития работают в трех направлениях: 1) содействие в освоении школьной программы (помощь в выполнении домашних заданий); 2) подготовка к наиболее востребованным видам профессиональной деятельности (например, работа в мастерских на базе общежития); 3) организация досуга молодежи.

Приоритетной задачей в области миграционной политики государства является успешная интеграция вновь прибывших в страну переселенцев. Этого невозможно достичь без хорошего знания немецкого языка. Все последующие шаги: продолжение обучения, поиск профессии, успешная социализация будут зависеть от преодоления языкового барьера. Организация социально направленных мероприятий для мигрантов предполагает с одной стороны, погружение их в новую социокультурную среду (прежде всего языковую), а с другой — подготовку коренного населения к толерантному восприятию чужих культур.

Примером реализации задачи по разработке программ для молодежи могут выступить проекты региональных организаций, ориентированных на помощь детям и подросткам из семей мигрантов: «Профилактика наркозависимости» (Молодежная миграционная служба, Кельн), «Выход из безвыходной ситуации» (Молодежный отдел при социальной службе католических женщин, Кельн), «Проект уличной социальной работы» (Молодежная миграционная служба, Бонн), «Программа содействия в изучении языка для детей 4–6 лет» (Региональная организация содействия детям и подросткам из семей мигрантов, Зиген), «Медиатека против расизма» (Союз социальной работы и культуры, Зиген) [3].

«Профилактика наркозависимости». Основной тезис программы: профилактика наркозависимости начинается с помощи любому мигранту по любому вопросу, когда он приезжает в страну. В соответствии с этим распространение информации о направлениях деятельности программы происходит в сотрудничестве с местами организации языковых курсов, где устанавливается первый контакт с потенциальными клиентами. Организуются следующие виды работ: тренинговые занятия для молодежи и взрослых; экскурсии; выезды на выходные с подростками, семьями; организация групп самопомощи для наркозависимых и созависимых. Во время мероприятий происходит информирование о законодательстве Германии, наркотиках, способах защиты; подготовка волонтеров для последующей профилактической работы из среды мигрантов.

«Выход из безвыходной ситуации». Работа с подростками, нарушившими закон и/или страдающими алкогольной или наркотической зависимостью. Социальные работники, реализующие эту программу, организуют свободное время подростков, находящихся в тюрьме; оказывают помощь в трудоустройстве освобождающимся из мест лишения свободы; осуществляют деятельность в консультационно-медицинском пункте для наркоманов; поддерживают деятельность молодежного клуба.

«Медиатека против расизма». Медиатека создана с целью профилактики дискриминации иностранцев в профессиональной сфере, в сфере взаимодействия с государственными организациями и повседневной жизни. Бюро сотрудничает со средствами массовой информации, университетами, благотворительными организациями, учреждениями, работающими с мигрантами. Проводит обучающие семинары, антидискриминационные мероприятия и организует совместную деятельность представителей различных культур. В рамках данного проекта курсирует специализированный автобус с передвижны-

ми тематическими выставками, играми для детей различного возраста (например, тема «Эксплуатация детского труда» реализуется через выставку коллажей, создание игрушек из отходов, игры по станциям).

В Германии в сфере социальной работы с молодежью накоплен большой опыт. Характерен узконаправленный подход, предполагающий разделение сфер деятельности и проработку каждого направления отдельной организацией. Особенный интерес представляет разнообразие способов и подходов в работе учреждений на различных уровнях:

- на уровне федерации (Национальный комитет по международной работе с молодежью Германии (DNK), членами которого являются Германский федеральный круг молодежи (DBJR), Круг политической молодежи (RPJ) и Спортивная молодежь Германии (DSJ); Ассоциация социального обеспечения детей и молодежи (AGJ); Федеральная Ассоциация по защите детей и подростков (BKJ); Центр международной работы с молодежью (IAB) и др.);
- на уровне федеральных земель (Земельные круги молодежи, Земельный комитет помощи молодежи);
- на местном уровне (Городские или областные круги молодежи, Городские или областные комитеты помощи молодежи).

Библиографический список

1. Липинская М. Н. Опыт Германии в сфере социальной работы с молодежью // Вестник ТОГИРРО. 2013. № 2.
2. Догадаева Н. С. Социально-психологическое «проблемное поле» вынужденных мигрантов // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. Вып. 7. Барнаул, 2015.
3. Бражник Е. И. Формы помощи детям и подросткам в трудной жизненной ситуации в разных странах // Становление и развитие социальной педагогики: методология, теория, практика материалы XVII Межд. соц.-пед. чтений, посв. И. А. Липскому / под ред. Л. В. Мардахаева. М., 2014.

Ю. О. Мельник (Барнаул)

ПРАКТИКИ ТРУДОУСТРОЙСТВА МОЛОДЕЖИ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ В БАРНАУЛЕ

В современной России одной из наиболее значимых и актуальных проблем является трудоустройство молодежи с инвалидностью. Под трудоустройством нами понимается система организационно-правовых мероприятий по содействию в устройстве на работу, где устройство на работу рассматривается как процесс профессиональной подготовки, повышения квалификации и переподготовки граждан для заполнения имеющихся вакансий, включает в себя подбор места работы и заключение трудового договора с работодателем [1, с. 178].

Право на труд лиц с инвалидностью рассматривается в нормативно-правовых документах ООН и других международных организаций. В Конвенции о правах инвалидов, принятой резолюцией 61/106 Генеральной Ассамблеи ООН от 13 декабря 2006 г. и ратифицированной РФ 3 мая 2012 г., в ст. 27 рассматривается право на труд лиц с инвалидностью наравне с другими [2]. Наличие действенных механизмов реализации права на труд лиц с инвалидностью наравне с другими является одной из важных составляющих инклюзивной направленности современной российской социальной политики. Сущность социальной инклюзии людей с инвалидностью связана прежде всего с их «включением» в общество, обычные межличностные отношения вследствие расширения прав и возможностей для участия во всех видах и формах социальной жизни [3, с. 161].

В то же время, несмотря на многообразие предпринятых мер, общая востребованность молодежи с инвалидностью на рынке труда была и остается довольно низкой в России:

1) можно выделить факторы, которые значительно влияют на положение людей с инвалидностью на рынке труда в современной России: Стереотипы работодателей о невозможности людей с инвалидностью качественно работать, устанавливать конструктивные отношения с коллегами. Данные стереотипы ведут к дискриминации молодежи с инвалидностью на рынке труда; выбор направления или специальности профессионального обучения молодого человека с инвалидностью часто делается без ориентации на возможность дальнейшего трудоустройства; большинство вакансий, предлагаемых молодежи с инвалидностью, — страх работодателей: инвалидность мешает успешно справляться с работой. По мнению респондентов, в боль-

шинстве случаев этот страх основан на неготовности людей с инвалидностью активно проявлять себя в профессиональном плане;

2) нежелание инвалидов доказывать свою способность трудиться наравне с другими, инвалиды боятся конкуренции со стороны неинвалидов (при конкурсном отборе), многие инвалиды хотят избежать ответственности (при выполнении работ). Один из респондентов прокомментировал свой ответ следующим образом: «Самим инвалидам мешает, прежде всего, неуверенность в себе и своих силах, в способности справиться с работой и возникающими трудностями»;

3) отсутствие доступной среды для прибытия к месту работы. Так, ориентация на инклюзивный дизайн, доступность городской инфраструктуры является частью программы социального развития, но все еще реализуется недостаточно полно [4, с. 86];

4) работодатели зачастую не выполняют своих обязательств и не хотят брать на себя ответственность, принимая на работу инвалида, либо не всегда обеспечивают должные условия труда;

5) нехватка специального оборудования и условий для полноценной работы;

6) помехой успешному трудоустройству инвалидов становятся непригодные рабочие места и физические особенности людей с инвалидностью (утомляемость и др.).

Среди наиболее популярных способов поиска рабочего места были названы: поиск через друзей, знакомых, родственников — 8 человек, поиск вакансий через службу занятости — 3 человека. Волонтерская деятельность часто способствует более успешному трудоустройству [5, с. 83].

Респонденты отметили следующие качества, помогающие, по их мнению, достигать успеха в работе: коммуникабельность, настойчивость, целеустремленность, способность (готовность) быстро осваивать новую деятельность, профессионализм, открытость, грамотность, уверенность в собственных силах, трудолюбие, ответственность.

Среди ожиданий, связанных с трудоустройством, респондентами были выделены: возможность самореализоваться (7), финансовая независимость (6), расширение круга общения (5), возможность карьерного роста (3), получение практического опыта работы и возможность попробовать себя в новых сферах деятельности (1).

Полученные результаты позволили делать вывод о том, что современные практики трудоустройства молодежи с инвалидностью в Барнауле характеризуют следующие особенности:

- трудоустройство для молодых инвалидов имеет очень большое значение, прежде всего как способ самореализации, обеспече-

ния финансовой независимости, расширения круга социальных связей;

- при поиске работы молодые инвалиды делают упор не столько на уровень заработной платы, сколько на доступность и адаптированность рабочего места, в частности, недостаточная адаптированность городской инфраструктуры была подтверждена в рамках исследования;
- успешному трудоустройству молодых инвалидов мешают психологические проблемы, физиологические особенности, недоступность среды, страх работодателей, их нежелание брать на себя ответственность за работника с ограниченными возможностями.

Все вышеуказанные проблемы реализации права на труд молодежи с инвалидностью значимые и достаточно часто обусловлены дискриминацией на рынке труда. Для изменения сложившейся ситуации важно работать в направлении реформирования нормативно-правовых актов РФ, внедрять эффективные правовые механизмы их реализации, способствовать продвижению позитивного опыта трудоустройства молодежи с инвалидностью с целью изменения мнения как работодателей, так и самих молодых людей с инвалидностью.

Библиографический список

1. Сиротина Т. В., Чередниченко А. А. Трудоустройство молодежи с инвалидностью в муниципальном социуме: основные механизмы содействия // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2014. № 6.

2. Конвенция о правах инвалидов ООН [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml

3. Сиротина Т. В. Образовательная инклюзия как механизм социальной интеграции // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. 2015. № 3–1.

4. Догадина О. В., Сиротина Т. В. Универсальный дизайн: история и современность // Теория и практика социальной работы: история и современность. Барнаул, 2014.

5. Сиротина Т. В., Просветлюк А. В. Социальная инклюзия людей с инвалидностью: возможности волонтерства // Сборник научных статей международной конференции «Ломоносовские чтения на Алтае: фундаментальные проблемы науки и образования». Барнаул, 20–24 октября, 2015. Барнаул, 2015.

С. М. Миллер (Барнаул)

БОЛЬНИЧНАЯ КЛОУНАДА В КОНТЕКСТЕ ПСИХОСОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ: ПЕРСПЕКТИВЫ И СЛОЖНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ (В ОЦЕНКАХ ЭКСПЕРТОВ)

Социальная работа, динамично развивающаяся в XX и XXI вв., чутко реагирует на потребности населения, происходящие в обществе перемены [1, с. 92]. Одной из современных проблем общества является рост числа неизлечимо больных людей, что обусловлено распространением ВИЧ-инфекции, ростом онкологических и хронических заболеваний. Прогрессирование заболевания приводит больного и его ближайшее окружение к поиску психосоциальной поддержки, путей преодоления болевого синдрома, психосоциальных и экономических проблем [2, с. 282; 3, с. 299].

Все эти проблемы усиливаются в связи с болезнью ребенка. В силу возраста ребенку сложно принять болезнь, он тяжело переносит госпитализацию, болезненные процедуры, зачастую равнодушных в силу разных причин врачей и медицинских сестер, ему хочется домой, к друзьям, своим игрушкам, домашним питомцам. Взрослые, которые находятся рядом с длительно болеющими детьми, чаще всего также находятся в стрессовом состоянии, они могут быть не способны настроиться на позитивный лад сами и настроить на него своего ребенка [4, с. 24; 5, с. 114].

Под длительно болеющими детьми мы будем рассматривать детей, находящихся длительное время в больничном учреждении в связи со своей болезнью (в отделениях неврологии, кардиологии, онкогематологии, травматологии, педиатрии и пр.).

Одной из инновационных технологий психосоциальной работы с длительно болеющими детьми и их родителями является больничная клоунада. Больничная клоунада — это технология психосоциальной работы с детьми в условиях больничного стационара или хосписа. Больничный клоун приносит ребенку детство в больницу, вносит некую дезориентацию, яркие краски, показывает ребенку, что и в больнице можно играть, улыбаться и веселиться.

Больничный клоун не только приходит поиграть с ребенком, он приходит узнать атмосферу в палате, настроение детей, родителей, а также настроить ребенка на выздоровление. Больничный клоун для ребенка — это некий ресурс, от которого ребенок может подпи-

тываться положительной энергией и верой в себя. Немаловажен и тот факт, что больничный клоун приходит поиграть с ребенком, игра — это один из ведущих видов деятельности для детей, игра — это способ познания мира, способ проговаривания проблем у детей, основной элемент развития [6, с. 171].

Актуальность исследования состоит в том, что на данный момент больничная клоунада как технология психосоциальной работы с длительно болеющими детьми становится все более популярным направлением работы в больнице. За рубежом больничные клоуны в некоторых странах включены в штат больницы и посещают детей систематически. В России больничная клоунада развивается во многих городах, проходят школы по обучению больничных клоунов в разных регионах России. Известно о положительном психосоциальном эффекте у детей после посещения больничного клоуна, а именно: снятие барьеров, улучшение настроения, пищевого поведения, повышение уровня адаптивности ребенка, в более короткие сроки проходит реабилитация, легче переносятся болевые ощущения и болезненные процедуры [7; 8, с. 5].

С целью изучения деятельности больничных клоунов в больничных учреждениях России в феврале 2015 г. нами было проведено эмпирическое социологическое исследование. Основным методом исследования стало глубинное интервью, в качестве респондентов выступили больничные клоуны из шести регионов России.

К основным результатам исследования можно отнести следующие.

Все опрошенные больничные клоуны в качестве основной цели своей деятельности выделили реабилитацию ребенка, помощь в адаптации к больничной среде, содействие в выплеске эмоций, отвлечение как детей, так и их родителей от больничных будней, создание безопасной ресурсной среды для ребенка в больнице.

В качестве основных сложностей взаимодействия с детьми и их родителями были выделены трудности, связанные с тяжелым состоянием ребенка (более половины респондентов), сложности, обусловленные ранним возрастом ребенка, нежеланием ребенка взаимодействовать.

Среди способов преодоления вышеперечисленных трудностей респонденты отметили, что уходят, если понимают, что они не к месту (более двух третей респондентов), либо же пытаются установить контакт с ребенком через родителя. Почти все клоуны отметили, что у них были случаи, когда они так и не смогли установить контакт с ребенком.

На вопрос о том, видят ли респонденты результаты своей работы, все больничные клоуны ответили: «да».

Деятельность больничных клоунов основана на юморе и игре. При посещении больницы у клоунов нет определенного сценария того, что они будут делать в палате, их деятельность в большинстве своем основана на импровизации. Больничный клоун ориентируется на состояние ребенка, атмосферу в палате, обращая внимание на особые обстоятельства каждого конкретного случая.

В качестве основных способов преодоления синдрома профессионального сгорания респонденты выделили регулярные тренинги, работу с психологом, супервизию, помощь самого образа клоуна, проговаривание, выговаривание близким людям [9, с. 320].

Среди основных качеств, которыми должен обладать больничный клоун, респонденты выделили: доброта и искренность; любовь к детям; коммуникабельность, внимательность, отзывчивость; желание заниматься клоунадой, учиться; чуткость, хорошая фантазия и стрессоустойчивость.

После посещения ребенка клоуном, особенно если это посещение систематическое, все меняется. Больничный клоун лечит ребенка своим пониманием ситуации, он работает в соответствии с потребностями ребенка, создает игровое пространство, в котором ребенок чувствует себя в безопасности. Речь клоуна с элементами юмора и с нотками поддержки раскрепощает ребенка, отвлекает от болезни, процедур. Положительным является и тот факт, что ребенок может проиграть с клоуном ситуацию, которая его тревожит и напрягает, поставить клоуну уколы, сделать пункцию, провести операцию.

Больничная клоунада — это комплексная технология, она сформировались на стыке актерского и циркового мастерства, знаниях психологии, социальной работы и овладении креативными технологиями.

Больничные клоуны способствуют развитию творческих способностей, фантазии, мышления у ребенка через игру, юмор и общение, тем самым обеспечивая ребенку настрой на выздоровление, облегчение болевых ощущений, сокращение шоковых и кризисных состояний у ребенка и его родителей. Поэтому можно сделать вывод, что больничная клоунада полезна не только детям, но и их родителям. Состояние шока и стресса еще больше характерно для взрослого, переживающего за своего ребенка. Больничная клоунада обеспечивает поддержание позитивного эмоционального состояния, помогает справиться с негативными эмоциями и дает возможность хоть на несколько минут забыть о своей болезни, поиграть и повеселиться.

Библиографический список

1. Сиротина Т. В. Влияние социологических парадигм на становление и развитие теории и практики социальной работы // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. Вып. 3 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2011.

2. Мазайлова Т. А., Медведева И. В., Сиротина Т. В. Развитие паллиативной помощи в Сибирском федеральном округе: итоги и перспективы // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 6.

3. Сиротина Т. В., Миллер С. М. Творческие технологии в практике паллиативного ухода // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. Вып. 7 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2015.

4. Корхонен Т. В. Социальная работа в кризисных ситуациях : учеб.-метод. пособие. Барнаул, 2005.

5. Сиротина Т. В. Социальная поддержка семьи в рамках кризисно-интервентной теории социальной работы // Педагогическое наследие Степана Павловича Титова : сборник материалов Всероссийских педагогических чтений. Барнаул, 2010.

6. Миллер С. М., Сиротина Т. В. Технологии арт-терапии в социальной работе с детьми // Теория и практика социальной работы: история и современность / под общ. ред. С. Г. Чудовой, Ю. А. Калининой [Электронное издание]. Барнаул, 2014.

7. Исследования о пользе Больничных Клоунов [Электронный ресурс]. URL: http://www.medclown.ru/stuff/books/2015/03/12/Theory_445.html

8. Седов К. Больничные клоуны: от волонтерства к профессии... М., 2014.

9. Сиротина Т. В., Тавлетчина И. С. Синдром профессионального эмоционального сгорания среди специалистов по социальной работе // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2014. № 6.

Ю. Е. Морева (Барнаул)

ВОЗМОЖНОСТИ АРТ-ТЕРАПИИ В РАБОТЕ С ПОДРОСТКАМИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

В настоящее время арт-терапия вызывает всё больший интерес у специалистов социальной сферы в работе с детьми девиантного поведения.

Девиантное поведение — это специфический способ изменения социальных норм и ожиданий посредством демонстрации ценностного отношения к ним [1, с. 9]. Таким образом, к отклоняющемуся поведению относятся в действиях подростков различные проявления антисоциального, агрессивного, аддиктивного характера (алкогольная и наркотическая зависимость), правонарушения. В основе всех отклонений подросткового поведения лежит бедность духовного мира, неразвитость социально-культурных потребностей, отчуждение.

В психосоциальной работе с подростками все большую популярность приобретает использование различных творческих технологий [2, с. 387; 3, с. 170]. Творчество мы рассматриваем как разновидность поисковой активности, под которой нами понимается активность, направленная на изменение ситуации или самого субъекта, его отношения к ситуации, при отсутствии определенного прогноза желательных результатов такой активности. Творчество — одна из наиболее естественных форм реализации потребности в поиске, причем поисковая активность значительно повышает устойчивость организма к воздействию самых разнообразных вредных факторов [4, с. 570].

Арт-терапия — это психотерапевтический процесс, связанный с использованием клиентом различных изобразительных материалов и созданием визуальных образов, с процессом изобразительного творчества и реакциями клиента на создаваемую им продукцию, отражающую особенности его психического развития, способности, личностные характеристики, интересы, проблемы и конфликты [5, с. 6]. Это процесс самоисследования, конечной целью которого не является представление на сцене или некий продукт творчества [6, с. 300].

Методы арт-терапии посредством самоисследования позволяют работать с различными негативными состояниями, а именно: тревожность, негативная «Я-концепция», эмоциональная нестабильность, страхи, агрессивность, депрессия, конфликты, которые часто сопровождают подростковый возраст. Арт-терапия представляет уникальную возможность для создания подростками продуктов творчества, помогающих в последующем обсуждении внутренних

и внешних проблем их жизни. Те факты, которые ранее не признавались ими, становятся очевидными в продуктах творчества (рисунках, скульптурах, коллажах и пр.). После создания продукта творчества и последующего обсуждения его со специалистом подросток готов проанализировать проблему, воспринимая себя глазами другого человека, найти конструктивные пути ее решения.

Таким образом, подросток в процессе арт-терапевтической работы приобретает важный опыт положительных изменений: самоисследование, принятие себя, возможность анализировать свой опыт с разных сторон, поиск ресурсов [7, с. 115].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что арт-терапия имеет ряд преимуществ в работе с подростками девиантного поведения, так как не имеет ограничений в использовании (любой ребенок независимо от возраста, художественных способностей может участвовать в арт-терапевтическом процессе), арт-терапевтические методы актуализируют внимание подростка к своим чувствам и переживаниям; создают пространство для свободного самовыражения; способствуют освобождению от эмоционального напряжения; помогают в безопасной обстановке осмыслить конфликты, выработать позитивные способы решения конфликтных ситуаций; развивают чувства внутреннего контроля и порядка; способствуют гармонизации внутреннего мира подростка и его социальных взаимодействий.

Библиографический список

1. Макарычева Г. И. Коррекция девиантного поведения. Тренинги для подростков и их родителей. СПб., 2007.
2. Скорупин И. Ю., Сиротина Т. В. Музыкаотерапия: история и современная практика // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета. Вып. 11. Барнаул, 2014.
3. Миллер С. М., Сиротина Т. В. Технологии арт-терапии в социальной работе с детьми // Теория и практика социальной работы: история и современность / под общ. ред. С. Г. Чудовой, Ю. А. Калининой. Барнаул, 2014.
4. Ротенберг В. С. Психофизиологические аспекты изучения творчества // Психология художественного творчества. Минск, 2003.
5. Копытин А. И. Практикум по арт-терапии. СПб., 2000.
6. Сиротина Т. В., Миллер С. М. Творческие технологии в практике паллиативного ухода // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. Вып. 7 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2015.

7. Лебедева Л. Д. Практика арт-терапии: подходы, диагностика, система занятий. СПб., 2003.

Е. И. Обрывко (Барнаул)

СОЦИАЛЬНОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ В ДЕТСКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЯХ: ВОСПИТАТЕЛЬНЫЕ ЭФФЕКТЫ

Учитывая тенденции социально-экономического и общественно-политического развития России на среднесрочную перспективу, в Стратегии государственной молодежной политики, разработанной до 2016 г. и Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 гг. уделяется особое внимание обеспечению взаимодействия государства и общества по созданию условий для воспитания подрастающего поколения. В качестве ведущих задач определены: поддержка детского общественного движения, создание и образовательных учреждений детской общественной организации как особого социального института, вовлечение детей в процессы коллективной жизнедеятельности и самореализации.

Наиболее эффективно проблема вовлечения детей в общественно-полезную социальную активность и в процессы коллективной жизнедеятельности решается через деятельность детских общественных организаций и объединений. Перспективной, прогрессивной технологией в развитии потенциала детской общественной организации и одним из путей повышения социальной активности детей, реализации социальных инициатив является социальное проектирование, которое позволяет каждому ребенку овладеть умением построения цепочки «от идеи через цели, задачи, мозговой штурм до реализации и защиты своего проекта», а также принять участие в решении актуальных социальных проблем, познакомиться с функционированием различных общественных институтов, проявить себя в сфере общественной и культурной жизни.

Социальное проектирование представляет собой гибкую модель развития мышления, формирования умений программирования деятельности, организации взаимодействия субъектов общественных отношений. Это такое «социальное средство», которое способствует формированию умений целеполагания, нахождения оптимальных путей достижения сформулированных целей, эффективного использования доступных ресурсов [1, с. 17]. Социальный проект, как счи-

тает С. Г. Лесникова, это индивидуальная или коллективная (групповая) деятельность подростков, целью которой является позитивное преобразование социальной среды и условий обитания доступны для членов детской организации средствами. Социальный проект, подготовленный и реализуемый силами детей, по своей природе — инициативный, член детской организации рассматривается не как объект воспитания, а как субъект социального действия, социального обновления [2, с. 162].

В методе социальных проектов привлекает его нацеленность на актуализацию имеющихся и формирование новых знаний и умений, лично и общественно-значимый результат, атмосфера делового сотрудничества ребенка и взрослого. В процессе проектирования приобретает опыт планирования, распределения обязанностей, взаимодействия с различными категориями людей и тем самым у участников проекта повышается уровень личной социализации. Ребенок становится полноправным субъектом взаимодействия с взрослым. Социальное проектирование — такой вид деятельности, который связан с предложением нового инновационного способа решения какой-либо социально-значимой проблемы, связанной с улучшением окружающего мира и жизни как самих детей, так и других людей.

Задачами социального проектирования в детской общественной организации являются:

- привлечение внимания детей к актуальным и социально-значимым проблемам местного сообщества;
- создание в ходе осуществления проекта нового социально значимого продукта, который является средством разрешения конкретной социальной трудности, проблемы, в процессе совместной деятельности детей и взрослых, и за счет собственной активности;
- включение членов детской общественной организации в реальную практическую деятельность, позволяющей воплотить оригинальные, собственные подходы к разрешению выявленных проблем;
- получение и осознание опыта социально-значимой деятельности.

Реализация социального проекта предполагает проведение подготовительной работы с ребятами через неформальное общение и ряда специально проводимых обучающих семинаров-практикумов, консультаций, бесед, дискуссий, посвященных основам социологических методов исследований, где формируется понимание социального проекта как системы целенаправленных действий по разрешению реально существующих трудностей и проблем. К участию привлека-

ются вожатый, социальный педагог, педагоги-энтузиасты, волонтеры, родители, заинтересованные лица. Проводимые занятия способствуют мотивации на собственную активность по изменению реальной ситуации их жизни, раскрытию у детей их творческого и исследовательского потенциала; формированию эмоционально-ценностных отношений в личностной сфере, их адаптации в социуме, способности принимать стратегические и тактические решения; развитие самосознания [3, с. 46].

Во время семинаров и консультаций с проектными группами детей работают ребята старшего возраста, прошедшие обучение на курсах по социальному проектированию и участвовавшие в проектах. С помощью вожатого, социального педагога, старших товарищей, педагогов, родителей ребята выявляют социальную проблему, которая больше всего вызывает у них беспокойство. Дальнейшее движение связано с анализом имеющейся ситуации и поиском средств достижения цели. Желательно каждый проделанный шаг сопровождать рефлексией, что позволяет корректировать продвижение в проекте, уточнять цели и задачи, намечать следующие шаги и стимулировать детей к самостоятельности в решении возникающих проблем. Результат работы — освоение новых понятий, новых представлений о сферах жизни, об экономических, социальных, политических, производственных, личных отношениях между людьми, понимание смысла изменений, которых требует современная социокультурная ситуация, достижение гармонии в отношениях личных и общественных. Это способствует созданию в детской организации единого пространства, объединенного общей целевой деятельностью, в котором участвуют все участники данного процесса: дети, педагоги, родители, заинтересованные лица.

Эффективное выполнение социального проекта предполагает формирование сплоченной команды единомышленников, ответственность каждого члена команды, социальную ответственность действий команды за результаты проекта. Практическим результатом проектной деятельности в детской общественной организации являются разработка и реализация собственных проектов разного уровня и масштаба, что помогает детям освоить новые виды деятельности, формирует представления о структуре общества, позволяет приобрести опыт партнерского взаимодействия как со сверстниками, так и с взрослыми (родителями, педагогами и др.), расширяет кругозор участников в решении возникающих проблем [4].

Таким образом, участие в деятельности детских общественных организациях и объединениях, выполнение социального проекта диктуют потребность в групповой принадлежности, моделируют соци-

альные явления, позволяет детям знакомиться с деятельностью других детских организаций, получать разносторонний социальный опыт, формировать готовность к выполнению разнообразных социальных функций, устанавливать новые способы социального взаимодействия с социумом, почувствовать значимость своей деятельности.

Библиографический список

1. Гриценко Г. А. Социальное проектирование в работе с молодежью: методическое пособие. Екатеринбург, 2008.
2. Лесникова С. Г. Педагогическое обеспечение работы с молодежью: материалы научно-практической конференции. Ярославль, 2008.
3. Дронова Е. Н. Развитие социальных компетенций подростков через проектную деятельность // Педагогический профессионализм в образовании: сборник научных трудов XI Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию НГПУ. Новосибирск, 2015.
4. Дронова Е. Н. Педагогическое сопровождение социальной поддержки личности в образовательном процессе // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. Вып. 3. Барнаул, 2011.

А. С. Рожкова, К. А. Зайцев (Барнаул)

РЕАБИЛИТАЦИЯ ДЕТЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ ПОСРЕДСТВОМ ПЕТ-ТЕРАПИИ

Научный руководитель — И. В. Антонович

Одной из актуальных демографических и социально-экономических проблем современного российского социума является увеличение лиц с ограниченными возможностями. В настоящее время процесс социальной реабилитации является предметом исследования специалистов многих отраслей научного знания [1, с. 177].

Актуальность выбранной темы продиктована постоянным нахождением животных в жизни человека и непосредственным участием в ней. Формирования в обществе понимания, что животные помогают детям с ограниченными возможностями здоровья перенести их болезнь, отвлечь и ликвидировать депрессивное состояние.

Проблемой является слабая доказательная база лечения пет-терапией. В спорах об эффективности такого лечения ключевой вопрос —

связан ли положительный эффект после типичной процедуры с влиянием животного на человека или же это временное эмоциональное воздействие? Точного ответа наука на этот вопрос не даёт, но остаётся факт, что состояние больного после взаимодействия с животным значительно улучшается.

Пет-терапия (известная также как зоотерапия) хотя и не входит в базовые системы лечения, но со временем становится все более популярной. О том, что животных можно использовать в медицине, знали и 2000 лет назад, но история современной пет-терапии насчитывает не больше нескольких десятилетий. Первыми животных привлекли к своей работе психологи. В начале 1960-х гг. американский детский психолог Борис Левинсон сообщил о любопытном наблюдении: наилучший эффект в работе со сложными пациентами отмечался тогда, когда на сеансах присутствовала собака Левинсона по кличке Джингл. Поначалу далеко не все коллеги восприняли наблюдение психолога всерьез, однако уже в 1977 г. в клинике Университета Огайо открылась первая постоянная программа пет-терапии. В 1980 г. таких программ в США насчитывалось уже около двадцати, а к 2000 г. — более тысячи. Сегодня в пет-терапии используются не только собаки, но и кошки, кролики, лошади и даже дельфины. Основной сферой их применения до сих пор остаются психология и психиатрия [2]. Пет-терапия подразделяется так же на несколько видов в зависимости от животного, осуществляющего лечебную практику. Первый из них, самый популярный, — канистерапия. Это лечение с помощью собак. Применяется как метод вспомогательной психотерапии для некоммуникабельных людей, которым тяжело идти на контакт, развивает умственные и эмоциональные способности, а также двигательные функции. Канистерапия улучшает состояние детей, которые больны аутизмом, церебральным параличом, олигофренией и синдромом Дауна, в частности, улучшает координацию движений, память и уменьшает спастичность. Занятия с детьми проходят в форме игры, за счёт чего эффект от терапии достигается ненавязчиво для пациентов. Присутствие животных при лечении сильнее мотивирует детей на результат. Следует выделить плюсы для людей, имеющих контакт с собаками: регулярные прогулки на свежем воздухе закалывают, укрепляют иммунитет. Ходьба пешком тренирует сердце. Всегда есть возможность снять стресс и поделиться с четвероногим другом своими неприятностями, получить искреннюю, хоть и собачью, любовь. А это уже страховка от депрессии. Вы становитесь более уверенными в себе, общительнее, практичнее.

Следующий вид зоотерапии имеет более сложное научное название — фелинотерапия. Этот вид лечения проводится с участием кошек. Вопреки мнению о распространенной аллергии на кошачью шерсть, она встречается не так уж часто. А последние данные американских медиков свидетельствуют о том, что дети, выросшие в семьях, где была кошка, в два раза реже страдают астмой, чем те, которые росли без пушистого питомца.

Говорят, китайский император начинал свой день с того, что долго любовался на своих золотых рыбок и лишь потом приступал к важным государственным делам. Считается, что уход и наблюдение за рыбками помогают концентрации внимания, развивают эстетическое чувство, улучшают настроение, снимают головные боли. Исследования показали, что аквариум делает воздух в квартире более влажным, что полезно для легких и бронхов. У людей, имеющих аквариум, улучшится память. Это отличное средство для снятия стресса.

Полезно также завести дома самого обычного щегла или канарейку. Красота птицы раскрывается не сразу, а тогда, когда вы научитесь уважать индивидуальность пернатого питомца. Взять на руки и погладить его нельзя, а нужно уметь затаиться, чтобы не спугнуть. От общения с птицами у человека развивается музыкальный слух. Птицы помогают преодолевать психологические комплексы, развивают умение чувствовать другого. Пение некоторых птиц считается отличным средством от бессонницы и неврозов.

Совершенно особый эффект оказывает на человека общение с дельфинами. В 1978 г. американский доктор Дэвид Натансон стал заниматься с больными детьми в океанариуме Флориды. Он обнаружил, что ребята быстрее выздоравливают и успешнее развиваются, если им разрешают гладить дельфинов и плавать в бассейне вместе с ними. Позднее американцы развили этот метод и стали применять его для лечения заболеваний позвоночника и спинного мозга, стресса после травм и различных видов болей. Хороший эффект оказывали дельфины на ребят с детским церебральным параличом. Дельфинотерапия — новая отрасль медицины, она существует всего пару десятков лет, однако успехи ее уже сейчас впечатляют. А вот другой вид лечения животными — иппотерапия — насчитывает не одну тысячу лет. Великие врачи древности Гиппократ и Гален считали верховую езду целительным средством. В наше время датчанка Лиз Гартель, заболевшая полиомиелитом, первая потребовала, чтобы в программу ее реабилитации была включена верховая езда, и через два года выиграла золотую медаль на Олимпийских играх [2].

На сегодняшний день в США только в рамках одной организации Therapy Dogs зарегистрировано более 12 тысяч собак. Поле для деятельности программ пет-терапии с участием собак весьма велико. Оно включает в себя работу с эмоционально лабильными детьми, детьми с аутизмом, с пациентами, страдающими от депрессий и посттравматических стрессовых расстройств, с инвалидами, проходящими реабилитацию, и стариками, страдающими деменцией и болезнью Альцгеймера. Занятия с собаками — важный компонент психологической реабилитации жертв насилия и стихийных бедствий. Один из ярких примеров такого использования пет-терапии — это участие собак в помощи ученикам школы «Сенди-Хук» в городе Ньютаун (США), где в декабре 2012 г. произошло массовое убийство. О том, что присутствие собаки оказывает успокаивающий эффект на ребенка, испытывающего стресс, было показано в исследовании, проведенном в Университете Небраски. В России с детьми, у которых есть особенности развития, занимаются собаки из группы «Солнечный пес» [3].

Таким образом, аргументы в поддержку пет-терапии бесспорны. Для объяснения эффективности пет-терапии было выдвинуто несколько теорий. В их числе — теория биофилии, называемая также эволюционной гипотезой. Согласно ей, чувство «любви к природе» носит генетически обусловленный характер: в процессе эволюции у человека выработалась способность успокаиваться и приходить в благоприятное расположение духа, любясь природой или ухаживая за животными [4, с. 10]. Говоря о пользе домашних животных, можно отметить тот факт, что порой люди заводят питомцев, чтобы справиться с одиночеством и депрессией. Некоторые хозяева превращают животных в практически полноправных членов семей, наделяя их набором человеческих качеств. Благоприятное влияние питомцев на здоровье их хозяев в данном случае достигается избавлением от хронического стресса.

Библиографический список

1. Сиротина Т. В., Чередниченко А. А. Трудоустройство молодежи с инвалидностью в муниципальном социуме: основные механизмы содействия // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 6 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2014.
2. Анцупова И. Назначение: лошадь, кошка или собака? // Вокруг Света. 2006. № 12 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/2942/>
3. Пет-терапия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.shvaika.info/cattherapy/pettherapy/petherapy.html>

4. Субботин А. В., Ращевская Л. Л., Лечебная кинология. Теоретические подходы и практическая реализация. 2004 [Электронный ресурс]. URL: modernlib.ru

М. П. Хакимова (Барнаул)

КАЧЕСТВО СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ ЛЮДЕЙ С МЕНТАЛЬНОЙ ИНВАЛИДНОСТЬЮ (ОЦЕНКА ПОТРЕБИТЕЛЕЙ УСЛУГ)

Научный руководитель — Т. В. Сиротина

Современная российская социальная политика ориентирована на повышение качества и уровня жизни граждан. Повышение уровня жизни населения связано с повышением качества и доступности социальных услуг. Оценка качества предоставления социальных услуг включает в себя как объективные, так и субъективные характеристики.

Проблема контроля качества услуг, предоставляемых учреждениям социального обслуживания людям с ментальными нарушениями, обусловлена во многом тем, что люди с ментальными нарушениями являются одной из самых незащищенных и уязвимых категорий населения [1, с. 259].

Под «ментальной инвалидностью» мы вслед за РООИ «Перспектива» понимаем обобщающий термин по отношению к интеллектуальным и психическим нарушениям, хотя они и имеют различную природу и причины возникновения. Российское законодательство также не разделяет людей, имеющих интеллектуальные и психические расстройства. По нашему мнению, термин «ментальная инвалидность» является менее стигматизирующим [2, с. 10].

Оценка клиентами, другими словами, потребительская оценка, качества социального обслуживания в психоневрологическом интернате необходима для того, чтобы обеспечивать обратную связь, а также охарактеризовать степень удовлетворения потребностей граждан, проживающих в интернате.

В данной статье мы определяем потребительскую оценку качества социального обслуживания как индивидуальную оценку благ, выводимую потребителем в процессе потребительского выбора с учетом условий социального обслуживания, обеспечивающих удовлетворение потребностей потребителя [3].

Психоневрологический интернат — это стационарное учреждение, которое осуществляет оказание социальных услуг людям, страдающим психическими расстройствами и нуждающимся по состоянию здоровья в постоянном уходе. К основным задачам психоневрологического интерната относится создание условий жизни, приближенных к домашним, оказание медицинской помощи и проведение культурно-массовой работы, осуществление социально-трудовой реабилитации [4].

Переосмысление моделей инвалидности в современной России привело к постепенному отказу от стереотипных подходов и рассмотрению возможностей оптимальной интеграции инвалидов в социуме, реформированию системы социальной защиты и непосредственно реформированию социального обслуживания в психоневрологическом интернате [5, с. 161; 6, с. 72]. Так, можно утверждать, что потребительская оценка качества обслуживания в психоневрологическом интернате является проявлением социальной модели инвалидности.

Потребительскую оценку качества социального обслуживания в психоневрологическом интернате, соответственно, мы определяем как индивидуальную оценку клиентом интерната степени удовлетворения его потребностей посредством некоторого набора получаемых благ с учетом условий социального обслуживания, обеспечивающих удовлетворение потребностей проживающих.

Постепенное реформирование системы социальной защиты в РФ, принятие Конвенции о принципах защиты психически больных лиц и улучшения психиатрической помощи, ратификация Конвенции о правах инвалидов привели к изменению отношения к людям с психическими нарушениями. Утверждение приказа № 391а от 30.08.2013 «О методических рекомендациях по проведению независимой оценки качества работы организаций, оказывающих социальные услуги в сфере социального обслуживания» сделало возможным проведение независимой оценки качества социального обслуживания [7].

На основании приказа № 391а утвержден порядок проведения независимой оценки качества работы организаций, оказывающих услуги в сфере социального обслуживания Алтайского края (реализуемого с 2014 г.), в котором одним из критериев оценки качества работы организаций является удовлетворенность клиентами качеством обслуживания в учреждении. Оценка производится на основании ответов на вопросы опросных листов в зависимости от категории анкетированных. Разработан опросный лист специально для граждан, проживающих в психоневрологическом интернате. Таким образом, по-

требительская оценка качества в психоневрологическом интернате становится одним из важных этапов независимой оценки качества учреждений социального обслуживания. Однако процедура проведения потребительской оценки качества ещё находится на стадии реформирования, о чем свидетельствуют изменения опросных листов для клиентов, проживающих в психоневрологическом интернате, за 2014 и 2015 гг.

Потребительская, иными словами, субъективная оценка качества очень важна для единой оценки качества обслуживания в психоневрологическом интернате, так как обеспечивает обратную связь, необходимую для любой устойчивой и способной к развитию системы. Мнение людей, проживающих в интернатах, очень важно для корректировки или изменения предоставления социальных услуг.

В феврале 2015 г. нами было проведено эмпирическое исследование «Оценка клиентами качества социального обслуживания в Пещёрском психоневрологическом интернате Алтайского края» в КГБСУСО «Пещёрский психоневрологический интернат». В опросе приняли участие потребители (граждане, проживающие в психоневрологическом интернате). Целью исследования стала апробация инструментария, определение процедуры исследования, выяснение мнений проживающих о качестве социального обслуживания.

Основными результатами опроса потребителей стали следующие.

Размер выборочной совокупности — 30 человек. Социально-демографические характеристики выборочной совокупности целевой группы «потребители» представлены следующим образом: по полу — ровно поровну женщин и мужчин.

Для исследования потребительской оценки качества социального обслуживания в психоневрологическом интернате методами измерения показателей качества стали органолептические и социологические. Классификацией показателей и критериев качества услуг является согласно ИСО 9004.2 дифференциация количественных и качественных характеристик. Для исследования потребительской оценки учитывались качественные характеристики, такие как компетентность и уровень мастерства исполнителя услуги; доступность персонала; доверие к персоналу; эффективность контактов исполнителя и потребителя; вежливость, чуткость, комфортность условий обслуживания; эстетика интерьера [8, с. 110]. С точки зрения потребителя основными показателями качества услуг являются: надежность, своевременность, материальность, психологические свойства (эмпатия), полнота, безопасность, уверенность, сопереживание, коммуникативность, понимание, окружающая среда, доступность, гаран-

тия, что также являлось основанием для исследования потребительской оценки качества.

Предполагалось, что при опросе будут возникать различные трудности, связанные с пониманием, прочтением вопросов, так как проживающие в интернате имеют различные психические отклонения. Предполагалось, что некоторые проживающие не смогут самостоятельно заполнить бланк вопросов интервью. Поэтому для получения качественных результатов опрос проводился в отдельном кабинете при непосредственном общении независимого интервьюера с респондентом, при этом интервьюер самостоятельно записывал все результаты опроса. Респонденты по одному заходили в кабинет (без участия сотрудников), чтобы каждый опрашиваемый оставался при своём мнении.

Результаты эмпирического исследования свидетельствуют о том, что в целом потребительская оценка качества социального обслуживания в Пещёрском психоневрологическом интернате является удовлетворительной.

Респондентов в основном устраивают взаимоотношения с персоналом и с другими проживающими, соседями по комнате. Во избежание конфликтов между друг другом клиенты проживают в комнатах по типу характера. Большинство респондентов устраивает оказание социально-бытовых, социально-медицинских, социально-правовых услуг полностью либо частично. Некоторые респонденты не участвуют в проводимых в интернате праздниках, походах, экскурсиях, кружках либо это им не нравится. Возможно, по состоянию здоровья кто-то не может участвовать в проводимых мероприятиях. 40% респондентов ответили, что в меню нужно кое-что изменить. В интернате меню составляется с учётом состояния здоровья проживающих, пища готовится на пару, что не всем нравится.

Проживающие поддерживают отношения с родственниками, но только те, у кого они есть, и если родственники сами желают общаться. У большинства же респондентов разорваны отношения с родственниками, и они это остро переживают, некоторым хотелось бы увидеться с родными. Также респонденты желают выходить за пределы интерната, но выход осуществляется только в сопровождении персонала.

Работа по улучшению качества инструментария ещё не окончена, необходимо продолжать работать в поисках наилучшего способа потребительской оценки качества социального обслуживания в интернате.

Библиографический список

1. Сиротина Т. В. Профессиональная деятельность специалиста по социальной работе в системе социальной защиты детей с мен-

тальными нарушениями (на примере Алтайского края) // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. Вып. 7. Барнаул, 2015.

2. Права граждан с ментальными особенностями в вопросах и ответах. М., 2012.

3. Потребительская оценка [Электронный ресурс]. URL: http://economic_mathematics.academic.ru/3457

4. Положение о психоневрологическом интернате Министерства социального обеспечения РСФСР (от 27 декабря 1978 г. № 145) // Консультант Плюс [Электронный ресурс]: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_127304/?frame=3

5. Сиротина Т. В. Образовательная инклюзия как механизм социальной интеграции // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. 2015. № 3–1.

6. Гаврилова М. П., Сиротина Т. В. Основные формы сопровождаемого (поддерживаемого) проживания в России // Теория и практика социальной работы: история и современность. Барнаул, 2014.

7. О методических рекомендациях по проведению независимой оценки качества работы организаций, оказывающих социальные услуги в сфере социального обслуживания: Приказ Минтруда России от 30.08.2013 № 391а [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_153313/

8. Калинина Ю. А. Социальное обслуживание как явление общественной жизни // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. Вып. 6. Барнаул, 2014.

В. К. Славнова (Барнаул)

СЕКСУАЛЬНОЕ ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЕЖИ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Сегодня государство признает, что именно молодые люди призваны стать важными субъектами реализации государственных задач в сфере социальной политики [1]. В последнее время существует тенденция увеличения числа молодежи, которая занимается общественной деятельностью, с большим энтузиазмом соглашается поучаствовать в различных мероприятиях [2].

В современных исследованиях под термином сексуальное (половое) воспитание понимается процесс систематически осуществляе-

мого и сознательно планируемого воздействия на формирование полового сознания и поведения, предполагающий определённый конечный результат [3].

Содержание полового воспитания составляет всё то, что воспитывает здоровую и целостную личность женщины и мужчины, способных адекватно осознавать и переживать свои психологические и физиологические особенности и благодаря этому устанавливать оптимальные отношения с людьми своего и противоположного пола.

В настоящее время проблема сексуального воспитания подростков стоит особенно остро. Причиной тому практически полное отсутствие предмета сексуального образования в учебно-педагогической деятельности, а также недоступность существующей информации для лиц, не достигших 18-летнего возраста [4, с. 25].

Менталитет старшего поколения не позволяет напрямую говорить о сексе с детьми; вымысел о капусте и аисте, а также повсеместная цензура литературных произведений и кинокартин, помеченных знаком 18+, делают предмет секса в глазах подростков тайным и неразведанным.

Это влечет за собой нездоровый интерес к «секретному явлению», поиск информации среди весьма сомнительных ресурсов или среде некомпетентных в вопросе сверстников.

Помимо всего сказанного выше, стоит также отметить, что проблема отсутствия грамотного сексуального воспитания подростков заключается не столько в неумении родителей говорить на интимные темы, сколько в отсутствии должных знаний у самих наставников, ведь собственный жизненный опыт является недостаточным ресурсом для информирования детей в вопросах полового воспитания. Эта проблема ощущается особенно остро в тех случаях, когда ребенок узнает о сексе от разных людей, каждый из которых раскрывает аспект с той стороны, с которой сам видит. В такой ситуации знание еще хуже незнания, потому как подросток попросту путается в разрозненных советах и рекомендациях, будучи не в состоянии выделить единственно верное решение. Даже при условии, что родитель весьма компетентен в вопросах сексуального воспитания, далеко не каждый способен грамотно донести информацию до ребенка. Именно поэтому особенно важное значение принимает сексуальное образование в школах или на специализированных курсах, где полностью осведомленные люди могут корректно преподнести материал для заинтересованной аудитории, а также ответить на щекотливые вопросы.

Что касается непосредственно педагогического процесса, то стоит отметить, что главными факторами, упрощающими восприя-

тие, в данном случае являются простота и доступность информации. Также не стоит уходить в излишнюю «гинекологизацию» проблемы, как писал И. С. Кон, и делать акцент на контрацепции, беременности, родах и болезнях, передающихся половым путем. Это удел врачей. Главной целью сексуального просвещения является сохранение репродуктивного здоровья и достижение некоторой свободы в сочетании с ответственностью за свое поведение [5].

Решение проблемы заключается в создании общедоступных специализированных заведений, школ, курсов сексуального образования для информирования разных возрастных групп (как уже было упомянуто ранее, в информировании нуждаются не только подростки, но и люди старшего поколения [6], являющиеся основным первоисточником для ребенка в вопросах сексуального характера). Также необходимо внедрение курса, включающего тренинги и снабжение школьников специализированной литературой, написанной доходчивым и доступным языком, в систему школьного образования, потому как именно подростки находятся на этапе, когда их интерес к противоположному полу создает очень сильную мотивацию к обучению. Ни в какой другой период жизни человек не стремится к информации о сексуальной жизни так, как в подростковом возрасте.

Главной целью данной деятельности является создание в умах подростков прозрачного понимания сущности такого неясного феномена, как секс, а также предотвращения эмоциональных травм.

Стоит упомянуть, что сейчас в России функционирует лишь один центр сексуального образования «Secret», который находится в Москве, что говорит об очень низком уровне осведомленности граждан в вопросах сексуального воспитания.

Что касается предубеждения родителей о таком спорном предмете, как «сексуальное образование», то стоит отметить, что в настоящее время не имеется никаких данных, свидетельствующих о том, что сексуальное образование увеличивает уровень сексуальной активности подростков. Сексуальное образование увеличивает уровень знаний относительно сексуальных проблем; помимо того, приводит к отсрочке начала сексуальной активности, увеличению использования контрацепции и снижению риска опасного сексуального поведения.

В заключение хотелось бы отметить, что вопрос сексуального образования в современной России является нераскрытым. Неинформированность или дезинформация подростков ведет к психическим расстройствам, отклоняющемуся сексуальному поведению, агрессии

в отношении лиц противоположного пола и нежелании обратиться за помощью в связи с неприятием и осуждением со стороны общества вопросов, касающихся столь интимной стороны жизни подростка. Но пути решения, приведенные выше, помогут заложить фундамент для развития сексуального образования в семье, дошкольном учреждении, школе. Образования, проводящегося с учетом пола, возраста, степени подготовленности детей, а также с соблюдением преемственности в процессе воспитания. Данная концепция в глобальном смысле откроет завесу сексуальной жизни, позволит обеспечить доступность информации и воспитать здоровое отношение людей к вопросам секса, а также готовность обратиться за квалифицированной помощью.

Библиографический список

1. Антонович И. В. Добровольческие инициативы в аспекте молодежной политики государства // Теория и практика социальной работы: история и современность [Электронный ресурс] : сб. науч. тр. / под общ. ред. С. Г. Чудовой, Ю. А. Калининой. — Электрон. текст дан. (1 файл.: 5 Мб). — Барнаул, 2014. — 1 эл. опт. диск (CD ROM). Систем. требования: PC Intel Pentium 1 ГГц, 256 Мб RAM; Интернет-браузеры: Google Chrome, Internet Explorer, Mozilla Firefox, Opera. Загл. с экрана.

2. Антонович И. В. Вектор молодежного добровольчества в России на современном этапе // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 5 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2013.

3. Воспитателю о сексологии [Электронный ресурс]. URL: <http://fanread.ru/book/7832966/?page=1> (дата обращения: 10.11.2015).

4. Каган В. В. Что мы знаем о половом воспитании? М., 2005.

5. Психологос. Энциклопедия практической психологии. Половое воспитание [Электронный ресурс]. URL: http://www.psychologos.ru/articles/view/polovoe_vospitanie/ — 1 (дата обращения: 15.11.2015).

6. Стерляева Н. А. Репродуктивные установки молодых семей: региональный аспект // Социология в современном мире: наука, образование, творчество: сборник статей. Вып. 7 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2015.

В. В. Соловьев (Санкт-Петербург)

ОБ ОЦЕНКЕ КАЧЕСТВА СОЦИАЛЬНЫХ УСЛУГ

Сфера услуг — это область экономики, целью которой является удовлетворить потребность населения продуктом труда, как правило, не материальным. Ее существование заметно облегчает нам жизнь, когда возникает необходимость сделать то, на что нам не хватает навыков и умений. Если человек заинтересован в новой прическе, он отправится к стилисту, нужна новая одежда — пойдет в магазин или ателье, заболел зуб — запишется на прием к стоматологу, а в случае возникновения трудной жизненной ситуации, с которой он будет не в состоянии справиться своими силами, то обратится в службу социальной защиты населения.

Слово «услуга» в настоящее время имеет два значения: действие, приносящее пользу, помощь другому и (только во множественном числе) работа, выполняемая для удовлетворения чьих-либо нужд, потребностей, при обслуживании кого-либо. Происходит от слова «слуга» в значении «человек, готовый исполнить чью-либо волю, желание» [1, с. 108]. В Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ (ред. от 21.07.2014) «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» дается определение социальной услуги, которая рассматривается, как «действие или действия в сфере социального обслуживания по оказанию постоянной, периодической, разовой помощи, в том числе срочной помощи, гражданину в целях улучшения условий его жизнедеятельности и (или) расширения его возможностей самостоятельно обеспечивать свои основные жизненные потребности».

Термин «обслуживание» образован от глагола «обслуживать», который, в свою очередь, восходит к глаголу «служивать», т. е. «служить». Он имеет два основных значения: выполнять чью-либо волю, находясь в чьей-либо власти, и работать, трудиться во имя чего-либо, на благо кого-либо [1, с. 108]. В том же ФЗ № 442 понятию «социальное обслуживание» дано следующее определение: деятельность по предоставлению социальных услуг гражданам.

Поскольку глагол «оказать» означает «предоставить, произвести, осуществить», то в контексте рассмотренных выше понятий очевидно, что термины «обслуживание» и «оказание услуг», а также выражение «процесс оказания услуг» являются либо семантически тождественными, т. е. равноправными по смыслу, либо (в случае «оказание услуг», «процесс оказания услуг») избыточными [2, с. 100].

Есть два основных подхода к оценке качества услуг, в том числе и социальных: на основании стандартов качества и на основании мнения потребителей.

В первом случае мы оцениваем качество, сравнивая его с требованиями государственных стандартов (примеры таких стандартов в области социального обслуживания: ГОСТ Р 52498–2005 «Социальное обслуживание населения. Классификация учреждений социального обслуживания»; Национальный стандарт РФ ГОСТ Р 52143–2003 «Социальное обслуживание населения. Основные виды социальных услуг»). Этому подходу соответствуют два способа оценивания — «закрытый» и «открытый» [3, с. 88].

«Закрытый» способ осуществляется с помощью так называемого тайного покупателя, в случае с социальными службами правильнее будет употребить словосочетание «тайный клиент». Проверяющий приходит под видом клиента за консультацией и, используя знания о том, как должно проходить общение специалиста с клиентом, оценивает его компетентность, готовность и желание помочь, соблюдение профессионального этикета.

«Открытый» способ или аудит качества — проверка согласована с учреждением, оказывающим услугу. Проверяется наличие и состояние документов, регламентирующих работу учреждения (должностные инструкции, устав, нормативно-правовые акты, документы на оборудование); условия размещения учреждения; укомплектованность специалистами и их квалификация; оснащение учреждения; состояние информации об учреждении; правила и порядок оказания услуг; тщательность внутреннего контроля деятельности учреждения.

Второй подход — на основании мнений клиентов учреждений социального обслуживания населения. Бывают такие ситуации, когда с точки зрения стандарта специалист проделал качественную работу, а клиент не доволен. Скажем, девушка попала под сокращение и пришла в экспресс-отдел службы занятости с целью устройства на новую работу. Специалист сделал все согласно должностной инструкции, ждать пришлось не больше 10 минут, вежливое обращение, список с адресами и телефонами организаций. Однако, клиентка так и не трудоустроилась. Где-то зарплата не устраивала, где-то должность (не хотела из начальника отдела становиться рядовым экономистом), где-то график. Девушка посчитала, что виноват специалист, который предоставил ей «худшие» варианты. Это произошло потому, что даже если клиент получил качественную услугу, он может остаться ею неудовлетворенным, так как его личностные (субъективные) ожидания не соответствовали впечатлениям от полученной услуги.

Ожидания основываются на личных потребностях, прошлом опыте (предыдущий специалист мне нравился, а этот — нет) и межличностном общении (Ася сказала Кате, что получила единовременное пособие женщинам, вставшим на учет в медицинском учреждении в ранние сроки беременности в размере 638,03 рубля, Катя тоже решила получить такое пособие, но она получила 515 рублей и осталась недовольна, а дело было в том, что Катя живет в Ростовской области, а Ася — в Краснодарском крае).

Можно отметить, что мнение клиентов субъективно, поэтому в оценке качества работы специалиста и оказанной услуги не стоит полагаться на него полностью. Но и первый подход также не является универсальным способом оценки оказания услуг в системе социальной защиты. Жизненные ситуации непредсказуемы, поведение людей в них уникально, поэтому если специалист в общении с подростком допустил некоторую вольность в виде использования в речи неологизмов, англицизмов для установления контакта, то не стоит оценивать это как пренебрежение профессиональной этикой. Подходы на основании стандартов и на основании мнения потребителей не должны быть взаимоисключающими. На наш взгляд, только используя их в совокупности, можно будет оценить качество услуг в системе социальной защиты наиболее объективно.

Библиографический список

1. Калинина Ю. А. Социальное обслуживание как явление социальной жизни // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. Вып. 6. Барнаул, 2014.

2. Лукьянова И. Е., Сигида Е. А. Теоретические и практические вопросы менеджмента в социальной работе // Иппотерапия. Инвалидный конный спорт. Опыт и перспективы : материалы межрегиональной конференции (2–3 мая 2010 г. Санкт-Петербург). СПб., 2010.

3. Абашина А. Д., Бондарева Т. В. Осмысление социальной работы в контексте современного научного знания // Социальное взаимодействие в различных сферах жизнедеятельности: материалы III Межд. научно-практ. конференции / отв. ред. Е. И. Бражник, Н. Н. Суртаева, С. В. Кривых. СПб., 2013.

Е. В. Тишкова, Т. В. Чуканова (Барнаул)

ИННОВАЦИИ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ ГРАЖДАН ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА

Понимаемые под социальными инновациями сознательно организуемые нововведения или новые явления, формирующиеся в соответствии с изменяющимися социальными условиями и имеющие целью эффективные позитивные преобразования, несомненно, имеют место в социальной сфере современного российского общества в целом и той ее области, которая затрагивает интересы пожилых, в частности.

Актуальность проблематики инновирования жизнедеятельности пожилых при участии, в том числе специалистов по социальной работе и самих пожилых может быть доказана самим определением инновационной деятельности, под которой понимается деятельность, направленная на использование научных знаний и практического опыта с целью совершенствования социального обслуживания [1, с. 13].

Применение традиционных технологий становится все менее значимым, эти формы работы не приносят нужного результата, так как проблемы, с которыми сталкиваются пожилые, так и остаются нерешенными. Но использование и традиционных, и инновационных технологий в комплексе может намного улучшить эффективность работы с пожилыми людьми.

Вместе с тем, рассматривая процесс инновирования в комплексе, необходимо отметить, что он отличается в некоторой степени сложностью для понимания и определенной специфичностью, тем более, если речь идет о людях преклонного возраста. Во многом данная проблематика может быть объяснена психологически.

Чрезвычайно трудно добиться от человека в пожилом возрасте приобретения новых знаний и пересмотра ценностей, установок, ожиданий, что является необходимым условием формирования адекватного инновационного восприятия. Вместе с тем в данном случае, вероятнее всего, речь идет об отсутствии должной мотивации, следовательно, «трудно» не означает «невозможно» [1, с. 16].

Необходимо обратить внимание на тот факт, что спрос населения, особенно граждан пожилого возраста, на социальные услуги устойчив и в будущем будет возрастать. Наличие большого числа групп пожилых людей с особыми потребностями (инвалидов пожилого возраста, долгожителей, одиноких длительно болеющих пожилых людей, пожилых людей отдаленных сельских районов и др.) приводит к изменению структуры спроса на социальные услуги. В связи с этим не-

обходимо увеличивать количественные и качественные показатели социального обслуживания, в том числе и с помощью внедрения инноваций [2, с. 114].

В социальном обслуживании пожилых есть множество сфер, совершенствование которых сможет улучшить качество жизни граждан пожилого возраста [3, с. 138].

В сферу улучшения социального положения пожилых людей входят: улучшение жизнеобеспеченности граждан старшего поколения с учетом возраста, состояния здоровья, способности к самообслуживанию, семейного и имущественного положения; поддержка посильной занятости лиц пенсионного возраста, вовлечение в добровольную социально значимую деятельность; организация работы по поддержанию социально-культурной активности пожилых людей; создание возможностей для развития индивидуальных способностей, реализации, использования новейших информационно-компьютерных (в том числе сетевых) технологий для организации досуга, общения, удовлетворения познавательных потребностей, профессиональной и общественной деятельности, адаптации и реабилитации пожилых людей; организация клубов для пожилых людей, активизация деятельности по созданию служб доверия для пожилых людей [2, с. 116].

В сфере отношений между поколениями и положения пожилых людей в семье: активизация усилий по решению проблем взаимопонимания с младшими поколениями, предотвращение последствий конфликтных ситуаций в семье, профилактика жестокого обращения к пожилым людям; разработка и апробация инновационных технологий семейного ухода за пожилыми людьми с целью продления пребывания в домашних условиях до тех пор, пока это возможно; содействие семьям, обеспечивающим помощь и уход за пожилыми родственниками; социально-психологическая поддержка лиц пожилого возраста, особенно одиноких, программа знакомств пожилых людей с целью образования семьи.

В сфере организации социального обслуживания пожилых людей: повышение качества социального обслуживания на дому и в стационарных условиях как фактора повышения качества жизни в пожилом возрасте; предоставление социальных услуг пожилым людям на условиях реализации принципа индивидуального подхода, применение инновационных технологий; развитие сети учреждений социального обслуживания новых типов, прежде всего геронтологических центров, домов малой вместимости, домов временного проживания, геронтопсихиатрических центров, мобильных социальных служб; максимальное использование возможностей материально-технической

базы стационарных учреждений с целью создания условий для участия проживающих в домах-интернатах в социальной, культурной и политической жизни; развитие спектра дополнительных платных услуг в государственном и негосударственном секторах социального обслуживания; концентрация усилий на оказание пожилым людям социально-медицинских услуг, в том числе на базе учреждений хосписного типа, включая хосписы на дому; осуществление взаимодействия с общественными объединениями, благотворительными организациями, семьями и добровольцами в деятельности по предоставлению пожилым людям и инвалидам социальных услуг. В связи с чем нельзя забывать об уровне подготовки специалистов социальной сферы, который предполагает постоянное повышение интеллектуально-нравственного потенциала и формирование личной этической позиции на основе глубокого осмысления общечеловеческих ценностей и принципов социальной работы. Специалисты по социальной работе должны постоянно стремиться к повышению своих профессиональных знаний [2, с. 118]. А также им необходимо изучать и применять инновационные формы в работе с пожилыми людьми, для того чтобы повысить эффективность социального обслуживания этой категории.

Можно заметить, что действительно, граждане пожилого возраста нуждаются в большом спектре услуг [4]. Внедрение новых форм работы с пожилыми гражданами поможет вывести социальное обслуживание этой категории на новый уровень. Качество обслуживания станет гораздо эффективнее, социально-культурная жизнь пожилых людей будет интереснее, а множество проблем, с которыми им приходится сталкиваться, может решиться.

Библиографический список

1. Инновационные формы социальной работы с пожилыми людьми : сб. науч. тр. / под общ. ред. О. М. Никулиной. Балашов, 2004.
2. Гладкова М. М., Егорова Т. В., Юмашева Т. А. Организационно-методические основы социальной работы с пожилыми людьми: учеб. пособие. Саратов, 2009.
3. Колесникова О. Н., Чуканова Т. В. Социальная защищенность населения: особенности построения региональной системы // Социология в современном мире: наука, образование, творчество: сборник статей. Вып. 3 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. — Барнаул, 2011.
4. Чуканова Т. В. Совершенствование пенсионного обеспечения как основы социального благополучия населения региона // Социо-

логия в современном мире: наука, образование и творчество: сборник статей. Вып. 3 / под ред. О.Н. Колесниковой, Е.А. Попова. Барнаул, 2011.

Е. В. Хабарова, Н. Б. Рябцева (Горно-Алтайск)

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА С ДЕТЬМИ, ИСПЫТЫВАЮЩИМИ НАСИЛИЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ)

На сегодняшний день всё большее количество людей пытаются решить свои проблемы с помощью насилия. И, самое печальное то, что такие ценности, как доброта и отзывчивость отошли на второй план, главным становится умение быть сильным и дать отпор.

Проблема насилия является очень актуальной в нашем обществе. Однако этот вопрос лишь сравнительно недавно стал объектом интереса социальных и психологических наук.

Первыми насилые как социальную проблему национального масштаба признали в США. Кроме того, в США находятся крупнейшие центры по разработке теоретической базы, методологии и инструментария для изучения домашнего насилия.

Что же касается насилия в отношении детей, а в особенности семейного насилия над детьми, то такой феномен большинство стран признало только во второй половине XX в. [1].

Домашнее насилие (семейное насилие) — любое умышленное действие одного члена семьи в отношении другого, если это действие ущемляет законные права и свободы члена семьи, причиняет ему физические или психические страдания и наносит моральный вред или содержит угрозу физическому или личностному развитию члена семьи. Принимает формы физического, сексуального, экономического или психологического насилия.

Жертвами насилия в семье становятся и дети. По данным МВД РФ родители ежегодно избивают до двух миллионов детей в возрасте до 14 лет. Спасаясь от насилия, более пятидесяти тысяч детей бегут из дома, а 25 тысяч из них находится в розыске [2].

В последние несколько десятилетий насилие в семье осознается как серьезная и масштабная проблема, которая порождает множество других социальных и индивидуальных проблем. Осознается, что насилие в семье нарушает такие права человека, как право каждого на равную защиту перед законом и отсутствие дискриминации

по признаку пола, возраста, семейного или социального статуса; право не подвергаться жестокому обращению; право на жизнь и физическую неприкосновенность; право на высокие стандарты физического и психического здоровья. В частности, сформировалось понимание, что недостаточно только наказывать виновных, необходимо также реабилитировать жертву насилия и работать с человеком, совершившим насилие, во избежание повторения ситуации.

В международных правовых актах выделяют следующие формы насилия в семье: экономическое насилие; физическое насилие; психическое насилие; сексуальное насилие.

Экономическое насилие. Попытки лишения одним взрослым членом семьи другого возможности распоряжаться семейным бюджетом, иметь средства и права распоряжаться ими по своему усмотрению, экономическое давление на несовершеннолетних детей.

Физическое издевательство может начаться физически неагрессивно, т. е. с пренебрежительного отношения. Когда насилие переходит в стадию применения физической силы, оно может начаться со сравнительных мелочей, как, например, обидчик может болезненно ущипнуть или сжать до боли руку или другую часть тела. Однако при повторении насильственных действий издевательства усиливаются, а побои становятся целенаправленными, т. е. наносятся по определенной части тела, часто туловищу, где следы не так заметны.

Виды сексуального насилия нередко бывают частью насилия в семье, однако довольно сложно открыто их обсуждать. Характеристиками сексуального насилия является не только сам половой акт, что распространено в обществе, но и другие характеристики, как-то демонстрация своих половых органов, порнографии и т. д. Сексуальному насилию в семье могут быть подвергнуты и дети.

Эмоциональное издевательство всегда сопровождает физические побои, а в некоторых случаях им предшествует. Целенаправленное, повторяющееся эмоциональное издевательство может оказать губительное воздействие на самоосознание жертвы и на ее восприятие реальности.

Все виды насилия разрушительны и опасны. Деструктивное влияние насилия воздействует на физическое и психическое состояние, самооценку и самовосприятие жертвы. В крайнем случае жертва может оказаться на грани самоубийства, если ей не будет вовремя оказана психологическая и медицинская помощь [1].

На территории Республики Алтай в настоящее время ведется активная социальная работа с семьями и детьми. В рамках государственной программы Республики Алтай «Обеспечение социальной

защищенности и занятости населения» действует ряд подпрограмм, одна из которых «Охрана семьи и детей». В связи с укоренившимся на территории республики укладом жизни, в основе которого лежит зависимое положение женщин и детей в семье, насилие в семьях присутствует и имеет свои особенности. Дети, являющиеся свидетелями насилия в семье, входят в группу риска, так как в последствии могут быть инициаторами насилия или подвергаться ему в своей будущей семье. На территории Республики Алтай ежегодно от насилия в семье страдает около 3% женщин, большинство из них имеют летальный исход. Это сказывается на детях. Когда они видят пороки общества в раннем возрасте, то ломаются их ценностные и жизненные ориентиры. Распространенной является моральная жестокость по отношению к детям, отсутствует элементарная забота о детях и здравый смысл по отношению к ним. Наблюдается такое отношение в основном в неблагополучных семьях, вследствие чего у детей проявляются психические и физические нарушения, ухудшается здоровье и развитие. Органами внутренних дел ежегодно фиксируются десятки случаев жестокого обращения с детьми, по многим из которых возбуждаются уголовные дела. Ежегодно более 100 родителей лишаются родительских прав, десятки ограничиваются в родительских правах. Сейчас в Республике Алтай примерно 90 семей находятся в социально опасном положении, каждая из которых имеет минимум по 2 ребенка. Примерно 350 семей входят в группу риска — это около 800 детей.

Борьба с подобным положением дел в республике требует безотлагательных комплексных мер, таких как усиление законодательства, профилактика насилия и серьезная работа по реабилитации детей, пострадавших от жестокого обращения. В Республике Алтай в последнее десятилетие одним из приоритетных направлений социальной политики является формирование надежной системы защиты материнства и детства. Сейчас на территории республики действует ведомственная целевая программа «Защита от жестокого обращения и профилактика насилия детей в Республике Алтай на 2013–2015 годы» [3].

Приоритетными направлениями, целями и задачами программы являются: объединение органов и организаций по работе с несовершеннолетними Республики Алтай и раннему выявлению нарушения прав ребенка; формирование у населения серьезного отрицательного отношения к любому проявлению насилия по отношению к детям; информирование взрослых и детей о формах насилия и мерах наказания, правилах поведения в случае насилия и информацию по ока-

занию помощи в данной ситуации; внедрение новейших эффективных методик по профилактике и реабилитации насилия.

В рамках программы реализуются следующие мероприятия: 1) акция «Белая лента» — информационная кампания по профилактике насилия; 2) проведение конференции «Защита детей от жестокости и насилия в Республике Алтай» со специалистами организаций и учреждений по данной теме, представителями общественных объединений, населением и СМИ; 3) создание добровольческого клуба «Детство — для детей» по борьбе с агрессией в отношении несовершеннолетних; 4) оказание экстренной психологической помощи через работу круглосуточного телефона доверия «Нет насилию»; 5) служба «Доверие» по социально-психологическому сопровождению детей, подвергшихся насилию; 6) работа Республиканского реабилитационного центра для несовершеннолетних по обслуживанию детей, оказавшихся в сложной жизненной ситуации; 7) патронатная работа с семьями на ранних этапах выявления социального неблагополучия; 8) передвижная служба «Игровой автобус — доступная помощь семье и детям» по социальной работе с семьями в удаленных населенных пунктах; 9) «скорая социальная помощь» — быстрое реагирование на насилие в отношении детей и многие другие мероприятия по информированию, профилактике, непосредственной работе с насилием детей в семье и реабилитации [4].

Реализация мероприятий целевой программы позволяет достичь положительных показателей относительно социальной работы с детьми и неблагополучными семьями. Ведомственной целевая программа «Защита от жестокого обращения и профилактика насилия детей в Республике Алтай на 2013–2015 годы», направленная на раннее выявление семейного неблагополучия, дальнейшее развитие услуг по предотвращению насилия над детьми, уже способствует достижению системного социального эффекта по сокращению распространенности неблагополучия детей и семей с детьми, предотвращению случаев жестокого обращения с детьми, внедрению эффективных технологий и методов работы с ними. Намечались положительные тенденции развития в данном направлении, и к концу 2015 г. достигнуты хорошие результаты, а на будущее в планах Министерства труда и социального развития уже заложена программа «Защита от жестокого обращения и профилактика насилия детей в Республике Алтай на 2016–2018 годы».

Таким образом, насилие над детьми является не только значительной социальной проблемой, но и вопросом, требующим профессионального внимания психологов и социальных работников.

Библиографический список

1. Карцева Л. В. Психология и педагогика социальной работы с семьей: учебное пособие. 2-е изд. М., 2012.
2. Павленок П. Д. Теория, история и методика социальной работы : учебное пособие // П. Д. Павленок. Избранные работы. 10-е изд., испр. и доп. М., 2013.
3. Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/473313547> (дата обращения: 15.11.2015).
4. Приказ Министерства труда и социального развития Республики Алтай от 26.03.2014 № П/61 (ред. от 21.10.2014) «Об утверждении ведомственных программ». Ведомственная целевая программа «Защита от жестокого обращения и профилактика насилия детей в республике Алтай на 2013–2015 годы». Горно-Алтайск, 2014.

Е. В. Тишкова (Барнаул)

МЕДИКО-СОЦИАЛЬНОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ДИСФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СЕМЕЙ С ДЕТЬМИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Научный руководитель — Т. В. Чуканова

Одним из основных социальных факторов, влияющих на становление личности, является семья. Кризис современной семьи, падение ценности родительства, большой процент детей с отклонениями в развитии, нарушениями в области формирования нравственных качеств — все это приводит к многочисленным дисфункциям семьи. Наиболее эффективна комплексная работа с такой семьей, которая позволяет через оптимизацию внутрисемейной атмосферы, гармонизацию межличностных, супружеских и детско-родительских отношений решать проблемы родителей и детей. Значительное место занимает медико-социальное сопровождение таких семей. Оно включает в себя ряд взаимосвязанных и дополняющих друг друга видов деятельности специалистов, обеспечивающих: правовую защиту и обучение; социальную помощь; медицинскую помощь; обучение навыкам социальной компетентности [1; 2]. Организация и функционирование медико-социального сопровождения дает возможность оказания практической помощи дисфункциональным семьям с детьми.

Сопровождение реализуется непосредственно в совместной деятельности, что принципиально отличает его от процесса управления, который может осуществляться извне и дистантно, без оказания непосредственной помощи, личного участия и заботы. Это комплексный метод, в основе которого лежат следующие принципы: рекомендательный характер советов сопровождающего; приоритет интересов сопровождаемого, «на стороне ребенка»; непрерывность сопровождения; мультидисциплинарность (комплексный подход) сопровождения; стремление к автономизации [3].

Сопровождение семьи включает в себя комплекс мероприятий, направленных на социальную, психологическую, медицинскую и иную поддержку семьи с целью её сохранения, поддержание процессов активной жизнедеятельности и развития естественных способностей клиента, а также создание условий для предупреждения развития негативных последствий и различных социальных проблем, мобилизация человека на активизацию скрытых резервов. Социальное сопровождение включает в себя элементы обучения и развития способностей клиента к дальнейшему повышению своего социального статуса, умению самостоятельно владеть подходами, социальными технологиями и практиками, предлагаемыми специалистами социальной сферы [3]. Под **медицинским сопровождением** понимается индивидуальное сопровождение, обеспечивающее создание благоприятных условий, направленных на улучшение и поддержание здоровья субъекта на протяжении всего процесса лечения [4]. В процессе медико-социального сопровождения осуществляется деятельность медицинских и социальных организаций, направленная на удовлетворение потребности в медико-социальной помощи отдельных лиц, семей, групп населения.

Объединение разрозненных усилий специалистов и освоение ими методов сопровождения, имеющих существенные отличия от коррекции, обучения и т. д., позволяет существенно изменить содержание медико-социальной поддержки дисфункциональных семей. Являясь видом мультидисциплинарной деятельности и реализуясь в области взаимных интересов здравоохранения и социальной защиты населения, медико-социальное сопровождение использует формы и методы, сложившиеся в системе здравоохранения — профилактические, реабилитационные, психотерапевтические и др. В системе социальной защиты населения — социальное консультирование, социальные пособия, социальное обслуживание и др.

Непосредственными исполнителями медико-социального сопровождения являются: специалисты по социальной работе; участковые

врачи и участковые медицинские сестры. Его цель — помимо создания равных возможностей для различных семей, но и организация и реализация сотрудничества органов здравоохранения и социальной защиты с семьей, направленное на поиск внешних и внутренних ресурсов для необходимых преобразований, а также возможностей их эффективного использования. Основными задачами медико-социального сопровождения являются: медико-социальный патронаж в семье; выявление в семье лиц, имеющих факторы социального риска и нуждающихся в медико-социальной защите и поддержке. Патронаж дает возможность наблюдать семью в ее естественных условиях, что позволяет выявить больше информации, чем лежит на поверхности.

Для полноценного медико-социального сопровождения дисфункциональных семей, имеющих детей, главным принципом является раннее выявление таких семей. При работе с дисфункциональной семьей нет определенных специальных технологий работы. Ответственность за качество и эффективность поддержки ложится на плечи команды специалистов, в том числе и специалистов по социальной работе, которые должны уметь: во-первых, грамотно диагностировать состояние семьи. Во-вторых, владеть разнообразными технологиями работы с семьей. В-третьих, своевременно и правильно их применять. Диагностика состояния семьи позволяет составить более точное представление о потребностях целевой группы и точнее сформировать комплекс необходимых услуг. Сначала осуществляется сбор первичной информации о данной семье через различные источники: поликлинику, детский сад, школу, наркологический и психиатрический диспансеры, районное отделение полиции, соседей, коллег родителей по работе и т. д. Далее сбор информации завершается обобщением полученных данных и оценкой уровня риска семьи для проживания и воспитания в ней ребенка.

Обобщенная информация с выводами выносится на обсуждение комиссии при отделе опеки и попечения, которая принимает решение о дальнейших действиях в отношении семьи. На заседании комиссии при желании может присутствовать обсуждаемая семья. Ее стремление принять участие в заседании рассматривается как положительный фактор и свидетельствует о заинтересованности в судьбе ребенка и желании родителей сохранить его в семье. Независимо от решения вопроса о пребывании ребенка в семье или вне ее начинается работа по определению регенеративных, восстановительных, потенций семьи для выполнения родительских функций. Разрабатывается план работы с семьей по ее реабилитации и повышению вос-

питательных способностей родителей. Далее следует посещение специалистом семьи в месте ее проживания.

Трудность на этом этапе часто возникает по причине нежелания семьи идти на контакт со специалистом как представителем власти. Родители используют при этом свое право на неприкосновенность жилища и отказываются впустить в дом постороннего. В такой ситуации иногда приходится использовать силовые методы и повторить визит совместно с участковым милиционером или инспектором по делам несовершеннолетних. Однако этот путь сокращает до минимума возможности доверительного контакта специалиста по работе с семьей в его дальнейшей работе с ней. Поэтому рекомендует использовать этот прием лишь, в крайнем случае, когда ребенку угрожает реальная опасность.

Визит в семью позволяет специалисту провести углубленное обследование условий проживания семьи и ребенка. Одновременно возникает возможность наблюдать в естественной среде характер взаимоотношений как между супругами и другими взрослыми, так и между родителями и детьми. Необходимо зафиксировать реакцию родителей на приводимые социальным педагогом факты невыполнения ими своих родительских обязанностей: будут ли они принимать обвинения, защищаться, перекладывать ответственность друг на друга, поддерживать супруга и т. п. При проживании в семье других взрослых следует определить отношение к ним каждого из супругов, а также отношение ребенка к этим членам семьи (нейтральное, доброжелательное, уважительное и т. п.).

Исследуя характер отношений родителей с ребенком, важно обратить внимание на особенности его поведения в их присутствии (боязнь отвечать на вопросы, стремление уклониться от прямого физического контакта с родителями, несовпадение в его ответах при беседе наедине со специалистом по социальной работе и при родителях и т. п.). Углубленное изучение дисфункциональной семьи позволяет сделать ряд выводов, необходимых для составления плана дальнейших действий по восстановлению воспитательной функции семьи. Имеет смысл подключать членов семьи к разработке плана действий или, по крайней мере, согласовывать предполагаемые меры с каждым взрослым ее членом. Семья должна быть поставлена в известность относительно всех методов, которыми будет проводиться работа, включая возможность видеозаписи и применение других визуальных, психологических, медицинских и иных технологий. Применение такого рода диагностических и терапевтических методик без информирования семьи может быть расценено как нарушение прав человека [5].

Таким образом, медико-социальное сопровождение дисфункциональных семей как комплекс мер, осуществляющийся командой специалистов, направленных не только на восстановление, но и на сохранение и укрепление семьи. Их деятельность выстраивается так, чтобы семья, с которой они работают, была готова пойти на контакт, чтобы раскрыть в этой семье собственный потенциал, чтобы в итоге все члены семьи осознали истинный смысл слова «семья». Медико-социальное сопровождение семьи будет эффективно, если оно будет основано на комплексном подходе и решаться строго поэтапно. Для успешного решения проблем семьи необходима постоянная целенаправленная деятельность по ее поддержке со стороны различных государственных структур.

Библиографический список

1. Зубкова Т. С. Организация и содержание работы по социальной защите женщин, детей и семьи: учебное пособие. 2-е изд., стер. М., 2004.
2. Котысова Н. А., Лебединская О. И. О роли социальных работников в решении медико-социальных проблем // Социальная работа: сборник материалов. Вып. 1. М., 1992.
3. Казакова Е. П. Система комплексного сопровождения ребенка: от концепции к практике // Психолого-педагогическое медико-социальное сопровождение развития ребенка. СПб., 1998.
4. Тен Е. Е. Основы медицинских знаний: учебник. 4-е издание, стер. М., 2008.
5. Колесникова О. Н., Артюхина В. А., Чуканова Т. В. Социальное самочувствие как интегральная характеристика жизнедеятельности населения региона: результаты мониторингового исследования // Вестник алтайской науки. 2014. № 1.

Т. В. Вишник, Ю. А. Калинина (Барнаул)

СЕМЬЯ В XXI В.: ОПАСНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ

Семья в настоящее время становится объектом внимания ученых, видных религиозных деятелей, политиков, что обусловлено многолетней активной направленной деятельностью на изменение и/или разрушение института семьи. Традиционные представления о семье заигушеваются «новыми моделями семьи», которые в свою очередь

порождают серьезные проблемы современного общества: социальное сиротство (сиротство при живых родителях); одиночество; жизнь «ради самого себя» и многие другие.

Эксперты отмечают несколько направлений, которые необходимо осмысливать и с которыми предстоит работать для поддержания и сохранения института семьи, среди них: смысловое понимание семьи; основные цели и задачи семьи; основные функции семьи; отношение супругов к рождению детей; взаимоотношения внутри семьи и др.

В настоящее время само понятие «семья» пытаются изменить в сознании людей. По мнению патриарха Кирилла, «мы созданы для того чтобы пребывать в общении друг с другом, мы все принадлежим к сложному и таинственному единству, к человеческому роду. И мы входим в это единство не как детали детского конструктора, каждую из которых можно заменить другой. Скорее мы подобны листьям, которые растут на ветвях и через ветви соединяются со стволом и корнями великого древа. Мы являемся членами семей, общин, народов, и наше благополучие, как физическое, так и духовное, во многом зависит от нашего умения сохранять духовно-нравственные традиции и ценности. Семья — это Богом установленная институция. Семья укоренена в самой природе человеческой личности. Поэтому разрушить семью, не переформатировав этой природы, не переформатировав этого сознания, невозможно. И когда мы сегодня констатируем факт того, что институт семьи разрушается, то должны ясно понимать, что речь идет в первую очередь о разрушении самой человеческой личности. Поэтому всякая политика, направленная на разрушение семьи, есть антигуманная политика; она бросает вызов самому существованию человеческой личности» [1].

Исследователи отмечают намеренное расширение понятий семьи и брака, размывание границ в представлениях добра и зла, дозволенного и недозволенного, с целью введения «новых норм» поведения, которые противоречат как самой природе человека, так и исконным традициям и устоям русского народа.

По мнению Ирины Медведевой, директора Института демографической безопасности, детского психолога, «семья — это союз двух любящих — мужчины и женщины, которые дают друг другу обет верности, которые венчаются церковным браком (если это церковные люди), регистрируются в ЗАГСе, и они надеются на то, что будут иметь детей. Вот это и есть правильная модель брака. Глобализация уже тем препятствует нормальному браку, что она неправомерно расширяет границы этого понятия. Кроме того, в глобализационный проект входит сокращение рождаемости, сокращение населения, так

называемая «идея золотого миллиарда», и, как следствие, брак не может поощряться как нечто нормальное, как нечто желаемое для молодых людей, поскольку нормальный брак, как правило, приводит к появлению детей. В настоящее время происходит насаждение безнравственности, пропаганда безопасного секса в молодёжной среде, навязывание таких моделей поведения и моды, которые плохо соотносятся с браком» [2].

В связи с этим исследователи обозначают демографическую проблему и связанную с ней проблему планирования семьи. Выбор супругов в пользу одно- и двухдетной семьи не позволит решить демографическую проблему России. На ситуацию можно повлиять, если в большинстве семей будет три и более детей. Ситуация, когда семья сознательно делает выбор на бездетность, так называемое чайлдфри, скорее всего, является следствием такой проблемы, как «общество потребления», когда дети рассматриваются как обуза и помеха для свободной, легкой жизни супругов. Существуют и ошибочные представления о том, что традиционная семья с большим количеством детей — это пережиток прошлого. В этом случае ситуацию возможно изменить, только изменив представления и установки людей [3].

В прошлые века иметь большую семью — вполне нормальное и обычное явление. Практически в каждой семье насчитывалось 5–6 детей, и это не зависело от того, где проживают люди: в деревне или в городе. А сейчас изменились сами установки людей по поводу семьи, и все устремления направлены на построение успешной карьеры. По мнению исследователей необходимо изменить сознание людей с ориентира «одно-двухдетность» на многодетность. Так, Дмитрий Смирнов, председатель Патриаршей комиссии по вопросам семьи, защиты материнства и детства, считает, что недостаточно просто заботиться о репродуктивном здоровье людей, необходимо изменить мышление людей, чтобы они желали рождения детей, любили их.

Анатолий Антонов, российский ученый-демограф, доктор философских наук, считает, что в современном мире семья не выполняет своих истинных функций. «Самая большая трудность, связанная с непониманием причин «плохой демографии» и, соответственно, сути предлагаемых программ демографической политики, лежит не в сложности научного определения целей и путей противодействия депопуляции, не в сложности разработки социолого-демографических проектов укрепления среднететной и многодетной семьи, мощного социально-психологического и экономического поощрения материнства и отцовства, — а в сфере ценностных приоритетов» [4].

Для того чтобы изменить установки и представления людей, требуется много времени. Именно государство должно способствовать распространению идей престижности семьи и всячески способствовать этому. Ведь демографическая проблема становится не только государственной, но и общемировой. Приток населения во многих странах формируется не за счёт оптимального уровня рождаемости, а из-за миграции населения из одного места в другое, а следовательно, самого притока населения как такового не осуществляется, а происходит только «мнимое» увеличение численности жителей в стране.

По мнению Анатолия Антонова, «кризис семьи — это результат невыполнения ею функций социального института. Ранее она, как такой институт, имела возможность влиять на другие институты. Семья воспитывала, наказывала своих нерадивых членов, лечила. Она была фабрикой, колхозом, больницей, театром, тюрьмой. Все было в семье. Потом эти функции обособились, ушли от нее» [5].

Воспитание детей, научение детей распознаванию границ хорошего и плохого, добра и зла — это основная задача семьи. Украинская пословица: «У хорошего мужа и жена хорошая, у хорошей жены и муж хороший», раскрывает глубокий смысл идеи воспитания в семье, только изменением самого себя можно сделать лучше другого.

По мнению В. А. Сухомлинского, основной целью семейной жизни является воспитание детей. Это возможно осуществить через такую школу воспитания, как взаимоотношение мужа и жены, отца и матери. Именно в семье человек должен научиться творить добро. В семье взаимное воспитание и самовоспитание осуществляется ежеминутно. Благодаря этому муж и жена становятся духовно богаче, переживают этап духовного совершенствования, а в этом, наверное, и заключено семейное счастье. «Воспитание детей — важнейшая задача семьи. Каждый может достичь в этом деле вершины совершенства — стать настоящим мастером. Мудрость отцовства и материнства — бесценное нравственное богатство всего общества» [6].

Воспитывая детей, родители прежде всего изменяются сами, только в этом случае возможно гармоничное развитие и полноценная жизнь семьи. По мнению Артемия Владимирова, члена Союза писателей России, преподавателя Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, священника: «Муж с женой, естественно, должны дополнять друг друга. И каждый пусть знает свое место, то есть пытается раскрыть Богом данные таланты, как естественные, так и благодатные, для созидания семейного мира и любви. Безусловно, супруги призваны быть хорошо просвещены, начитаны в свято-

отечественных писаниях, чтобы с милующей любовью восполнять взаимные недостатки» [7].

По мнению исследователей, в настоящее время искусственно культивируется проблема отцов и детей, навязывается мнение о некоем конфликте поколений с целью разрушения многовековых традиций и устоев русской семьи.

Ирина Медведева отмечает: «Ещё одним необходимым условием глобализации является искусственный разрыв связи поколений, искусственный «подогрев» конфликта «отцов и детей». И большинство из нас уже убедили в том, что этот конфликт поколений является неизбежным и, что он появился с появлением людей на Земле. Но это не так. Но в нормальном обществе — это конфликт частной семьи, в которой есть ребёнок переходного возраста, когда, как говорят в народе, «играет гормон», когда происходит очень серьёзная перестройка организма и, как следствие, — «бунт против родителей». Из семейной проблемы это проблему искусственно делают социальной. Родители являются носителями культурных ценностей и передают их следующему поколению. И смотря с угла глобализации, родительские ценности мешают глобализационному процессу, который связан с разрушением культурных традиций» [2].

Так, для сохранения семьи, культурных традиций русского народа приоритетным становится сохранение духовно-нравственных традиций и ценностей и через это обеспечение физического, духовного и социального благополучия каждого человека.

Библиографический список

1. Святейший Патриарх Кирилл: Разрушение семьи бросает вызов самому существованию человеческой личности [Электронный ресурс]. «Православная беседа» Электрон. журнал, 2015. URL: <http://p-beseda.ru>.
2. Медведева Ирина. Семья в современном мире. Глобализация против семьи. — Электрон. дан. М., 2007. — 1 электрон. — опт. диск (DVD).
3. Чудова С. Г. Теоретические подходы к изучению детерминации репродуктивного поведения // Социология в современном мире: наука, образование, творчество: сборник статей. Вып. 7 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2015.
4. Антонов А. И. Эра однодетности // Российская газета. 2008. 5 марта. № 4604.
5. Антонов А. И. Мы стремительно теряем страну [Электронный ресурс] Столетие: интернет-газета. 2015. 16 ноября. URL: <http://www.stoletie.ru>.

6. Сухомлинский В. А. Как воспитать настоящего человека: (Этика коммунистического воспитания). Педагогическое наследие / сост. О. В. Сухомлинская. М., 1990.

7. Владимиров А. Олюбви. Как созидать семью? [Электронный ресурс]. URL: <http://afon-ru.com/afon-palomnichestvo.artemij-vladimirov.ierej-artemij-vladimirov-o-lyubvi-kak-sozidat-semyu-pravilnyh-semejnyh-otnoshenij-net>

Л. А. Шитова (Барнаул)

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРОБЛЕМЫ ЖЕСТОКОГО ОБРАЩЕНИЯ С ДЕТЬМИ

Научный руководитель — О. Н. Колесникова

Проблема жестокого обращения с детьми отражает дисгармонию и перекосы, существующие в институте семьи. Дети — социально-демографическая группа, определяющая будущее любой страны. От их положения и состояния зависят количественные и качественные характеристики не только сегодняшнего, но и будущего населения, его социокультурные показатели. В детском возрасте закладывается фундамент личности, формируются ее основные качества: физическое и психическое здоровье, культурный, нравственный и интеллектуальный потенциал. Нельзя отрицать, что важной частью повседневности является отношение к детям.

Одно и то же социальное явление авторы обозначают разными терминами: «насилие над детьми», «насилие в отношении детей», «жестокое обращение с детьми», «жестокое и небрежное обращение с детьми», «злоупотребление родительскими правами» и «уклонение от исполнения родительских обязанностей».

Склоняясь к использованию термина «жестокое обращение с детьми», отметим, что первые его определения были даны зарубежными авторами и исходили из физического воздействия, оказываемого на ребенка. В частности, впервые жестокое обращение с детьми получило определение в работе С. Кемпе (с соавторами), где был описан так называемый синдром избиваемого ребенка. Более поздними авторами вносились дополнения в термин в основном путем увеличения в нем числа форм воздействия на ребенка и описания возможных его результатов. Отметим также, что П. Ханиган, упоминая о «плохом обращении с детьми», предлагает использовать в этом определении следующие критерии: характер проявления плохого обращения; его

последствия; намерения родителей; поведение родителей вообще; характер детей [1, с. 93].

Насилие над детьми в семье характеризуется как причинение вреда ребенку вследствие злоупотребления родителями или лицами, их заменяющими, своей властью над ребенком для удовлетворения личных потребностей вопреки интересам ребенка.

Говоря о юридической стороне вопроса, можно отметить, что словосочетание «жестокое обращение с детьми» встречается в целом ряде нормативно-правовых актов, но юридическое определение термина при этом отсутствует. Так, например, термин «жестокое обращение с детьми» как конкретное юридическое понятие впервые появился в Кодексе о браке и семье РСФСР в 1968 г. В нем жестокое обращение с детьми было включено в перечень оснований для лишения родительских прав, но содержание самого понятия не раскрывалось. Разъяснение этого понятия для семейного, но не уголовного права было дано в п. 14 постановления №9 Пленума Верховного Суда СССР от 7 декабря 1979 г. «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» и без существенных изменений воспроизведено через 30 лет в п. 11 Постановления №10 Пленума Верховного Суда РФ от 27 мая 1998 г. «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей». Из этих разъяснений следует, что под жестоким обращением с детьми понимаются такие насильственные действия, которые нарушают права ребенка, но еще не являются уголовно наказуемыми [2, с. 17].

Одним из итогов совещания Всемирной организации здравоохранения в 1999 г. стало следующее определение: «жестокое обращение с детьми — это все формы физического и/или эмоционального плохого обращения, сексуальное насилие, отсутствие заботы, пренебрежение, торговля или и другие формы эксплуатации, способные привести или приводящие к фактическому ущербу для здоровья ребенка, его выживания, развития или достоинства в контексте отношений ответственности, доверия или власти» [3, с. 63].

Традиционно различают четыре общих категории жестокого обращения с детьми: физическое насилие, сексуальное насилие, пренебрежение потребностями ребенка, эмоциональное насилие.

Первая из этих категорий — физическое насилие — представляет собой преднамеренное нанесение физических повреждений ребенку, которое можно распознать по особенностям внешнего вида ребенка и характеру травм: внешние повреждения, имеющие специфический характер (отпечатки пальцев, ремня, сигаретные ожоги и т. п.),

повреждения внутренних органов или костей, которые не могли бы быть следствием несчастных случаев. Данный вид насилия больше характерен для семей с низким уровнем образовательного и материального уровня. Вторая категория — сексуальное насилие (или растление, развращение) — характеризуется вовлечением ребенка с его согласия и без такового в сексуальные действия со взрослыми с целью получения последними сексуального или психологического удовлетворения, или выгоды. По всей видимости, изнасилование взаимосвязано с ассоциацией насильником себя с «мачо», доказательством своей мужественности, силы, превосходства, твердости и решительности. Третья категория — пренебрежение нуждами ребенка — проявляется при отсутствии элементарной заботы о ребенке, в результате чего нарушается его эмоциональное состояние и появляется угроза его здоровью или развитию. Недостаток заботы о ребенке может быть непредумышленным, поскольку может быть следствием болезни, безработицы, хронической бедности, неопытности родителей или их невежества, следствием стихийных бедствий или социальных потрясений. И, наконец, четвертая категория жестокого обращения с детьми — психологическое (эмоциональное) насилие — определяется как периодическое, длительное или постоянное психическое воздействие на ребенка, тормозящее развитие личности и приводящее к формированию патологических черт характера. Это насилие чаще имеет латентный характер, поскольку сами жертвы не осознают, что подвергаются негативному психологическому воздействию со стороны других лиц [4, с. 19].

Жестокое обращение с детьми формирует людей малообразованных, не умеющих трудиться, создавать семью, быть хорошими родителями. Опасным социальным последствием жестокого обращения по отношению к детям является дальнейшее воспроизводство самой жестокости. В результате различных наказаний у ребенка формируются неблагоприятные черты характера и личностные особенности, связанные с тем, что такие дети подвержены влиянию чужого примера, и они могут возмещать зло на других. Родители для такого ребенка становятся отрицательной моделью, что характеризуется перерождением положительных ценностей в сознании подрастающего поколения в отрицательные. Отсутствие эмоционального тепла приводит к тому, что дети вырастают ранимыми, мнительными, с искаженным отношением к себе и другим; они не способны к доверию, склонны к жестокости, что является реакцией на пережитые в прошлом унижения.

Библиографический список

1. Ханниган П. Молодежь, испытывающая трудности. М., 1999.
2. Волкова Е. Н. Защита детей от насилия и жестокого обращения / под ред. Е. Н. Волковой, Т. Н. Балашовой. Н. Новгород, 2004.
3. Насилие и его влияние на здоровье: доклад о ситуации в мире / под ред. Этьенна Г. Круга: пер. с англ. М., 2003.
4. Алексеева И. А., Новосельский И. Г. Жестокое обращение с ребенком. Причины. Последствия. Помощь. М., 2005.

Е. П. Шунк, Е. С. Очаковская (Барнаул)

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ ПОДРОСТКОВ С ДЕВИАНТНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ

Консультирование занимает важное место в социальной работе. На практике консультирование проводит практически каждый специалист социальной сферы, работая с людьми, находящимися в кризисной ситуации, в условиях стресса. Особое место в консультировании занимает работа с подростками с девиантным поведением. Оказание помощи клиенту в трудной жизненной ситуации включает информирование; обучение навыкам, способствующим улучшению ситуации; помощь в анализе проблем, прояснении конфликтных зон и поиск путей решения проблемной ситуации. Для того чтобы такая работа проводилась профессионально, необходимо освоение основ консультирования, что становится важной составляющей обучения специалиста по социальной работе [1].

Любая деятельность, включая консультирование, имеет определенную цель, которая должна базироваться на потребностях клиента. Выделяют две основных цели консультирования:

- 1) повышение эффективности управления клиентом собственной жизнью;
- 2) развитие способности клиента решать проблемные ситуации и развивать имеющиеся возможности.

В социальной работе целью консультирования является помощь человеку в нахождении как можно большего количества вариантов поведения, мыслей, чувств, поступков для активного взаимодействия с людьми и группами в социуме. Консультант помогает человеку осознать проблемы, которые он не контролирует, изменить свои установки по отношению к окружающим и в соответствии с ними кор-

ректировать свое поведение. Таким образом, основные цели консультирования имеют направленность на повышение удовлетворенности жизнью, что непосредственно связано с личностным ростом человека, развитием навыков преодоления трудностей, умением завязывать и поддерживать межличностные отношения.

Под девиантным поведением понимают «отклонение в поведении человека от общепринятых норм» [2]. Девиантное поведение, понимаемое как нарушение социальных норм, приобрело в последние годы массовый характер и поставило эту проблему в центр внимания социологов, социальных психологов, медиков, работников правоохранительных органов.

Формирование девиантного поведения у подростков наиболее часто проявляется в семьях, где материальный уровень жизни низкий, родители злоупотребляют алкоголем, ведут асоциальный образ жизни [3].

Консультирование в процессе оказания психологической помощи лицам с отклоняющимся поведением подразумевает совместное обсуждение социального работника и клиента возникших у человека проблем, возможных вариантов их преодоления и профилактики, а также информирование индивида о его индивидуально-психологических качествах, специфических типах реагирования, методах саморегуляции. Подростки с девиантным поведением испытывают трудности с социальной адаптацией и общением со сверстниками. Консультирование направлено на выработку активной позиции подростка по отношению к психологическим проблемам, фрустрациям и стрессам с целью обучения способам восстановления или сохранения эмоционального комфорта в критических жизненных ситуациях [4].

При оказании индивидуальной помощи девиантному подростку социальному работнику-консультанту необходимо придерживаться следующего алгоритма [5]:

1. Выявление возрастных и индивидуальных проблем подростка с помощью наблюдения и психолого-педагогической диагностики.

2. Классификация выявленных проблем:

- по принадлежности к естественно-культурным, социально-культурным или социально-психологическим задачам;
- источникам их возникновения, к которым относятся в первую очередь семья девиантного подростка, ближайший к нему социум, группы сверстников (в том числе и класс) и школа как воспитательная организация;
- степени их осознанности подростком и его эмоциональному отношению к ним.

3. Ранжирование проблем подростка по степени значимости их с точки зрения его социализации.

4. Постановка цели планируемой индивидуальной помощи в школе в соответствии с первоочередными проблемами школьника.

5. Определение ведущей тактики оказания индивидуальной помощи воспитаннику: от косвенного включения его в педагогические ситуации до самостоятельного решения им своих проблем.

6. Выбор основного пути индивидуальной помощи девиантному подростку на данном этапе решения той или иной проблемы: через классный коллектив, семью школьника или через непосредственное взаимодействие с ним педагога.

7. Выбор и реализация адекватных методов и форм индивидуальной помощи.

8. Установление обратной связи в процессе оказания индивидуальной помощи (с помощью наблюдений, психолого-педагогической диагностики и в непосредственном контакте со школьником).

9. Интерпретация и анализ получаемых результатов, соотнесение их с поставленными целями и степенью решенности той или иной проблемы подростка.

10. Коррекция индивидуальной помощи, основанная на анализе полученных результатов.

Особенность социальной работы по коррекции девиантного поведения подростков в условиях средней школы заключается во взаимодействии и взаимопроникновении деятельности врача, психолога, социального работника, классного руководителя, педагогов-предметников. Основная задача всех специалистов при этом — изменение вектора агрессивности с целью создания условий для социальной адаптации личности подростка. Хотя социальные работники и не всегда осуществляют глубинное консультирование, все же они должны владеть базовыми консультативными навыками. К таким базовым навыкам можно отнести следующие:

- направленное внимание, активное слушание, безоценочное принятие;
- эмпатическое понимание, установление причинно-следственных связей, открытость;
- целеполагание, решение проблем, техники фокусировки;
- понимание языка тела;
- избегание оценочных и морализаторских суждений;
- умение предоставлять обратную связь, владение техниками снятия напряжения, избегание враждебности и умение с нею справляться и т. д.

Все эти навыки, традиционно рассматриваемые в рамках консультативного процесса, необходимы и для социальной работы с различными типами случаев, в том числе и в работе с подростками с девиантным поведением.

Таким образом, консультирование является важной частью социальной работы с подростками с девиантным поведением и их семьями. При проведении консультирования с данной группой необходимо учитывать её особенности и придерживаться общих правил консультирования. Для осуществления консультирования социальный работник должен обладать определёнными навыками, такими как активное слушание, эмпатия, безоценочное суждение и т. д.

Библиографический список

1. Краснова О. В., Лидерс А. Г. Социальная психология старения: учебное пособие. М., 2002.
2. Голованов О. Краткий словарь по социологии. Кыштым, 2001.
3. Чуканова Т. В. Профилактика социально неадаптированного поведения как условие оптимального социального самочувствия подростков // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. Вып. 6. Барнаул, 2014.
4. Менделевич В. Д. Психология девиантного поведения; учебное пособие. СПб., 2005.
5. Руденский Е. В. Социальная психология: курс лекций / отв. ред. Е. А. Яблокова. М. ; Новосибирск, 1997.

А. В. Яковлева (Санкт-Петербург)

ПРОБЛЕМА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ ПО ЗАПРЕТУ ПРОДАЖИ АЛКОГОЛЬНОЙ ПРОДУКЦИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ

Американский социолог П. Л. Бергер считает, что социальный контроль является одним из наиболее общепринятых понятий в социологии. Ни одно общество не может обойтись без социального контроля. Даже небольшой группе людей, случайно собравшихся вместе, придется выработать собственные механизмы контроля, дабы не распасться в самые кратчайшие сроки [1, с. 68].

Государственный контроль является одной из основных форм социального контроля. Однако одному государству сложно реагировать на множество социальных явлений, запросов и требований, что при-

водит к обострению социальных конфликтов, которые деструктивно влияют на характер общественной жизни. Для этого необходимо наличие эффективной обратной связи, обеспечивающей участие граждан в государственном управлении, важным элементом которой является общественный контроль. Поэтому наряду с государственным контролем особую форму контроля представляет общественный контроль. В современном демократическом обществе общественный контроль — прежде всего деятельность сформировавшихся институтов гражданского общества, формального и неформального участия в них отдельных граждан и их объединений [2, с. 433].

Развитие государственного контроля по запрету продажи и распространению алкогольной продукции — это долгий исторический процесс, который то ужесточался, то, наоборот, принимал более мягкие меры наказания. Федеральный закон Российской Федерации № 171 «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» является основной единицей контроля по запрету продажи алкогольной продукции несовершеннолетним гражданам.

Государственный и общественный контроль осуществляется на основе Федерального закона № 171, который требует соблюдения и исполнения не только со стороны продавцов, предпринимателей, несовершеннолетних, но и со стороны всего общества в целом. Субъекты Российской Федерации **вправе** устанавливать дополнительные меры контроля над продажей алкогольной продукции. Помимо основного закона, дополнительных мер контроля, а также различных профилактических работ с продавцами, предпринимателями и образовательными учреждениями, необходимым и немаловажным является привлечение общественных организаций, активистов и простых граждан.

Общественный контроль является важной составляющей социального контроля и в последние годы становится более популярным в обществе. Он осуществляется на основе закона, законопроектов, общепринятых правил и норм. Существует семь основных форм его выражения. Особенной формой общественного контроля является общественное мнение. Общественный контроль по запрету продажи алкогольной продукции несовершеннолетним, как правило, осуществляется в форме проверок и обсуждений.

В современном обществе развивать общественный контроль по запрету продажи алкогольной продукции несовершеннолетним в первую очередь стали молодежные движения, активисты различных политических партий, а также журналисты. Стали создаваться группы

дружинников и волонтеров, которые вели контроль по запрету продажи алкогольной продукции несовершеннолетним. В настоящее время во многих городах России, таких как Москва, Санкт-Петербург, Череповец, Кемерово, Самара, Красноярск, Уфа, Иркутск, стали проводиться общественные рейды по пресечению и предотвращению продажи алкогольной продукции несовершеннолетним. Как правило, данные рейды проходят в помощь межведомственным проверкам. Аналогично государственным рейдам, набирается комиссия из представителей общественных организаций, волонтеров и активистов, в случае факта продажи составляется акт, но продавец вместо штрафа получает устное предупреждение и возможность быть снова проверенными, только государственными специалистами.

Миссия общественных рейдов заключается в первую очередь в создании нетерпимого отношения в обществе к продаже алкогольной продукции несовершеннолетним, тем самым сохраняется здоровье детей.

Анализ практики осуществления общественного контроля по запрету продажи алкогольной продукции несовершеннолетним в различных регионах позволил выдвинуть две гипотезы:

1. Общество безразлично к покупке/продаже алкогольной продукции несовершеннолетним.

2. Взрослое население оказывает помощь в приобретении алкогольной продукции несовершеннолетними.

Для подтверждения или опровержения предполагаемых гипотез было проведено исследование, проходившее в городе Череповце Вологодской области.

Анализируя результаты исследования, мы можем прийти к выводу, что проблема осуществления общественного контроля по запрету продажи алкогольной продукции несовершеннолетним в первую очередь заключается в безразличном отношении граждан к покупке/продаже алкоголя подростками. В ходе выявления и изучения данной проблемы были проведены методы включенного наблюдения, эксперимента, а также интервью. Специалисты данной сферы, а также результаты, полученные в процессе наблюдения и постановки эксперимента, подтвердили безразличное и пассивное отношение граждан города Череповца к этой проблеме. Было установлено, что ведется активная работа по пропаганде здорового образа жизни в обществе. Также специалисты отметили необходимость информирования об эффективности практики осуществления общественного контроля и вовлечения граждан в данную сферу.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что общественный контроль является одним из важных элементов и форм социального контро-

ля. В современном обществе государство создает условия для формирования и практического осуществления общественного контроля, а именно контроля по запрету продажи алкогольной продукции несовершеннолетним. Данная форма контроля активно развивается по всей России, но, несмотря на это, существуют проблемы ее осуществления. В ходе анализа и практического исследования, которое проводилось в городе Череповце, было установлено, что существует проблема безразличного отношения граждан к покупке/ продаже алкогольной продукции несовершеннолетним.

Заинтересованность граждан в осуществлении общественного контроля по запрету продажи алкогольной продукции несовершеннолетним при активной государственной поддержке сможет решить ряд социальных проблем. Слаженная работа государства и общества, активная позиция граждан, желание действовать помогут в решении различных социальных проблем.

Библиографический список

1. Бергер П. Л. Приглашение в социологию: Гуманистическая перспектива. М., 1996.
2. Назаренко С. В. Социология: учебное пособие. 2-е изд. СПб., 2009.

И. А. Марфутенко (Барнаул)

НЕЗАВИСИМАЯ ОЦЕНКА КАЧЕСТВА СОЦИАЛЬНЫХ УСЛУГ КАК ФОРМА ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ

Различные формы помощи, поддержки существуют с момента появления человека и направлены на помощь ближнему, страждущему, нищему, сироте, семье [1, с. 107]. Требованием времени становится повышение уровня безопасности жизни, здоровья граждан в процессе социального обслуживания, предоставление качественных социальных услуг [2, с. 270].

С 2013 г. Министерством труда и социальной защиты населения разработан инструментарий независимой оценки качества социальных услуг.

Независимую оценку качества социальных услуг можно рассматривать как форму общественного контроля качества услуг в сфере социального обслуживания. Это было вызвано отсутствием конкуренции на рынке социальных услуг.

В национальных стандартах социального обслуживания определены методы оценки качества социальных услуг, среди которых [3]:

- аналитический метод — анализ содержания документов учреждения, контроль наличия документов, соответствия задачам и целям учреждения, анализ индивидуально ориентированных программ обучения, коррекции, реабилитации и др.;
- визуальный метод — осмотр зданий, жилых помещений, помещений для оказания социальных услуг, других объектов инфраструктуры учреждения, средств технического оснащения;
- социологический метод-опрос (интервьюирование) клиентов и персонала учреждений о качестве конкретных услуг, оценка результатов опроса, наблюдение за клиентами, анкетирование;
- экспертный метод — личное присутствие проверяющих (контролеров-экспертов) при предоставлении отдельных вызывающих сомнение услуг с целью уточнения их качества или личное ознакомление с организацией работы по предоставлению подобных услуг;
- метод супервизии — регулярное и структурированное обсуждение сложных случаев оказания услуг клиентам, анализ эффективности применения конкретными специалистами методов и технологий работы и оценка достигнутых результатов;
- рассмотрение и анализ рекламаций, жалоб и претензий к качеству и своевременности предоставления услуг, а также разрабатываемых в учреждении планов по устранению отмеченных недостатков и степени реализации этих планов.

С помощью комбинации этих методов оценивают все виды социальных услуг, среди которых: социально-бытовые, социально-медицинские, социально-психологические, социально-педагогические, социально-экономические, социально-правовые [4]. В соответствии с ФЗ № 442 «Об основах социального обслуживания граждан в РФ», выделены следующие виды социальных услуг: социально-бытовые, социально-медицинские, социально-психологические, социально-педагогические, социально-трудовые, социально-правовые, услуги в целях повышения коммуникативного потенциала получателей социальных услуг, имеющих ограничения жизнедеятельности; срочные социальные услуги [5].

Независимая оценка качества оказания услуг организациями социального обслуживания предусматривает оценку условий оказания услуг по таким общим критериям, как открытость и доступность информации об организации социального обслуживания; комфортность условий предоставления социальных услуг и доступность их полу-

чения; время ожидания предоставления социальной услуги; доброжелательность, вежливость, компетентность работников организаций социального обслуживания; удовлетворенность качеством оказания услуг [5].

Показатели, характеризующие общие критерии оценки качества оказания услуг организациями социального обслуживания, устанавливаются уполномоченным федеральным органом исполнительной власти с предварительным обсуждением на общественном совете, например: полнота информации об организации социального обслуживания, размещаемой на официальном сайте в сети Интернет www.bus.gov.ru (коэффициент от 0 до 1); наличие альтернативной версии официального сайта организации в сети Интернет для инвалидов по зрению с учетом международного стандарта доступности веб-контента и веб-сервисов WCAG (да/нет); численность и укомплектованность организации социального обслуживания специалистами в соответствии со штатным расписанием, в том числе по отдельным специальностям: логопед, психолог, дефектолог (%); доля получателей услуг, удовлетворенных условиями предоставления социальных услуг, от общего числа опрошенных получателей услуг (%), в том числе помещением, имеющимся оборудованием, мебелью, мягким инвентарем, хранением личных вещей (%); доля получателей услуг, которые готовы рекомендовать организацию социального обслуживания друзьям, родственникам, знакомым, от общего числа опрошенных получателей услуг (%) [5].

Федеральный закон № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» устанавливает следующие виды и источники информации для проведения независимой оценки качества: информация о деятельности поставщиков социальных услуг, размещаемая на официальном сайте организации социального обслуживания в сети Интернет; информация о проведении независимой оценки качества оказания услуг организациями социального обслуживания, которая определяется уполномоченным федеральным органом исполнительной власти; информация о результатах независимой оценки качества оказания услуг организациями социального обслуживания размещается соответственно; данные о мнениях получателей услуг и иных граждан о качестве оказания этих услуг организациями социального обслуживания [5].

В процессе независимой оценки качества имеется большой выбор инструментария. С одной стороны, это позволяет провести оценку качества наиболее полно оценить качество социальных услуг, а с другой — существуют сложности с тем, какой инструментарий выбрать.

Важным представляется мнение всех заинтересованных сторон этого процесса, а именно: поставщик и потребитель.

Независимая оценка дает возможность организациям социально-го обслуживания оптимизировать свою деятельность, а потребителям социальных услуг помогает осуществить компетентный выбор поставщика социальных услуг, так как информация о результатах независимой оценки предоставляется в открытом доступе.

Библиографический список

1. Калинина Ю. А. Основные направления стандартизации социального обслуживания в России // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. Вып. 7 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2015.

2. Калинина Ю. А. Социальное обслуживание как явление общественной жизни // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. Вып. 6 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2014.

3. ГОСТ Р 54342–2011 «Национальный стандарт Российской Федерации. Социальное обслуживание населения. Методы контроля качества социальных услуг» // Стандартиформ. М., 2012.

4. ГОСТ Р 52143–2013 «Национальный стандарт Российской Федерации. Социальное обслуживание населения. Основные виды социальных услуг» // Стандартиформ. М., 2014.

5. Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации : Федеральный закон от 28.12.2013 г. № 442-ФЗ.

Раздел V

**СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ
В ОБЪЕКТИВЕ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ
НАУКИ**

Е. А. Попов (Барнаул)

СОЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И МОДЕРНИЗАЦИИ МИРОВОГО УСТРОЙСТВА: ОТКЛИК РОССИЙСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ*

Актуальность. Мировое устройство предполагает не только сохранение и развитие социально-экономических и социально-политических интеграторов международного взаимодействия, но и обеспечение важнейших систем социальной безопасности в мире. Эффективностью международного сотрудничества в том случае, когда обеспечивается и социальная безопасность, многократно возрастает.

По теории С. Хантингтона, основными субъектами мирового устройства могут стать цивилизации, которые найдут в себе силы отстоять присущие им ценности, проекты будущего, смыслы и типы жизнеустройства. Если XIX в. считался эпохой геополитики (при этом важное значение имели такие показатели, как размер территорий или наличие мощной военной силы), XX столетие — веком геэкономики (ключевым фактором являлись природные ресурсы, а также состояние трудовых ресурсов и этика рабочей силы, развитая социально-экономическая инфраструктура), то нынешнему столетию по всем признакам предстоит именоваться временем геокультуры. основополагающие факторы развития мира при этом — ценности, проекции будущего, инновационная активность, творческий потенциал общества [1].

В исследованиях социогуманитарного профиля обращают на себя внимание два направления исследований: во-первых, изучение сущности безопасности как таковой и социальной безопасности, в частности, и во-вторых, анализ особенностей применения терминологии в том или ином контексте. Если вести речь о сущности социальной безопасности, то можно выделить несколько позиций: 1) социальная безопасность как стратегия сохранения и развития государства и государственности, при этом социальная безопасность может рассматриваться как часть национальной или даже всемирной безопасности; 2) социальная безопасность прежде всего затрагива-

* Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания № 28.1475.2014/К Минобрнауки России «Гражданская и этническая идентичности в системе сохранения социальной безопасности населения приграничных территорий Российской Федерации».

ет социально-экономические факторы развития государства и общественные отношения в сфере экономики, при этом экономоцентризм социальной безопасности зачастую политизируется; 3) социальная безопасность — это система эффективных мер, направленных на решение конкретных угроз, проблем или конфликтов, в данном случае можно использовать аналогию с выживаемостью общества в условиях кризиса политических взаимоотношений и под воздействием экономических санкций; 4) социокультурный аспект обеспечения социальной безопасности апеллирует к ценностно-смысловому регулированию общественных отношений, однако ценности национальной идеологии, гражданственности, патриотизма и другие не всегда воспринимаются как необходимые элементы в достижении социальной безопасности; 5) социальная безопасность как определенное состояние, характеризующееся гармонизацией отношений между государством, обществом и человеком.

Как видим, существуют различные подходы к изучению сущности социальной безопасности. Эти направления исследования должны решить для себя и вопросы, связанные с использованием категориальной системы «социальная безопасность» в научном и других дискурсах. На самом деле это иногда имеет и принципиальное значение, поскольку употребление той или иной дефиниции в характеристике важнейших социально-политических и социально-экономических проблем может быть оправданным, а может и не являться таковым. Поэтому закрепление термина «социальная безопасность» в обороте исследователей в качестве универсального термина должно быть согласовано. Тем не менее под социальной безопасностью понимаются разные состояния и системы общественного устройства.

Актуальность статьи состоит и в том, что определение социальной безопасности как универсальной категории позволит рассматривать данное явление как один из факторов глобализации и модернизации мирового устройства. Кроме того, это дает возможность описать локальные характеристики социальной безопасности, например, в приграничных территориях государства или в условиях, например, экономического кризиса или этнонациональной напряженности.

Как известно, процессы модернизации и глобализации, происходящие в мире, оказывают существенное воздействие практически на все сферы коллективной и индивидуальной жизнедеятельности людей. Обычно их протекание связывают с экономическими обстоятельствами, однако на самом деле в основе этих процессов лежит ценностно-нормативная трансформация, которая может иметь, в том числе, и заметные экономические последствия. Нельзя не учитывать

и влияния этих общемировых изменений на культуру, социально-политические и другие трансформации, происходящие в конкретных культурно-исторических условиях или даже на территории конкретного государства. Для современных исследователей имеет принципиальное значение ряд ключевых вопросов, ответы на которые помогут разобраться в характере взаимодействия различных культур и этносов в обеспечении социальной безопасности.

К числу таких актуальных вопросов следует отнести по крайней мере следующие: 1) можно ли говорить об эффективном обеспечении социальной безопасности на международном уровне, если иметь в виду усложнившийся мировой порядок, ориентированный на достижение политического превосходства в мире; 2) каким образом изменения в ценностно-нормативной системе того или иного общества оказывают воздействие на механизмы достижения социальной безопасности; 3) могут ли процессы модернизации и глобализации, происходящие в мире, затруднять или, наоборот, облегчать достижение социальной безопасности. Ответы на эти и другие вопросы способны выработать единую, универсальную стратегию обеспечения социальной безопасности во всем мире. Необходимость такой стратегии во многом связывается как раз с процессами глобализации и модернизации мирового устройства; очевидно, что единая линия обеспечения социальной безопасности, когда страны и континенты находятся в тесной связи друг с другом, будет более действенной по сравнению с локальными механизмами.

Как известно, и глобализация, и модернизация относятся к числу тех явлений, которые довольно активно изучаются различными областями современного социогуманитарного знания. В научном дискурсе уже сформировался общий взгляд на эти трансформационные процессы: глобализация и модернизация меняют масштаб мирового устройства, прежде всего в социально-политическом и социально-экономическом отношении. Конечно, к этим факторам еще следует, безусловно, добавить социокультурный, и тогда можно вести речь о продуктивности исследования указанных изменений. Что касается социальной безопасности, то именно анализ этого явления в условиях глобализационных и модернизационных изменений становится целью настоящей работы. При этом особое внимание уделяется двум основным аспектам: во-первых, социальная безопасность рассматривается как универсальная стратегия мироустройства, необходимая в условиях глобализации и модернизации ценностей, норм, экономик и общественных отношений различных стран; во-вторых, определяется характер «отклика российского приграничья» на указанные процессы.

В настоящей статье специально не анализируются ценности и нормы, трансформация которых происходит в результате глобализационных и модернизационных процессов, однако во многом именно это явление лежит в основе адекватного обеспечения социальной безопасности. Поэтому поиск универсальной стратегии достижения социальной безопасности может рассматриваться как цель многих исследований, посвященных данной проблематике. Между тем необходимо показать, как принимается идея «универсальной социальной безопасности» в широком научном контексте современности, обозначить имеющиеся точки зрения по этому поводу и обобщить представления о влиянии глобализации и модернизации на механизмы гарантий социальной безопасности во всем мире. В рамках одной статьи такой анализ осуществить не представляется возможным, но пунктирно обозначить важнейшие стороны данных процессов вполне имеет смысл.

Кроме того, цель работы — выявление возможных закономерных противоречий между системой «универсальной социальной безопасности» и локальными «откликами» территорий, обеспечение безопасности которых представляет определенную сложность различного характера: экономического, социально-политического, социокультурного, этнонационального и т. д. Речь в данном случае идет о приграничных территориях Российской Федерации (Республика Крым, Алтайский край, Еврейская автономная область, Амурская область).

Внимание к социальной безопасности как объекту исследования в современном социогуманитарном знании объясняется несколькими причинами. К числу таковых можно отнести следующие моменты: 1) социальная безопасность рассматривается не как абстрактная категория, обобщающая практически все имеющиеся формы защиты государства, общества и человека от реальных мировых и локальных угроз, а как рациональное состояние, подлежащее объективации; 2) изучение социальной безопасности позволяет выработать эффективные и действенные способы преодоления существующих для государства, общества и человека многочисленных рисков и угроз, следовательно, внимание к этой проблематике должно быть повышенным. Таким образом, именно социальная безопасность становится центром исследования в рамках данной статьи.

Под социальной безопасностью понимается результат такого взаимодействия государства, общества и человека, при котором обеспечивается эффективное функционирование всех основных социальных институтов и достигается их гармоничное сочетание друг с другом. Из такого определения социальной безопасности следуют по край-

ней мере две важнейшие характеристики этого явления: социальная безопасность невозможна без взаимодействия государства, общества и человека на фундаментальной основе, например, ценностно-нормативной, а кроме того, для констатации социальной безопасности имеет значение жизнеспособность главных социальных институтов. Такая трактовка позволяет, с одной стороны, подключиться разным научным дисциплинам к изучению данного явления, таким как философия, социология, психология, культурология и т. д., а с другой стороны, представить социальную безопасность как своего рода идеальный тип современного общественного развития.

Мировое устройство характеризуется таким состоянием международного сотрудничества, при котором в наивысшей степени обеспечивается безопасность стран, государственного строя, населения и культур, таким образом, устанавливается мир во всем мире. Мировое устройство с этой позиции может пониматься двояко: и как взаимодействие стран всего мира, и как такое состояние международных отношений, которое исключает проявления агрессии и ведение военных действий где-либо. Очевидно, что первый смысл более отвечает цели настоящей статьи: мировое устройство — это: 1) содружество и сотрудничество стран и континентов; 2) состояние мира, обеспечивающее безопасное взаимодействие государств, обществ, людей и культур; 3) результат интегрирующих изменений в мире, зависящих от процессов глобализации и модернизации. Кроме того, следует отметить, что использование категории «мировое устройство» в отличие от других (мир, мировой порядок, объединенные нации и т. д.) характеризуется именно структурированием ценностно-нормативной системы, гармонизацию которой обеспечивает в том числе и социальная безопасность.

Угрозы в мире нарастают, и необходимы очень эффективные способы им противостоять. Известный американский социолог Ч. Перроу предложил называть новые социальные уязвимости, возникающие в мире, «нормальными авариями». Такими состояниями исследователь назвал несчастные случаи и катастрофы, которые возникли при грубых просчетах самого человека. Аварии происходят по причине естественного взаимодействия человека и машины, человека и сложных наукоемких технологий. В результате такого положения вещей периодически и возникают «естественные» сбои, от которых никто не застрахован, и они неизбежны «даже при наилучшем менеджменте и полном внимании к безопасности» [2]. Сбои, однако, могут происходить и в процессах глобализации и модернизации социокультурного пространства.

Под глобализацией мирового порядка понимается безопасное сотрудничество социокультурных систем (не обязательно конкретных стран и континентов), идущее на пользу всем участникам такого взаимодействия. Глобализация прежде всего оценивается с ценностно-нормативных позиций и является процессом социокультурного свойства. Вместе с тем глобализация часто воспринимается как социально-экономическое и социально-политическое явление, объединившее соответствующие интересы международных субъектов.

Модернизация мирового устройства предстает как смена некоторых значимых элементов или структур мирового устройства, в результате которой появление новых или инновационных составляющих вместо устаревших способствует более адекватному обеспечению и гарантированию социальной безопасности во всем мире.

Поскольку мировое устройство — это сотрудничество различных государств на безопасной основе, подкрепленной нормами международного права и общностью ценностей и норм, то в нем свое место занимает, конечно, и Россия. Для цели данной статьи важно показать характер «реакции» или «отклика» российского приграничья (территории, имеющие официальные границы с соседними государствами) на изменения, происходящие в мире и оказывающие существенное влияние на обеспечение социальной безопасности.

В качестве методологических оснований работы применяются несколько взаимодополняющих подходов, обеспечивающих объективность исследования. Ведущим является системный подход, который наряду с институциональным и ценностным позволяет достичь поставленной цели.

Социальная безопасность — это условие стабильного функционирования и развития мирового устройства. Можно вести речь и о том, что социальная безопасность — это следствие установления мирового порядка, когда коллективная и индивидуальная жизнедеятельность человека поддерживается государством и обществом и, наоборот, человек осознает высокую степень ответственности за безопасность в стране и мире. Труднее всего устанавливать и затем сохранять состояние социальной безопасности в условиях меняющегося мира, трансформации ценностей и норм мирового устройства, возникающих и как ответы на процессы глобализации и модернизации. Трудности возникают и по причине мощной и иногда непреодолимой экономической детерминации протекающих в мире социокультурных процессов. Так, например, Ч. Перроу полагал, что «концентрации опасных материалов, населения и экономической мощи в нашей критической инфраструктуре делает нас более уязвимыми для при-

родных, промышленных технологических бедствий и террористических атак» [3, р. 6–7].

Глобализация усложняет достижение состояния социальной безопасности. Причины этого кроются в самых различных явлениях, в таких, например, как необходимость культур находить единую линию взаимодействия, оставаясь при этом верными своей этнонациональной специфике. В этом случае создается угроза нарушения равновесия культур, возможной переоценки ценностей, а значит, существенно повышается уровень конфликтности в обществе и среди носителей тех или иных ценностей. Также глобализация может способствовать пересмотру традиционных идеологий (национальных идей), соотношения религии и государства и т. д. Все эти и иные причины, конечно же, влияют и на механизмы обеспечения социальной безопасности, и на результаты противодействия разнообразным угрозам по отношению к государству, обществу и человеку.

Вместе с тем глобализацию следует признать и необходимым для эффективного обеспечения социальной безопасности в мире процессом. Это вписывается в общемировую тенденцию достижения безопасности сообща, всем международным сообществом, в противном случае гарантировать безопасность очень и очень сложно. Открытость границ и культур, таким образом, одновременно и затрудняет обеспечение безопасности, и способствует достижению согласованности в выборе действенных способов преодоления угроз и создания безопасного физического и социокультурного пространства для жизни и развития человека. Между тем внутрисоветский опыт развития приграничных территорий не только европейского региона, но и в азиатском направлении (например, Алтайский край и Еврейская автономная область) свидетельствует о том, что сохранение социальной безопасности обеспечивается не только глобальными изменениями мирового устройства, но и гражданской и этнической идентичностями. Именно эти факторы позволяют судить о характере должного взаимодействия государства, общества и человека, необходимого для того, чтобы сохранить социальную безопасность на территории страны. По мысли американского ученого Ч. Тэйлора, «неадекватное признание идентичности (либо его отсутствие) есть форма угнетения» [4, р. 22]. К этому следует добавить, что неадекватное признание идентичности оказывает влияние и на эффективные меры обеспечения и сохранения социальной безопасности. В результате масштабного исследования, проведенного в приграничных регионах Российской Федерации, удалось получить ответ на главный вопрос: каким образом гражданская и этническая идентично-

сти обеспечивают сохранение социальной безопасности в приграничных регионах России.

Модернизация мирового устройства предполагает прежде всего изменения ценностно-нормативного характера (так называемая органическая модернизация). В свою очередь влияние ценностей и норм на сохранение социальной безопасности имеет решающее значение. Выражается это в том, что стабильное состояние ценностно-нормативной системы в обществе не вызывает резких социальных или, например, экономических противоречий, не происходит в этом случае и повышение рисков этнонациональных конфликтов или актов гражданского неповиновения и т. д. Между тем нужно иметь в виду: стабилизация ценностей и норм — это явление почти идеальное, достичь которого и так всегда непросто, а при сложившейся напряженности в мире практически и не представляется возможным. Однако можно достичь равновесия, при котором сохраняются традиционные ценности и нормы, а новые, еще не прошедшие проверки временем, пока не занимают ведущей позиции в социокультурном пространстве.

Социальная безопасность предполагает охрану таких ценностей и норм, которые, с одной стороны, делают культуру открытой для интернациональных взаимодействий, с другой — позволяют защищать или гарантировать в будущем своеобразие и уникальность родной культуры. Поэтому при анализе механизмов сохранения социальной безопасности особое внимание уделяется выяснению маркеров ценностно-нормативной стабильности в обществе. К таким показателям может быть отнесен целый ряд важных средств социокультурного развития, например, сохранение культурных универсалий, рост эффективности систем образования и медицины, доступность учреждений культуры и другие. Но главное — это все же достижение равновесия ценностей и норм. В процессе модернизации не должно быть преобладающего количества ценностей над нормами или наоборот. Ценности, как известно, являются «свободами» социокультурного развития, в то время как нормы — «права и обязанности». Только при равном распределении и тех, и других возможно вести речь о действенности механизмов модернизации.

Модернизация мирового устройства — это, так же, как и глобализация, довольно сложное явление, которое может серьезно затруднить сохранение социальной безопасности, поскольку появление все новых и новых социокультурных средств в результате модернизации усложняет ценностно-нормативную систему. Конечно, при таком состоянии некоторые фундаментальные ценности или культурные уни-

версалии теряют свое доминирующее положение. Это может создать конфликтную ситуацию, для разрешения которой потребуются значительные средства.

Модернизация касается не только мирового устройства, но она неизбежно происходит почти во всех странах, даже тех, для которых характерен веками не меняющийся уклад жизни и социокультурного развития (например, в восточных государствах). Россия имеет свой неповторимый опыт модернизации, в результате которой равновесие в ценностно-нормативной системе обеспечивается важными факторами.

Библиографический список

1. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003.
2. Perrow Ch. Normal Accidents: Living with High Risk Technologies. New Brunswick, NJ, 1999.
3. Perrow Ch. The Next Catastrophe: Reducing our Vulnerabilities to Natural, Industrial, and Terrorist Disasters. Princeton University Press, 2011.
4. Taylor C. Multiculturalism and the Politics of Recognition. Princeton, 1992.

Т. В. Чуканова (Барнаул)

ВЛИЯНИЕ САМОАКТУАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ НА СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ МОЛОДЕЖИ

Социально-экономические преобразования влияют на социальное самочувствие, социальное и психологическое здоровье, благополучие населения. Ключевыми проблемами развития современного российского общества становятся проблемы имущественного и социального неравенства, дифференциации различных социально-экономических групп населения. Последствия вынужденных изменений жизнедеятельности проявляются в росте негативных психологических проявлений, повышении уровня психоэмоционального напряжения, развитии и широком распространении таких неблагоприятных психических состояний, как тревога, неудовлетворенность жизнью, неуверенность в завтрашнем дне, что негативно сказывается на оценке личной защищенности человека.

В рамках социологического подхода социальное самочувствие характеризуется как «относительно устойчивая эмоциональная реакция субъекта на воздействие социальной среды и условий его жизнедеятельности».

тельности». Оно выступает «результатом осознания и переживания человеком смысла и значимости различных сторон жизни, вырастает из непосредственных условий бытия человека, определяющих степень удовлетворения его многообразных потребностей, возможностей развертывания индивидуальной жизни, самоутверждения, самореализации» [1]. Социальное самочувствие, таким образом, определяется как интегральная характеристика удовлетворенности/неудовлетворенности человека своим положением, как индикатор его настроений и ориентаций. Важным в данном определении является то, что это в большей степени субъективный показатель. Социальное самочувствие рассматривается как сложная форма достаточно устойчивого целевого социально-психологического состояния, возникающего у человека или группы людей под влиянием объективных обстоятельств их жизнедеятельности в обществе. Это состояние является тонким индикатором социального бытия людей, показывает удовлетворенность ими, своим положением, своей жизнью, отражает их уверенность или неуверенность в сегодняшнем и завтрашнем дне. Роль социального самочувствия сказывается в поведении человека как регулятора поведения выражаясь в различных формах активности/ пассивности личности.

Возможно выделение различных показателей и критериев в определении социального самочувствия населения. Так, Я. Н. Крупец определяет их как адаптивно-оценочные через выявление: внутреннего состояния человека (состояния его здоровья, настроения, испытываемых чувств: счастья, оптимизма); его оценки внешних условий (восприятие ситуации в стране и времени, в котором человеку приходится жить); восприятия собственного положения в новых условиях. Анализ внутренней структуры социального самочувствия позволяет значительно расширить спектр воздействующих факторов и добавить к ним удовлетворенность жизненными условиями; самооценку людьми повседневного настроения; материального благосостояния семей, показатели социального оптимизма относительно сферы экономики, политической ситуации, степень доверия ведущим политическим деятелям и политическим структурам и др. [1].

На переживание благополучия или неблагополучия влияют различные стороны бытия человека, его отношение к себе и окружающему миру. Его многочисленные составляющие тесно взаимосвязаны между собой и влияют друг на друга. Как научная категория «благополучие» обладает рядом особенностей.

Во-первых, очевидны объективная и субъективная стороны благополучия и представления о нем. Причем объективные критерии (сте-

пень удовлетворения потребностей, уровень благосостояния, показатели здоровья, социальные, психологические и другие возможности развития) и субъективные, т. е. индивидуальные оценки людьми и социальными группами как собственного благополучия, так и его объективных индикаторов могут не совпадать или прямо противоречить друг другу.

Во-вторых, понятие «благополучия» тесно связано с другими категориями («счастье», «благосостояние», «уровень жизни», «успешность»), включено в более общие категории («качество жизни», «удовлетворенность жизнью»). В то же время это понятие само по себе широкое, многогранное (материальное, экономическое, психологическое, экзистенциальное, духовное благополучие).

В-третьих, категория «благополучия», отражая реальную жизнь людей, не может не меняться одновременно с развитием общества.

Самое общее определение предложил Е. Дайнер. По его мнению, субъективное благополучие отражает оценку человеком своей жизни и включает в себя счастье, положительные эмоции, удовлетворенность жизнью и относительное отсутствие негативных эмоций и настроений. Им выделены различные уровни оценки жизни: уровень общей удовлетворенности жизнью, уровень удовлетворенности отдельными сферами жизни (браком, учебой, работой) и уровень эмоциональной уравновешенности (качество и частота испытываемых человеком эмоциональных состояний). Е. Дайнером была дана двухкомпонентная структура благополучия, определены когнитивная и эмоциональная составляющие. Причем отмечается, что, несмотря на их взаимосвязь, они не имеют прямой зависимости в субъективных переживаниях и являются независимыми компонентами благополучия [2]. Качество жизни может быть оценено объективно как степень удовлетворения нормативных потребностей соответствия определенным критериям, или субъективно, через личные оценки и мнения самих субъектов. Понимание взаимосвязи субъективных и объективных характеристик благополучия необходимо для решения практических задач оптимизации экономических отношений в обществе, повышения качества жизни людей, усиления деловой актуальности и гармонизации экономического поведения.

Субъективное благополучие, социальное настроение, самочувствие отражаются в оценке степени личной защищенности человека в различных сферах его жизни. В частности, в оценке состояния собственного здоровья. Понятие «здоровье» характеризуется многозначностью и неоднородностью состава. Его рассматривают как идеальное состояние; сложный, многомерный феномен, отражающий сто-

роны человеческой реальности: телесное существование, душевную жизнь и духовное бытие; сложный динамический процесс, включающий созревание и рост физиологических структур и работу организма, развитие и функционирование психической сферы, становление, самоопределение и позиционирование личности [3].

Важным феноменом, влияющим на субъективное переживание благополучия, является способность человека к самоактуализации, характеризующей определенный уровень его развития. По мнению А. Маслоу, при оценке здоровых самоактуализирующихся людей замечена постепенная, но неуклонная замена отчетливо нормативных и откровенно личных оценок на всё более объективные понятия относительного характера [3]. Самоактуализирующиеся личности наделены особой убежденностью и не склонны поддаваться чужому влиянию, они обладают выраженной способностью к творчеству, направлены на поиск жизненного смысла, стремятся в своем развитии обрести целостность и единство, стремятся к реализации своих потенциальных возможностей в деятельности. В этой связи актуально рассмотрение вопросов, связанных с самореализацией, социальной активностью молодежи в современных условиях.

Самоактуализация предполагает полное раскрытие талантов и способностей личности; это реализация ее творческого потенциала. Можно выделить общие черты самоактуализированных людей: стремление к реализации своего творческого потенциала; доброжелательность; адекватная самооценка; чувство юмора; опыт внешних переживаний. Достигнуть значительного уровня самоактуализации можно, например, в результате умения делать адекватный жизненный выбор; нести ответственность за свой жизненный путь, за свое природное становление. А. Маслоу считал одной из важнейших потребностей человека — потребность в самоактуализации, в которой человек может очень долго реализовывать свой личный потенциал. Удовлетворение потребностей в самоактуализации молодого человека осуществляется различными способами и приводит к улучшению его субъективного благополучия.

Своевременными представляются усилия по развитию социальной активности молодого поколения, поскольку это важно как для социального благополучия молодежи, так и для реализации своих социальных функций.

Библиографический список

1. Колесникова О. Н., Артюхина В. А., Чуканова Т. В. Социальное самочувствие как интегральная характеристика жизнедеятельности

населения региона: результаты мониторингового исследования // Вестник алтайской науки. 2014. № 1.

2. Шувалов А. В. Гуманитарно-антропологические основы теории психологического здоровья // Вопросы психологии. 2004. № 4.

3. Чуканова Т. В. Социальное самочувствие и личная защищенность населения Алтайского края // Социология в современном мире: наука, образование, творчество: сборник статей. Вып. 7 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2015.

А. Д. Абашина, Н. С. Догадаева (Санкт-Петербург)

ИНФОРМАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ РЕИНТЕГРАЦИИ СЕМЕЙ МИГРАНТОВ

Проблема социальной реинтеграции мигрантов и их семей в условиях современной России привлекает внимание специалистов из различных областей гуманитарного знания.

Для мигрантов успешная социальная реинтеграция — это «адаптация по типу интеграции», неуспешная — «адаптация по типу психологической защиты или изоляции». В первом варианте обычно удается вновь обрести прочную безопасность, гарантируемую большим сообществом. Во втором случае безопасность менее устойчивая, поскольку её поддержание зависит от более слабого, ограниченного в своих возможностях социального субъекта — малой обособленной группы. Но адаптация — это порог, который надо переступить не только мигрантам. Принимающее общество тоже должно адаптироваться к приезжим и таким образом восстановить баланс безопасности. Поэтому проблемы миграции в РФ требуют комплексного решения, с участием различных ведомств федерального и регионального уровня [1].

Несмотря на то, что информационная составляющая широко разработана в социальной сфере, на сегодняшний день, согласно данным мониторинга, категория мигрантов и их семей особо остро нуждается в информационной поддержке. Например (по данным современных социологических исследований), зачастую наблюдается отсутствие в сфере внимания миграционных служб мероприятий, которые связаны с проведением консультации и разъяснения законодательства о правах и статусе мигранта на принимающей территории; критериях отнесения к беженцам и вынужденным переселенцам; информирование о проблемах и вариантах получения образования детей из се-

мей мигрантов, их социально-психологического консультирования и поддержки [2]. Поэтому, на наш взгляд, частично разрешить проблему информационной неосведомленности можно посредством использования компьютерных технологий (Интернет), так как они сочетают в себе все типы воздействия на человека.

Использование сети Интернет как информационной среды в настоящее время все возрастает. Это динамично развивающееся средство массовой коммуникации позволяет не только сфокусировать воздействие на конкретную целевую аудиторию, но и дает возможность активного взаимодействия между сторонами, получения обратной связи, изучения аудитории, составление её портрета. Электронное коммуникативное пространство, в отличие от печатного или эфирного, практически не ограничено.

Интернет обладает большими возможностями реализации потребностей мигрантов и их семей. Его можно использовать как на базе учреждений социальной защиты населения, так и в условиях сотрудничающих с ними общественных организаций.

Данная технология может быть представлена в виде создания и поддержания веб-сайта; взаимодействие со СМИ; мониторинг веб-форумов и участие в них; создание «событий» и их освещение; создание базовой электронной почты; создание «электронных реклам», «электронных газет», «электронных журналов» по различным вопросам, которые связаны с решением жилищно-бытовых, экономических, финансовых, правовых, образовательных, профессиональных, психологических и многих других проблем данной категории населения.

Посредством подобных видов интернет-технологий семьи мигрантов могут сами выйти на соответствующую информацию, взаимодействуя с которой, они станут активными соучастниками информационного материала. Так, с помощью интернет-технологий мигранты и члены их семей могут самостоятельно узнавать не только новости о ряде региональных действующих программ, в рамках которых ведется активная адаптационная деятельность, в частности специалистами по социальной работе, но и возможностях включения в них. Например, в Санкт-Петербурге — это Программа гармонизации межэтнических и межкультурных отношений, профилактики проявлений ксенофобии, укрепления толерантности в Санкт-Петербурге на 2006–2010 гг. (продлена до 2017 г.) (краткое название — «Толерантность»). Именно данная программа позволила обратить особое внимание на обучение, социализацию и адаптацию детей-мигрантов и их семей в Петербурге [3]. В Москве — Московская городская целевая миграционной программа, Столица многонациональ-

ной России (2008–2016 гг.), в рамках которых открыты Центры социально-культурной адаптации мигрантов (где прежде всего проводится моно-/билингвальное обучение русскому языку), центры трудового обмена и телефонные службы «Столица — мигрант», «Соотечественник» и др.

Помимо этого, семьи мигрантов могут совместно работать над интересующими их проблемами с людьми из других регионов, обсуждать решение своих вопросов практически со всем миром. Подобная возможность сотрудничества и кооперации создает сильнейшую мотивацию для их деятельности в группах и индивидуально. Это является для специалистов социальной сферы дополнительным стимулом для целенаправленной организации самостоятельной работы мигранта, направленной на успешную его реинтеграцию на принимающей территории.

Действительно, как показало наше исследование, технологии Интернета позволяют данной категории населения самостоятельно осознать многие явления и рассматривать их с разных точек зрения. Это стимулирует и на поиск дополнительных источников информации и, наконец, дает понять, что некоторые из проблем могут быть решены только совместными усилиями. А это уже элементы глобального мышления. В конечном итоге, Интернет как для мигранта и его семьи, так и для специалиста по работе с данной категорией населения может стать именно тем руководителем, координатором, консультантом, к которому обращаются не по должности, а как к авторитетному источнику информации, как к эксперту.

Таким образом, интернет-технологии позволяют:

- организовать оперативную консультационную помощь семьям мигрантов как на базе учреждений социальной защиты населения, так и на общественных началах;
- оперативно обмениваться информацией, идеями, планами по интересующим их совместным вопросам и проблемам с мигрантами и миграционными службами из других регионов России;
- формировать коммуникативные навыки, культуру общения, умение кратко формулировать собственные мысли, умение вести дискуссию, аргументированно доказывать свою точку зрения, умение слушать и уважать мнение людей, попавших в такую же жизненную ситуацию;
- формировать умение получать информацию из разных источников, хранить и передавать ее другим нуждающимся в ней, на сколь угодно дальние расстояния по России и в разные точ-

ки мира. Данное положение применимо как и к самим мигрантам, так и к специалистам, работающим с ними.

Библиографический список

1. Догадаева Н. С. Социально-психологическое «проблемное поле» вынужденных мигрантов // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. Вып. 7. Барнаул, 2015.

2. Абашина А. Д., Зилинских И. А. Инновационные технологии в системе социальной работы с семьей // Вестник ТОГИРРО. 2015. № 1 (31).

3. Абашина А. Д. Региональные аспекты развития социальной сферы Санкт-Петербурга // Региональные аспекты инновационного развития культурно-образовательной и социально-экономической сферы в современных условиях : материалы Междунар. науч.-практ. конф. 10 апр. 2015 г. / под общ. ред. В. Н. Скворцова. СПб., 2015.

Н. Ю. Атясова, А. В. Бутина, Д. А. Омельченко (Барнаул)

МОЛОДЕЖНЫЙ АКЦИОНИЗМ В ЗЕРКАЛЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ СМИ: ПАЛИТРА ПРАКТИК В АЛТАЙСКОМ КРАЕ*

Современная молодежь участвует в многочисленных формах социально-политической деятельности [1]. Значительное влияние на то, какие формы принимает молодежный акционизм, оказывает региональный фактор [2]. С целью изучения особенностей проявления молодежного акционизма в пространстве регионального социума был проведен контент-анализ печатных и электронных средств массовой информации Алтайского края.

По данным официального сайта Алтайского края в регионе выходит более 10 краевых изданий, несколько региональных выпусков федеральных изданий, более 50 муниципальных газет. Самыми цитируемыми СМИ Алтайского края по сведениям авторитетной информационно-аналитической системы «Медialogия» являются следующие региональные печатные СМИ: «Комсомольская правда — Барнаул», «Бийский рабочий» и «Алтайская правда» [3]. Среди интер-

* Публикация подготовлена при поддержке Гранта Президента РФ для молодых российских ученых-кандидатов наук МК-5922.2014.6 «Молодежный акционизм в общественно-политическом пространстве регионального социума: концептуальный анализ социальных практик и сетевых моделей».

нет-ресурсов Алтайского края можно также выделить большое количество новостных порталов (Amic.ru, Полит.Ру, Барнаулский городской портал (barnaul-altai.ru), Bankfax.ru и др.). В тройке самых цитируемых информагенств и интернет-ресурсов, по данным информационно-аналитической системы «Медialogия»: ИА «Амител», «Sibinfo.su», «Bankfax.ru» [3].

С помощью поисковых запросов в указанных изданиях были отобраны публикации, содержащие одну из ключевых фраз — «молодежная акция» или её производные, а также «митинг, пикет, протест» с участием молодежи. Объём выборки составил: «Алтайская правда» — 110 статей, «Бийский рабочий» — 241 статья, «Комсомольская правда — Барнаул» — 81 публикация, Амител — 113 публикаций, Sibinfo.su — 51 публикация, Bankfax.ru — 103 публикации.

Во всех изученных изданиях большинство из отобранных публикаций посвящено молодежным акциям. В данном исследовании под молодежной акцией понимается мероприятие, организованное самой молодежью, или мероприятие, основной целевой аудиторией которого является молодежь. Помимо молодежных акций, в исследуемых источниках широко освещаются акции немолодежного характера, в которых молодежь принимает активное участие. Также имеют место информационные сообщения о каких-либо событиях и мероприятиях, в которых упоминается название молодежной акции. Такая палитра публикаций об акциях позволила разделить архив каждого источника на три блока. Рассмотрим два первых блока по каждому источнику.

В газете «Алтайская правда» подавляющее количество публикаций описывают молодежные акции социального характера, меньше по количеству материалов — про благотворительные и общественно-политические акции. Среди социальных акций чаще всего упоминаются акции патриотической направленности (акция «Спасибо за Победу», акция «Молодёжь помнит» и др.). Акции в честь ветеранов, как правило, выполняют не только патриотическую функцию, но и имеют дополнительный акцент — это могут быть экологические акции (например, акция по посадке елей в память о ветеранах), спортивные праздники (например, спортивное мероприятие активистов ассоциации дворового спорта Барнаула по отжиманию на руках 25 568 раз — именно столько дней прошло с 9 мая 1945 г. по 9 мая 2015 г.). Особенно часто в публикациях газеты «Алтайская правда» упоминается молодежная патриотическая акция «Снежный десант». В числе акций немолодежного характера в газете «Алтайская правда» чаще всего упоминаются патриотическая акция «Бес-

смертный полк», акции «Музейная ночь» и «Ночь искусств», различные экологические акции, в которых, помимо молодежи, участвуют и другие социальные группы. Кроме того, молодежь принимает участие в различных общественно-политических мероприятиях (например, митинге, посвященном годовщине вхождения Крыма и Севастополя в состав России и др.).

Результаты контент-анализа выборочной совокупности публикаций в издании «Бийский рабочий», посвященных собственно молодежным акциям, показывают, что большинство описываемых в них форм социальной активности молодежи носит характер патриотических или благотворительных и волонтерских акций. Это мероприятия, включенные в формат всероссийской акции «Вахта памяти» или национального празднования Дня российского флага, а также участие молодежи в сборе помощи для дома ребенка, нуждающихся граждан и т. п. По данным источника, молодые люди также активно принимают участие в социальных акциях, организованных другими социальными субъектами — местными отделениями политических партий, администрацией Бийска, профсоюзами крупных предприятий (например, цеховой профсоюзный комитет Бийского олеумного завода) и ветеранскими организациями (АКОО Клуб пограничников, городской Союз ветеранов ВДВ и войск специального назначения и др.).

Тематика публикаций газеты «Комсомольская правда — Алтай (Барнаул)» представлена преимущественно информационными сообщениями о социальных и благотворительных акциях (городской субботник, «Ищу маму»), организуемых, в том числе, и при поддержке самого издания. Однако большинство сообщений содержат упоминание о молодежи или молодежных акциях без их подробного описания. В числе немолодежных акций, тем не менее, представляющих для молодых людей определенный интерес, в контексте источника выделяются «Музейная ночь», митинги в поддержку русскоязычного населения Украины в Барнауле и протест против итогов выборов в Государственную Думу.

На интернет-ресурсе «Bankfax.ru» больше половины публикаций о молодежных акциях являются общественно-политическими. Около трети публикаций об общественно-политических акциях — это материалы про протесты и митинги против действий местных властей. Достаточно часто в качестве причины организации протестных акций указываются нарушения прав и свобод гражданина (например, митинг «За права и свободы», акция «Антикапитализм», молчаливая акция в защиту свободы слова 2008 г., акции протеста против «незаконных и аморальных действий некоторых сотрудников милиции»).

Около трети публикаций освещают социальные акции. К ним, например, относятся акции по популяризации массового безвозмездного донорства крови, празднование Дня всех влюбленных, организуемое молодежными движениями «Единой» и «Справедливой» России или участниками молодежного проекта «Школа Жизни», статьи про патриотическую акцию «Снежный десант» и т. д.

По материалам интернет-ресурса «Bankfax.ru» молодежь активно участвует в общественно-политических акциях, организуемых другими социальными группами населения, как в поддержку действий властей, так и против них. К первым, например, относятся митинг поддержки В. В. Путина как кандидата на пост президента России в 2012 г., патриотическая акция «Нам есть что защищать» 2012 г., митинг 2014 г. в поддержку политики президента РФ В. В. Путина в отношении Украины и другие. Ко вторым — массовые уличные акции против фальсификации итогов выборов 4 декабря 2011 г., в том числе несанкционированный митинг «За перевыборы!» в центре Барнаула.

Направления молодежного акционизма, по материалам источника ИА «СИБИНФО» (sibinfo.su), представлены политическими акциями, мероприятиями по развитию культуры и спорта, молодежного предпринимательства. Значительный блок публикаций посвящен реализации программы «Кадры нового Алтая», молодежным проектам на форумах «АТР». Однако в данных публикациях хотя и создается образ активной молодежи, но в значительной мере — в качестве объектов молодежной политики органов власти региона.

Материалы интернет-ресурса Амител (amic.ru) характеризует достаточно широкая тематическая направленность. Большинство молодежных мероприятий, получивших упоминание в источнике, — это социальные акции, направленные на пропаганду здорового образа жизни и спорта — «По волнам дружбы» (2002 г.), «Движение — это здоровье» (2007 г.), «Жизнь без наркотиков» (2014 г.), месячник «Мы — здоровое поколение» (2015 г.) и т. п. Достаточно активно молодые люди принимают участие и в акциях, организованных другими социальными субъектами и направленных на привлечение внимания к своему предмету различных категорий граждан. К таким акциям относятся, например, благотворительный марафон «Спасибо за Победу», организованный самим изданием, митинги профсоюзных организаций, приуроченные к празднованию 1 Мая, митинги в поддержку внешнеполитического курса Президента РФ, а также акции против решений и действий властей различного уровня и ухудшения социально-экономического положения россиян (например, пикеты ЛДПР в поддержку алтайских автомобилистов).

Таким образом, результаты контент-анализа материалов показывают, что печатные издания в целом больше внимания уделяют молодежным акциям социального характера, а интернет-ресурсы — общественно-политическим акциям молодежи. Исключение составляет интернет-ресурс ИА «Амител», на площадке которого чаще публикуется информация о молодежных акциях социального характера. Аналогичная тенденция просматривается и в публикациях об акциях, в которых молодежь является лишь одним из участников мероприятия.

Библиографический список

1. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России: социологический портрет. 2-е изд., доп. и испр. М., 2010.
2. Авдеева Г. С., Омельченко Д. А., Атясова Н. Ю. Специфика молодежного общественно-политического акционизма в России (по результатам обзора социологических исследований) // XVIII Международная конференция памяти проф. Л. Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: Методология, опыт эмпирического исследования», 19–20 марта 2015 г., г. Екатеринбург. Екатеринбург, 2015.
3. Данные сайта информационно-аналитической системы Медиалогия [Электронный ресурс]. http://www.mlg.ru/ratings/regional_media/3228/1/2014/0/

Е. В. Бабушкина, С. М. Миллер, Н. А. Тамразян (Барнаул)

МОЛОДЕЖНОЕ ДОБРОВОЛЬЧЕСТВО: ВКЛАД В УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

В каждом социуме есть люди, для которых безвозмездный труд на благо других является важным средством самореализации и самосовершенствования, реализации социальной справедливости и гражданской солидарности.

Добровольческая деятельность осуществляется на основе собственных побуждений, свободного выбора, является безвозмездной, значима как для лиц, на помощь которым она направлена, так и для тех, кто ее реализует, а также для всего общества.

Анализируя характеристики добровольческой деятельности как открытой, принимающей, самоорганизующейся системы, исследуя потенциал добровольчества включаться в различные процессы, происходящие в современном обществе, выступать факто-

ром адаптации и интеграции личности в социальную систему, выполнять функции активизации социальной активности личности, раскрытия ее возможностей и профессиональной направленности, не остается сомнений в том, что добровольчество обладает значимым инклюзивным потенциалом для всех вовлеченных в него людей [1, с. 80; 2, с. 162].

Молодежь как особая социально-демографическая группа является своеобразным «ресурсом» общества: от того, какие ценности исповедует современная российская молодежь, к чему стремиться, какие ставит перед собой цели, насколько поддерживает идеалы социальной справедливости и гражданской солидарности, напрямую зависит устойчивое развитие российского общества.

В Алтайском крае Алтайской краевой женской общественной организацией «Отклик» при участии добровольцев — студентов Алтайского государственного университета, в 2013–2015 гг. был реализован ряд проектов, в том числе направленных на развитие молодежного добровольчества как фактора устойчивого развития современного российского общества.

В 2013–2014 гг. был реализован социальный проект «Социокультурный экспресс «Семья+»», поддержанный грантом Президента РФ для некоммерческих организаций [3]. В целевую группу проекта вошли семьи с детьми, находящиеся в трудной жизненной ситуации, проживающие в Барнауле.

Проект был нацелен на укрепление института семьи, тиражирование семейных ценностей, гармонизацию детско-родительских отношений. В рамках проекта были проведены мероприятия организационного и поддерживающего характера.

Для решения организационных задач и информационной поддержки проекта были проведены тренинг и круглый стол для студентов-добровольцев по обучению личностно-ориентированному взаимодействию с ребенком и его семьей «Я помогу тебе помочь самому себе», был выпущен актуализирующий семейные ценности и традиции альбом «Культура. Дом. Семья» и видеоролик, участие в создании которых также приняли студенты-добровольцы.

Мотивация добровольцев на участие в проекте была реализована посредством актуализации духовно-нравственных ресурсов личности в процессе социализации и использования мобильных/выездных форм поддержки. В проекте приняли участие 20 добровольцев.

Анализ мнения добровольцев показал, что участие в проекте стало для них значимым личностным и профессиональным опытом [3]. Некоторые мнения добровольцев:

«Благодаря проекту Семья+ у меня появилась возможность раскрыть свои скрытые ресурсы, связанные с активной добровольческой деятельностью! А также реализовать свои теоретические знания на практике».

«Для нас — волонтеров, «Семья +» — это море положительных эмоций, опыт, который пригодится нам как в профессиональной деятельности, так и в жизни, и, конечно же, это еще одно доброе дело, которое делает наш мир хоть немного, но счастливее».

«Участвуя в проекте, я развивалась, прежде всего, как будущий специалист по социальной работе. Это опыт общения с конкретной целевой группой (дети и малообеспеченные семьи), опыт работы с данными целевыми группами. Также проект показал мне различные способы работы с клиентами (освоение культуры семейного досуга с помощью технологий арт-терапии, туротерапии, освоение форм тренинговой работы)».

«Проект «Семья +» положил начало моей волонтерской деятельности. Практические навыки, полученные в ходе реализации проекта, помогут мне как специалисту по социальной работе в профессиональной деятельности. Не могу не сказать и о том, что он открыл для меня абсолютно новые подходы в организации семейного досуга, которые я могу использовать при планировании досуга своей будущей семьи».

Реализованный проект обладает практической и методической значимостью: разработанные программы тренинга, мастер-классы, видео и презентационный материал по проекту используются в деятельности по развитию добровольчества и пропаганде здорового образа жизни, организации совместных встреч родителей и детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, для их поддержки и формирования смысловой позиции как в городе Барнауле, так и других муниципальных образованиях Алтайского края [3].

В 2015 г. Алтайской краевой женской общественной организацией «Отклик» при участии добровольцев — студентов Алтайского государственного университета был реализован проект «Поддержка молодежных добровольческих инициатив в работе с детьми с ослабленным здоровьем», поддержанный грантом губернатора Алтайского края в сфере молодежной политики.

Проект позволил сформировать и обучить команду добровольцев, способных реализовать инновационную технологию клоунотерапии на территории Алтайского края. Была использована технология социокультурной реабилитации детей, страдающих синдромом госпитализма в результате длительного пребывания в медицинских учреждениях [4, с. 267; 5, с. 306].

Итоги реализации данного мероприятия были представлены в СМИ Барнаула, на сайте Алтайского государственного университета, на созданной странице в социальной сети. После завершения праздника в качестве завершающего этапа была организована и проведена социальная акция, направленная на привлечение внимания молодежи Алтайского края к инновационной технологии поддержки детей с ослабленным здоровьем, распространены е буклеты «Доктор Клоун — Лечим Смехом!».

В процессе реализации проекта были отобраны 15 добровольцев, сформировано 15 «портфелей клоуна», а также обучена команда добровольцев-клоунов (15 чел.), которая в дальнейшем стала выходить для работы в различные медицинские и социальные учреждения Алтайского края.

Таким образом, опыт, полученный нами в процессе реализации социальных проектов Алтайской краевой женской общественной организацией «Отклик» при участии добровольцев — студентов Алтайского государственного университета, свидетельствует, что добровольчество формирует новую социальную реальность, к которой стремятся люди, ее создающие. Добровольческие инициативы — это один из путей формирования устойчивого, активного гражданского общества.

Добровольчество в современном российском обществе является дееспособным, ответственным и эффективным. Добровольчество способно приспосабливаться к изменяющимся социальным, политическим, экономическим условиям, своевременно реагировать на происходящие события, активизировать свой ресурсный потенциал и, как следствие, способствовать устойчивому развитию российского общества.

Библиографический список

1. Сиротина Т. В., Просветлюк А. В. Социальная инклюзия людей с инвалидностью: возможности волонтерства // Ломоносовские чтения на Алтае: фундаментальные проблемы науки и образования: материалы конф. Барнаул, 20–24 октября, 2015. Барнаул, 2015.
2. Сиротина Т. В. Образовательная инклюзия как механизм социальной интеграции // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. 2015. № 3–1.
3. Дронова Е. Н., Мыльникова А. В. Социокультурный экспресс «Семья+» — технология социально-культурной деятельности в Алтайском крае // Культура и образование. 2014. № 6 [Электронный ресурс]. URL: <http://vestnik-rzi.ru/2014/06/1958>.

4. Антонович И. В., Мазайлова Т. А. Технология «Доктор Клоун»: опыт использования, оценка внедрения в практику деятельности учреждений Алтайского края // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. Вып. 7. Барнаул, 2015.

5. Миллер С. М., Сиротина Т. В. Творческие технологии в практике паллиативного ухода // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. Вып. 7. Барнаул, 2015.

К. А. Беляева (Барнаул)

БЕЗОПАСНОСТЬ ИГРОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕБЕНКА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

В научной литературе и средствах массовой информации широко распространились различные определения понятия «безопасность». По определению российского политолога Н. А. Косолапова, «национальная безопасность — это стабильность, которая может поддерживаться на протяжении длительного времени, состояние достаточно разумной динамической защищенности от наиболее существенных из реально существующих угроз и опасностей, а также способности распознавать такие вызовы и своевременно принимать необходимые меры для их нейтрализации» [1, с. 5]. По мнению И. И. Санжаревского, «безопасность — это защищенность государства от внешних и внутренних угроз, устойчивость к неблагоприятным воздействиям извне, обеспечение таких внутренних и внешних условий существования страны, которые гарантируют возможность стабильного прогресса общества и его граждан» [2]. В. И. Даль в толковом словаре охарактеризовал безопасность как «отсутствие опасности, сохранность, надежность» [3].

Одним из важнейших гарантов национальной безопасности, по нашему мнению, является психологическое здоровье детей, будущего страны, поскольку именно человек является главным субъектом и объектом национальной безопасности.

В настоящее время вопрос о психологическом здоровье детей становится особенно важным в связи с возникновением негативных тенденций в воспитании подрастающего поколения [4, с. 281]. На фоне девальвации духовно-нравственных ценностей, когда через средства массовой информации идет негласная пропаганда насилия, а в обществе материальные ценности доминируют над духовными, представляется достаточно сложным создать условия для форми-

рования высоконравственной личности. Младший школьный возраст, по заверению исследователей, считается вершиной детства, это наиболее значимый период личностного развития. С 5 до 9 лет формируются основы мировосприятия — мировоззрения ребенка, которое включает в себя определение ценностей, установление норм поведения.

Однако современные дети взрослеют под влиянием факторов информационного риска, в частности, сталкиваясь с вымышленными персонажами (кино, мультфильмы, игры и пр.), невольно запечатляют их образы и модели поведения. Например, не можем не отметить то, что в последнее время увеличилось количество случаев появления на прилавках торговых сетей потенциально опасных для физического и психического здоровья ребенка игрушек и даже «игрушек», откровенно пропагандирующих нацизм, жестокое обращение. Сегодня в магазинах свободно продаются игрушки, разработанные зарубежными дизайнерами, в виде кукол-монстров, кукол-трупов и т. п. Складывающаяся ситуация актуализирует не только механизмы борьбы, сопротивления антивоспитательным воздействиям, но и изучение отношения взрослого населения к данным явлениям, что представляется значимым на фоне отсутствия передачи социального опыта от старшего поколения подрастающему.

Обратимся к результатам проведенного нами в 2015 г. экспресс-опроса, который позволил выявить отношение взрослого населения к современным игрушкам. Исследование проводилось в режиме онлайн-опроса. В анкетировании приняли участие 50 человек в возрасте от 20 до 60 лет.

1. Больше половины респондентов считают, что современные игрушки, в данном случае куклы Монстр Хай (как было предложено в анкете) — «не должны оказаться в руках у детей» — 61%, 30% — «скорее всего не приобрели такую игрушку», «ничего в этом плохого не видят» — 6%, 3% — «затруднились ответить».

2. Кроме того, респондентам было предложено ответить на вопрос о влиянии данных игрушек на психологическое здоровье детей. Одними из самых актуальных вариантов ответов были следующие:

- *Эти игрушки ничего общего с реальностью не имеют, и поэтому, подражая им, дети уходят от реалий жизни, если мальчику нравится такая девушка, взрослея, он не найдет нечто похожее на неё, отсюда вероятность одиночества и разочарования увеличивается;*
- *... это некая пропаганда насилия, страха, женского доминирования;*

- На мой взгляд, это тактичное, целенаправленное, экономически выгодное «убийство» наших детей;
- Такие игрушки привлекают больше внимания, нежели обычные. Видя их, дети начинают воспроизводить внешний вид кукол в реальности: отсюда все татуировки, тоннели в ушах и т. д.;
- Зомбирование для упрощения управления массами;
- Подобные игрушки разрушают детскую психику и восприятие мира. После вот таких ужасиков и появляются на улицах городов готы и эмо-самоубийцы;
- Слишком пёстрые, яркие, обычно дети любят всё яркое, в подобном роде, но я не вижу смысла в этих игрушках. Думаю, что выбрал бы более «развивающие» игрушки, связанные с развитием мелкой моторики, логики, мышления. Как именно влияют данные игрушки на психику ребенка, ответить не могу (не имел дело с такими);
- Кукла должна воспитывать у маленьких деток вкус. Через игру ребёнок учится бытовым мелочам, которыми он должен овладеть сам. Бывает так, что кукла становится другом. Современные куклы пугают своим внешним видом, который вызывающий и агрессивный;
- У меня недавно родилась дочь. Я вроде бы молодая, прогрессивная, далёкая от консерватизма девушка, но даже для меня это слишком. По-моему, детская психика слишком неустойчива, и с ранних лет покупать ребенку такие игрушки — это значит, собственными руками вкладывать в сознание ребенка моральные, эстетические и нравственные установки, далекие от нормы. Детей надо окружать гармоничными и позитивными вещами, формирующими здоровое мировоззрение, а это явно не тот случай.

3. Следующий вопрос был связан с оценкой респондентов необходимости маркировки на игрушках, которые, по мнению специалистов, могут повредить детской психике. Результаты показывают, что подавляющее количество опрошенных уверены в необходимости таких маркировок — 75%, 17% — против, затруднились ответить — 9%. По мнению респондентов, «игрушки, которые не предназначены для детей младшего возраста, обязательно должны быть маркированы, так как родители не всегда понимают, что покупают детям».

Таким образом среди взрослого поколения в целом наблюдается негативное отношение к подобным игрушкам, что позволяет сделать предположение об их избирательности к выбору игрушек для сво-

его ребенка, особенно младшего возраста, где игровая деятельность является ведущей и закладывает основы развития интеллекта. По Е. Н. Дроновой, игра — это не только форма социальной деятельности, но и один из ресурсов социально-педагогической поддержки, который способен решать задачи адаптации и саморазвития личности [5, с. 418]. Именно в игре развивается способность ребенка создавать системы обобщенных типичных образов и явлений.

Библиографический список

1. Косолапов Н. А. Глобализация, миропорядок начала XXI века и Россия // Постиндустриальный мир и Россия. М., 2001.
2. Санжаревский И. И. Политическая наука: словарь-справочник [Электронный ресурс]. URL: <http://www.glos.virmk.ru>
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: избр. ст. М., 2009.
4. Дронова Е. Н. Социальная профилактика суицидального поведения несовершеннолетних // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. Вып. 6. Барнаул, 2014.
5. Дронова Е. Н. Педагогическое сопровождение социальной поддержки личности в образовательном процессе // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. Вып. 3. Барнаул, 2011.

Н. В. Варакина (Барнаул)

ФОРМЫ ЭБЬЮЗИНГА В СТАРЕЮЩЕМ ОБЩЕСТВЕ*

Рассматривая исключенность тех или иных групп населения в современном мире, многие исследователи отмечают максимальную степень выраженности данного состояния у лиц пожилого и старческого возраста. Стареющее общество обостряет все конфликтные стороны человеческого сосуществования, «вытесняя» из mainstream наиболее слабых и уязвимых.

Авторство понятия «социальное исключение», или «социальная эксклюзия» приписывается государственному секретарю правительства Франции Рене Лемуару и подразумевает любые лишения, препятствующие полноценному включению человека в систему социальных отношений [1].

* Работа выполнена при поддержке РГНФ в рамках проекта № 15–03–00579 «Социальная эксклюзия лиц старших возрастных групп в современной России».

Механизм социальной эксклюзии заключается в ограничении доступа к определенным общественным благам (отдых, покупки, медицинские услуги, медикаменты), уменьшении количества и интенсивности социальных контактов, уход из профессиональной деятельности и т. д. Состояние эксклюзии, характерное для социальной группы пожилых, связано с депривативным характером отношений этой группы с социумом, т. е. ограничением профессиональных и культурных контактов, исключенности из активного межпоколенческого взаимодействия. Австрийские ученые Х. Хофф и Э. Рингель характеризуют описанную ситуацию так: «Объективная картина настоящего заставляет, к сожалению, утверждать, что положение пожилого человека становится все более трудным. Уважение к возрасту, бывшее еще правилом в прошлом столетии, сегодня исчезает, уступая место безразличию или даже известному виду вражды по отношению к старым людям».

По определению Европейской комиссии (2004) социальная эксклюзия — это процесс вытеснения человека на периферию общественной жизни и лишения возможности полноценно участвовать в ней вследствие бедности, нехватки базовых компетенций или дискриминации. Это ограничивает его возможности в трудоустройстве, образовании, организации досуга и участии в жизни социума. Не имея достаточных возможностей для управления ситуацией, он чувствует себя бессильным и неспособным эффективно управлять собственной жизнью. Индивидуумы страдают от социальной эксклюзии в следующих случаях: 1) находятся в невыгодном положении с точки зрения образования, квалификации, занятости, жилищных, финансовых ресурсов и т. д.; 2) их шансы получить доступ к основным социальным институтам, распределяющим эти жизненные шансы, существенно ниже, чем у остального населения; 3) подобные ограничения делятся во времени [2].

Б. Г. Ананьев объяснял, что парадокс человеческой жизни заключается в том, что у многих людей «умирание» происходит гораздо раньше, чем физическое одряхление. Такое состояние наблюдается у тех людей, которые по собственной воле начинают изолироваться от общества, что ведет к «сужению объема личностных свойств, к деформации структуры личности». По сравнению с долгожителями, сохраняющими личность, некоторые «начинающие» пенсионеры в 60–65 лет кажутся сразу одряхлевшими, страдающими от образовавшегося вакуума и чувства социальной неполноценности. С этого возраста для них начинается драматический период умирания личности. Ученый говорит о том, что внезапное блокирование всех потенциалов

трудоспособности и одаренности человека с прекращением многолетнего труда не может не вызвать глубоких перестроек в структуре человека как субъекта деятельности, а потому и личности [3]. Для рассмотрения содержания механизма социальной эксклюзии необходимо проанализировать и геронтологический эбьюзинг (психологическое насилие) как крайнюю форму проявления эйджизма. П. В. Пучков выделяет следующие виды геронтологического эбьюзинга:

- физический геронтологический эбьюзинг (однократное или многократное проявление действий физического характера, последствия которых могут включать физические симптомы грубого обращения и психические отклонения);
- эмоционально-психологический геронтологический эбьюзинг связан с нанесением эмоциональной или психологической травмы;
- финансово-экономический геронтологический эбьюзинг подразумевает незаконное, ненадлежащее или неправомерное использование или присвоение имущества или финансовых средств пожилого человека;
- геронтологический эбьюзинг, связанный с пренебрежительным отношением к уходу за пожилыми людьми, проявляется бездействием в удовлетворении потребностей пожилого лица через непредоставление ему надлежащего удобного помещения, питания, чистой одежды, медицинского обслуживания, а также лишение пожилого человека необходимых социальных контактов;
- сексуально-геронтологический эбьюзинг определяется как принуждение к половой связи в различных проявлениях;
- геронтологический эбьюзинг, связанный со злоупотреблением медикаментозными средствами, неправильное использование препаратов, как преднамеренное, так и случайное, выражающееся в непредоставлении необходимых лекарств или назначении медикаментов в дозах, наносящих физический и психологический ущерб пожилым людям [4].

В целом различные формы геронтологического эбьюзинга являются некоторой степенью показателями степени выраженности социальной эксклюзии людей пожилого и старческого возраста в обществе.

Исследования, проведенные в России в последние годы, показали, что жалобы на одиночество у старых людей занимают первое место, особенно у лиц старше 70 лет. Неоднородность и сложность чувства одиночества в пожилом возрасте находят выражение в его двойственном характере. С одной стороны, это тягостное ощущение увеличи-

вающего разрыва с окружающими, боязнь последствий одинокого образа жизни, с другой — это четкая тенденция отгородиться от окружающих, защитить свой мир от вторжения посторонних.

В подобной тенденции к изоляции в старости можно видеть единственный возможный путь для старого человека обеспечить себе независимость и комфортные условия. Зачастую эти противоречивые тенденции, а именно тягостное переживание одиночества и стремление к изоляции сочетаются, определяя сложные и противоречивые чувства пожилого человека. Проблема одиночества в старости приобретает такую специфическую черту, как вынужденное уединение, причиной которого является физическая немощь, затруднения при решении повседневных гигиенических и бытовых вопросов [5].

Исключение пожилых людей из большинства социальных сфер провоцирует изоляцию старшего поколения [6].

Состояние посттрудового синдрома отягощается доминированием в российском обществе негативного образа пожилого человека. К. Виктор выделил следующие стереотипы старости: большинство пожилых имеют слабое здоровье; старики социально изолированы; большинство старых людей изолированы от своих семей или пренебрегают ими; пожилой человек не может учиться, умственные качества с возрастом ухудшаются; в позднем возрасте интерес к половой жизни минимален, или старики просто не способны к ней; все старики похожи друг на друга. Эти стереотипы складываются в ложную и сильно упрощенную картину старости. Они отрицательно влияют прежде всего на самочувствие самих пожилых людей [2].

Ученые единодушны во мнении, что для продолжительной и качественно полноценной жизни необходимо, чтобы человек как можно дольше сохранял свою работоспособность. Труд является жизненной потребностью человека, но необходимо заметить, что это должна быть интересная и любимая работа, на которой человек получает не просто деньги, а положительные эмоции, ощущает свою значимость, нужность, в какой-то степени полноценность как члена общества, а экономический фактор не является доминирующим при продолжении трудовой активности в пенсионном возрасте. Таким образом, механизм социальной эксклюзии складывается из двух частей: естественного психологического и физиологического изменения личности с возрастом (замедление скорости реакций, снижение потребности в количестве и интенсивности социальных контактов) и изменения отношения социального окружения к человеку «третьего возраста» как «отжившему своё», иждивенцу, балласту, т. е. геронтологического эйджизма.

Эксклюзия может быть полной или частичной, проявляющейся в одном или нескольких измерениях: семья, социальное окружение, работа, социальная активность.

Библиографический список

1. Смирнова Т. В. Пожилые люди: стереотипный образ и социальная дистанция // Социологические исследования. 2008. № 8.
2. Краткий обзор результатов исследования проведенного в рамках проекта «Право на жизнь без насилия в пожилом возрасте» (2011 г.), осуществленного «HelpAge International» и АКЦ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.helpage.org/russian/resources/resources/publications/>
3. Колпина Л. В., Городова Т. В. Геронтологический эйджизм: причины возникновения и проблемы преодоления // Фундаментальные исследования. 2015. № 2.
4. Пучков П. В. Геронтологический эбьюзинг как предмет социологического исследования // Социология 4М. 2006. № 23.
5. Сапонов Д. И., Смолькин А. А. Социальная эксклюзия пожилых: к разработке модели измерения // Мониторинг общественного мнения. 2012. № 5.
6. Гончарова Н. П. Риск социальной эксклюзии на региональном рынке труда: методология исследования и результаты апробации // Научные труды Донецкого национального технического университета. Серия: экономическая. 2013. № 4 (46).

М. Е. Возилкина (Барнаул)

ОТКРЫТОСТЬ ИНФОРМАЦИИ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОПЕЧИТЕЛЬСКИХ СОВЕТОВ УЧРЕЖДЕНИЙ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

В начале 2000-х гг. А. А. Пинский говорил об институциональном кризисе школьного образования в России и необходимости перехода к «гражданской школе», школе граждан, для которой необходимо возвращение государства и общества в образование [1, с. 19]. Данный переход продолжает осуществляться в настоящее время. Также в последнее время общество «возвращается» и в учреждения социальной защиты [2]. Одной из форм осуществления гражданского участия в социальной сфере являются попечительские советы. Работа попечительских советов основана на принципах гласности и открытости.

В 2015 г. проведен экспертный опрос* руководителей и членов попечительских советов, а также управляющих советов, родительских комитетов и СО НКО, исполняющих совещательную функцию в учреждениях социальной сферы Алтайского края. Проинтервьюированы эксперты учреждений социальной сферы (высшие учебные заведения, средние общеобразовательные школы, гимназии, лицеи, детские сады, спортивные и музыкальные школы, кризисные центры, реабилитационные центры для детей и подростков, центр социальной реабилитации). В рамках опроса эксперты отвечали на открытые вопросы, касающиеся оценки условий, среды деятельности, порядка формирования и особенностей функционирования советов\комитетов, их состава и сферы деятельности.

С вопросом открытости форм государственно-общественного управления (ГОУ) учреждения интервьюеры столкнулись уже на этапе проведения интервью, это нежелание некоторых руководителей учреждений принимать участие в исследовании без разрешения соответствующего регионального министерства, «увеличение» от интервью со ссылками на отсутствие времени, нежелание давать интервью о негативном опыте работы попечительских советов. О подобных трудностях свидетельствуют и другие исследователи попечительских советов [3, с. 168].

На вопрос о наличии информации о попечительском совете ответили представители 12 учреждений.

Самой распространенной формой информирования общественности о деятельности органов ГОУ является сайт учреждения (8 ответов):

...информация после каждого заседания вывешивается красочно на сайте, у нас есть, я специально посмотрел... (ПСО 31, с. 6).

Отдельные советы/комитеты выставляют на своем сайте довольно подробную информацию:

Положение об управляющем совете, план заседаний управляющего совета (ПСО 26, с. 7).

План работы, состав, ... отчет, по-моему, да и отчеты за прошлый год (ПСО 23, с. 10).

Другие — ограниченную:

...протоколы мы не будем вывешивать туда, потому что есть ... некоторые закрытые вещи, мы вывешиваем информацию о том, ко-

* Опубликовано в рамках реализации гранта губернатора Алтайского края в сфере деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций «Роль попечительских советов в механизмах интеграции государства и гражданского общества в социальной сфере» (договор № ГУ-116/14 от 06.06.2014) (срок реализации 2014–2015).

гда состоялся попечительский совет, кто принял участие и какие вопросы, по крайней мере в общем виде, обсуждались... (ПСО 31, с. 6).

Один респондент отметил, что информация о деятельности совета общедоступна и ознакомиться с ней можно у секретаря совета:

...в принципе может любой с ним познакомиться, отчет о деятельности лежит у секретаря попечительского совета... (ПСО 31, с. 6).

Члены двух советов сообщили, что информация о деятельности совета доступна на общем родительском собрании.

Одно учреждение доводит до сведения информацию через стенд учреждения.

Результаты работы попечительского совета доводятся до сведения класса/группы в трех учреждениях:

...мы даем каждому классу, а там, уже представители или копируют, ... или просто оглашают на что и какие цифры пошли, какая работа проводилась (ПСО 25, с. 8).

В отдельных случаях решения совета рассылаются всем его членам:
...а решение мы рассылаем уже членам попечительского совета (ПСО 31, с. 6).

Из опрошенных учреждений публично не представляют деятельность своих советов спортивные школы, музыкальные школы, социальные учреждения.

На вопрос об освещении деятельности попечительского совета и других форм государственно-общественного управления своего учреждения в СМИ ответили 9 экспертов учреждений социальной сферы.

Только три респондента подтвердили, что у них был опыт освещения деятельности совета/комитета в СМИ:

...мы везде говорим о том, что ... при взаимодействии попечительского совета и т. д., конечно... (ПСО 31, с. 6);

... статья была в брошюре «Признание»... Потом... мы печатали свою статью о деятельности попечительского совета в краевом журнале «Звездочка наша»... (ПСО 9, с. 11);

... да, выступали и на телевидении, было (ПСО 4, с. 10).

Два респондента не видят необходимости в популяризации деятельности совета в СМИ:

Нет (смеется), не вижу в этом необходимости (ПСО 3, с. 6).

Возможно, это связано с тем, что деятельность попечительского/управляющего совета, родительского комитета неразрывно связана с деятельностью учреждения, поэтому может считаться внутренней.

...Внутри школы... вся общественность знает, что управляющий совет — это решения, то есть выполнили что-то в связи с решением управляющего совета (ПСО 23, с. 11).

Не имеют опыта освещения деятельности советов в СМИ члены советов/комитетов музыкальных и спортивных школ. Член одного родительского комитета озвучивает возможную причину:

...зачем, мы сами себе поможем, зачем нам об этом еще возгордиться, что мы сами себе помогаем. Я не вижу в этом смысла... мы заботимся о своих детях в меру наших возможностей и благодарности за это не просим (ПСС 5, с. 8).

Членами таких органов ДОО чаще всего являются родители, и эти советы\комитеты в большей степени, чем остальные, занимаются защитой прав конкретных воспитанников.

Одной из сторон работы попечительского совета является помощь в привлечении средств. Четыре учреждения публично благодарят своих спонсоров:

Спонсоров, да, благодарят через СМИ... при удобном случае (ПСС 5, с. 8).

Получается, что деятельность попечительских советов и других органов управления социальных учреждений края является открытой и доступной лишь отчасти. Она редко освещается средствами массовой информации; некоторые организации публично благодарят своих спонсоров. Данные о работе советов/комитетов чаще всего располагаются на сайтах учреждений. Согласно результатам исследования, труднее всего найти такую информацию о спортивных и музыкальных школах.

Библиографический список

1. Пинский А. А. Общественное участие в управлении школой: на пути к школьным управляющим советам // Вопросы образования. 2004. № 2.

2. О Рекомендациях по созданию и организации деятельности попечительских (общественных) советов при учреждениях социальной защиты населения: Приложение к Постановлению Минтруда РФ от 29.10.1998 № 44 [Электронный ресурс]. URL: http://popchitely.ru/docs/postanovlenie_mintruda_o_sozdanii.pdf.

3. Коваленко Е. А., Рагозина Л. Г. Попечительские советы в отраслях социальной сферы: практика, проблемы, перспективы // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2014. № 2 (120) [Электронный ресурс]. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=21507253>.

З. Н. Гафурова (Барнаул)

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН В РОССИИ

Лицо является гражданином государства не только потому, что проживают на его территории, а из-за существующих между лицом и государством особых связей, составляющих содержание гражданства.

В настоящее время на территории нашей страны проживает немало лиц, имеющих иное гражданство, помимо гражданства Российской Федерации, двойное гражданство, а также лиц без гражданства и граждане других стран.

Данная ситуация вызывает множество практических проблем, вызывает сомнение в прочности и неоспоримости связи, которая существует между людьми и государством, а также очень много других проблем правового, морального и экономического характера.

Во избежание возникновения и, если нужно, решения этих проблем в законодательстве Российской Федерации четко регламентируются права всех категорий лиц, проживающих или находящихся на территории РФ.

Некоторые категории прав обеспечиваются как гражданам Российской Федерации, так и иностранцам почти одинаково. Основным, не отчуждаемым правом человека является право на жизнь, закрепляемое ст. 20 Конституции РФ. Это право не зависит от цвета кожи, национальности или гражданства, оно едино для всех людей.

В Российской Федерации охраняется достоинство личности, и ничто не должно его унижать. Такое положение закрепляется в ст. 21 Конституции, определяя достоинство личности как одну из высших ценностей, за государством также закрепляется обязанность охранять это право.

Иностранным гражданам в Российской Федерации также гарантируется право на свободу и личную неприкосновенность частной жизни, неприкосновенность жилища, тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений.

Неприкосновенность жилища является важной конституционной гарантией, она означает, что никто не может войти в жилище, а также находиться в нем против воли проживающих там лиц. Тайна переписки и иных сообщений означает, что никакое лицо, в том числе и правоохранительный орган, не имеет права получать информацию против воли лица, ее передающего. В ст. 23 Конституции четко оговоре-

но ограничение данного права исключительно судебным решением.

Ограничения для иностранцев в реализации личных прав следующие: они не могут свободно и беспрепятственно передвигаться по территории Российской Федерации, не имеют права только по собственному желанию изменить место жительства, им запрещён въезд на некоторые территории. Иностранные граждане, которые проживают на территории нашей страны временно или постоянно и по какой-то причине выехавшие за пределы Российской Федерации на срок более 6 месяцев, могут потерять разрешение на проживание, а россияне могут без проблем вернуться в Россию [1, с. 40–43].

Существует также не менее важная группа прав — политические права. Конституция Российской Федерации определяет такие права, как свобода мысли и слова, право на объединение, свобода манифестации, право на участие в управлении делами государства, избирательное право, право на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления, право на информацию.

На современном этапе иностранные граждане и лица без гражданства имеют возможность реализовывать свободу союзов, принадлежащую в Российской Федерации «каждому», независимо от гражданской принадлежности. По настоящему законодательству иностранцы лишены возможности участия в собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях от своего имени, и имеет такую возможность только в качестве члена и участника общественных и религиозных объединений, иностранный гражданин ограничивается в свободе слова, которая принадлежит в Российской Федерации «каждому человеку».

Одно из основных политических прав — избирательное право. В Конституции Российской Федерации указано, что иностранные граждане в Российской Федерации не могут избирать и избираться в федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, а также участвовать в общегосударственном референдуме и референдуме субъектов. Этот запрет понятен, поскольку избирательное право напрямую связано с принадлежностью лица к определённому государству [2, с. 78–80].

Одной из ветвей государственной власти является судебная власть. В ст. 33 Конституции Российской Федерации закреплено право только граждан Российской Федерации принимать участие в отправлении правосудия. Положения данной статьи детализируются в ст. 119 Конституции и в Законе «О статусе судей в Российской Федерации», в которых оговорено, что только граждане Российской Федерации могут быть судьями.

Из ст. 59 Конституции Российской Федерации следует, что защита Отечества является долгом и обязанностью гражданина Российской Федерации. И хотя Конституцией не закреплено, что иностранные граждане не имеют права нести военную службу, в федеральных законах такие ограничения определены.

Основные экономические права иностранных граждан — право частной собственности, право на предпринимательскую и иную, не запрещённую законом экономическую деятельность.

Иностранные граждане имеют право иметь собственные квартиры, жилые и дачные дома, автомобили — имеют право частной собственности наравне с гражданами Российской Федерации. Также они имеют право оставлять имущество в наследство и вступать в права наследования.

Для Российской Федерации, продолжающей перестройку своей экономической системы и заинтересованной в привлечении иностранных инвестиций, создании совместных предприятий с участием иностранных граждан, важное значение приобретают проблемы регулирования трудовых отношений. В связи с этим вопросы найма и увольнения, формы и размера оплаты труда и другие могут решаться иным образом, чем это предусмотрено российским законодательством. Регулирование труда иностранных граждан иным образом допускается в силу межгосударственных соглашений с иностранными государствами о создании совместных хозяйственных организаций и предприятий. Иные условия регулирования трудовых отношений могут устанавливаться и учредительными документами, определяющими деятельность совместных предприятий.

Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (далее Закон № 115-ФЗ) и принятые в соответствии с ним подзаконные акты существенным образом изменили правовое регулирование ведения иностранцами трудовой деятельности в Российской Федерации. Иностранные граждане могут свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать вид деятельности и профессию, а также правом на свободное использование своих способностей и имущества.

Следующая группа рассматриваемых прав иностранных граждан — это социально-культурные права. Это право на свободный труд; право на отдых; право на защиту материнства, детства и семьи; право на социальное обеспечение и социальную защиту; право на жилище; право на охрану здоровья и медицинскую помощь; право на образование; право на свободу творчества; право на участие

в культурной жизни и пользование учреждениями культуры; право на доступ к культурным ценностям.

Федеральные законы от 15 декабря 2001 г. «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» [3, с. 47] и от 17 декабря 2001 г. «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» [4, с. 62] указывают, что иностранцы и лица без гражданства, которые постоянно проживают на территории Российской Федерации, имеют право на пенсии на таких же основаниях, что и граждане Российской Федерации.

Страховой стаж, дающий право на трудовую пенсию, составляет периоды работы и иной деятельности, которые происходили на территории Российской Федерации, при том лишь условии, что в эти периоды выплачивались страховые взносы в Пенсионный фонд РФ.

Иностранным гражданам, находящимся на территории Российской Федерации, гарантировано право на охрану здоровья в соответствии с международными договорами.

Иностранные граждане и лица без гражданства, находящиеся в Российской Федерации, имеют право на получение на общих основаниях дошкольного и основного общего образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях. Также иностранные граждане имеют право получить в Российской Федерации высшее образование, поступить в аспирантуру и докторантуру высших учебных заведений.

Одним из важнейших социально-культурных прав является право на доступ к культурно-духовным ценностям. Например, любой иностранный гражданин может свободно посещать театры, музеи, концертные залы, филармонии и другие культурные учреждения.

В отсутствие доступных правовых механизмов иностранные граждане в России в поисках защиты от нарушений предпочитают искать альтернативные каналы, в том числе посольства и консульства. Иностранец, имеющий выход на альтернативные каналы, может рассчитывать на успех, однако это не способно подменить системный механизм защиты, необходимость в котором столь остро наблюдается в России [5, с. 260].

Незаконная миграция — явление, нарушающее законность и опасное для правопорядка в Российской Федерации. Органы государственной власти вынуждены противодействовать этому явлению, зачастую вопреки интересам мигрантов. Однако при этом правовое государство должно соблюдать и охранять естественные, неотчуждаемые права и свободы человека и гражданина, признанные мировым сообществом гуманистические стандарты [6, с. 404].

Поиск баланса между обозначенными векторами интересов — важная задача государства, практическое решение которой невозможно без научного сопровождения политико-правовых реформ.

Библиографический список

1. Дмитриев Ю. А. Правовое положение иностранцев в Российской Федерации. М., 1997.

1. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : Федеральный закон Российской Федерации от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 51. Ст. 4982.

2. О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации : Федеральный закон Российской Федерации от 15 декабря 2001 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 51. Ст. 4831.

3. О трудовых пенсиях в Российской Федерации : Федеральный закон Российской Федерации от 17 декабря 2001 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 11. Ст. 998.

5. Гейбель И. Д. Конфликты гастарбайтеров с работодателями // Социология в современном мире: наука, образования, творчество : сборник статей. Вып. 4 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2012.

6. Гафурова З. Н. Социально-правовой механизм защиты иностранных студентов в современной России // Социология в современном мире: наука, образования, творчество : сборник статей. Вып. 7 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2015.

В. В. Дель (Барнаул)

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СПОСОБОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Достаточные меры по обеспечению духовной безопасности должны предпринимать и общество, и сам человек. При этом всякий раз нужно делать оговорку, связанную с тем, что духовная безопасность есть не что иное, как *утопия*, феномен, для человека и общества недостижимый. Иными словами, никто не может находиться в духовной безопасности пока человек мыслит и существует, пока он является неотъемлемой частью общества. Видимо, по этой причине появляются на свет утверждения, в соответствии с которыми

«в социальных науках люди, по сути, не рассматриваются в их особенном бытии, а их силы и способности учитываются лишь в абстрактных формах и измерениях» [1, с. 15], но в то же время очевидным представляется и существование проблемы *жизнестратегий* общества, государства и человека, определяемых в том числе и на основании чувства защищенности или безопасности человека перед лицом различных социальных и техногенных угроз, а также возможностей государства поддерживать эту уверенность в каждом своем гражданине. И здесь от абстрактных форм и измерений мы переходим к вполне реальным потребностям и стремлениям людей, имея в виду их жизнестратегии, под которыми понимаются, по мысли А. Н. Бурькина, «стремления и желания людей жить достойно, формировать крепкие и большие семьи, творчески и физически развиваться, образовывать новые производства и строить новые города» [2, с. 148]. Исходя из этого можно, по-видимому, вести речь о том, что духовная безопасность, являясь, с одной стороны, категорией абстрактной, с другой стороны, обнаруживает такие формы, в которых существо духовной безопасности является вполне определенным и может быть описано в социальных и социокультурных характеристиках. К числу таких маркеров следует отнести человеческий потенциал и человеческий капитал, социальное благополучие и т. д. Об этом также пишет, в частности, Е. А. Попов [3, с. 12–14; 4, с. 64–68].

Духовная безопасность связана с духовной жизнью общества — в этом состоит ее социоцентричный смысл. По крайней мере, такая область человеческих отношений, как духовная жизнь в ее институциональном смысле, находится на границе внутреннего и внешнего миров в бытии человека, а значит, способна привлечь исследователей, способных не только к теоретическим обобщениям по поводу духовности, но и к рефлексии духовного. Именно поэтому некоторые социологи все же неоправданно быстро стремятся «узаконить» соотношение духовной жизни с жизнью общественной: духовная жизнь общества — «это относительно самостоятельная область общественной жизни, основу которой составляют специфические виды специализированной духовной деятельности и общественных отношений, регулирующих духовную деятельность и функционирование общественного сознания» [5, с. 309]. Как видим, в такой интерпретации духовная жизнь характеризуется в операциональных категориях, способных придать этому понятию вещественный, атрибутивный — социально обусловленный смысл, что, конечно же, вовсе не исчерпывает глубины феномена духовной жизни и прежде всего в тех ситуациях,

когда нужно говорить о внутреннем мире человека, его субъективных взглядах на социальную действительность.

Но все-таки, несмотря на такое заметное внимание современной социогуманитарной области науки к природе духовного, духовной жизни человека и общества и даже духовной безопасности, приоритетным в изучении для нее остается безопасность социальная, или безопасность тотальная, всеобъемлющая. Это происходит, как нам кажется, по нескольким причинам: 1) социальная безопасность концептуализируется в более реальных, а не абстрактных категориях, что позволяет измерить уровни социальной безопасности, эффективность разносторонних мер, предпринимаемых государством для обеспечения социальной безопасности и т. д.; 2) социальная безопасность как часть национальной безопасности определяет политику государства, направленную на предотвращение самой возможности социальных угроз обществу, а также преодоление последствий социального дисбаланса, наступившего вследствие реализации таких угроз; 3) в системе ценностей и норм, присущих тому или иному обществу, социальные нормы, обеспечиваемые социальной безопасностью, определяют поведение людей, набор требований, запретов и разрешений, устанавливаемых для каждого человека и для общества в целом, а следовательно, социальная безопасность «запускает» в действие механизмы повседневной социальной реальности. Эти и другие причины позволяют концентрировать усилия исследователей и одновременно сохранять актуальность для системы государственного управления такого объекта, как социальная безопасность.

По существу, «как определенный аспект деятельности и поведения людей, государственных и общественных институтов социальная безопасность есть выявление, предупреждение, нейтрализация, ослабление, устранение или отражение социальных угроз» [6, с. 450]. В таком определении явно усматривается крен в сторону обеспечительных мер, составляющих суть социальной безопасности, но необходимо иметь в виду, что сам по себе человек в повседневной жизни вряд ли способен что-либо выявить, предупредить, нейтрализовать, если речь идет о социальных угрозах. Вместе с тем социальные угрозы представляют собой «возможные или реальные общественные явления, события и процессы, способные уничтожить или вызывать деградацию тех или иных социальных субъектов (личности, семьи, этноса, народа, государства и т. п.), важных для людей отношений, институтов, созданных трудом богатств или природных ценностей, закрыть путь к развитию» [6, с. 450]. В череде социальных угроз, какими бы опасными они ни представлялись, человек является безза-

щитным и даже в том случае, если государство предпринимает серьезные меры по ограждению общества и граждан от социальных угроз, эффективность такого государственного вмешательства вряд ли возможно оценивать достаточно высоко. Это связано, конечно, с объективными причинами: социальные угрозы подстерегают общество в целом и каждого отдельного человека — сложно силой заставить человека трудиться, чтобы обеспечивать себя самого и свою семью, с другой стороны, государству практически невозможно сделать рынок труда идеальным, преодолеть безработицу, обеспечить своевременную выплату достойной заработной платы и т. д.

Достижение социальной безопасности связывается не только с возможностями государства и общества «нейтрализовать, ослабить, устранить», но и с ответственностью населения и граждан перед лицом социальных угроз. Эта ответственность базируется и на правовой регламентации общественных отношений, и на адекватном взаимодействии человека и социума. Именно последнее обстоятельство позволяет говорить о социокультурной деятельности человека, способной отражать возможные социальные угрозы и тем самым укреплять или поддерживать социальную безопасность в стране. На самом деле спектр социокультурной деятельности довольно широк; мы можем вести речь о сохранении своих культурных традиций и норм, транслировании их последующим поколениям людей, созидании таких ценностно-смысловых систем, которые обеспечивают включенность человека в культуру и общественные отношения, о развитии инновационных форм, гармонизирующих взаимодействие государства, общества и человека как носителя культуры.

Библиографический список

1. Кемеров В. Е. Гуманитарное и социальное: от оппозиции к синтезу // Человек. 2011. № 1.
2. Бурькин А. Н. Формирование жизнестратегии региона в переходный период (на примере Сахалинской области) // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2009. № 4.
3. Попов Е. А. Человек и его духовная деятельность в центре внимания социологии // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 4 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2012.
4. Попов Е. А. Культура и духовная жизнь человека и общества в системе современного социологического знания и в условиях российско-азиатского поликультурного взаимодействия : монография. Барнаул, 2013.

5. Петров Ю. В. Жизнь общества духовная // Социологическая энциклопедия : в 2 т. / Национальный общественно-научный фонд; гл. ред. В. Н. Иванов. М., 2003. Т. 1.

6. Тайлор Э. Б. Первобытная культура. М., 1989.

Г. В. Оболянский (Барнаул)

ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ. КАКОЙ ОН?

Тема героизма и подвига в настоящее время не часто поднимается на страницах наших научных журналов и в массовых изданиях. Может быть, потому что она сегодня неактуальна и нет предмета для разговора и дискуссий на эту тему? Впрочем, на уровне бытового общения у россиян имеет место безобидный юмор, например: «Женщина, чтобы совершить подвиг, должна в горящую избу войти, коня на скаку остановить, а мужчина — прошел на кухню, помыл посуду, и уже совершил подвиг».

Если же всерьез говорить об этой проблеме, то ее, на наш взгляд, целесообразно рассматривать в рамках *концепции пассионарности Л. Н. Гумилева*. Пассионарность — способность человека или социальной общности изменять свою социальную и природную среду. Пассионарии самим фактом своего существования нарушают привычную обстановку, потому что не могут жить повседневными заботами без увлекающей их цели. Для пассионариев присуща исключительная энергичность, честолюбие, гордость, целеустремленность.

Степень пассионарности различна, но для того, чтобы она имела видимые и фиксируемые историей проявления, необходимо чтобы пассионариев было много, т. е. это признак не только индивидуальный, но и популяционный [1, с. 257–258, 272].

Отсюда возникает вопрос: присуща ли в настоящее время российским гражданам пассионарность, которая, как правило, проявляется в жизненной активности, в стремлении и желании совершать поступки, достойные восхищения и подражания? Иными словами, есть ли в нашей стране сегодня люди героического склада? Судя по имеющимся публикациям, прямо или косвенно касающимся этой темы, можно обозначить по крайней мере две позиции авторов.

Первая позиция. Россияне утратили свою пассионарность и не способны к дерзновению и, тем более, к героическим поступкам. Исследователи называют целый ряд причин падения пассионарности россиян. *Одни* авторы объясняют это тем, что русский народ утратил за-

ряд *пассионарной энергетики* в результате шоковых реформ младореформаторов в 1990-е гг. и последовательного курса правящей элиты на открытую по отношению к Западу «рыночную экономику». Фактически в России, говорят они, сложилась сырьевая экономика, неконкурентоспособная, страну потрясают экономические кризисы, девальвация рубля и пр. Россияне от этого устали психологически, возникла социальная апатия. В массовом сознании людей проявляется лишь «ориентация на простое выживание» [2, с. 99].

Другие в качестве причин называют «*вирус индивидуализма*», порождающий нежелание жертвовать чем-либо «ради интересов государства». Как считает ведущий научный сотрудник Института социологии РАН Л. Г. Бызов, в России в настоящее время сформировались достаточно большие группы населения, которые в той или иной мере адаптировались к новым условиям жизни. Эту генерацию россиян можно назвать «новорусским субэтносом». Они имеют достаточно высокий, по российским меркам, материальный достаток. Они, говорит далее ученый, «очень бедны «сверхидеями», «подкоркой коллективного бес-сознательного». Они прагматичны, ориентированы скорее на практические формы жизненного успеха» [3, с. 49]. А журналистка Т. Воеводина называет эту категорию людей привычным словом — *обыватели*. У этого поколения есть одна цель — поудобнее устроиться, судьба страны их мало волнует. «Вероятно, так устроена человеческая психология: если нет высокой идеи — она замещается более низкой и при этом понятной и доступной каждому, как на месте вырубленного ельника вырастает березняк, а на месте культурной растительности — крапива. Идея личного обогащения — мысль простая для восприятия, и она всегда произрастает там, где нет больших идей и задач» [4].

Третьи утверждают, что в условиях экономического кризиса и так называемой *относительной депривации* у граждан теряется способность к критическому восприятию действительности, возникает привычка к долготерпению, и в связи с этим они отказываются протестовать и бороться за лучшую жизнь [5].

Вторая позиция может быть обозначена как позиция оптимистов, верящих, что в России всегда было и есть место подвигу и герою. Известный российский актер Михаил Пореченков, исполнявший роли главных персонажей в патриотических фильмах («Грозные ворота» и др.), говорит: «Да, безвременье, в котором мы долго существовали, не рождает героев. Но на пути вперед герои будут. Они уже есть, и я многих знаю прямо сейчас. Это мои знакомые — и военные, и врачи, и просто люди, совершающие поступки каждый день. Они вокруг нас» [6].

Президент России В. В. Путин также однозначно высказался по поводу героизма россиян. На заседании участников дискуссионного клуба «Валдай» президенту был задан вопрос: «В Америке идет дискуссия о возможности передать переносные зенитно-ракетные комплексы в Сирию. Наши летчики могут подвергнуть риску свою жизнь и даже погибнуть. Как будет реагировать российское руководство?» Президент в ответ сказал: «Еще 50 лет назад ленинградская улица научила меня одному правилу: если драка неизбежна, надо бить первым. Конечно они (летчики. — О. Г.) рискуют и здоровьем, и жизнью. В этом смысле они все герои, но они избрали эту профессию добровольно. Это их выбор. И я ими горжусь» [7].

Актуальность и значимость рассмотрения проблемы героев и героизма вытекает из необходимости более глубокого изучения героической истории нашего народа, а также в целях воспитания культуры патриотизма.

Понятие «герой» было в употреблении задолго до наших дней. В Древней Греции оно означало «хранитель», «защитник», т. е. имело смысл, достаточно далекий от современного понимания. Первоначальный смысл понятия изменился, но наше неравнодушное отношение к героям и к героизму сохраняется. Как пишет публицист и писатель Илья Барабаш: «Живет в нас что-то, что заставляет душу, пусть и бессознательно, искать того, кто мог бы служить ориентиром. Ведь в герое, как в фокусе, собирается то лучшее и ценное, к чему мы стремимся сами» [8].

В Энциклопедическом словаре Брокгауза Ф. А. и Ефрона И. А. одно из значений слова «герой» трактуется как «великий исторический деятель», действия и поведение которого характеризуются не иначе, как «доблесть и необыкновенное мужество» [9, с. 150]. Однако в массовом сознании существует понимание, что героические поступки могут совершать обычные, простые люди.

Что касается словосочетания «герой нашего времени», то оно имеет, по крайней мере, два значения: во первых, это герой сегодняшнего дня в прямом смысле этого слова; во вторых, герои нашего времени — это главные персонажи художественного произведения.

Литературное понятие «герой нашего времени» появилось с легкой руки М. Ю. Лермонтова, написавшего одноименный роман. Лермонтовский герой Печорин — это некий типаж, не обязательно достойный подражания. Впрочем, литературными героями являются также скромный Акакий Акакиевич, таинственный Рахметов, легкомысленный Хлестаков, хитроумный Чичиков, которого бы сегодня на-

звали предпринимателем. Все это типичные представители той эпохи, где они себя проявили каким-либо образом.

Печорин и подобные ему персонажи отнюдь не герои. Единственное, что их отличает от рядовых обывателей — это критическое отношение к «дворянскому свету». Но они ничего не делают для того, чтобы изменить окружающий их мир. Литературные критики назвали подобную череду литературных персонажей «лишними людьми», не вписывающимися в то общество, в котором они существовали.

Что касается современных литературных и телеэкранных персонажей, то можно сказать, что в России сегодня нет, или почти нет, реальных личностей, которые могли бы стать прототипами положительных персонажей — бизнесменов и других богатых людей типа мецената Третьякова, купца Саввы Морозова и др. По-видимому, это потому, что социальные отношения в современном российском обществе складываются как отношения в условиях дикого капитализма, который обозначают словом «квазикапитализм». А среди запоминающихся образов отрицательных героев криминального бизнеса можно назвать героя фильма «Бандитский Петербург» вора в законе по кличке Барон (постановщик Вл. Бортко).

О героях труда — хлеборобах, ученых, педагогах, медицинских работниках и других — мы узнаем лишь один раз в год, когда в честь праздника Дня России их приглашают в Кремль для вручения наград.

А на телеэкранах преобладают сериалы, которые называют боевиками, где действующими лицами являются два типа персонажей: первый — «опера» (оперативные работники правоохранительных органов), спецназовцы и второй — бандиты, киллеры и пр. Их типаж представлен, например, в боевике «Охота на пиранию»: инструктор спецподразделения «Пиранья» (спецназ ВМС) Кирилл Мазур (актер Владимир Машков) и «хозяин тайги» Прохор (актер Евгений Миронов), богатый и могущественный бизнесмен, держащий в кулаке местный криминал и даже правоохранительные органы (сценарий Д. Зверькова по книге А. А. Бушкова «Охота на пиранию»).

Специалист в области литературы Елена Местергази, научный сотрудник ИМЛИ РАН, делает пессимистический вывод: «...Уровень героизма, до которого пока дотягивается современная литература и продолжающие ее сериалы, — увы, уровень героя-обывателя, хоть бандюгана, хоть антикиллера» [10].

Для слабого обывателя эти герои привлекательны тем, что они могут, пусть виртуально, отомстить за нанесенные обиды, если не ему непосредственно, то хотя бы таким же слабым, как он. А для некоторой части молодых людей, увлекающихся разного рода компьютер-

ными «стрелялками», героями для подражания становятся великие хакеры, компьютерные Робин Гуды, коварные и безжалостные пираты «информационных морей», перед которыми дрожат сильные мира сего и т. д. [11].

Уходя в компьютерный мир общения, молодые люди все больше отказываются от реального общения вне сети. Они делают компьютерных героев на виртуальных «друзей» и «врагов» [12, с. 116–117].

Еще одну особенность отмечает современная литературная критика, а именно: героями литературных произведений являются сами авторы. «Лучший образ, созданный Захаром Прилепиным, — это сам Прилепин, лучший литературный герой Сергея Шаргунова, — сам Сергей Шаргунов. Может, беда в эгоцентризме современного писателя?» Впрочем, говорит Елена Местергазе, когда-то Л. Н. Гумилев в шутку упрекнул свою мать, А. А. Ахматову: «Пушкин писал о Евгении Онегине, а ты все о себе. И твои современники пишут о себе. Поэтому пушкинский век — Золотой, а ваш только Серебряный» [10].

Нельзя назвать героями и тех молодых людей, которых журналист Вячеслав Костиков (бывший пресс-секретарь президента Б. Ельцина) называет *современными «лишними людьми»*. «Это не Онегины и Чацки с их нравственными и сердечными метаниями. Да и Базарова среди них нет». В. Костиков, когда-то бывший в восторге от монетаристской политики правительства Е. Гайдара, впоследствии обиженный ельцинской командой, теперь обрушивается с убийственной критикой на молодежь, в формировании мировоззрения которой он и его коллеги — «младореформаторы» в свое время «приложили руку». Это, — пишет он, — «самые высокооплачиваемые финансисты, маркетологи, юристы и пиарщики, способные хорошо составить годовой отчет, припудрить мозги собственникам и акционерам, выиграть дело в суде. У них «нет ориентации на упорный труд и дисциплину», а при выборе сферы деятельности идут туда, где легче «снять навар». «Поднимут ли они Россию с колен? Или лягут на диван, как Обломов?» — задается вопросом бывший сторонник ельцинского режима [13].

Итак, если наша литература не пишет о настоящих героях-современниках, то, может быть, пока не пришло их время? Подобные вопросы задают россияне в социальных сетях. Один из блогеров пишет: «Вот в 60-е годы было все понятно — Юрий Гагарин. Чуть позже — Владимир Высоцкий. А сейчас есть ли хотя бы один всенародный герой? Конечно, непрерывный поток подвигов никто не отменял: те же полицейские и пожарные, например, ежедневно кого-нибудь спасают с риском для жизни. Но кто, спустя некоторое время помнит их фа-

мили? Я считаю, отсутствие всенародных героев — признак болезненного цинизма, которым мы сейчас болеем» [14].

И все-таки с позицией пессимистов нельзя согласиться. Герои в России есть. В Интернете с 2014 г. запущен медиапроект «Герои современности» о людях, которые совершили героические поступки или добрые дела. Авторы проекта пытаются найти «духовные скрепы» России, ее народа, понять задачи, стоящие перед руководством страны и ее жителями, выяснить, с какой идеей Россия может выступить на международной арене.

В медиапроекте участвуют разные люди: разных возрастов, профессий, разных городов России. Например, Георгий Демин из Бурятии, который организовал эвакуацию людей во время селевого потока в пос. Аршан, или Виктория Корнева из города Электросталь, создавшая бесплатные реабилитационные центры для детей с диагнозом «детский церебральный паралич». Еще один герой — рязанский пенсионер Александр Зимин, который бесплатно обучает детей резьбе по дереву, а директор благотворительного фонда из Москвы Елизавета Олескина помогает старикам в домах престарелых по всей России. Проект включает в себя несколько десятков историй героев, живущих рядом с нами [15].

В Алтайском крае ежегодно осенью подводятся итоги работы хлеборобов, лучших из них награждают орденами, почетными грамотами, подарками. А в Ростовской области героем, а точнее, «восходящей звездой мирового птицепрома», называют главу холдинга «Евродон» Вадима Ванеева. Ему принадлежит высказывание: «С деньгами любой дурак построит. А вы попробуйте без денег!» 10 лет назад холдинг, возглавляемый Ванеевым, приступил к производству индейки, три года назад — к производству утки. И выдает теперь каждые сутки 215 тонн мяса. А в 2016 г. он обещает рост свыше 400 тонн мяса в сутки.

Журналист, рассказывающий об этом холдинге, убежден, что в соседнем Казахстане Ванееву за такие успехи в птицеводстве уже дважды присвоили бы звание Героя республики, а у нас в России — кризис а российскому руководству не до этого холдинга [16].

На слуху у россиян имена многих знаменитых людей России. Назовем, к примеру, имена трех женщин. *Доктор Лиза*. Это псевдоним врача-реаниматолога Елизаветы Петровны Глинки. Доктор Лиза десятки раз выезжала в зону вооруженного конфликта на юго-востоке Украины для того, чтобы вывезти в Россию больных и раненых детей. О ней снят документальный фильм (режиссер Е. Погребижская), который получил премию ТЭФИ-2009. Доктор Лиза награждена Орде-

ном Дружбы (май 2012 г.) и Знаком отличия «За благодеяние» (март 2015 г.) за достигнутые трудовые успехи, активную общественную и благотворительную деятельность.

Хорошо известна россиянам еще одна женщина — *Алина Кабаева*, олимпийская чемпионка, гимнастка. Являясь главой благотворительного фонда, она активно занималась организацией строительства спорткомплекса в столице Южной Осетии Цхинвале. Спорткомплексу присвоено имя этой спортсменки. Алина Кабаева также имеет государственные награды: Орден Дружбы (2001 г.), «За заслуги перед Отечеством II степени» (2005 г.), Почетную грамоту Президента РФ (2015 г.).

И, конечно, вряд ли кому незнакомо имя *Александры Николаевны Пахмутовой*. Она — выдающийся советский и российский композитор, автор более 400 песен, текст большинства из них написал муж композитора Николай Добронравов. Под влиянием песенного творчества этих двух великих людей формировался духовный облик не одного поколения россиян. Александра Николаевна — Герой Социалистического труда (1990 г.), Народная артистка СССР, лауреат нескольких Государственных премий. Очередная Государственная премия Российской Федерации за выдающиеся успехи в гуманитарной области вручена Александре Николаевне в День России 12 июня 2015 г.

Принято считать, что героические поступки совершаются в экстремальных ситуациях и, прежде всего, в условиях военного времени. На войне как на войне: здесь понятно, кто свои, а кто — враги. В условиях крымского кризиса появились герои, которых стали называть «вежливыми людьми». Это — эвфемизм, т. е. словосочетание, заменяющее другие слова. В данном случае оно использовалось для обозначения военнослужащих Вооруженных Сил РФ в военной форме без знаков различия, блокировавших стратегические объекты в Крыму в дни подготовки и проведения референдума по вопросу о присоединении Крыма к России. Зарубежные источники, вопреки опровержениям российских военных ведомств, утверждают, что «вежливые люди» находились также на юго-востоке Украины в период вооруженного конфликта и своим присутствием способствовали военному успеху ДНР и ЛНР.

Впоследствии появилось еще одно понятие — «вежливые герои». Один из таких «вежливых героев» — капитан *Николай Володин*, командир вертолетного звена и командир экипажа Ми-24. В районе села Бешиль-Ирзу (Чечня) вертолеты были обстреляны террористами, в том числе ракетой ПЗРК «Игла». Капитан Володин прикрыв своим вертолетом экипаж вертолета Ми-24. Он погиб, получив тяжелые

ранения. За мужество и героизм, проявленные при выполнении воинского долга, Указом Президента РФ от 2 марта 2004 г. капитану Володину присвоено звание Героя Российской Федерации посмертно [17].

Гражданская война на юго-востоке Украины рождает много военных героев. Особой популярностью здесь пользовался русский прапорщик, которого называли славянским Че Геварой. Он возглавлял силы народного ополчения, воевал под фамилиями: Стрелков, Гиркин. А до военных действий на Украине в 1992 г. принимал участие в событиях в Приднестровье. С 2013 г. после ухода в отставку с поста министра обороны ДНР Игорь Иванович Стрелков (настоящее имя Игорь Всеволодович Гиркин) является военным пенсионером России, известен как писатель и публицист [18].

Среди ополченцев (ныне ополчение преобразуется в Вооруженные силы ДНР и ЛНР) немало добровольцев из России. Они идут добровольно рисковать своей жизнью. Они не называют свои имена и не показывают лица. Среди них немало девушек, надевших военную форму. Михаил Пореченков в качестве героев, изображенных им на экране, брал прообразы реальных людей. Герой нашего времени представляется ему таким: это «человек со стержнем, сильный духом». Русский человек, способный на героические поступки, «мягкий, но давить на него не надо — руки может оторвать. Он не злой, но настойчивый. Не хитрый, но со сметкой. Понятный и простой, но в то же время загадочный» [6].

В заключение можно сказать следующее. Россияне не утратили пассионарную энергетiku. Есть в России возможности для совершения героических дел. Но потенциал российских пассионариев весьма снизился. Возможно, мы переживаем сейчас, если говорить словами Л. Н. Гумилева, фазу надлома, означающую значительное снижение психофизиологической активности граждан, уменьшение числа пассионариев. Причины этого явления разные. Среди них можно назвать такие, как вирус индивидуализма, психология потребительства, бациллы коррупционности и внутренняя чиновничья клептократия. И, главное: нет великой цели, нет идеи, которая бы объединяла и могла мобилизовать людей на решение больших задач.

После революции 1917 года пролетарский поэт В. Маяковский писал: «Я себя под Лениным чищу, чтобы плыть в революцию дальше...» А под кого «чистить себя», с кого брать пример сегодня молодым россиянам? За что бороться? Если нет великой задачи, если молодые люди слышат горячие, убедительные слова Президента РФ о необходимости укрепления и развития экономики, а результатов не видно, если, как в ельцинские времена, банкиры вновь вклады-

вают деньги в американские ценные бумаги, а реальный сектор экономики умерщвляется, то молодые россияне, не искушенные в жизни, легко поддаются под влияние идей джихадизма, едут на Ближний Восток воевать и умирать в рядах террористов «Исламского государства». И это есть тоже героизм, только наоборот. Вот такие они, герои нашего времени.

Библиографический список

1. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. 2-е изд., испр. и доп. Л., 1989.
2. Паин Э. А., Простаков С. А. Многоликий русский национализм. Идеино-политические разновидности (2010–2014 гг.) // Полис. 2014. № 4.
3. Бызов Л. Г. Социокультурные и социально-политические аспекты формирования современной российской нации // Полис. 2012. № 4.
4. Воеводина Т. Под чужим флагом // Литературная газета. 2014. № 40.
5. Политическая конфликтология: учебное пособие / под ред. С. Ланцова. СПб., 2008.
6. Пореченков М. Кто он — герой нашего времени? Беседовал А. Калитин // Аргументы недели. 2014. № 44. 20–26 ноября.
7. А если они погибнут в Сирии? // Аргументы и факты. 2015. № 44. 28 октября — 3 ноября.
8. Барабаш И. Герои нашего времени // Человек без границ (Философия и жизнь) [Электронный ресурс]. URL: www.mariwb.ru/articles.ru.
9. Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. Современная версия. М., 2003.
10. Местергази Е. Несколько слов о герое «Литературы для взрослых и детей» [Электронный ресурс]. URL: www.rospisatel.ru/konferenziya/mestrgazi.htm.
11. Алекс А. Герой нашего времени (школьное сочинение) [Электронный ресурс]. URL: [//samlib.ru/shok_a_w/a_time.shtm/](http://samlib.ru/shok_a_w/a_time.shtm/).
12. Сытых О. Л. Информационная повседневность // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. Вып. 7 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2015.
13. Костиков В. Возвращение «лишних людей». Молодой россиянин на фоне Кремля // Аргументы и факты, 2014. № 27. 2–8 июля.
14. Есть ли герои в России? [Электронный ресурс]. URL: yablog.ru/blogs/est-li-v-rossii-geroi/28534491.
15. МИА «Россия сегодня» расскажет о героях современности [Электронный ресурс]. URL: ria.ru/news_company/20141230/1040874595.html.

16. Леонов В. Индейка и утка — рост на волнах кризиса // Аргументы недели. 2015. № 41. 29 окт. — 5 ноября.

17. «Вежливые герои» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.facebook.com/vezlivoru/photos/a.141053337586641>

18. Кондрашов А. Славянский Че Гевара. Как русский прапорщик бьет украинских генералов // Аргументы недели. 2014. № 18. 22 мая.

А. Н. Домашев (Барнаул)

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ РАЗВИТИЯ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

Основными тенденциями развития современного общества стали усиление коммуникаций, универсализация, распространение массовой культуры. Если говорить о степени интенсивности этих процессов, то наибольшая будет отмечаться в городах как центрах промышленности, технологий и концентрации населения. Это ставит вопрос о возможности и необходимости сохранения их самобытности и индивидуальности.

Город по своей природе ориентирован на организацию промышленного производства, и это обуславливает развитие в первую очередь материального производства с его универсальным характером. Налицо объективная закономерность стремления к унификации, заимствованию технологий. Но город и производство не могут существовать без человека. Поэтому другой значимой задачей города как системы является обеспечение «производства самого человека» [1]. Предмет такого производства — человек, включенный в систему действительных социальных связей и отношений. Таким образом, перед городом как особой социокультурной системой стоит двуединая задача, имеющая две противоположные по направленности тенденции развития. Первая заключается в том, что для решения такой функциональной задачи города, как организация производства, необходима открытость системы к разнообразным контактам, способность к поиску и внедрению технологических новшеств, независимо от их происхождения. Вторая тенденция ставит своей целью воспроизводство самой общности и ее отдельных единиц и предполагает поддержание устойчивости и стабильности городского организма за счет мобилизации внутренних ресурсов. Основой стабильности и устойчивости городской общности является особенная для каждого города этническая культура. Культура выступает как способ деятель-

ности, как система внебиологически выработанных механизмов, которые определяют активность людей в обществе [2, с. 98]. Элементы культуры являются «специфическими средствами человеческой деятельности, обеспечивающими ориентацию людей в окружающей среде, программирование, регуляцию их действий в пределах социального целого» [2, с. 55]. Это означает, что культурные явления представляют собой специфическую систему средств, при помощи которой осуществляется совместная и индивидуальная деятельность представителей общества.

Споры о реальности этнического компонента активно ведутся в современной науке, но суть их сводится, на наш взгляд, к выяснению причин его сохранения в современном информатизированном и универсализированном обществе. В городской среде на первый взгляд не должно быть места этнической культуре. Это явление ассоциируется с традиционным обществом и считается исчезающим в постиндустриальном обществе. Аргументом в пользу этой точки зрения служит тот факт, что население городов по составу является полиэтничным. На наш взгляд, полиэтничность городов не является препятствием на пути существования этнической культуры, потому что и в условиях городской среды сохраняются этнически специфичные способы взаимодействия, которые в сочетании друг с другом делают этнический облик каждого города индивидуальным. В условиях падения роли этнической культуры как способа организации производства ее значение как регулятора общественных отношений и гаранта удовлетворения потребностей личности возрастает. Таким образом, объективность и рациональность существования этнической культуры в городской среде не должны ставиться под сомнение и предполагают изучение этнической специфики городов.

Этническая специфика городов возникает вследствие специфики системы расселения и особенностей жизнедеятельности. Этнические черты проявляются и в архитектурном облике города, и в ритмах повседневной жизни, и в манере общения. За этими внешними различиями — глубинные пласты национальной культуры в ее урбанистской «упаковке». Каждый город индивидуален, а этническая окрашенность делает его самобытным, со своими традициями, своим микроклиматом, своей культурно-бытовой средой, которая является исторически сложившейся системой.

Вместе с тем необходимо отметить, что в условиях города область проявления национально-специфического довольно ограничена и имеет тенденцию к постоянному сужению. Это обусловлено вытеснением этнических компонентов функционально значимыми

и специфичными для города элементами. В структуре образа жизни городского населения к таковым относятся, во-первых, общие, единые для всех народов компоненты; во-вторых, специфические компоненты, связанные с жизненными обстоятельствами города (так называемый городской образ жизни); в-третьих, компоненты, образованные современными и недавнего прошлого обстоятельствами социально-экономического характера, специфическими для данного народа (например, темп и характер урбанизации, структура хозяйства) [1]. Этнические различия сначала стираются в материальном производстве, затем в социальной организации, наконец, этническая специфика концентрируется в духовной культуре и психологической зоне. Признавая объективность данных процессов, необходимо говорить о том, что этническая культура должна оставаться неотъемлемой частью городской среды. Сохранение этнического «кода» обеспечивает устойчивость городского социума. Достижение стабильности городской среды обеспечивается тем, что этническая культура выполняет ряд важнейших функций.

Одной из них является аккумуляция способностей взаимодействия с окружающей средой и организации отношений внутри общности, что обеспечивает само существование общности в конкретных условиях его бытия. В этом смысле этническая культура создает саму общность, так как при утрате своеобразных способов деятельности этнос перестает удовлетворять потребности своих членов и прекращает свое существование. Значение этой функции огромно. Благодаря способности накапливать опыт взаимодействия этнической общности со средой, культура становится основным механизмом этнической общности, обеспечивающим адаптацию к окружающей природной и социальной среде. Культура вырабатывает конкретные способы приспособления социальной общности к природным и социальным условиям, а также преобразования самой среды с целью обеспечения наиболее благоприятных условий для существования человека.

Единство адаптивных и преобразовательных свойств обеспечивается двуединой природой явлений культуры. Культура как способ деятельности, с одной стороны, учитывает особенности среды и приспособляется к ним членов этноса, с другой стороны, имеет в своем арсенале необходимые инструменты для преобразования среды и приспособления ее к нуждам этноса. Поддержание этнической специфики культуры столь же важно для развития общностей людей, как поддержание соответствующих программ для единиц биологической эволюции [2, с. 198].

Таким образом, этническая культура, выступая специфическим способом деятельности, обеспечивает успешное взаимодействие членов этнической группы с природной и социальной средой.

Этническая культура вырабатывает оптимальные способы включения новых членов в социальную общность. Наличие данной функции особенно важно для городской среды, которая отличается тенденцией к постоянному изменению состава за счет пополнения новыми членами. Приобщение к этнической культуре данного социума позволяет овладеть способами деятельности в конкретных условиях. Социотипическое поведение личности, в котором личность и группа выступают как единое целое, нейтрализует тенденцию к индивидуализации поведения, росту его вариативности, вместе с тем освобождает личность от бремени выбора в типовых стандартных ситуациях. В социотипическом поведении субъект выражает усвоенные образцы поведения и познания, надындивидуальные, надсознательные явления, в проявлениях которых он и социальная группа выступают как нерасчлененное целое [3, с. 498].

Особенности этнической структуры населения города оказывают социализирующее воздействие и таким образом обуславливают своеобразие социально-культурного развития каждого отдельного горожанина. Взаимосвязь процесса социализации с особенностями культуры очевидна: разворачиваясь в определенном социуме в конкретный исторический период его развития, социализация на уровне его содержания и методов отражает ту культуральную модель личности, которая ему свойственна [4, с. 16]. Культура относится к феноменам, имеющим социальный характер. Она вырабатывается в процессе совместной деятельности людей, когда из множества возможных способов деятельности большинство представителей общности выбирают и социально закрепляют тот, который наиболее соответствует конкретным условиям жизнедеятельности. Именно в силу своей оптимальности для членов данного социума культура становится социальным опытом индивида, приобретаемым им в процессе социализации. Можно образно сравнить культуру с сосудом, откуда каждый индивид под влиянием социума черпает столько умений, знаний, навыков, сколько необходимо для осуществления жизнедеятельности в данном социуме, в данной среде. Осваивая наиболее оптимальный способ взаимодействия с окружающим миром и включаясь во внутриэтнические связи, индивид получает широкие возможности для реализации своих сущностных сил.

Этническая культура гармонизирует отношения человека с самим собой и окружающей средой, способствует удовлетворению базовых

потребностей личности. Это потребности в безопасности и защите, принадлежности к общности, самобытности, уникальности своего «Я». Этническая культура максимально облегчает и гармонизирует их реализацию. Этническая общность дается человеку фактом его рождения в определенном социуме. Принадлежность к ней формируется без особых усилий со стороны личности. Этнос, как уже было сказано, обладает механизмами, обеспечивающими органичную интеграцию в общность новых членов. Становясь частью этнической общности, человек получает, кроме поддержки самого социума, навыки и способы взаимодействия с окружающей средой, что дает ему чувство безопасности и защищенности. Потребность личности в утверждении собственной индивидуальности, непохожести, самобытности также может быть удовлетворена в рамках этнической общности путем приобщения к этнической культуре.

Ярко выраженная непохожесть одной этнической культуры на другую предоставляет личности широкие возможности для реализации своего индивидуального «Я». Противопоставление «они — мы», при помощи которого строится этничность, акцентирует внимание на отличительности представителей одного этноса от другого. Таким образом, этническая культура уникальным образом уравнивает, гармонизирует противоречивые потребности личности. С одной стороны, формирует чувство «мы» путем идентификации с этнической общностью, с другой стороны, удовлетворяя потребность в самобытности, отделяет одну общность от других, демонстрирует свое обьективное и субъективное превосходство и формирует чувство «они».

Таким образом, становится очевидной необходимость существования этнической культуры и в урбанизированном обществе, где она продолжает поддерживать целостность социальных организмов, оптимизировать их отношения со средой, минимизировать и нивелировать отрицательное воздействие информатизированного общества на индивида. Как было показано, в условиях города осуществление данных функций становится особенно актуальным, так как от этого зависит, насколько эффективно он будет выполнять свою функцию по обеспечению устойчивого социального воспроизводства самого человека.

Библиографический список

1. Этносоциальные проблемы города. М., 1986.
2. Маркарян Э. С. Теория культуры и современная наука: (логико-методологический анализ). М., 1983.
3. Асмолов А. Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров. М.; Воронеж, 1996.

4. Белинская Е. П., Стефаненко Т. Г. Этническая социализация под-
ростка. М.; Воронеж, 2000.

А. В. Жабина (Барнаул)

ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫХ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ БАРНАУЛЕ

В настоящее время общество сталкивается с многочисленными проблемами в социальной сфере. Часто государственные учреждения социального обслуживания населения не в состоянии решить какую-либо проблему. Появившиеся социально ориентированные некоммерческие организации помогают государственным учреждениям в решении социальных проблем [1].

Социально ориентированные некоммерческие организации (СО НКО) — это организации, не имеющие в качестве основной цели своей деятельности извлечение прибыли и не распределяющие полученную прибыль между участниками [2]. Основная деятельность социально ориентированных некоммерческих организаций не сводится только к написанию проектов, однако проектная деятельность этих организаций играет большую роль в их функционировании, поскольку направлена на решение социально значимых проблем общества. Основные направления деятельности: социальная поддержка и защита граждан; подготовка населения к преодолению последствий бедствий и катастроф; оказание помощи пострадавшим; охрана окружающей среды и защита животных; охрана объектов истории, культуры, природы; оказание юридической помощи на безвозмездной или льготной основе, защита прав и свобод; профилактика социально опасных форм поведения граждан; благотворительная деятельность; деятельность в области образования, просвещения, науки, культуры, искусства, здравоохранения, физической культуры и спорта; формирование в обществе нетерпимости к коррупционному поведению; развитие межнационального сотрудничества, языков и традиций народов; профилактика сиротства, поддержка материнства и детства; повышение качества жизни людей пожилого возраста; социальная адаптация инвалидов и их семей; развитие дополнительного образования, творчества, спорта деятельности детей и молодежи в сфере краеведения и экологии [3].

Число социально ориентированных некоммерческих организаций за первое десятилетие XXI в. увеличилось на 50%. Такая тенденция показывает, что проектная деятельность некоммерческих организаций имеет социальную значимость. Также с увеличением некоммерческих организаций становится шире охват проблем, нуждающихся в решении [4].

В результате реализации проектной деятельности социально ориентированными некоммерческими организациями решаются общественные социальные проблемы и проблемы отдельных категорий граждан, нуждающихся в помощи.

В Барнауле действует более 100 социально ориентированных некоммерческих организаций. Деятельность организаций поддерживается муниципальной программой «Содействие развитию гражданского общества в городе Барнауле на 2013–2017 годы». В программе заложено ежегодное проведение конкурса проектов общегородского значения среди некоммерческих организаций. Социально значимыми проектами признаются проекты, способствующие привлечению общественности к решению задач социально-экономического развития города, стимулированию и поддержке социальных гражданских инициатив общественных объединений и иных НКО. В конкурсе участвуют проекты по следующим направлениям:

— «Зеленый город» — снижение негативной нагрузки на городскую среду в результате жизнедеятельности человека. Принимаются проекты, направленные на озеленение городских территорий, разбивку аллей, зон отдыха, организацию природоохранных мероприятий, пропаганду бережного отношения к зеленым насаждениям, формирование экологических отрядов, советов и организацию их работы на территории города;

— «Мода на спорт» — повышение уровня физической культуры населения и формирование здорового образа жизни через привлечение жителей города к массовым занятиям спортом. Принимаются проекты, направленные на организацию и проведение спортивных соревнований, внедрение новых форм привлечения детей и подростков к занятию спортом, создание условий для занятий физической культурой и спортом;

— «ТОС — сегодня, завтра, всегда» — участие жителей города в деятельности территориального общественного самоуправления. Принимаются проекты, направленные на привлечение населения к общественной деятельности, формирование молодежных активистов ТОС, внедрение новых форм и направлений работы ТОС с жителями;

— «Моя страна — моя Россия» — формирование активной гражданской позиции молодежи. Принимаются проекты, направленные на сохранение духовно-нравственных семейных традиций и ценностей, духовно-нравственное воспитание молодежи, укрепление духовного единства многонационального российского народа, развитие позитивных межнациональных, межкультурных отношений;

— «Барнаул — город мой!» — организация мероприятий, посвященных празднованию Дня города. Принимаются проекты, направленные на повышение уровня гражданской культуры, проведение мероприятий по изучению истории города, микрорайона, улицы, поселка;

— «Успех в твоих руках» — поддержка развития позитивных инициатив граждан, распространение успешного опыта гражданского неравнодушия. Принимаются проекты, направленные на проведение работы с социально незащищенными слоями населения, детьми, развитие добровольческих инициатив, проведение конкурсов общественного признания «Социальная звезда», «Доброволец года», «Лидер общественного самоуправления»;

— «Нашему городу — большие дела» — организация мероприятий по информированию населения о возможности участия в общественной деятельности и социально значимых проектах. Принимаются проекты, направленные на проведение Ярмарки общественных инициатив, повышение уровня правовой культуры населения;

— «Барнаул — культурная столица» — повышение уровня культуры населения и приобщение жителей к культурным ценностям. Принимаются проекты, направленные на проведение мероприятий по повышению уровня культуры среди жителей [5].

В результате реализации проектов некоммерческих организаций создаются необходимые условия для развития общественной активности граждан, их участия в общественной жизни и деятельности города. Благодаря этим проектам все больше граждан привлекаются к решению актуальных социальных проблем. Из чего можно сделать вывод, что деятельность социально-ориентированных некоммерческих организаций показывает неравнодушие общества к существующим проблемам города и стремление сделать его лучше.

Библиографический список

1. Максимова С. Г., Ноянзина О. Е., Гончарова Н. П. Социально ориентированные некоммерческие организации в Российской Федерации: состояние и перспективы развития : монография / под общ. ред. С. Г. Максимовой. Барнаул, 2013.

2. О некоммерческих организациях: Федеральный закон РФ от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 16.11.2015).

3. Максимова С. Г., Ноянзина О. Е., Гончарова Н. П., Омельченко Д. А., Авдеева Г. С., Суртаева О. В. Социальный капитал гражданского общества: состояние и перспективы развития сектора негосударственных некоммерческих организаций в приграничных территориях современной России / под общ. ред. С. Г. Максимовой. Барнаул, 2014.

4. Тарханов Е. Г. Оценка социально-экономической эффективности деятельности некоммерческих организаций : автореф. дис. ... канд. экон. наук. Иркутск, 2012.

5. Об утверждении Положения о проведении конкурса проектов общегородского значения среди некоммерческих организаций: Постановление администрации города Барнаула от 17.04.2014 № 736 [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 09.11.2015).

*Е. В. Кайгородов, Е. В. Петунина, Е. Е. Ермилова,
В. Л. Мишина (Барнаул)*

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ДИРЕКТОРСКОГО КОРПУСА ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ШКОЛ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Одно из направлений деятельности краевого государственного бюджетного учреждения образования Алтайский краевой информационно-аналитический центр (АКИАЦ) — исследования в сфере образования. Исследование в образовании — это познавательная деятельность, направленная на получение нового знания об образовательных явлениях и процессах.

В рамках общероссийского социологического исследования, организованного Департаментом государственной политики в сфере общего образования совместно с Институтом образования НИУ «Высшая школа экономики», специалисты АКИАЦ провели исследование директорского корпуса. Основными направлениями исследования директоров общеобразовательных школ стали вопросы их взаимодействия как внутри образовательной организации, так и вне шко-

лы; принятия самостоятельных решений директоров; варианты повышения квалификации учителей и директоров; планы относительно будущего школы. В качестве основных методов исследования использовались анкетный опрос и глубинное интервью.

После участия в анкетировании директора школ стали участниками фокус-группы, где специалисты АКИАЦ выступили в роли модераторов. Исследование данным методом заключается в глубинном интервьюировании представителей целевой аудитории. В ходе дискуссии модератор фокусирует внимание участников на вопросах, интересующих исследователей, с целью получения от них глубинной информации на заданные темы. Во время интервьюирования исследователи получают от аудитории субъективные мнения об объектах исследования.

Всего было проведено три фокус-группы, в которых приняли участие 30 человек, по 10 человек в каждой группе. Участники фокус-групп — руководители общеобразовательных организаций из городов, малых городов и сельских территорий края.

Элементы внешней и внутренней среды для оценки взаимодействия директорского корпуса были заданы заранее. Элементы внешней среды включали: органы управления образованием разного уровня, надзорные органы, институты развития образования и повышения квалификации, организации профессионального и дополнительного образования, юридические фирмы и коммерческие организации. Элементы внутренней среды — это прежде всего административный аппарат, педагогический коллектив (педсовет, почетные учителя и др.), профсоюз, методические объединения (кафедры, школьные методические объединения, советы и др.), общественно-государственное управление, родители, обучающиеся.

Оценка респондентами взаимодействия с элементами внешней среды подтвердила известный факт о высокой интенсивности, а главное эффективности взаимодействие с органами управления образованием как регионального, так и муниципального уровней. В орган управления образованием директора обращаются по всем возникающим вопросам, никаких ограничений не возникает. Высокая продуктивность и результативность взаимодействия с муниципальными органами управления образованием в большей степени отмечена у директоров школ из городов.

Плановые проверки и обучающие семинары являются основаниями взаимодействия директоров с надзорными органами (МЧС, Рособнадзор, прокуратура и др.). Интенсивность взаимодействия с надзорными органами ниже, чем с органами управления образованием, — несколько раз в год.

Повышение профессиональной компетенции респондентов реализуется через взаимодействие с институтами развития образования, информационными центрами, институтами и центрами повышения квалификации. Повышение квалификации учителей и руководителей общеобразовательной организации проходит в обучении по программам профессиональной переподготовки. Целью повышения квалификации является обновление теоретических и практических знаний в соответствии с постоянно повышающимися требованиями государственных образовательных стандартов. Основными вариантами повышения квалификации для учителей являются плановые курсы повышения квалификации, стажировки, наставничество, тьюторство, дистанционное обучение. Данные виды повышения квалификации характерны для школ всех типов поселения, как с высокими, так и с низкими образовательными результатами. Выявлены различия вариантов повышения квалификации директоров школ в зависимости от типов поселения. Так, для крупных городов возможны зарубежные стажировки (по президентской программе) в Израиле, Швейцарии и Германии, для средних и крупных городов — региональные и межрегиональные стажировки в Москве, Новосибирске. Плановые курсы повышения квалификации и дистанционное обучение доступно для всех директоров, вне зависимости от территориального положения образовательной организации.

Для успешного управления школой директорам необходимо развивать новые для них компетенции: юридические, технические, информационные. Кроме этого, директорам недостаточно знаний психологии, тренингов, методик и набора инструментов для работы с детьми, опыта организации исследовательской работы с ними, умений работать с постоянно обновляющейся нормативной базой, мобильности.

Взаимодействие с образовательными организациями профессионального обучения (вузы, сузы) проходят на взаимовыгодных условиях. Основаниями взаимодействия являются — заключение договоров, организация профильных классов, подготовка обучающихся по различным дисциплинам, проведение совместных исследовательских проектов, организация волонтерского движения, информирование об учебных заведениях региона.

Профессиональные образовательные организации заинтересованы в сотрудничестве со школами, поскольку выпускники школ в будущем составляют контингент обучающихся вузов и сузов. Одним из направлений работы с образовательными организациями профессионального обучения является профориентационная работа с выпускниками школ: участие в проведении дней открытых дверей в вузах,

сузах; действует система наставничества, когда студенты вузов прикрепляются к классам.

Городские школы чаще взаимодействуют с вузами, сельские — с сузами. Основное препятствие для сельских школ — территориальная удаленность от крупных организаций профессионального образования, недостаток средств для организации подвоза обучающихся.

Организация внеурочной деятельности школьников, работа кружков на базе школы и проведение различных досуговых мероприятий — основания взаимодействия с учреждениями дополнительного образования. В рамках сетевого взаимодействия учреждения дополнительного образования берут у школ часы внеурочной деятельности и реализуют их. Организация и ведение кружковой деятельности осуществляется на базе школы. Школы совместно с организациями дополнительного образования проводят различные мероприятия и праздники, организуют систему досуга обучающихся.

В практике директоров отмечаются судебные тяжбы. В таких ситуациях взаимодействие происходит с юридическими фирмами. Директора обращаются к ним за консультативной и информационной помощью.

Неустойчивые связи выявлены при взаимодействии с коммерческими организациями, поскольку чаще всего зависят от личных взаимоотношений директора школы и руководителя организации. Смена руководителя организации приводит к нарушению выстроенных связей.

Неотъемлемой частью жизни и функционирования общества являются конфликты. Конфликтные ситуации присутствуют и в процессе взаимодействия директора школы с различными социальными организациями.

Повышенная конфликтность у директоров отмечается с администрацией населенного пункта (учредителем). Инициаторами конфликтов в зависимости от ситуации могут быть как учредитель, так и директор. Подобные ситуации возникают нечасто, их основной причиной директора называют некомпетентность представителей органов управления образованием муниципального уровня. Некомпетентность сотрудников органов управления директора объясняют частой сменой кадров и большим количеством отчетов.

При взаимодействии с надзорными органами директора чаще всего стараются избежать конфликтов. Они считают, что с выявленными нарушениями проще согласиться и исполнить предписание, чем отстаивать обоснованность своих действий.

Сотрудничество с другими «внешними» организациями происходит на взаимовыгодных условиях, поэтому конфликтные ситуации не возникают.

Ежедневная работа с элементами внутреннего взаимодействия направлена на единственный результат — успех школы. Каждый работает в своем направлении, правильное распределение обязанностей исключает возникновения серьезных конфликтов. Незначительные конфликтные ситуации решаются на начальной стадии.

Директора школ принимают решения относительно всех вопросов коллегиально с заместителями либо с общественным советом. Исключение может быть по вопросам кадровой политики, поскольку «кадровый голод» заставляет радоваться любой кандидатуре.

Введение ФГОС в начальной школе привело к значительным переменам: изменилась подача материала, условия обучения, информационные технологии, внедряются исследовательские проекты. Педагогу и психологу отведена большая роль. Учитель акцентирует внимание на умениях детей ставить цель и самостоятельно выбирать пути ее достижения. Работа организована в группах: все вопросы обсуждаются, обучающиеся учатся оценивать свой личностный рост, получают навыки умения работать в группах. Директор имеет возможность посещать 3–4 урока в месяц, чаще в начале года. Основная цель — знакомство с опытом работы вновь принятого педагога в рамках предстоящей аттестации учителей, проблемы с дисциплиной в классе, эффективность использования оборудования.

В связи с введением ФГОС появляются проблемы следующего рода: освоение учителем новых технологий, поверхностное понимание технологии проблемного обучения (необходимы время, тренировка, разъяснение и понимание этих технологий); нет преемственности в программах начального и основного образования; существует проблема работы с детьми 7–8 вида; учителям сложно переходить на новые формы преподавания.

Приоритетные направления развития своей школы директора видят в следующем: получение статуса гимназии; пройденная аккредитация и аттестация; формирование сильного методического объединения; разработка новой программы развития с учетом новых стандартов; строительство нового здания; участие в грантовом проекте; увеличение количества учителей, занимающихся инновационной деятельностью; формирование сильной команды единомышленников. Наиболее важным приоритетным направлением все директора выделили повышение качества образования.

Современная школа пребывает в состоянии непрерывного кризиса. Проблем множество. Среди основных проблем директора называют на «кадровый голод». Выпускники педагогических вузов не желают идти работать в школу, и эта проблема требует отдельного изучения.

По итогам проведенных фокус-групп был выявлен широкий круг мнений руководителей общеобразовательных организаций: о нормативной и правовой базе, регулирующей работу управленческого корпуса, формах и технологиях организации и проведения мероприятий по профессиональному обучению и развитию управленческого корпуса. Результаты проведенного исследования могут способствовать принятию управленческих решений.

К. Ю. Кобелев (Барнаул)

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ КАК ФОРМА УЧАСТИЯ МОЛОДЕЖИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Существование как политических, так и общественных организаций в актуальной картине социальной действительности для рядового обывателя совершенно привычное явление. Политические организации, чаще в лице политических партий, до сравнительно недавнего времени были доминирующим форматом политического участия населения, как минимум в марксистской интерпретации считались наиболее сознательной и организованной частью класса, отстаивающей его интересы. Общественные же организации играли представительскую роль той группы, которая в силу индивидуальных причин отождествляет себя с данной организацией. Наиболее наглядной демонстрацией такого типа организаций являются профсоюзы, объединения лиц по профессиональному признаку.

Молодёжное движение активно присутствовало как в первом, так и во втором типе организаций. Политические молодёжные организации наиболее ярко были представлены в виде молодёжных крыльев различных политических партий, а также в виде идеологически мобилизованных государством молодёжных отрядов, таких как скаутское движение, гитлерюгенд, пионерия и т. д. Примером общественных молодёжных организаций профессионального типа может служить студенческое движение.

Для того чтобы определить, как общественные организации, формально не трансформировавшись в политические, стали претендо-

вать на исполнение их роли в жизни общества, следует рассмотреть специфику «политического» как социально-философскую категорию. Классик социальной философии Карл Шмитт отмечает, что «политическое не означает никакой собственной предметной области, но только степень интенсивности ассоциации или диссоциации людей» [1, с. 50]. Таким образом, мы видим основную причину, по которой функционирование общественных организаций не входит в политическую сферу — их деятельность направлена на конкретный фрагмент социума, связанный с непосредственным интересом общественной организации, а значит, имеет собственную предметную область.

Однако классическая схема определения политического участия была нарушена в 60-е гг. XX в. Это время следует считать отправной точкой зарождения нетипичной формы гражданского участия в политическом процессе — участие через общественные организации. Новый формат молодёжных общественных организаций отличался тем, что эти организации отстаивали свой интерес, связанный с конкретным фрагментом социума, но стремились не внедрить его в общую политическую картину для улучшения собственного положения дел, а старались вовсе отменить эту политическую картину и заменить её своим представлением. Для новой формы политического участия были характерны отсутствие чётких структур управления и контроля, а также идеологизация частной жизни функционеров, а основной формой выражения стали демонстрации протеста, которые отличались массовостью, нестабильностью состава, а также спонтанностью действий участников [2, с. 60]. Такая форма оказалась наиболее привлекательной поколению бэби-бума (англ. baby boom), в большинстве своём не испытывавшему интереса к выборам и не желавшему связывать себя узами членства в каких-либо политических партиях.

Истоки нового понимания политического лежали в либертарной контркультуре, которая, выйдя из андеграунда, стала передовым трендом молодёжной моды 1960-х гг. Либертарная контркультура, имея своим ядром полнейшее неприятие и отрицание господствующих ценностей, посеяла в умах молодежи представление о дефективности современной им культуры, которая представлялась несправедливой [3, с. 178]. Впоследствии общий контркультурный настрой преломился через частное понимание актуальных проблем господствующих ценностей, чем и породил ряд антикультурных направлений, на базе которых возник пул молодёжных общественных движений, наиболее яркими из которых были женское, антивоенное, экологическое и правозащитное движения. Данные мировоззренческие направления сумели не только отвоевать себе место под солн-

цем, но и внести свои коррективы в нынешнее понимание проблем толерантности, эмансипации, гуманизма и прав человека.

Немало современных протестных молодёжных движений черпают своё вдохновение в средствах реализации и формах выражения политизированных общественных организаций 60-х гг. XX в. При этом следует сделать важную оговорку о том, что это вдохновение не является прямым дублированием прежних идей. С одной стороны, этого не происходит потому, что современная система ценностей отличается от той, которая занимала господствующее положение полвека назад. С другой же стороны, определённые политические силы, вовремя осознав эффект воздействия таких общественных организаций на общество, мобилизуют их в своих интересах, или напротив, сами мимикрируют под них.

Известные антиправительственные митинги 2011 г., для достижения нужного результата использовали те же механизмы и технологии, которые были характерны стихийным шествиям 1960-х гг. [4, с. 32–35]. Примером же политической мобилизации могут служить ежегодные попытки ЛГБТ-сообщества провести манифестации в Москве и Санкт-Петербурге, которые систематически запрещаются администрацией. Внешне данные акции выглядят как митинги гей-сообщества (англ. *gay-community*) за брачное равноправие, но систематический их запрет даёт оппозиционным силам мощный ресурс для выстраивания обвинительной риторики в сторону правящей элиты — таким образом, происходит мобилизация ЛГБТ-сообщества заинтересованными политическими организациями.

Подводя определённые итоги, следует отметить, что молодёжное участие в политической жизни общества посредством общественных организаций стало возможным благодаря росту социальной активности и мировоззренческой самостоятельности молодёжи. Осознание своих возможностей влиять на социальные процессы и наличие нужных персональных качеств для участия в политической, в том числе и протестной, деятельности [5, с. 333]. Очевидный рост социальной активности молодежи, по-видимому, стоит считать показателем того, что тенденции молодёжного участия в общественно-политических организациях будут только нарастать.

Библиографический список

1. Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1.
2. Нагайцев В. В. Феномен негативной мобилизации // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. Вып. 6 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2014.

3. Ковшова И. В. Социодинамика формирования ценностей контркультуры // Вестник Поволжского института управления. 2007. № 12.

4. Громов Д. В. «Мы не оппозиция, а народ»: новые черты улично-го политического активизма // Антропологический форум. Вып. 16. Online. 2012.

5. Кабакова Я. С. Социокультурный портрет современного молодёжного политического лидера // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. Вып. 6 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2014.

В. И. Кузнецова (Санкт-Петербург)

ДОСТУПНАЯ СРЕДА: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

К маломобильным группам населения относятся люди, самостоятельное передвижение которых затруднено, инвалиды, люди с временным нарушением здоровья, беременные, люди старших возрастов, люди с детскими колясками, а также те, кто сталкиваются с трудностями в получении услуги, необходимой информации или при ориентировании в пространстве и т. п. Адаптированная для инвалидов и других маломобильных групп населения среда называется безбарьерной, или доступной.

Человек с самого раннего возраста является потребителем безбарьерной среды, сначала она необходима для передвижения на детской коляске, затем, подрастая, ребенок катается на роликах, велосипеде, занимается спортом, а отправляясь в путешествие, человек берет с собой багаж на колесах. Пожилым людям с возрастом становится все трудней преодолевать бордюры и высокие ступени, но тяжелее всего приходится людям с ограниченными возможностями. Поэтому, несомненно, эта тема является очень актуальной для общества и требует нашего внимания и решения, ведь доступная среда — это один из механизмов, посредством которого человек с ограниченными возможностями здоровья может социализироваться в обществе. Таким образом, с помощью этого инструмента решается проблема социальной изоляции таких особенных людей.

Доступная, или безбарьерная среда в широком смысле — это среда, которая создаёт лёгкие и безопасные условия для наибольшего числа людей. С точки зрения проблемы инвалидности, «безбарьерная среда — это такие элементы окружающей среды, в которые могут свободно заходить, попадать и которые могут использовать люди с фи-

зическими, сенсорными или интеллектуальными нарушениями» [1]. Доступная среда также является еще и комплексом мер для реабилитации людей с ограниченными функциями здоровья.

Статья 17 Градостроительного кодекса Российской Федерации гласит: «Правительство Российской Федерации, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления и организации создают условия для беспрепятственного доступа инвалидов (в том числе инвалидов, использующих кресла-коляски и собак-проводников) к объектам социальной инфраструктуры (жилым, общественным и производственным зданиям, строениям и сооружениям, спортивным сооружениям, местам отдыха, культурно-зрелищным и другим учреждениям), а также для беспрепятственного пользования воздушным, железнодорожным, автомобильным, водным транспортом и всеми видами городского и пригородного пассажирского транспорта, средствами связи и информации» [2].

В 2008 г. Российской Федерацией была подписана Конвенция о правах инвалидов (от 13 декабря 2006 г.), а в 2012 г. она была ратифицирована. Данный факт говорит о том, что наша страна выразила готовность к формированию условий, направленных на соблюдение международных стандартов экономических, социальных, юридических и других прав инвалидов.

Тем не менее судить о реальной готовности нашего государства к формированию таких условий можно только по конкретным мерам и действиям. Так, в рамках всей страны сейчас активно реализуется проект «Карта доступности». «Карта доступности» — это инновационный проект Фонда «Единая страна». Проект призван помочь людям с инвалидностью найти места, где они смогут заниматься паралимпийскими видами спорта, а также предоставить им информацию о находящихся неподалеку доступных объектах городской инфраструктуры. Карта доступности для инвалидов — единая карта, на которой будут отмечены все объекты, социальные, административные, культурные и другие, но с паспортом доступности для инвалидов различных групп [3].

Также с 2011 по 2015 г. в России действует государственная целевая программа «Доступная среда», целью которой является формирование к 2016 г. условий беспрепятственного доступа к приоритетным объектам и услугам в приоритетных сферах жизнедеятельности инвалидов и других маломобильных групп населения. Достижение цели осуществляется за счет установки лифтов, пандусов и других инструментов, позволяющих людям с ограниченными возможно-

стями беспрепятственно посещать, например, медицинские и культурные учреждения города.

В рамках данной программы распоряжением Правительства Санкт-Петербурга от 23.07.2013 № 52-рп утверждена программа «Создание доступной среды жизнедеятельности для инвалидов в Санкт-Петербурге» на 2013–2015 гг., целью которой также является формирование к началу 2016 года условий для беспрепятственного доступа к приоритетным объектам социальной инфраструктуры и услугам в приоритетных сферах жизнедеятельности инвалидов [4].

Для этих целей в 2013 г. правительством Санкт-Петербурга было выделено 6 837 427,26 тысяч рублей, из них 5 851 968,86 тысяч рублей — средства бюджета Санкт-Петербурга. Также в настоящее время в Санкт-Петербурге в подсистеме «Доступная среда» сформирован Реестр приоритетных объектов социальной инфраструктуры, в который включены 6 634 объекта для инвалидов, из них доступны:

- для инвалидов-колясочников 1640–33%;
- для инвалидов по зрению 612–12%;
- для инвалидов по слуху 1725–35%.

Становится ясно, что процесс приспособления социально значимых объектов города для маломобильных категорий населения действительно идет, но, к сожалению, мы все еще имеем небольшой процент пригодных для эксплуатации лицами с ограниченными возможностями, а это значит, что следует продлить программу для достижения больших успехов.

Более того, степень реализации данной программы, ее успешность, о которой говорится в отчетах, может быть поставлена под сомнение. Так, 30 июня 2014 г. в Смольном было проведено совещание, на котором обсудили промежуточные итоги реализации программы «Создание доступной среды жизнедеятельности для инвалидов в Санкт-Петербурге на 2013–2015 годы» [5].

В отчете за 2013. были отмечены такие примеры неэффективной реализации программы «Доступная среда»:

- 1) приобретены лестничные гусеничные подъемные устройства, способные преодолевать подъем до 30 этажей, стоимостью 300 тыс. руб. для библиотек, расположенных на первых этажах;
- 2) проведен ремонт входной группы в библиотеки стоимостью 150 тыс. руб., но пандус так и остался в непригодном для использования состоянии;
- 3) в учреждениях здравоохранения установлены лифты. Сумма финансирования — 1 млн 750 тыс. руб. В первом случае лифт не работает ввиду отсутствия договора на его обслуживание,

во втором случае лифт имеет узкий дверной проем, что не позволяет пользоваться им инвалидам-колясочникам;

- 4) в детской поликлинике в рамках программы установлен пандус стоимостью 5 млн 500 тыс. руб., который не соответствует строительным нормам и правилам Российской Федерации (СНиП 35–01–2001), также в данной поликлинике нет лифта и туалета для лиц с ограниченными возможностями;
- 5) в средней школе установлен пандус стоимостью 300 тыс. руб., использовать который не представляется возможным из-за угла наклона лестницы;
- 6) в подъезде жилого дома установлен пандус для инвалида-колясочника, но инвалид не живет в этом доме с 2012 г.

Результаты проверки свидетельствуют о формальном подходе к планированию и контролю над выполнением мероприятий программы. К сожалению, становится понятно, что даже поставленные цели не реализованы должным образом, да и многие социально значимые объекты все еще не приспособлены к посещению их лицами с ограниченными возможностями. Мы должны понимать, что на нас лежит ответственность за то, насколько комфортным будет пребывание маломобильных категорий граждан в современном мире, насколько такие люди будут интегрированы в общество, а по этим вопросам, как и по многим другим, можно будет судить о развитии нашего общества и государства, к чему мы так стремимся.

Библиографический список

1. Нечаева Т. Б. Создание безбарьерной среды как способ полноценной интеграции людей с ограниченными возможностями в общество: доклад члена Общественного совета [Электронный ресурс]. URL: www.scienceforum.ru/2013/77/4275.

2. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 19.10.2015).

3. Проект Карта доступности [Электронный ресурс]. URL: <http://kartadostupnosti.ru/> (дата обращения: 13.11.2015).

4. Создание доступной среды жизнедеятельности для инвалидов в Санкт-Петербурге на 2013–2015 годы: программа [Электронный ресурс]. URL: <http://gov.spb.ru/> (дата обращения: 06.11.2015).

5. Уполномоченный по правам человека в Санкт-Петербурге [Электронный ресурс]. URL: <http://ombudsmanspb.ru/> (дата обращения: 05.11.2015).

6. Комплексная реабилитация инвалидов : учебное пособие / под ред. Т. В. Зозули. М., 2005.

7. Доступная среда: Государственная программа Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://zhit-vmeste.ru/> (дата обращения: 05.11.2015).

8. Министерство труда и социальной защиты [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rosmintrud.ru/> (дата обращения: 01.11.2015).

А. Д. Лобанова (Барнаул)

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ МЕТОДОЛОГИИ СОЦИАЛЬНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ

Многие люди сегодня тем или иным образом задействованы в различных проектах, пускай, часто и не осознавая этого. Более того, современный мир можно представить в качестве совокупности проектов, значительная часть которых носит социальный характер. Объяснением может служить то, что в свое время в экономической сфере бурно развивались капиталистические отношения, что привело к переносу данного вида взаимодействия в социальное пространство. Это повлекло за собой проблемы в социальной организации людей, которые необходимо было эффективно решать. С этой задачей и предстояло справиться социальному проектированию.

Но для начала нужно уточнить, что же такое социальное проектирование. Социальное проектирование — это конструирование индивидом, группой или организацией действия, направленного на достижение социально значимой цели и локализованного по месту, времени и ресурсам [1, с. 38]. Именно так можно представить самое общее понятие социального проектирования.

Но все же если рассматривать социальное проектирование в рамках разработки новых социальных отношений, то можно с уверенностью говорить о том, что социальное проектирование было известно с древних времен. Например, одним из первых социальных проектов можно считать «Государство» Платона.

В научном отношении метод проектирования зародился во второй половине XIX в. в США на основе популярной в то время концепции Джона Дьюи, который считал, что истинным и ценным является только то, что имеет практический результат и полезно людям. В России мощный толчок для развития социального проектирования получило после революции 1917 г. Россия того периода становится основной площадкой реализации глобальных социальных экспериментов. Связано это с тем, что с установлением нового государства было не-

обходимо создать новое общество, нового человека. Для этого были разработаны проекты школ с точки зрения воспитательной практики и процесса обучения.

В связи с данными событиями в СССР появился значительный задел оснований макросоциального проектирования. Примером тому служат советские пятилетние планы развития народного хозяйства, которые подразумевали не только экономические изменения в жизни общества, но и социальные. Также значительные успехи сопровождали СССР и на микросоциальном уровне, а именно, большую ценность имеют проекты А. С. Макаренко по работе с беспризорниками и малолетними преступниками.

Волна интереса к социальному проектированию началась в 50-е гг. XX в. в странах с развитой рыночной экономикой. Это обуславливалось тем, что с увеличением конкурентной борьбы в сфере производства товаров и услуг проекты стали применяться все шире, так как показали свою эффективность [1, с. 64]. К сожалению, в социальной сфере метод проектирования применялся чуть реже, проекты были менее масштабными и систематизированными, чем в экономической отрасли. Объяснялся данный факт тем, что социальные проекты имели малую экономическую эффективность либо не имели её вовсе.

Как социальный институт социальное проектирование оформилось лишь к середине 60-х гг. XX в. В это время происходит сближение методологических основ планирования, программирования, нормативного прогнозирования и социального управления. Но все же нормативное прогнозирование четко противопоставлялось социальному проектированию, так как прогнозирование, по мнению ученых, должно предшествовать проектированию, чтобы повысить степень научной обоснованности проекта.

Затем в 70-е и 80-е гг. научные основания социального проектирования получают неожиданное развитие в двух противоположных направлениях. Первая позиция основывается на социальном управлении, которое, в свою очередь, базируется на социологии и философии. Главным постулатом является то, что социальное проектирование является одним из видов социальной инженерии, и в связи с этим оно должно стать эффективным способом решения насущных проблем и задач общества. В этом отношении социальное проектирование фактически сливается с нормативным прогнозированием и управленческой деятельностью. Следующее направление основано на культурологическом подходе. Выводится оно из того, что в современном мире все четче видна тенденция к выделению духовной куль-

туры из социально-культурной сферы. Все люди включены в определенную культуру, и поэтому они имеют возможность влиять на нее и изменять характер культурных процессов. Но воздействие на социальное явление или процесс напрямую зависит от того, какое отношение выработает участник этого действия [2, с. 216].

По мере развития научных взглядов по вопросу методологии социального проектирования в современной науке четко выделились категории его субъекта и объекта. Под субъектом социального проектирования подразумевают различных носителей управленческой деятельности. Субъектом социального проектирования может являться отдельная личность, некоторая организация либо коллектив, социальная группа, социальный институт и т. д. Отличительной характеристикой субъекта проектирования является его социальная активность и непосредственное участие в процессе проектирования [3, с. 96].

По поводу объекта социального проектирования сложились две позиции: в узком смысле объектом выступают только социальные системы, в широком — социальные системы, процессы организации социальных связей и взаимодействий, которые включены в проектную деятельность и подвергаются воздействиям субъектов проектирования, а также выступающие основанием для этого воздействия. Объектом социального проектирования может быть человек как общественный индивид, социальная структура и её элементы, системы материального и духовного производства и их элементы и подсистемы, различные общественные отношения, а также элементы образа жизни. Предметом же социального проектирования является создание социальных ценностей.

Назначение любого социального проекта — изменение социальной среды, т. е. осуществление социального нововведения. Целью проектной деятельности является создание, модернизация либо адаптация некоторой социально значимой для общества ценности к изменившимся условиям. Отличительной чертой социального проекта можно назвать его пространственно-временные и ресурсные границы. В процессе социального проектирования устанавливается степень соответствия показателей социальной реальности и социальных нормативов. Для эффективности воплощения проектной деятельности необходимо, чтобы воздействие данного проекта на людей признавалось ими как положительное по своему социальному значению [4, с. 43]. Нужно также отметить, что в проекте отражено желаемое состояние системы.

При создании социального проекта всегда решаются именно социальные задачи, независимо от того, каким является объект дан-

ного проекта (социальным, экономическим, производственным, юридическим и т. д.). Это позволило выработать общие базовые принципы социального проектирования. В их число входят: принцип «проживания» обществом новых ценностных оснований своей деятельности, своих норм взаимодействия; принцип саморазвития (источником развития общества может быть лишь потребность самого общества); принцип социальной ответственности (проект не должен противоречить нравственным нормам); принцип социальной компетентности; принцип непрерывного образования широких слоев населения (проектирование требует большого количества новых знаний и умений); принцип согласования целей и баланс интересов субъектов социального проектирования (готовность субъектов социального проектирования к согласованию своих целей и созданию баланса интересов); принцип открытости будущему (способность к выдвижению перспективных стратегических идей и консолидации субъектов социального проектирования вокруг них); принцип автономности сообщества (признание права сообщества на существование и собственный путь развития) [5, с. 184–186].

Но для социального проекта мало выяснить его цели и векторы развития, необходимо также правильно выразить их в некоторых показателях. Для этого в социальной науке существуют строго определенные этапы, формы и методы разработки социального проекта, четкое соблюдение которых дает высокую гарантию успешного выполнения проекта.

Благодаря обширной разработке методологической базы социального проектирования результаты проектной деятельности все чаще стали учитываться при принятии различных государственных решений. Но, к сожалению, это делалось не всегда, и в истории существуют подтверждения тому. Ярким примером служит так называемая кукурузная эпопея (1955–1962 гг.), устроенная Н. С. Хрущёвым. Здесь четко прослеживается несоблюдение необходимых этапов разработки и, как следствие, отсутствие социальной диагностики данного проекта на предмет жизнеспособности. Сегодня очень радует тот факт, что любой проект перед воплощением проходит соответствующую экспертизу, что предотвращает реализацию заранее неэффективных проектов.

Библиографический список

1. Луков В. А. Социальное проектирование: учебное пособие. 8-е изд., перераб. и доп. М., 2009.

2. Спирова Э. М. Социальный хаос // Социология в современном мире: наука, творчество, образование. Вып. 5 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2013.

3. Бестужев-Лада И. В. Теоретико-методологические проблемы нормативного социального прогнозирования. М., 1986.

4. Крючков Ю. А. Теория и методы социального проектирования. М., 1998.

5. Коган Л. Н., Панова С. Г. Социальное проектирование: его специфика, функции и проблемы // Методологические аспекты социального прогнозирования. Красноярск, 1981.

Ф. С. Мелиев (Барнаул)

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ ГРАЖДАН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Человек в современном мире живет среди такого обилия информации, что его жизнь и деятельность становится прозрачной для государства и общества, поэтому желание сохранить «информационную приватность» становится все более настойчивым. Так как сейчас стремительными темпами развиваются информационно-телекоммуникационные технологии, происходит их внедрение во все сферы жизни общества и государства, многочисленные картотеки переводят в цифровую форму, — все это заставляет людей задуматься о защите этой информации. Внедрение новых технологий, конечно, ощутимо упростило сбор, обработку, хранение, передачу данных, но в то же время создало очевидную угрозу их незаконного оборота и нарушениям прав личности. Данную проблему в своих работах, в частности, рассматривают В. В. Нагайцев [1, с. 44–45] и С. А. Воронина [2, с. 196–197].

Персональные данные (данные) — информация, которая имеет приватный характер по отношению к своему владельцу. Основное отличие персональных данных от корпоративных — это то, что при похищении персональных данных ущерб будет нанесен конкретному лицу в первую очередь (а потом возможно по цепочке украсть и данные друзей лица), а при похищении корпоративных данных урон будет нанесен в первую очередь компании, то есть группе лиц (а уже потом конкретно каждому лицу) [3, с. 21].

В законодательстве РФ существуют законы о защите персональных данных частного лица: Федеральный закон от 27 июля 2006 № 152-ФЗ

«О персональных данных» [4, с. 7–54] (далее — Закон № 152-ФЗ), но для его исполнения необходима разработка и внедрение новых ИТ-продуктов, принятие организационных мер и усовершенствование бизнес-процессов организаций.

Одной из проблем, которую породило бурное развитие информационных технологий, стало несанкционированное использование персональных данных граждан в различных целях: начиная от рассылки спама и телефонного маркетинга, заканчивая несанкционированным дебетованием средств с пластиковых карточек и различных форм мошенничества.

Возникновение проблемы объясняется простотой и скоростью сбора и использования такой информации в компьютерных сетях, а также стремящимися к нулю издержками на ее хранение и обработку. Кроме того, во многих случаях (например, сделки в интернет-магазинах) цифровая информация о человеке заменяет саму его личность и физическое присутствие.

Данный Федеральный закон обеспечивает защиту прав и свобод человека и гражданина при обработке его персональных данных, в том числе защиты прав на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну. Хранение персональных данных должно осуществляться в форме, позволяющей определить субъекта персональных данных не больше, чем этого требуют цели их обработки, и они подлежат уничтожению по достижении целей обработки или в случае утраты необходимости в их достижении.

Юридические или физические лица при обработке персональных данных обязаны принимать необходимые организационные и технические меры для защиты персональных данных от неправомерного или случайного доступа к ним, уничтожения, изменения, блокирования, копирования, распространения персональных данных, а также от иных неправомерных действий [5, с. 46–51].

Правительство Российской Федерации устанавливает требования к обеспечению безопасности персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных, материальным носителям биометрических персональных данных и технологиям хранения таких данных вне информационных систем персональных данных.

Организации или физические лица до начала обработки персональных данных обязаны уведомить уполномоченный орган по защите прав субъектов персональных данных о своем намерении осуществлять обработку персональных данных, за исключением следующих случаев:

- 1) относящихся к субъектам персональных данных, которых связаны с трудовыми отношениями;
- 2) полученных в связи с заключением договора, стороной которого является субъект персональных данных, если персональные данные не распространяются, а также не предоставляются третьим лицам без согласия субъекта персональных данных и используются исключительно для исполнения указанного договора и заключения договоров с субъектом персональных данных;
- 3) относящихся к членам (участникам) общественного объединения или религиозной организации при условии, что персональные данные не будут распространяться без согласия в письменной форме субъектов персональных данных;
- 4) являющихся общедоступными персональными данными;
- 5) включающих в себя только фамилии, имена и отчества субъектов персональных данных;
- 6) необходимых в целях однократного пропуска субъекта персональных данных на территорию, на которой находится юридическое лицо, или в иных аналогичных целях;
- 7) включенных в информационные системы персональных данных, созданные в целях защиты безопасности государства и общественного порядка;
- 8) обрабатываемых без использования средств автоматизации.

Предоставление персональных данных из регистра организациям, нотариусам осуществляется по письменному или электронному запросу о предоставлении, удостоверенному в порядке, определяемом МВД, и (или) договору о регулярном предоставлении персональных данных из регистра, заключенному в соответствии с гражданским законодательством, с указанием основания и цели получения персональных данных.

Физическое лицо имеет право запрашивать и получать справки (выписки) из регистра в отношении:

- своих персональных данных и персональных данных физических лиц, законным представителем которых оно является;
- персональных данных других физических лиц, законным представителем которых оно не является, — с письменного согласия физических лиц (их законных представителей), персональные данные которых запрашиваются.

Распорядителем регистра населения будет являться МВД, а записи в него будут вноситься различными государственными органами в рамках их компетенции.

Субъекты РФ обязуются выполнять данное законодательство и контролировать его исполнение на местах в форме постановлений [6, с. 3].

Библиографический список

1. Нагайцев В. В. Конфликтность населения в регионе // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. Вып. 7 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2015.
2. Воронина С. А. Роль информации в социокультурном развитии общества // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. Вып. 7 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2015.
3. Обеспечение защиты персональных данных (+ CD-ROM) / И. Баймакова, А. Новиков, А. Рогачев, А. Хыдыров. М., 2011.
4. О персональных данных : Федеральный закон. СПб., 2013.
5. Борисов М. А. Особенности защиты персональных данных в трудовых отношениях. СПб., 2012.
6. О внесении изменения в Постановление администрации города от 11.01.2010 №9 «Об утверждении положения об обработке и защите персональных данных в информационных системах администрации города Барнаула, иных органов местного самоуправления города Барнаула» : Постановление № 173 от 26.01.2011 (в ред. постановления № 463 от 08.02.2010) // Вечерний Барнаул. 2011. № 14.

М. П. Микова (Барнаул)

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА УЧАСТКОВЫХ УПОЛНОМОЧЕННЫХ ПОЛИЦИИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Основная задача правоохранительных органов заключается в охране права, закона, норм, присущих различным сторонам жизни общества. Сотрудники полиции «акцентируют или отстаивают позицию государства и общества, аккумулируют в человеке те качества, которые позволяют ему решать жизненно важные вопросы от имени или по разумению буквы закона» [1, с. 206].

На всех этапах развития российского государства важное место в решении этих вопросов занимал и занимает исторически сложившийся институт участковых уполномоченных вначале милиции, а затем полиции. Участковый является первичным звеном в цепи взаимодействия граждан и правоохранительных органов. Именно участ-

ковые отвечают за общественный порядок на подведомственной им территории и владеют наиболее полной информацией о лицах, проживающих на данном участке. «В основном по итогам работы участковых уполномоченных оценивается деятельность всей системы органов внутренних дел целиком, на основании чего можно судить о доверии российских граждан к органам правопорядка» [2, с. 6].

Активное развитие этого института обусловлено действием целого ряда факторов:

- «разбросанность, значительная удаленность сельских населенных пунктов от районных центров и недостаточная интегрированность городского населения в различных городах России;
- неразвитость или отсутствие в отдельных регионах России различных видов связи (транспортной, телефонной, телеграфной), особенно на удаленных от районных центров участках;
- с учетом кризисных явлений, особенно в социальной сфере, в сфере труда, быта и досуга населения (распад многих общественных объединений и институтов, оказывавших воспитательное-профилактическое воздействие на население; рост безработицы; увеличивающееся количество беженцев и переселенцев из конфликтных регионов России) резко усложнилась работа участковых уполномоченных полиции как в городах, так и в сельской местности» [3].

Характерные особенности института участковых уполномоченных по сравнению с представителями других служб и подразделений полиции заключаются в следующем:

1. Комплексность и многофункциональность деятельности. В отличие от сотрудников любого подразделения, решающих, как правило, лишь одну из задач органов внутренних дел, участковые уполномоченные работают по всем направлениям. Кроме того, они обязаны, в пределах своих полномочий, оказывать содействие депутатам представительных органов государственной власти и органов местного самоуправления, должностным лицам государственных органов исполнительной власти.

2. Особенность правового статуса. Здесь непосредственно отражается принцип подчинения по вертикали и горизонтали.

3. Порядок назначения. Участкового уполномоченного назначают на должность, как и начальника органа внутренних дел (по согласованию с администрацией города, района).

4. Территориальный принцип использования. Участковые уполномоченные исполняют свои функции на постоянно закрепленной территории района, города (участка).

5. Зависимость содержания и объёма работы участковых от наличия специализированных служб и их подразделений в органах внутренних дел. «В связи с тем, что во многих органах нет специализированных подразделений для осуществления некоторых функций по охране общественного порядка и борьбе с преступностью (кроме ОМОН), то они выполняются участковыми уполномоченными» [3]. Например, отсутствие патрульно-постовой службы, штатных сотрудников, занимающихся вопросами лицензионно-разрешительной системы, приводит к тому, что их обязанности возлагаются на участковых уполномоченных полиции. Такое же положение наблюдается и с обеспечением паспортного режима (временной регистрации граждан), выполнением функций медицинских вытрезвителей и кабинетов профилактики (особенно в сельской местности).

Здесь важно отметить негативный момент такой организации работы участковых — неоправданное и систематическое отвлечение сотрудников для выполнения текущих оперативно-служебных задач вне территории обслуживания.

6. «Процесс становления профилактической службы в полиции во многих органах внутренних дел, особенно в сельских, идет весьма сложно. И основная работа по профилактике правонарушений также выполняется участковыми уполномоченными. С этой проблемой связаны и вопросы организации взаимодействия органов внутренних дел с добровольными народными дружинами и другими общественными объединениями. Во многих ОВД делаются попытки возрождения дружин, восстановления работы общественных пунктов охраны порядка, но материальные трудности (денежные ресурсы) пока не позволяют создать их в необходимом количестве» [3].

7. Участковые являются источником концентрированной информации об обстановке и жизни населения на той или иной территории района, города. Этот источник позволяет сотрудникам других служб и подразделений своевременно получать сигналы о состоянии оперативной обстановки на участках по линиям своей деятельности.

8. Участковый уполномоченный полиции, относительно других представителей органов внутренних дел, находится ближе всех к населению. Это можно объяснить не только характером работы, кругом решаемых задач, но и тем, что большую часть рабочего времени он должен проводить на территории участка среди его населения. В связи с этим жители участка обычно обращаются за помощью именно к нему, причем по очень широкому кругу вопросов.

9. В связи с большим количеством информации, чаще всего негативного характера, а зачастую и опасностью работы, участковый дол-

жен обладать соответствующим набором профессиональных и личностных качеств.

Участковых уполномоченных полиции вполне можно назвать лицами органов внутренних дел, их считают фундаментом всей правоохранительной системы. «Сегодня служба участковых уполномоченных полиции — обновленная, претерпевшая серьезную реорганизацию система подразделений в составе органов внутренних дел, со своими, еще не до конца решенными проблемами, но широкими перспективами» [4, с. 263]. Значимость этого института подтверждается богатой историей его становления и развития, большим количеством выполняемых функций, универсальностью деятельности, а также необходимостью причастности участковых к жизни населения.

Библиографический список

1. Попов Е. А. Судебная власть в социокультурной реальности // Социология в современном мире: наука, образование, творчество: сборник статей. Вып. 5 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2013.

2. Козаев С. Институт участковых — важный фактор в деле охраны общественного порядка и безопасности // Южная Осетия: республиканская общественно-политическая газета. 2015. № 18.

3. Правовое положение участковых уполномоченных полиции. — Август, 2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://magref.ru/pravovoe-polozhenie-uchastkovyih-upolnomochennyih-politsii/>

4. Фаткуллин Б. Х., Садрисламов А. К. Исторические тенденции развития института участковых уполномоченных полиции // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 6..

Р. К. Муродалии (Барнаул)

СПЕЦИФИКА ЗАЩИТ ПРАВ МИГРАНТОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Правовой статус мигранта носит временный характер — в дальнейшем он либо натурализуется (получает гражданство страны своего проживания и работы), либо отбывает на территорию государства, гражданином которого является. Специфика его правового положения состоит также в том, что вне рамочных конвенций и международных соглашений, ратифицированных принимающей стороной и вступивших в законную силу на момент въезда на ее терри-

торию обозначенного лица, легитимность его статуса всецело зависит от норм национального законодательства, которые в каждом отдельном государстве обладают своей спецификой.

Правовое положение мигрантов в России можно рассмотреть на примере действия принципов конституционно-правового статуса личности применительно к иностранным гражданам в сравнении с действием таких принципов в отношении собственных граждан государства, а также с помощью выявления непосредственно принципов конституционно-правового положения иностранных граждан. В отношении конституционно-правового статуса иностранных граждан можно сказать, что принципы такого статуса — это закрепленные в конституции и иных законах основные, исходные положения для формирования и развития статуса иностранцев в целом и отдельных его элементов, руководящие идеи для возникновения и существования отношений с участием данных лиц. Закрепление принципов статуса личности, в том числе статуса иностранцев, на самом высоком уровне (в нормах конституций, конституционных актов) позволяет говорить об их учредительном характере [1]. Принципы представляют собой ту основу всего статуса личности, в нашем случае — статуса иностранцев, которая не должна подлежать изменению в течение длительного времени, поскольку ее изменение или разрушение повлечет за собой изменение или разрушение всего статуса. Названному принципу в Конституции РФ посвящена ст. 19, в ч. 1 которой установлено равенство всех перед законом и судом, а в ч. 2 — «равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств».

Кроме того, ч. 3 ст. 19 Конституции РФ касается такого аспекта принципа равноправия, как равенство между мужчиной и женщиной, которое, безусловно, распространяет свое действие и на отношения с участием иностранных граждан. Выделяют близкие по содержанию принципы гарантированности и защиты прав и свобод человека и гражданина. Принцип гарантированности означает «необходимость материального обеспечения осуществления прав и свобод, исполнения обязанностей, создания процессуальных механизмов их реализации, защиту интересов личности» [2]. Сущность и значение принципа защиты прав и свобод выражаются в требовании точного и неуклонного соблюдения и исполнения Конституции, законов и основанных на них правовых актов всеми государственными

ми органами, учреждениями, общественными организациями, должностными лицами и гражданами.

Данные принципы направлены на создание условий для реализации гражданами, в том числе иностранными, прав и обязанностей. Представляется, что принцип защиты прав и свобод суть часть более широкого по содержанию принципа гарантированности прав и свобод, действие которого тесно связано с одним из элементов конституционно-правового статуса иностранцев, а именно с гарантиями статуса. Также следует отметить, что рассматриваемый принцип проявляется и в нормах, устанавливающих комплекс прав на судебную защиту (презумпция невиновности, право на получение квалифицированной юридической помощи, в том числе помощи адвоката — ст. 46–54 Конституции РФ).

Человечность в отношении к людям, уважение личности, уважение ее прав и свобод предполагает такой принцип правового положения личности, как гуманизм. Принцип гуманизма закреплен в ст. 2 Конституции РФ: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства». В отношении регламентации конституционно-правового статуса иностранных граждан принцип единства прав и обязанностей означает соответствие правам иностранцев определенных обязанностей государства их пребывания (проживания) и наоборот. Соблюдение своих обязанностей одним есть гарантия реализации права другим, именно поэтому рассмотрение указанного принципа в качестве одного из принципов определения статуса иностранных граждан необходимо.

Среди принципов определения статуса личности выделяют также соответствие статуса личности в государстве требованиям и стандартам, сложившимся в международном сообществе. Согласно ч. 4 ст. 15 Конституции РФ «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора». Следовательно, нормы международного права признаются в России источником права и, соответственно, могут влиять на регулирование различных отношений, поэтому представляется, что названный принцип следует учитывать при регулировании конституционно-правового положения не только собственных граждан государства, но и иностранцев. Причем на такое регулирование будут оказывать воздействие нормы международного права,

провозглашающие и гарантирующие права и свободы человека (например, Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. и др.).

Библиографический список

1. Конституция РФ. М., 2014.
2. Арбузкин А. М. Государственно-правовой статус иностранцев в зарубежных социалистических странах Европы : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1980.

А. С. Доровских (Барнаул)

ОБУЧЕНИЕ ПЕРСОНАЛА КОМПАНИЙ ГОРОДА БАРНАУЛА С ПОМОЩЬЮ БИЗНЕС-ТРЕНИНГОВ

Научный руководитель — В. В. Нагайцев

Организация внутрифирменного обучения персонала коммерческих компаний становится все более актуальной темой для современного бизнеса. Руководители предприятий осознают, что развитие разнообразных навыков и компетенций персонала — это важнейшее преимущество их компаний на конкурентном рынке региона. Если раньше работа специалиста по кадрам предприятия заключалась в основном только в приёме и увольнении персонала, ведении трудовых книжек, фиксировании заслуг и т. д., то в настоящее время «фронт работ» значительно расширился. Стремительное развитие российского бизнеса ставит перед руководителями компаний необходимость постоянного дополнительного обучения персонала для эффективной работы в новых рыночных условиях. В сравнении с началом и серединой 1990-х гг. компаниям становится все сложнее отстаивать свои позиции на рынке товаров и услуг, если они оказались далеко не первыми в своем сегменте этого рынка или не занимают, в силу ряда причин, доминирующего положения. В борьбе за клиентов предприятию необходимо уделять внимание развитию, мотивации, обучению своего персонала для достижения высоких показателей. В связи с этим многие компании стали искать новые возможности внутри собственного предприятия и выбрали стратегию — «преимущество своего персонала надо увеличивать в сравнении с персоналом конкурентов». Чтобы оформить это преимущество, уже не так давно стали

использоваться бизнес-тренинги для обучения персонала в самых различных направлениях.

Бизнес-тренинг позволяет в минимальные сроки практико-ориентированно подготовить персонал компании к довольно широкому кругу задач и обеспечить высокий уровень его эффективности в работе. Обучение персонала сегодня является действенным средством достижения стратегических целей и задач компаний. Исследователи образовательных возможностей бизнес-тренингов в развитии персонала компаний делают только первые шаги и, как правило, их работы носят междисциплинарный характер. Л. А. Петровская еще в 1982 г. выпустила монографию, посвященную теоретическим и методологическим аспектам исследования содержания социально-психологического тренинга [1]. В статьях А. Барышевой представлен анализ влияния бизнес-тренингов на развитие организации и бизнеса в целом. Также необходимо отметить работы таких авторов, как А. Бычков, Ж. Завьялова, А. Новикова, С. Буссуднова, А. Савкин, посвященные процессам внутрифирменного обучения. С. И. Сотникова определяет обучение персонала как процесс накопления человеческого капитала путём непосредственной передачи профессиональных знаний, навыков сотрудникам организации [2, с. 10].

Американские специалисты в области организационного развития понимают под понятием «обучение персонала» процесс получения, развития и усвоения знаний, навыков, профессиональных представлений, выходящих за рамки их узкой сферы деятельности и позволяющих решать более глобальные и значимые задачи [3, с. 66]. Анализ отечественных и зарубежных публикаций по данной проблематике за последние 5 лет выявил, что применительно к персоналу организаций, понятия «обучение» и «развитие» тождественны, часто употребляются авторами как синонимы.

Согласно классификации, приведенной М. И. Магурой, все формы обучения персонала компании можно разделить на три группы: традиционные, активные формы и обучение на рабочем месте. Наибольшее распространение сегодня получили активные методы обучения: тренинги, групповые обсуждения, деловые и ролевые игры, работа над решением практических ситуаций и другие формы, относящиеся, по большому счету, к одному методу — тренингу [4, с. 85]. Метод активного обучения заключается в имитации рабочего процесса, который необходимо изучить и освоить персоналу компании, где проводится тренинг. В тренингах используют методы активного характера, не исключая в правильных пропорциях традиционных методов (лекций), для достижения наиболее качественных результатов.

Определение цели бизнес-тренинга — очень важная задача, она зависит от интересов компании, профессионализма и квалификации работников, демографических и социально-психологических характеристик персонала. Для того чтобы сформировать содержание программы бизнес-тренинга и методов обучения, необходимо установить реальные потребности компании. Многие руководители предприятий Барнаула недооценивают значение обучения персонала таким навыкам, как стрессоустойчивость, бесконфликтность, развитие памяти и внимания, умение работать в команде и др., соответственно, не собираются за это платить. Специалисты в области тренингов Роберт Бакли и Джим Кэйпл отмечают, что сегодня многие успешные предприниматели признают справедливость следующего высказывания: «Если обучение и тренинг кажутся вам слишком дорогим удовольствием, то посчитайте, сколько стоит невежество» [3, с. 16]. По результатам экспертного опроса руководителей и специалистов крупных компаний Барнаула ($n = 168$), проведенного в 2015 г., нами было выявлено, что многие компании города могут себе позволить услуги бизнес-тренера. Это при том, что стоимость данных услуг в Барнауле — одна из самых низких в России. Также можно говорить о высокой степени недоверия бизнес-тренерам, которая формируется вследствие неудачного опыта респондентов, участвовавших ранее в бесплатных тренингах. 48% опрошенных руководителей проводили когда-либо бизнес-тренинги своего персонала. Проблема заключается в том, что они не обращали должного внимания на содержание программы тренинга, в которых принимал участие их главный ресурс — персонал организации.

Грамотно проведенный тренинг позволяет персоналу компании быстро приобрести и выработать конкретные знания, умения и навыки, необходимые для выполнения определенной работы. Бизнес-тренинг, если он проводится в форме свободного диалога, расширяет кругозор сотрудников и вооружает их инструментами, которые могут им помочь справиться с текущими и будущими проблемами [5, с. 226].

В социологическом исследовании приняли участие 168 респондентов, ранее принимавших участие в проводимых в Барнауле бизнес-тренингах. По результатам исследования получается, что респонденты поучаствовали в таких тренингах, как командообразование (65,7%), развитие лидерства (47,1%), ораторское мастерство (44,1%), активные продажи (38,2%) и эффективное управление конфликтами (27,9%). Менее популярными являются тренинги, направленные на самопознание (22,1%), по тайм-менеджменту (20,6%), работе с эмоциями (16,2%), стресс-менеджменту (управлению стрессами)

(16,2%) и на развитие уверенности в себе (16,2%). Стоит отметить распределение ответов респондентов на вопрос: «По какой причине Вы посещали данные тренинги?»: 27,6% респондентов участвовали в бизнес-тренингах по рекомендации работодателя, а 72,4% проходили тренинги по собственной инициативе. В результате исследования выявлено, что организация обучения персонала с помощью бизнес-тренингов в Барнауле находится на крайне низком уровне и требует качественных изменений.

Переход России к рыночной экономике поставил перед современными компаниями ряд принципиально новых задач, важнейшая из которых — максимально эффективное использование кадрового потенциала. Корпоративное обучение посредством бизнес-тренингов сотрудников представляет собой особую, специально организованную форму развития специалистов в процессе трудовой деятельности, направленную на повышение их профессиональной компетентности, конкурентоспособности в соответствии со стратегией компании. Сегодня рынок г. Барнаула предъявляет всё более и более высокие требования к квалификации персонала, его способности быстро адаптироваться к изменениям внешней среды [6].

Библиографический список

1. Петровская Л. А. Теоретические и методологические проблемы социально-психологического тренинга. М., 1982.
2. Сотникова С. И. Управление карьерой : учебное пособие. М., 2011.
3. Бакли Р., Кэйпл Дж. Теория и практика тренинга. СПб., 2006.
4. Магура М. И. Современные персонал-технологии. М., 2013.
5. Попов Е. А. Проекция социального: человек и социальная безопасность // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. Вып. 7 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2015.
6. Пустовалова Е. В. Коммуникативные отношения в социальных сетях человека // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. Вып. 4 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2012.

Г. В. Оболянский (Барнаул)

ВЕЛИКОДЕРЖАВНОСТЬ И ПАТРИОТИЗМ РОССИЯН КАК ПРЕДМЕТ ПОЛЕМИКИ И ДИСКУССИИ

В конце 2014 г. российские социологи под руководством Института социологии РАН провели общенациональное социологическое исследование на тему: «Российское общество в контексте новых реалий». Один из выводов, сделанных по результатам исследования, заключался в том, что в массовом сознании россиян усилились патриотические настроения и что в числе российских граждан доля этатистов-державников в разы (около 60%) превышает долю последовательных либералов (последних 8%). Первые видят путь к повышению роли России в мире через возвращение к национальным традициям и статусу ее как великой державы, а вторые — через идеи прав человека, демократии и сближение с Западом [1, с. 21].

Россияне хотят видеть свою страну сильной, экономически развитой, но не агрессивной. Доля респондентов с экспансионистскими, имперскими умонастроениями («получить контроль над бывшими территориями СССР»), составляет всего 8% [2, с. 3].

И, тем не менее, идеологи холодной войны на Западе и интеллектуалы, представляющие политическую оппозицию в России, всполошились. Известный в прошлом антисоветчик и нынешний идеолог холодной войны Збигнев Бжезинский призвал американских конгрессменов к ужесточению санкций против России, что, по его мнению, должно вывести россиян из «экстаза великодержавности» [3]. Тема великодержавности россиян и имперских амбиций президента РФ В. В. Путина активно муссируется в зарубежных средствах массовой информации, а также в российской оппозиционной прессе, в Интернете; ей немало уделяют внимания блогеры в социальных сетях.

Диапазон полемики и дискуссии достаточно широк: от язвительно-иронических высказываний по поводу патриотической любви россиян к «олигархическому государству» и «авторитарному президенту» до обстоятельных публикаций с претензией на объективизм критического анализа великодержавных, имперских настроений российских граждан. Под огонь критики попали «экспансионистские действия» (присоединение Крыма), военное присутствие («москальский сапог») России на юго-востоке Украины, «возрождение сталинского искусства повелевать» и даже имперская великодержавность русского национального поэта А. С. Пушкина, который «приветствовал подавление польского восстания 1830–1831 годов» [4].

Типичным примером язвительно-иронического юмора в журнале «Самиздат» являются стихотворные писания Захара Свободина: «Российская империя жива, / Хоть хоронили раз и два. / Она жива и «процветает», / А денег так и не хватает». Практикуется также переложение на язык юмора патриотических песен популярными исполнителями Алексеем Гомоном («русский парень от пуль не бежит / русский парень в огне не горит, / русский парень в воде не тонет...») и Олегом Газмановым («Я родился в СССР...»): «Украина и Крым, Беларусь и Молдова / Это — моя страна...» И в этой стране действует имперский русский супермен в водонепроницаемом костюме, с титановыми нервами. «Эх, не дай бог, заржавеют...» [5].

Для политической оппозиции явилось поводом для претензий, если не к самой российской власти, то к Русской православной церкви, близкой к этой власти, то, что она официально поддерживает и вдохновляет великодержавные настроения россиян. Как известно, в своем Соборном слове при открытии XVIII Всемирного русского народного собора (11 ноября 2014 г.) патриарх Кирилл в качестве *идеологической модели* для современной России предложил формулу: «вера — справедливость — солидарность — достоинство — державность». По его мнению, сегодня для духовного единения россиян требуется взять «все самое лучшее и ценное из различных эпох нашей истории в великом синтезе религиозных идеалов Древней Руси, государственных и культурных достижений Российской империи, социальных императивов солидарности и равенства, провозглашенных в советском обществе, справедливое стремление к осуществлению прав и свобод граждан в постсоветской России» [6].

Полемика и дискуссия осуществляется по следующим направлениям:

- в чем проявляется настоящее величие России?
- специфика русской модели имперского сознания;
- российская идентичность: есть ли альтернатива великодержавности?
- «Русский мир» и «Русский вопрос» в контексте проблемы великодержавия;
- русский патриотизм и русский национализм;
- хотят ли русские войны? и др.

Проблемы, касающиеся великодержавных настроений россиян, примерно в этот же период были зафиксированы социологической службой Левада-Центра. 68% жителей Российской Федерации назвали свою страну *великой державой*. На вопрос, что входит в понятие «великая держава» 60% россиян (наибольшее количество из числа

опрошенных) ответили: «высокое благосостояние граждан» и «экономический и промышленный потенциал страны». В понятие «великая держава» вошли также такие характеристики, как «военная мощь и наличие ракетно-ядерного оружия» (44%), «великая культура, наука и искусство» (23%) и т. д. И лишь 19% из числа опрошенных сказали, что не чувствуют, что живут в великой державе [7].

Такие настроения россиян вызвали неудовольствие недоброжелателей России, обосновавшихся в ближнем и дальнем зарубежье. Многие из них носят русские фамилии. Свое неудовольствие они выражают в антироссийских публикациях в зарубежных СМИ, в Интернете и других изданиях.

Профессор Госуниверситета Или (Грузия) Олег Памфилов посвятил свои изыскания теме: что такое величие и в какой мере соответствует этому определению понятие «великая Россия». Да, Россия, пишет он, действительно огромная страна, с большим сырьевым потенциалом. «Газа и нефти завались, всяких руд, драгоценных камней, лесов, полей и рек столько, что если бы у Японии был бы только один процент российского ископаемого и природного добра, то японцы давно бы жили в 25 веке». Но Россия сама мало что производит, да и то по иностранным лицензиям, талантливых людей немало, но многие из них уехали за границу. Профессор, однако, видит причину этих и других недостатков не в либерально ориентированной на Запад экономической политике российского правительства, которое называют «пробанкирским», а в том, что в этой стране, дескать, подлинное величие подменяется манией величия, и что «власть рада большому проценту «великодержавников», но совсем не рада тому, что население хочет жить в развитой стране, а не «на великой бензоколонке» [8].

Россию и президента В. В. Путина обвиняют в имперских амбициях. Перед участием в юбилейной сессии Генеральной Ассамблеи ООН (сентябрь 2015 г.) президент России, отвечая на вопросы корреспондента американского телеканала, сказал, что он гордится Россией и что нам есть чем гордиться, но «у нас нет какого-то фетиша по поводу супердержавности России на мировой арене». Что касается высказывания президента о том, что он считает распад Советского Союза огромной трагедией XX в., то это потому, что «в одночасье за границами Российской Федерации оказались 25 миллионов русских людей. Они жили в единой стране, вдруг оказались за границей. Русские оказались самой большой разделенной нацией в мире сегодня...» А «нас все время подозревают в каких-то амбициях и все время стараются чего-то исказить либо чего-то недоговорить» [9].

Обвинения в великодержавности и имперских амбициях наши зарубежные и отечественные недоброжелатели пытаются обозначить как одну из черт русского менталитета, сложившуюся со времен царского самодержавия. Однако оценки российского самосознания во многом могут зависеть от того, какие языковые средства используют исследователи. Словосочетание «имперские установки русских» вполне можно заменить словосочетанием — «чувство национальной гордости великороссов». И это будет вполне справедливо.

Осознание чувства принадлежности к Великой России складывалось у россиян веками. И нам не стыдно гордиться тем, что она простирается от Балтики до Тихого океана, от южных морей до Полярного края. Прав, на наш взгляд, петербургский философ Г. Тульчинский, когда говорит, что запрос на державность надо объяснять прежде всего глубинными установками общества. Человеку важен не столько материальный комфорт, сколько комфорт психологический. «Запрос на принадлежность к великой державе — это не просто мечта маленького капрала о принадлежности к великой армии — это запрос на доверие и сплоченность» [10].

Кроме того, у россиян возникло чувство удовлетворенности и доверия своему президенту в связи с тем, что наша страна «встала с колен» и после долгих лет уступок и отступлений продемонстрировала свою способность быть независимой и жестко утверждать свои национальные интересы на мировой арене.

«Имперскость» нашего сознания проявляется в современных условиях не в стремлении к захвату новых территорий, а в ревностных чувствах и в обидах по поводу, например, утраты прежнего влияния русского языка в странах ближнего зарубежья. Так, на Украине, где проживает почти половина русских по национальности людей, президент Порошенко объявляет двуязычие — английского и украинского языка. В Казахстане к 2020 г. планируется переход с кириллицы на латинский алфавит, а многие города и села с русскими названиями теперь звучат в казахском произношении, например, пос. Бурабай вместо Боровое, город Семей вместо Семипалатинск, Оскемен вместо Усть-Каменогорск и т. д.

Но дело даже не в названиях. Здесь надо вспомнить Н. А. Бердяева, который весьма критично относился ко многим качествам русского народа, в том числе к «его неслыханному сервилизму, жуткой покорности, инертному консерватизму», но никогда Бердяев не упрекал русских в имперских амбициях. «Россия — самая не шовинистическая страна в мире... Русскому народу совсем не свойственен агрессивный национализм, склонности насильственной русифика-

ции. Русский не выдвигается, не выставляется, не презирает других. В русской стихии поистине есть какое-то национальное бескорыстие, жертвенность, неведомая западным народам» [11, с. 13].

В общественно-политическом дискурсе по поводу российской великодержавности и патриотизма значительное внимание уделяется *проблемам «русского мира»*, а также *«русскому вопросу»*.

Впервые слова «русский вопрос» прозвучали в 1946 г., когда известный писатель Константин Симонов написал пьесу с одноименным названием. Речь в ней шла о пересмотре отношения к русским со стороны воинствующих кругов американского истеблишмента, так называемых ястребов. Журналистам предлагалось написать книгу под названием «Десять причин, по которым русские хотят войны» [12, с. 15]. Как ни странно, но сегодня вопросы типа «хотят ли русские войны?», «готовы ли русские завтра в поход?», «зачем мы воюем в Сирии?» и подобные ставятся не только в зарубежной, но и в отечественной прессе.

Впрочем, проблема «Русский вопрос» приобретает сейчас полемический характер в несколько иной плоскости. С присоединением Крыма к России на первый план снова выдвигается «русская тема», в основе которой лежат рассуждения о необходимости воссоединить «разделенный русский народ», защитить интересы русских и их права на свой язык и культуру. Авторы пытаются рассматривать современные атрибуты (признаки) «русскости». Как отмечают ученые Центра комплексных социальных исследований Института социологии РАН, травмы, нанесенные русскому самосознанию после распада СССР, дают о себе знать, с одной стороны, «в виде всплесков агрессивного национализма и, напротив, в нарастающей апатии, утрате национальной энергетике, разрыве культурных и поколенческих связей — с другой» [13, с. 83–84].

Готовность большинства населения к переменам в жизни обернулась для многих личными разочарованиями в их результатах [14, с. 61].

Понятие *«русскость»* может рассматриваться в разных аспектах: во-первых, как характеристика некоторых черт русского национального характера; во-вторых, как состояние умов определенной части российских граждан, в том числе молодежи, «сторонников преимущественных прав для русских в российском многонациональном государстве»; в-третьих, как постановка вопроса «Кого можно считать русским?», где сталкиваются два подхода к определению: культурологический (через принадлежность к русской культуре и владение русским языком) и по крови (по происхождению); в-четвертых, гово-

рят о геополитическом проекте «Русский мир», имея в виду, что слово «русский» указывает на исторические корни общности, берущей начало в Древней Руси, а в слово «мир» вкладывается значение «весь свет», «все люди».

Если говорить о национальных чертах, то можно привести в пример высказывания студентов-англичан, характеризующих особенности своих сокурсников — русских студентов. В частности говорят о *честности*, под которой понимается прямота и откровенность высказываний, не стесняемая условностями речевого этикета. То, о чем в Англии принято умалчивать из такта и соображений хорошего тона, в России выговаривается без обиняков и околичностей. Вторая черта — *дружелюбие*. Поначалу россияне держатся замкнуто и сурово и гораздо менее склонны к любезности и улыбке, чем это принято в Европе. Но когда с ними познакомишься, и они начинают воспринимать тебя как своего, отношения быстро переходят в тесный дружеский регистр. Третья положительная черта — *культурная жизнь*, обилие событий, всюду что-то происходит даже в малых городах, есть куда пойти, что посмотреть, с кем пообщаться [15, с. 185–186].

Но в политическом дискурсе российская оппозиция и зарубежные оппоненты полемические выпады направляют прежде всего против так называемого концепта Русский мир. Говорят обычно о двух трактовках этого понятия.

Первая трактовка. Можно говорить о наиболее адекватном и поддерживаемом в российском обществе понимании Русского мира как *особой цивилизации* со своими традициями и ценностями, исторически сложившимися в ходе развития нашей многонациональной страны. Правда, по отношению к этой трактовке нет четкой позиции самого государства. Ряд ученых считает, что в этой концепции просматривается противопоставление Русского мира Европейскому Союзу, а также идее «Большой Европы», своего рода евроазиатского союза, предлагавшейся некогда М. Горбачевым [16, с. 54].

Вторая трактовка Русского мира предлагается политической оппозицией и зарубежными оппонентами: «...концепция Русского мира является *политическим лозунгом*, отражающим постимперские настроения части российской элиты». Главным идеологом этой второй концепции, по мнению зарубежных критиков, является глава Русской православной церкви (РПЦ) патриарх Кирилл, поскольку ему приписывают слова: «Россия, Украина и Беларусь — это и есть Святая Русь». Понятно, что глава Украинской православной церкви (УПЦ) Филарет заявил: «Под этой благозвучной вывеской (объединение в единое духовное пространство. — Г. О.) кроется имперская идея

лишения Украины ее государственности и независимости». В Казахстане также забеспокоились: дескать, патриарх Московский и Всея Руси Кирилл на торжественном приеме по случаю празднования Дня православного казачества отнес и Казахстан к пространству Святой Руси. «Все помнят, — пишет по этому поводу казахский публицист Рашид Галипов, — московскую эйфорию после присоединения Крыма к России и прозвучавший в те дни тезис о «собрании земель русских». А британский мыслитель Т. Гартон-Эш приписал В. В. Путину фразу: «Если вы говорите по-русски, вы принадлежите России» [17].

Еще одно дискуссионное направление и предмет критических высказываний — *русский патриотизм*. Отношение к этому социальному чувству у российской интеллектуальной элиты неоднозначное. Одни называют его квазипатриотизмом, т. е. патриотизмом особого рода, накрепко связанным с возвеличением государства и власти, забывая о такой ценности, как свобода [18, с. 55–67]. Другие как будто стесняются называть себя патриотами, восхищаясь при этом американским и украинским патриотизмом. Подобное отношение к Родине, своему отечеству еще в XIX столетии осуждал известный русский писатель и историк Н. М. Карамзин: «Мы излишне смиренны в мыслях о народном своем достоинстве, — а смирение в политике вредно. Кто самого себя не уважает, того, без сомнения, и другие уважать не будут» [19, с. 282]. А третьи — это большинство россиян, для которых любовь к Отечеству, чувство принадлежности к нему — это вечное чувство. Русские люди могут ругать власть и даже отторгать политическую систему, но они сплачиваются воедино, когда Родине грозит опасность.

Означает ли это, что в патриотическом порыве наши граждане готовы защищать Отечество с оружием в руках? «Хотят ли русские войны?», «Как должна реагировать Россия в случае внешнего вторжения в Крым?» — такие вопросы задал журналист новостного интернет-издания Lenta.ru одному из руководителей Центра комплексных социальных исследований Института социологии РАН В. Петухову. Вариант *силового ответа* выбрало большинство (около 60%) опрошенных. Вместе с тем данные социологического опроса свидетельствуют также, что поддержка Крыма еще не есть свидетельство усиления русского империализма. Более того, мобилизационный потенциал невозможно поддерживать долго. «Когда человек заходит в аптеку и видит, что лекарства, которые стоили вчера 130 рублей, а сегодня стоят 700 рублей, о патриотизме он думает в последнюю очередь. А вообще неправильно допускать такие противопоставления: либо ты любишь свою страну и готов всем пожертвовать, от все-

го отказаться, либо ты законченный эгоист и из своего мещанского мирка тебе наплевать на судьбы Родины. Это ложная альтернатива. У большинства людей сочетается и то, и другое. Люди действительно любят свою страну, и перестали стыдиться ее, как это было в начале 1990 годов» [20].

В заключение можно сказать, что в полемических высказываниях наших российских зарубежных оппонентов много здравого смысла и внешне правильной критики. Но нередко они, как говорится, ломятся в открытую дверь.

Да, россияне хотят видеть свою страну сильной и великой державой, но понимание этого величия не содержит агрессивной направленности. Российское достоинство также обусловлено неприятием попыток поставить Россию в неравное положение, навязать ей роль вассала, которого наказывают за поведение, неугодное господам.

Но российских граждан не привлекает также приписываемая им некая «мессианская составляющая» российского величия. Силу и привлекательность страны граждане видят в создании развитой экономики и достижении достойного уровня жизни, в укреплении национальной культуры и духа. Что касается военного могущества страны, то по этому поводу образно сказал президент В. В. Путин, когда его спросили, кто он: «голубь» или «ястреб»? В ответ прозвучало: «Голубь, но с крепкими железными крыльями».

Библиографический список

1. Прощайте, иллюзии! О новых реалиях российского общества рассказывает директор Института социологии РАН, академик Михаил Горшков // Российская Федерация сегодня. 2015. № 3.

2. Горшков М. К. Сильная, но не агрессивная, или Какой видят свою страну россияне. Беседовал О. Назаров // Литературная газета. 2015. № 10.

3. Бжезинский З. Жесткие санкции выведут россиян из экстаза великодержавности [Электронный ресурс]. URL: //russian.rt.com/inoty/2015-01-20/Bzhezinskiy-zhestkie-sankcii-vivedut-rossiyan/

4. Павлова И. Российская идентичность: есть ли альтернатива великодержавности? // День (Киев). Уа. — газета [Электронный ресурс]. URL: inosmi.ru/russia/20150825/2298522374.html.

5. Свободин Захар. Имперское проклятие России [Электронный ресурс]. URL: //samlib.ru/S/swobodinZ/imperskoeproklyatie... shtml.

6. Официальный сайт Московского Патриархата. Соборное слово XVIII Всемирного Русского Народного Собора [Электронный ресурс]. URL: www.patriarcha.ru/db/text/3837990.html.

7. Железнова М. Великодержавность вместо достатка // Ведомости. 2014. 17 марта.
8. Панфилов О. В чем величие России? [Электронный ресурс]. URL: //ru.krymr.com/coriterit/article/26836200.html.
9. Интервью Президента РФ В. В. Путина американскому телеканалу накануне участия в Генеральной Ассамблее ООН (сентябрь 2015 г.) // Российская газета. 2015. 28 сент.
10. Литвинова Е. Великодержавность — старая/новая идеология России [Электронный ресурс]. URL: // www.cogita.ru/news/debaty/velikoderzhavnost-staraya-novaya-ideologiya-rossii.
11. Бердяев Н. А. Судьба России. М., 1990.
12. Симонов К. Русский вопрос // Симонов К. Собр. соч. : в 10 т. М., 1980. Т. 3.
13. Петухов В. В., Бараш Р. Э. Русские и «Русский мир»: исторический контекст и современное прочтение // Полис. 2014. № 6.
14. Нагайцев В. В. Феномен негативной мобилизации // Социология в современном мире: наука, образование, творчество: сборник статей. Вып. 4 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2012.
15. Черноморова Т. В. Образ России, формируемой британской прессой // Россия и современный мир. 2015. № 2.
16. Саква Р. Новая стена: мифы и ошибки, порождающие украинский кризис // Полис. 2015. № 4.
17. Галипов Р. Здесь Русью и не пахнет // Время (казахстанская газета). 2015. № 122. 13 авг.
18. Оболюнский А. В. Тупики геополитического аморализма и поиска новой парадигмы // Общественные науки и современность. 2009. № 6.
19. Карамзин Н. М. О любви к Отечеству и народной гордости // Карамзин Н. М. Соч.: в 2 т. М., 1964. Т. 2.
20. Уколов Р. «Спасайся, кто может» (хотят ли русские войны?) [Электронный ресурс]. URL: //lenta.ru/articles/2015/04/06/war.

Е. К. Пинигина (Барнаул)

СПОНСОРСТВО КАК ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ИСТОЧНИК ФИНАНСИРОВАНИЯ СПОРТА

Спорт в эпоху глобализации претерпевает трансформацию от культурного исторического явления к социально-политическому. Отличительной особенностью спорта в современном мире является его явная институализация в условиях рыночной экономики и процессов ин-

форматизации общества. Спорт выступает в качестве государственного механизма неадминистративного воздействия на общественное восприятие и коллективное представление [1].

Спорт как социальное явление появляется в рабовладельческом обществе и используется в соответствии с потребностями общественной практики. Наивысшего расцвета физическая культура и спорт достигли в Древней Греции, где состоялись первые Олимпийские игры (IX в. до н. э.). Олимпийские игры были инструментом мира, облегчавшим переговоры между городами, способствовавшим взаимопониманию и связи между государствами. В этот период уже можно говорить о зарождении спорта как социально-политического явления, а физическая культура становится относительно самостоятельной отраслью культуры разных государств. Некоторые авторы также занимаются разработкой данной проблемы [2]. Безусловно, вне зависимости от того, какая функция спортивных соревнований была более востребована в то или иное историческое время, политическая составляющая была неотъемлемой частью спорта [3].

В развитых зарубежных странах сфера спорта четко разделена на массовый спорт, спорт высших достижений (олимпийский) и профессиональный спорт. Развитие спорта высших достижений — это прерогатива государства и национальных государственных и общественных спортивных организаций.

Способы и источники финансирования спортивных организаций в нашей стране и за рубежом весьма разнообразны. Финансовые ресурсы на развитие физической культуры и спорта выделяются государственными органами, профсоюзными организациями, внебюджетными фондами, муниципалитетами, образовательными структурами.

Кроме того, средства на физическую культуру и спорт поступают от международных спортивных, благотворительных, научных и иных организаций, а также от отдельных меценатов и спонсоров. Многие спортивные клубы и организации осуществляют собственную предпринимательскую деятельность: издаются газеты, журналы, справочники, выпускаются сувениры, значки, вымпелы и иную спортивную символику, продаются права на телевизионную и радиотрансляцию соревнований и интервью, осуществляются трансферты, или куплю-продажу спортсменов, производятся прочие виды коммерческой деятельности.

Спорт в России всегда пользовался популярностью, но с точки зрения коммерческой пользы его мало кто рассматривал. Спонсорство в спорте играет важную роль, помогая развивать спорт и содействовать его дальнейшей популяризации на региональном, российском и мировом уровнях.

Определение спонсорства до 14 июня 1995 г. содержалось в ст. 19 Федерального закона № 108-ФЗ «О рекламе» [4]. В соответствии с ней под спонсорством понималось осуществление юридическим или физическим лицом (спонсором) вклада (в виде предоставления имущества, результатов интеллектуальной деятельности, оказания услуг, проведения работ) в деятельность другого юридического или физического лица (спонсируемого) на условиях распространения спонсируемой рекламы о спонсоре, его товарах.

Спонсорский вклад признавался платой за рекламу, а спонсор и спонсируемый считались рекламодателем и рекламораспространителем. В связи с принятием Федерального закона № 38-ФЗ от 13 марта 2006 г. отдельная глава о спонсорстве из него исчезла. Вместо этого в ст. 3 появились два определения, связанные со спонсорством.

Спонсор — лицо, предоставившее средства либо обеспечившее предоставление средств, для организации или проведения спортивного, культурного или любого иного мероприятия, создания или трансляции теле- или радиопередачи либо создания или использования иного результата творческой деятельности.

Спонсорская реклама — реклама, распространяемая на условии обязательного упоминания в ней об определенном лице как о спонсоре [5].

В число спонсоров могут входить любые лица, заинтересованные в распространении рекламы о себе, своих товарах. Определение понятий спонсорский вклад и спонсор остались прежними.

Таким образом, теперь спонсорство не понимается исключительно как вид рекламы. Если спонсор не нуждается в рекламных услугах, то спонсорство превращается в обычную благотворительность. При этом есть одна тонкость: если спонсор не требует упоминать о себе как о спонсоре (спонсорская реклама), но хочет, чтобы информация о его товарах, работах или услугах появилась на спонсируемом мероприятии иным образом (например, как логотип на костюме), то такое спонсорство является рекламой и к благотворительности никакого отношения не имеет [6, с. 38–42].

Основное отличие спонсорства от рекламы состоит в том, что реклама просто сообщает о существовании продукта и несет информацию о его качестве, характеристиках и цене. А спонсорство благодаря уникальным атрибутам спорта (эмоциональность и зрелищность, лояльные и преданные болельщики, разноплановая целевая аудитория, вариативность участников спортивного рынка, повышенное внимание средств массовой информации) позволяет компаниям/брендам достичь нескольких целей: создать имидж бренда, повысить его

узнаваемость и лояльность к нему, выстроить позитивные коммуникации с целевой аудиторией, выйти и закрепиться на новых рынках, снизить удельные затраты на рекламу и обеспечить рост продаж [7].

Спонсорство спортивных соревнований рассматривается как инвестиции в долгосрочное развитие собственного бренда и престиж компании, эти инвестиции считаются высокоэффективными.

Статус спонсора того или иного спортивного события «роднит» компанию с миллионами болельщиков, делает данный бренд «своим» в соответствующей целевой группе. Среди спонсоров спортивных соревнований встречаются не только бренды, напрямую связанные со спортом (например, Nike или Adidas), но и компании, имеющие довольно далекое отношение к спорту, но стремящиеся подчеркнуть свою ориентированность на здоровый образ жизни и общечеловеческие ценности, пропагандируемые спортом.

Крупнейшим спонсором является компания McDonalds, активно спонсирующая большое количество спортивных соревнований, от Олимпийских игр до локальных спортивных событий. Рынок спортивного маркетинга на Западе представляет собой хорошо развитый и четко структурированный механизм, отличающийся высокой специализацией участников.

Спонсорство подразумевает создание коммуникативных стратегий и сообщений для передачи их целевой аудитории с целью воздействия на общественное мнение.

На сегодняшний день спонсорство в спорте выступает как один из дополнительных источников финансирования в поддержке и развитии спорта.

Библиографический список

1. Корнеева В. А. Спорт как ресурс государственного управления // Конфликтогенность современности : коллективная монография. Екатеринбург, 2014.

2. Нагайцев В. В. Методология анализа уровня социальной напряженности и конфликтности в социуме // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. Вып. 7 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2015.

3. Семенова, Ю. А. Кризис гражданской идентичности в условиях трансформации современного общества // Вестник Оренбургского гос. ун-та. 2010. № 7 (113).

4. О рекламе: Федеральный закон от 18.07.1995 № 108-ФЗ (ред. от 21.07.2005) [Электронный ресурс]. КонсультантПлюс: справочно-правовая система.

5. О рекламе: Федеральный закон 13.03.2006 N 38-ФЗ (ред. от 08.03.2015) [Электронный ресурс] КонсультантПлюс: справочно-правовая система

6. Гордина И. Имидж организации как объект управления // Лаборатория рекламы, маркетинга и PR. 2007. №1.

7. Даулинг Г. Репутация фирмы. Создание, управление и оценка эффективности. М., 2003.

М. В. Подрезов (Томск)

ПРОБЛЕМА БЕЖЕНЦЕВ В ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКЕ ГЕРМАНИИ

Современный мир сталкивается со множеством политических, социальных, экономических и культурных проблем. Не избегает этой участи и Европа. Конфликт на Украине, рост влияния правых партий в государствах, экономический кризис в Греции — это далеко не полный перечень серьезных проблем, вставших перед «Старым Светом». Однако 2015 г. ознаменовался новым вызовом — массовым наплывом беженцев, который многие уже успели окрестить «новым великим переселением народов».

Основная тяжесть данной проблемы легла на Федеративную Республику Германию (ФРГ), обладающую высокими социальными пособиями, моральными и правовыми нормами, направленными на защиту беженцев. Однако даже экономическая мощь и авторитет Германии оказались не готовы к столь масштабному «исходу людей с Ближнего Востока» [1]. Ее правительство вместе с Европейским Союзом пытается найти выход из сложившейся ситуации, но каждый день промедления создает все новые проблемы. Обратимся к тем проблемам, с которыми столкнулась ФРГ, и рассмотрим варианты их решения.

Президент ФРГ Йоахим Гаук еще в сентябре 2015 г. заявил следующее: «...существует фундаментальная дилемма между огромной готовностью Германии помогать мигрантам и ее реальными возможностями» [2]. К концу октября общее число беженцев в ФРГ достигло порядка 800 тысяч человек и продолжает увеличиваться. Возникает в связи с этим первая проблема: как разместить и обеспечить всем необходимым такое большое число людей?

Преодолев тысячи километров до немецкой границы, минуя различные преграды, «гостеприимная» Германия не всегда встречает «гостей» с распростертыми объятьями. Сотни и тысячи беженцев выну-

ждены ночевать в пограничных областях в условиях, близких к экстремальным. Разведение костров и сон на голой траве — вот участь многих (а ведь температура в ноябре ночью уже около нуля градусов). В пограничных зонах немцы стараются накормить вновь прибывших, но вот что часто представляет собой эта еда: доставленная из соседней больницы похлебка, обильно разбавленная водой (чтобы накормить всех желающих), а также выпрошенный волонтерами в соседних супермаркетах несвежий хлеб [3]. После попадания уже в ФРГ беженцы распределяются по муниципалитетам, где уже не федеральные, а местные власти должны полностью о них заботиться. Несмотря на объявленные канцлером Меркель многомиллиардные суммы на их обеспечение, местные власти вынуждены организовывать сбор вещей и финансовых пожертвований на все возможные цели. Как правило, в муниципалитетах уже давно заполнены все свободные (или временно свободные) помещения, и расселять беженцев приходится исключительно в палаточных лагерях, которые разбиваются на спортивных площадках, в парках и т. п. Не всегда понятна и логика расселения беженцев: в городе Йена с населением чуть более 100 тыс. человек в начале ноября было отправлено около 1300 беженцев, а в нижнесаксонскую деревню Сумте с населением 100–500 человек [4].

Развитие массового притока иностранцев на немецкие земли разбудило праворадикальное движение. Массовые акции протеста, часто выливающиеся в погромы, избиения и столкновения с полицией, — это те новости, которые в последнее время стали регулярно доноситься из демократичной ФРГ. Одним из самых показательных примеров стал город Хайденау, где в августе от столкновений с радикалами пострадал 31 полицейский. Проблему осложняет то, что последнее время было ознаменовано многими победами «правых» на местных выборах, особенно на Востоке Германии (например, в Дрездене). В то же время нельзя не отметить высокий уровень преступности и среди самих беженцев, примеры которой массово поступают на видеохостинги. Ситуацию осложняет позиционирование международных отношений многими СМИ. Так, по замечанию Н. П. Гончаровой, мы практически не видим пропаганды совместного проживания людей различных наций и культур [5, с. 201]. Это в большей или меньшей степени относится и к ФРГ.

Нельзя исключать, что на территорию ФРГ проникло множество радикалов и террористов. Последнее может принести Германии гораздо больше проблем, нежели невозможность дать всем крышу над головой. РИА «Новости» приводит слова главы Федеральной раз-

ведывательной службы Германии Герхарда Шиндлера, что нельзя исключать возможность пребывания среди беженцев террористов, которые либо сами добирались до Германии путем бегства, либо получили поддельные документы [6]. Подтверждение этому предположению приводит Life News. В интервью этому информационному агентству один из беженцев в Германии утверждает следующее: «... тут очень много народа из ИГИЛ. Сюда пускают всех, даже не разбираются, кто они... Тут есть бойцы ИГИЛ. Более того, между нами даже происходят словесные перепалки...» [7].

Говоря о вышеуказанных проблемах, нельзя не отметить ту дискуссию, которая разгорелась в немецком и мировом обществах относительно путей выхода из кризиса.

Один из самых обсуждаемых вариантов решения проблемы — это укрепление внешних границ Европейского Союза (их наличие подразумевает Дублинскими соглашениями) или их возвращение внутри ЕС (что является незаконным). Однако многие считают, что подобными средствами невозможно остановить сам поток беженцев, не решая самой проблемы. Даже канцлер Австрии Файман, еще в сентябре 2015 г. выразивший согласие с возведением укреплений на границе, 28 октября в своем интервью занял противоположную позицию: «Тот, кто считает, что проблему беженцев можно разрешить при помощи ограждений, находится на ложном пути» [8].

Немецкое правительство, видимо, не знает, в каком направлении нужно работать, чтобы прекратить это «великое переселение», поэтому главные внутренние дискуссии заключаются лишь в способах более грамотного перераспределения потока между государствами или муниципалитетами. Организация транзитных зон и въездных центров — это то, что обсуждает бундестаг, — ни коем образом не способны разрешить сложившийся кризис.

Наиболее адекватным представляется коллегиальный поиск выхода из кризиса. Европейский Союз, Россия, Соединенные Штаты, Китай, Турция и другие влиятельные игроки в этом вопросе должны сесть за стол переговоров. Несмотря на все попытки переложить в данный момент ответственность за кризис беженцев на Россию, что является абсолютно необоснованным, европейские политики должны идти на сотрудничество со всеми сторонами и не только на словах. Первый шаг уже был сделан: начаты серьезные многосторонние переговоры по сирийской проблеме. Однако здесь стоит отметить, что сирийцы — это не все беженцы, а лишь их часть, хотя и большая. Гуманитарные катастрофы в Ливии, Косово и многих других регионах мира также требуют незамедлительного решения. Сле-

дует задаться вопросом: а не пора ли Европе присоединиться к России в борьбе с радикальным терроризмом на Ближнем Востоке, ведь чем быстрее будет улажена проблема там, тем быстрее легче сможет вздохнуть Германия и остальные страны. Учитывая вмешательство сил НАТО во внутренние дела государств, которые по большей части и являются сейчас поставщиками беженцев, можно предположить не является ли этот кризис возмездием? В любом случае остается уповать на дальновидность политиков, судьбоносные решения которых способны как усугубить сложившееся положение, так и прийти к его разрешению.

Библиографический список

1. Соловьев В. Р. Исход людей с Ближнего Востока — теория хаоса в действии // Официальный сайт В. Р. Соловьева [Электронный ресурс]. URL: http://vrsoloviev.com/2094_isxod-lyudej-s-blizhnego-vostoka-teoriya-chaosa-v-dejstvii/ (дата обращения: 09.11.2015).

2. Сотников И. Президент ФРГ: Возможности по приему беженцев ограничены // Deutsche Welle. 27.09.2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://dw.com/p/1GeMD> (дата обращения: 09.11.2015).

3. Заплет О., Дельфинов А. Беженцы на баварской границе: как уладить кризис // Deutsche Welle. 03.11.2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://dw.com/p/1GyiC> (дата обращения: 09.11.2015).

4. Вальтер Я., Елкина А. Немецкая деревня Сумте: 500 беженцев на 100 местных жителей // Deutsche Welle. 03.11.2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://dw.com/p/1GuxD> (дата обращения: 06.11.2015).

5. Гончарова Н. П. Отражение миграционной тематики в СМИ в условиях эскалации межэтнических конфликтов // Социология в современном мире: наука, образование и творчество. Вып. 6 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2014.

6. Разведка ФРГ: вместе с беженцами в страну могли проникнуть террористы // РИА Новости. 07.09.2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/world/20150907/1234852644.html> (дата обращения: 09.11.2015).

7. Беженец рассказал о боевиках ИГИЛ в лагере для мигрантов в Германии // Life News. 07.09.2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://lifenews.ru/news/160961> (дата обращения: 09.11.2015).

8. Дельфинов А. Канцлер Австрии: Заборы проблему беженцев не решат // Deutsche Welle. 29.10.2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://dw.com/p/1GwKP> (дата обращения: 10.11.2015).

Н. В. Севрюкова (Барнаул)

КАПИТАЛ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ

В начале XXI столетия научный интерес к тем областям человеческого индивидуального и общественного бытия, которые определяют его благополучие, связывается прежде всего с необходимостью признания не столько экономической или социально-политической детерминации процессов развития человека, сколько с утверждением в них духовно-нравственных ориентиров. Очевидно, что по-прежнему велико влияние именно экономических и технологических показателей или возможностей в обретении человеком своего благополучия, однако жизненные приоритеты человека не всегда соотносимы с этими выраженными характеристиками. Современная социальная область знания обращает внимание на различные уровни в концептуализации социального благополучия: с одной стороны, за указанным концептом прочно закрепился комплексный социальный или общественный смысл, по сути дела исключающий или в достаточной степени нивелирующий личностные доминанты. При этом социальное благополучие — это показатель общественного развития в конкретных условиях построения экономических и политических отношений в реальное историческое время. Внесение корректив в переменные, составляющие суть социального благополучия с этой точки зрения, по-видимому, повлечет за собой существенное изменение самого характера или *результата* социального благополучия. Такой «результат» будет находиться в прямой зависимости от финансовых составляющих, характеристик трудовых и природных ресурсов, условий для ведения предпринимательской деятельности и много другого. В то же время будет иметь значение и исторический фактор: темпы развития социальных институтов в разные эпохи могут значительно отличаться, по крайней мере становится очевидным то обстоятельство, что с началом XXI в. масштаб практически всех социальных процессов заметно увеличился. Так, например, мировой финансовый кризис повлек за собой перестраивание всех без исключения внутрисоциальных социальных обязательств, хотя раньше в условиях идеологической детерминации такая зависимость была сведена к минимуму. В социогуманитарном знании более отчетливо обозначены такие акценты в понимании социального благополучия, которые имеют решающее значение как для отдельно взятого человека, так и для общества в целом в данное историческое время. Но все же социальное благополучие чаще всего «примеряется»

к обществу, чем к отдельно взятому человеку. В этом случае упор делается на недостижимость или невозможность достичь социального благополучия для одного человека. Мера его богатства в денежном выражении еще не может быть признана «результатом» социального благополучия в данном случае, поскольку опускаются иные социально значимые позиции — общественное признание, вклад в развитие культуры, смысловые ориентиры и т. д.

Как видим, социальное благополучие в характеристике современных социальных изменений в наименьшей степени связывается с такими показателями, как человеческий потенциал, ценностные доминанты и др. Между тем результат социального благополучия должен быть соотнесен с теми характеристиками, которые являются жизненно необходимыми для развития человека, закрепления его социально значимой позиции, мировоззренческих установок. Речь в этом случае идет о ценностно-смысловых комплексах, доминирующих в развитии человека, выражении его сущности. К ним могут быть отнесены межличностные отношения, любовь и уважение старших, родных и близких, проявления альтруизма и филантропии, потребность в оказании материальной и моральной поддержки людям, нуждающимся в такой поддержке, и т. д. Эти ценностно-смысловые комплексы влияют на внутренний мир человека, определяют его мировоззренческие установки. В то же время необходимо учитывать важность факторов, оказывающих воздействие на обретение человеком своего благополучия, нуждающегося в общественном признании или оценке. Часто такое признание так или иначе связывается с показателями экономического свойства и прежде всего с финансовым благосостоянием человека. Как полагают некоторые исследователи, в желании человека достичь высот в материальном благополучии практически стираются грани его гармоничного сосуществования и окружающей реальности — каждодневная забота о приращении богатства сводит на нет все духовные интенции личности [1]. Более того, «увлеченность» материальным достатком и возведение в культ богатства притупляет человеческую рефлексию, переводит его существование в экономический мир, делает его чувства сообразными прагматизму и рациональности. По данным, полученным европейскими социологами в 2008 г., поток благосостояния, роскоши, богатства, стремление к обогащению по сути дела отменяют личностный рост человека и переводят ценности семьи, творческие устремления, душевность в общении в разряд второстепенных ценностных векторов развития личности [2]. Культивирование благополучия, связанного с рациональными ценностно-смысловыми комплексами, в об-

щем и целом соответствует общеевропейской тенденции мегаглобализации, распространившейся во всех сферах человеческой индивидуальной и коллективной жизнедеятельности.

Благополучие, его осознание в социально-гуманитарном знании нуждается в социокультурном исследовании даже в большей степени, чем в оценках социально-экономического характера. Поэтому следует признать, что граница между благом и благополучием существует, а это в свою очередь заметно расширяет горизонты в исследовании данных феноменов. К примеру, интерпретации концепта *благо* вызваны сложными мировоззренческими проблемами, решаемыми в рамках философии.

Несмотря на всю очевидность социальной детерминированности блага и благополучия, этот концепт в равной степени соотносится с вопросами экзистенциального характера (благо как возможность выхода человека из круга одиночества, оставленности, как преодоление отчуждения человека и окружающей действительности), религиозно-мировоззренческого (благо как данность божественного провидения, прозрение и путь к Богу), символического (благо как конвенциональная система знаков и знаковых комплексов, вне которых человеческое существование не представляется возможным), герменевтического (благо как «идентификатор» связей людей в социальной реальности) и т. д. По всей видимости, можно говорить о том, что из всех отдаленных от законов экономического развития областей знания ценностно-смысловой взгляд на мир оставляет за собой философия.

Эти приоритеты давно известны — сохранение национального своеобразия культуры, ее духовных констант, утверждение принципов гражданского общества и вместе с этим воспитание в личности гражданственности, патриотизма и др. С каждым из этих приоритетов согласуется духовно-консолидирующие возможности социального благополучия. Об этом, в частности, размышляет алтайский исследователь Е. А. Попов [3, с. 18–20; 4, с. 57–82]. В то же время рассмотрение концептов *благо* и *благополучие* не должно только замыкаться на их сопоставлении с такой, например, современной категориальной системой, как инвестиции. В последнее время стало часто использоваться выражение «инвестиции в человеческий капитал», однако инвестиции в человека — это фактор связанности человеческих поступков, необходимость отвечать на вложенные средства, вносить свою лепту. В этом случае, как нам кажется, речь не идет о благе или благополучии, а скорее о подмене конституционной обязанности социального государства создавать условия для всестороннего развития человека понятием не правового, а герменевтического свойства. Действи-

тельно, в понимании инвестиций в человека возникает больше вопросов, чем ответов на них. Поэтому некоторые исследователи для смягчения выраженной экономической оценочности в понятии «инвестиции в человека» вынуждены обращаться к изучению и «эффекта культурной преемственности» — другой, но не менее важной стороны современного бытования человека. Так, Г. А. Ястребов в статье «Инвестиции в человеческий капитал (Эффект культурной преемственности vs эффект дохода)», оперируя терминами «большой» экономики и удваивая их звучание сочетанием «инвестиции-капитал», все же особо отмечает необходимость признания роли ценностно-смысловых культурных систем в достижении человеком своего капитала [3, с. 120].

Библиографический список

1. Социокультурные факторы развития человека и общества в XXI веке: сб. статей. М., 2004.
2. Человек и экономика: прогнозы и ожидания: материалы и аналитика Международной организации труда по итогам конца 20 — начала 21 столетий : пер. со словац. СПб., 2007.
3. Попов Е. А. Человек и его духовная деятельность в центре внимания социологии // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. Вып. 4 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2012.
4. Попов Е. А. Культура и духовная жизнь человека и общества в системе современного социологического знания и в условиях российско-азиатского поликультурного взаимодействия: монография. Барнаул, 2013.
5. Ястребов Г. А. Инвестиции в человеческий капитал (Эффект культурной преемственности vs эффект дохода) // Экономическая система в России и за рубежом. 2009. Вып. 13.

А. А. Соколенко (Барнаул)

ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО МУНИЦИПАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Современный человек живет в системе «муниципальной» культуры, той конкретной культурной среды, в которой вырастает член общества. Такая культура обладает четкими свойствами национально-го выражения, особыми качествами коммуникации, спецификой регионального развития и т. д.

Это отмечается и в исследовательском дискурсе социологии культуры и духовной жизни, раскрывающем крушение извечных ценностей и абсолютов либо их смещение в пространство «новых истин бытия». На самом деле здесь на первый взгляд нет никакой опасности — это лишь еще одна заметная сторона в развитии научного мышления и попытка представить мир не только в императивности абсолютов и сопряжении ценностей и норм. В связи с этим Ж.-Ф. Лиотар справедливо замечает, что «по мере вхождения общества в эпоху, называемую постиндустриальной, а культуры — в эпоху постмодерна, изменяется статус знания» [1, с. 14]. В этом высказывании кроется важная мысль, позволяющая признать некоторые заблуждения эмпирической социологии по поводу экспериментального доминирования в объяснении социального миропорядка и устройства культурной системы. От общества *технологического* скачок к культуре духовной, развивающейся в подтексте социальных отношений и связей, совершить невозможно. Лиотар вполне резонно «разделил» эпохи общества и культуры как не совпадающие в главном — последствиях принятия духовности и построения модели духовного развития. Для общества в этом состоит смещение экономической доминанты в плоскость духовных исканий и, значит, вынужденное обращение к первобытным архетипам, эмансипирующим духовность. В этом случае «вхождение в постиндустриализм» обретет черты *цивилизационного слома*, при котором мифологизация действительности и анима-шаманическое прошлое человека станут главными критериями построения социальной перспективы. Для культуры современной мировоззренческой ипостась по-прежнему остается постмодерн.

В эпоху постмодерна культура развивается в деструктивных условиях, способствующих мировоззренческому перевороту в мире.

«Муниципальная» культура в этих онтологических условиях предстает как система, проверяющая, по сути, способность человека сохранять свою жизнеспособность в условиях мировоззренческих и социальных кризисов, когда актуализируются необходимые «ситуативные» механизмы и формы бытия — старые и новые ценности, структуры повседневности, культурные смыслы, образцы поведения, социальные роли и т. п. Таким образом, все, что оказывает влияние на современного человека и не лишает его перспективы построения будущего, при этом сохраняя «вочеловеченный» образ эпохи, признается в эру постмодерна элементами новой духовности, человекообразной, телесно-душевной. Эти элементы способны сохраняться в «малом культурном пространстве», каковым становится культурная среда «регионального уровня», часто муниципального.

В начале XXI в. именно такую культурную среду, по-видимому, следует признать отвечающей запросам времени по нескольким причинам: во-первых, в ней закрепляется отказ от трансцендентных идеалов и высших ценностей, постулирующих вечную непримиримость человека и социальной реальности; во-вторых, эта новая парадигма переводит современные ценности и нормы на уровень событийной эпикки и структур повседневности, тем самым переключая культурные коды с уровня «бездействующих» архетипов на сторону социокультурных конвенций современности, определяющих бытие человека и общества в реальном времени; в-третьих, такая культурная среда по сути отождествляет свойство витальности культуры или ее жизнеспособности с характерными для современности символами и атрибутами бытия — силой (жизненной силой), потоком (жизненным потоком), движением, мощью и т. д. Кроме того, в «муниципальной» культурной среде, в-четвертых, обыденные житейские положения приобретают черты и особенности духовнейших состояний — любой поступок человека заведомо признается соответствующим духовной ипостаси, ибо он не лишает человека свободы, выражает его волю.

Жизнь человека связана с пониманием и присвоением культуры, ее конвенций и кодов, она составляет основу интерпретации событийной эпикки культурно-исторического процесса сквозь призму многогранных кодов жизнедеятельности человека и общества. Семантика жизни растворена в картине мира, в мировоззрении, в идеях и взглядах, но она есть ядро культурного пространства, в котором выделяются национально-этническая специфика, особенности ментальности, кризисы социокультурной организации и регуляции и т. д. В семантике жизни возникает концепт именно духовной культуры, детерминированной вовсе не социальными связями.

Активное проявление культуры в жизни человека и в жизни общества находит свое выражение в неоднозначных процессах символизации действительности, которые зачастую приводят к непониманию жизни и невозможности мировоззренческого постижения происходящих в мире событий. На это, в частности, обращает внимание Е. А. Попов [2, с. 14; 3, с. 88–99]. Между тем отсутствие конвенционального образа жизни закономерно и в то же время формирует ошибочные интерпретации культурно-исторического материала, влияющие на развитие стереотипности сознания. Чувство жизни, выделяемое на основе конкретного жизненного опыта, обретенного в культуре, переживания и оценивания судьбоносных культурных изменений, раскрывается в семантике жизни, состоящей из символов и образов мира.

Библиографический список

1. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна : пер. с фр. М., 1998.
2. Попов Е. А. Человек и его духовная деятельность в центре внимания социологии // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. Вып. 4 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2012.
3. Попов Е. А. Культура и духовная жизнь человека и общества в системе современного социологического знания и в условиях российско-азиатского поликультурного взаимодействия : монография. Барнаул, 2013.

А. С. Спирина (Барнаул)

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ КАК ПОТЕНЦИАЛЬНЫЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ СРЕДНЕГО КЛАССА

Термин «средний класс» имеет долгую историю, но его смысловое наполнение менялось в зависимости от перемен в социально-экономической жизни общества. Особенностью является то, что на протяжении всего периода изучения понятия «средний класс» не сложилось единого мнения о том, что представляет собой средний класс и кого именно к нему можно отнести. В связи с этим ряд ученых рассматривают предпринимателей как потенциальных представителей среднего класса в современной России. Для того чтобы понять, действительно ли современного предпринимателя можно считать представителем среднего класса, авторы проводят сравнение между функциями и характеристиками данных двух социальных групп. Неоднозначность в определении самого термина «средний класс» повлияла и на определение критериев, с помощью которых можно было бы определять, кого можно отнести к среднему классу. В данной статье рассмотрим материальные и ценностные характеристики данных двух групп.

Начнем с рассмотрения ценностных характеристик, которые включают в себя ценностные ориентации. М. К. Горшков и Н. Е. Тихонова говорят о том, что «характерное для большинства представителей среднего класса убеждение, что такие ценности, как индивидуализм, либерализм и западная демократия подходят и для России» [1, с. 34]. И действительно, рассматривая деятельность предпринимателя, отмечаются такие ценности, как способность принимать решения, а также брать ответственность за свою деятельность. Предприниматель проявляет инициативу, целеустремленность, трудолю-

бие, профессионализм, уверенность в себе. Для него выгодно вкладываться по максимуму, так как полученная прибыль полностью зависит от него самого, и он стремится к наибольшему ее увеличению.

В данной группе характеристик можно отметить и морально-ценностные установки предпринимателей, которые, как считают некоторые авторы, совпадают с установками среднего класса. Так, по мнению З. Т. Голенковой, «в начале XXI в., когда в России предпринимательство постепенно начинает занимать свою социальную нишу, формируются не только деловые, но и нравственные ориентиры граждан, материализующиеся в практических действиях. Одной из примет этого, в частности, является осознание необходимости участия в благотворительной деятельности» [2, с. 26]. Во время проведенного автором исследования почти 60% предпринимателей ответили, что они участвуют в благотворительности, вносят определенную лепту в школьное образование, строительство жилья, здравоохранение.

Наиболее значимой характеристикой, выделяемой практически всеми авторами, является уровень материального положения. При рассмотрении материального положения среднего класса не существует единого мнения. Однако отмечается, что уровень материального положения среднего класса должен быть достаточным для формирования и поддержания высоких жизненных стандартов и уровня потребления. Основной целью предпринимателя является получение прибыли. И за счет реализации данной цели, у предпринимателя формируется достаточный уровень материального положения и соответствующее качество жизни. Кроме этого, существует мнение о том, что «средний класс является воплощением в отдельных индивидах потенциальной способности обеспечивать получение полезного эффекта как для самого себя, так и для общества, характеризующегося в свою очередь определенными качествами» [3, с. 23]. Здесь прежде всего необходимо сделать акцент на способности предпринимателя создавать новые рабочие места.

Таким образом, можно отметить, что предприниматель действительно может рассматриваться как потенциальный представитель среднего класса. В современных условиях предпринимательской деятельности уделяется достаточное внимание, однако некоторые авторы отмечают ряд проблем, которые не позволяют предпринимателя проявить себя в полной мере.

Среди таких проблем выделяют законодательную базу, на которую могло бы опираться малое предпринимательство: «Значительная часть проблем предпринимательства связана с несовершенством законодательства на федеральном и региональном уровнях, а в ряде

случаев — с отсутствием механизмов его реализации на практике» [4, с. 68]. Еще одной проблемой считают недостаточную материальную базу, как техническую, так и финансовую. У основной массы населения просто не может образоваться резерв средств, требующихся для того, чтобы начать собственное дело. Также у предпринимателей отсутствует определенный объем знаний, а с обучением кадров для бизнеса дело обстоит далеко не лучшим образом. Непростой проблемой является и социальная защита предпринимательской деятельности. «Это означает, что комплекс мер либо недостаточен, либо неэффективен, либо выбрана неправильная стратегия поддержки предпринимательства» [5, с. 184].

По мнению А. А. Вдовенко, «развитие малого предпринимательства способствует постепенному созданию среднего класса, самостоятельно обеспечивающих собственное благосостояние и достойный уровень жизни, являющихся основой социально-экономических реформ, гарантом политической стабильности и демократического развития общества» [6, с. 35].

Таким образом, учитывая тот факт, что именно рыночная экономика и демократическое устройство способствовали развитию такой группы, как предприниматели, в современных условиях предприниматель способен стать потенциальным средним классом в нашем обществе, но лишь при наличии определенных мер поддержки.

Библиографический список

1. Горшков М. К., Тихонова Н. Е. Средний класс как социальная база обеспечения конкурентоспособности России // Россия реформирующаяся: ежегодник/ Институт социологии РАН. М., 2005.

2. Голенкова З. Т., Игитханян Е. Д. Российский предприниматель: некоторые аспекты современной жизни // Социологические исследования. 2006. № 11.

3. Талаш Х. Ограничения по формированию среднего класса общества и их преодоление // Экономические науки. 2012. № 1.

4. Гагаринова Н. В. Предпринимательство и его роль в развитии экономики, правовое регулирование предпринимательства // Актуальные проблемы экономики, социологии и права. 2015. № 2.

5. Малышева Е. В. Оценка уровня развития предпринимательской культуры России: закономерности и противоречия // Российское предпринимательство. 2015. № 2.

6. Вдовенко А. А. Политэкономическое значение малого бизнеса // Экономические науки. 2011. № 9.

А. В. Стебунова (Барнаул)

МОТИВАЦИЯ СТУДЕНТОВ К ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

История человечества не помнит такого общества, которому были бы чужды идеи добровольной и бескорыстной помощи. В настоящее время институт волонтерства популярен во множестве стран мира, становясь все более важным ресурсом развития общества. Добровольчество основано на идеях бескорыстия, человеколюбия и не устанавливает своей целью извлечение прибыли. Волонтерская деятельность способна принимать многообразные формы: от традиционных видов взаимопомощи до коллективного взаимодействия людей, направленного на предотвращение последствий стихийного бедствия, урегулирование глобальных конфликтных ситуаций, уничтожение бедности и т. д. Наличие добровольческого (волонтерского) движения является одним из главных признаков развитого гражданского общества. На сегодняшний день волонтерская деятельность вошла во множество сфер жизни общества.

В словаре русского языка С. И. Ожегова слово «волонтер» — синоним слова «доброволец». В Федеральном законе «О филантропии, меценатстве и волонтерстве» понятие «волонтерство» представлено как добровольческая деятельность, основанная на идеях бескорыстного служения гуманным идеалам человечества и не преследующая целей извлечения прибыли, получения оплаты или карьерного роста; получение всестороннего удовлетворения своих личных и социальных потребностей путем оказания помощи другим людям» [1].

Существует несколько направлений добровольческой деятельности:

- работа с нуждающимися слоями населения;
- выполнение общественных работ;
- организация общественных мероприятий и др.

При всем многообразии добровольческой деятельности актуальным остается вопрос: как привлечь молодежь к занятию добровольчеством и что является основным мотивом участия студентов в волонтерской деятельности?

Анализ литературы показывает, что на сегодняшний день многие исследователи отмечают следующие основные мотивы заинтересованности человека в добровольческой деятельности:

- коллективное признание, понимание своей социальной значимости. Сущность данной мотивации состоит в необходи-

мости индивида в высокой самооценке и в оценке со стороны окружающих;

- самовыражение и самоопределение. Возможность показать себя, заявить о своей жизненной позиции, найти свое место в системе социальных связей и общественных отношений;
- профессиональное ориентирование. Волонтерская деятельность помогает человеку лучше ориентироваться в различных видах профессиональной деятельности;
- получение нужных теоретических и практических навыков в социальной сфере. Добровольчество способствует развитию коммуникативных способностей, лидерских качеств, инициативности, а также умению активной защиты и отстаиванию прав и интересов;
- организация свободного времени. Не менее важным мотивом деятельности молодежи в добровольческой организации является возможность занятия свободного времени полезным делом.

На наш взгляд, реализация личных возможностей, проявление своих творческих способностей и осуществление человеческого предназначения должны стать главными мотивами участия студента в общественно значимой деятельности.

В рамках данной тематики нами был проведен опрос студентов Алтайского государственного университета, обучающихся по направлению «социальная работа», занимающихся добровольческой деятельностью. В результате исследования было выявлено, что основными мотивами участия студентов в добровольческой деятельности является:

- желание помочь людям
 - *У каждого человека есть свои мотивы и причины, по которым он становится добровольцем. Я выбрала добровольческую деятельность потому, что в добровольчестве соблюдается ряд мотивационных признаков — это профессиональное ориентирование; желание помочь другим людям; знакомство с новыми людьми; сострадание нуждающимся; групповая работа с друзьями; желание почувствовать свою необходимость;*
- возможность повысить свои коммуникативные качества:
 - *Добровольческая деятельность в жизни студентов занимает важное место, в том числе и у меня. Так как именно с ее помощью ты развиваешься как личность, познаешь себя и окружающих, помогаешь нуждающимся;*

- поднятие самооценки и настроения в целом:
 - *Я много думала об этом, и, похоже, мне просто нравится быть нужной. Возможность сделать что-то хорошее, что оценят, одобряют. В какой-то степени это поднимает самооценку. Хотя даже простое «спасибо» поднимает настроение на весь день и воодушевляет на дальнейшую работу»;*
 - *Я занимаюсь волонтерством потому, что люблю помогать и быть в гуще событий, получать новый опыт, реализовывать себя именно в этой деятельности;*
- получить практические профессиональные знания:
 - *Меня на занятие волонтерской деятельностью мотивирует возможность улучшить свои коммуникативные навыки, получить практические профессиональные знания, посетить новые места;*
- желание проводить время в знакомом коллективе:
 - *Занимаюсь волонтерской деятельностью, во-первых, потому что мне нравится проводить время со своей группой, а, во-вторых, это приносит мне пользу;*
- добровольчество — хобби:
 - *Я пошла в добровольчество, потому что, во-первых, это дает тебе определенный опыт, ты взаимодействуешь с людьми, во-вторых, добровольчество занимает большую часть, а иногда даже и всё свободное время. То есть получается, что по сути волонтерство — это моё свободное времяпровождение, мое хобби и увлечение.*

Таким образом, привлекая студентов к волонтерской деятельности, нужно создать для добровольцев такие условия работы, в которых они могли бы приобретать новые знания, навыки, умения; давать возможность волонтерам пробовать себя в новых социальных ролях; предоставить возможность самореализоваться и применить свои творческие способности, а также помочь окружающим.

Библиографический список

1. О филантропии, меценатстве и волонтерстве: Федеральный закон [Электронный ресурс]. URL: <http://gov.cap.ru/hierarchy.asp>

Н. А. Стерляева (Барнаул)

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СУИЦИДАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ (на примере Алтайского края)

В России, как и во многих странах мира, наблюдается тенденция роста суицидов. Согласно прогнозам ВОЗ, смертность от самоубийства к 2020 г. займет второе место в мире по причинам смертности. В среднем по России совершается 38 самоубийств на 100 тысяч населения. При этом среди молодежи в среднем совершается 20 суицидов на 100 тысяч населения [1].

Подростковый возраст отличают особенные физиологические и психологические процессы, которые обуславливают необходимость применения особого подхода к изучению различных явлений в данной среде. К тому же важно учитывать социокультурные, политические, экономические процессы, протекающие в современном российском обществе, которые могут негативно влиять на поведение молодежи.

В ходе социологического исследования, проведенного в Алтайском крае среди учащихся 9–11 классов (14–18 лет), изучались социально-демографические характеристики, отношения с родителями, сверстниками, окружающими, образ жизни.

Социально-демографических факторов суицидального поведения выявлено не было: все подростки жили в благополучных семьях, многодетные семьи отсутствовали, родители работали и не злоупотребляли алкоголем и наркотиками, основная масса семей жила небогато, отсутствовали явно выраженные представители религиозных культов, в которых пропагандируется добровольный уход из жизни, самопожертвование (ислам, буддизм), или молодежных субкультур (готы, эмо, панки и т. д.).

Результаты проведенного исследования взаимоотношений в семье среди подростков неоднозначны. Респонденты в целом отметили, что взаимоотношения с родителями у них нормальные, мамы любящие и заботливые, отцы уважающие и понимающие. Практически все подростки, имеющие братьев и сестер, сказали, что между ними складываются взаимоотношения хорошие. Опрошенные считают, что родители их воспитывают вполне нормально. Вызывают опасения ответы 3% подростков, которые считают своих отцов/отчимов злыми, 15% подростков указывают на жестокое обращение с ними. Оценка респондентов отношения к себе со стороны родите-

лей также вызывает определенную долю опасений: 9% из них считают, что родители не слишком их любят из-за неоправданных надежд, 3% постоянно испытывают чувство вины за несоответствие ожиданиям родителей. Определенная доля подростков вообще затрудняется в оценке отношения родителей к ним: 21% испытуемых затрудняются ответить, любят ли их вообще, 15% не смогли однозначно ответить на вопрос о том, испытывают ли они постоянное чувство любви в своей семье. Неоднозначность интерпретации этих результатов может быть связана с неопределенностью положения ребенка в семье (родителям безразлична его судьба, они уделяют ему очень мало внимания), а также с нежеланием честно признаться самому себе в плохом отношении к себе (несправедливо обвиняют и наказывают ребенка, придираются к нему, срываются по пустякам, предъявляют завышенные требования и т. д.).

Среди исследуемых подростков 15% указывают на жестокое обращение с ними. Однако это не исключает его наличия в других семьях (жестокое обращение может проявляться в разных формах — моральное унижение, физическое насилие и т. д.), так как этот факт иногда тщательно скрывается и родителями, и детьми. При этом частые конфликты в семье могут провоцировать подобные случаи. Дети из таких семей составляют одну из основных групп риска по суицидальному поведению, хотя у них могут не выявляться высокие показатели эмоционального неблагополучия при исследовании с помощью опросников, что объясняется действием защитных механизмов. Полученные данные указывают на наличие среди испытуемых внутрисемейных факторов суицидального поведения.

Исследование отношений со сверстниками, окружающими позволяет выявить или исключить наличие межличностных факторов суицидального поведения.

Так, большинство подростков считают себя общительными, имеют много друзей, среди которых есть лучший друг. Однако при этом иногда испытывают чувство одиночества. В целом оценка подростков себя и отношения окружающих, сверстников к ним достаточно адекватна. В планах на будущее приоритетное место занимают друзья, здоровье, карьера. Но в то же время среди испытуемых есть подростки, которые замкнуты, малообщительны, не уверены в себе. Они предпочитают компаниям сверстников проведение вечеров дома, за чтением книг, просмотром телевизора, Интернета. Таких подростков немного — всего 2%, однако это обстоятельство вызывает опасение в связи с тем, что группа сверстников является значимой для подростка, ориентиром в становлении собственной идентичности, раз-

витии самооценок, представлений о себе, нормах социального поведения. Осуждение группой может подтолкнуть или усилить желание подростка к суицидному действию (отвергнутый подросток, изгой группы). Полученные данные свидетельствуют о наличии среди испытуемых межличностных факторов суицидального поведения.

В ходе изучения образа жизни, отношения подростков к своему здоровью выяснилось, что у испытуемых отсутствуют внутриличностные факторы суицидального поведения. Так, все респонденты отмечают, что жизнь и здоровье для них важны. Большинство из них слышали о здоровом образе жизни, имеют какое-то представление о нем и хотели бы вести здоровый образ жизни, но им все время что-то мешает. Основной источник информации о здоровом образе жизни для подростков — это телевидение и журналы. Никто из опрошенных не жалуется на здоровье, чувствуют они себя хорошо. Также подростки вполне адекватно оценивают свой внешний вид, вес. Эти факторы не приносят им какого-либо морального или физического дискомфорта.

Отношение к алкоголю, сигаретам, наркотикам в исследуемых группах можно назвать равнодушным — большинство подростков попробовали алкоголь и сигареты уже в 13–14 лет, однако явных признаков алкоголизма или наркомании у испытуемых не выявлено. Это объясняется и тем, что в семьях 94% подростков матери не курят и не употребляют спиртное, у 60% подростков не курят и не употребляют алкоголь отцы. Явных признаков алкоголизации и наркомании в семьях не выявлено. Спиртное употребляют в большинстве случаев по праздникам. Также подростки не считают, что алкоголь, наркотики или сигареты облегчают жизнь, позволяют проще взглянуть на мир, избавиться от проблем, хотя более половины затруднились с ответом на этот вопрос, что может расцениваться как отсутствие опыта, но не исключение такой возможности.

Основная проблема подростков — это взаимоотношение с родителями. На втором месте по важности проблемы с друзьями, периодические драки и потасовки между сверстниками. На проблемы с учителями указали только 9% подростков.

Взгляды на будущее подростков достаточно оптимистичны, они считают, что самое интересное происходит уже сейчас, а еще больше интересных событий их ждет впереди. Смысл жизни большинство видят в переживании положительных эмоций, развитии и совершенствовании, активной деятельности по реализации жизненных планов и замыслов. Респонденты высоко оценивают ценность собственной жизни и здоровья — все испытуемые поставили оценку 10 из 10 баллов. Им редко бывает скучно, они довольны своим

прошлым, считают, что многое зависит только от них, и принимают на себя ответственность за свои поступки. Несмотря на критичный возраст, большинство подростков отмечают, что в их жизни есть моменты счастья и радости.

Часть респондентов (35%) отметили, что никогда бы не лишили себя жизни; 32% отметили, что люди, лишаящие себя жизни, — это слабые люди; 26% — равнодушны к таким людям и их поступкам; 3% подростков считают, что жизни себя может лишить только сильный человек, не боящийся смерти. Подростки также указали, что ни у них, ни у их друзей никогда не возникала потребность в психологической помощи. Они также уверены, что ни у одного из близких друзей не возникало мысли и суициде. Таким образом, у испытуемых отсутствуют внутриличностные факторы суицидального поведения.

Несмотря на оптимистичные результаты проведенного исследования, негативная тенденция числа суицидов среди подростков в нашей стране вызывает опасения. В этой связи должна быть разработана комплексная система профилактики суицидального поведения молодежи, включающая и элементы социальной рекламы [2]. В школах необходимо проведение коррекционной работы по профилактике депрессивных состояний детей [3]. Учитывая, что суицидальное поведение подростков может являться проявлением последствия посттравматического стресса, рекомендуется использовать цикл занятий, сочетающий в себе индивидуальные и групповые методы работы, методы работы с семьей, позволяющие на ранних стадиях обнаружить развитие кризиса и оказать необходимую психотерапевтическую помощь [4]. Психологическая поддержка подростка, оказавшегося в трудной жизненной ситуации, должна вести комплексно и параллельно со школой осуществляться в семье.

Библиографический список

1. Официальный сайт Госкомстата [Электронный ресурс]. URL.: <http://www.gks.ru.htm>.
2. Замятина О.Н. Основные подходы к определению понятия социальная реклама // Ломоносовские чтения на Алтае: фундаментальные проблемы науки и образования : сборник научных статей Международной конференции. Барнаул, 2014.
3. Чуканова Т.В. Профилактика социально неадаптированного поведения как условие оптимального социального самочувствия подростков // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 6 / под ред. О.Н. Колесниковой, Е.А. Попова. Барнаул, 2014.

4. Черепанова М. И. Социальные условия и факторы суицидального поведения молодежи // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 1/2.

М. А. Стрельникова (Барнаул)

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ ВРАЧЕЙ И МЕДСЕСТЕР В ГОСУДАРСТВЕННЫХ БЮДЖЕТНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

В современном мире проблема конфликтов как никогда актуальна. Столкновение точек зрения, мнений, позиций — очень частое явление производственной и социальной жизни. В любом, даже самом сплоченном коллективе возникают конфликты. Производственные конфликты внутри медицинского учреждения существенно влияют на взаимоотношение между врачами и медсестрами и на общую производительность труда.

Производственный конфликт в учреждении здравоохранения — это скрытое или открытое столкновение индивидуальных и/или групповых интересов в сфере деловых и профессиональных отношений, складывающихся в процессе совместной производственной деятельности [1, с. 304].

Под влиянием ситуативных факторов (усталость, недовольство собой и окружающими, чувство совершенной несправедливости) обычно сдержанный человек в состоянии крайнего перенапряжения становится вспыльчивым, резким, способным к обострению отношений с людьми и т. д. [2, с. 85].

Гораздо более серьезные проблемы возникают, когда человек по натуре склонен к конфликтному реагированию. Он превращает возникающие затруднения в межличностные столкновения. Причиной последнего может быть завышенная самооценка. В этом случае человек ожидает таких же оценок от окружающих и, не получая этого, отдалается от них, обвиняя их в несправедливости, приписывая им корыстные мотивы, зависть и др. [3, с. 2].

Для того, чтобы попытаться преодолеть возникшие трудности и разногласия, необходимо прежде всего понять их причины. Причины конфликтных ситуаций в учреждениях здравоохранения могут быть весьма разнообразны. К числу наиболее распространенных относятся:

1. Недостатки в организации производственных процессов, неблагоприятные условия труда (теснота, духота, сквозняк, плохое освещение и другие), несовершенство форм его стимулирования;
2. Проблемы взаимоотношений руководителя и подчиненных;
3. Нарушение должностных инструкций;
4. Расхождение интересов людей, их функций в профессиональной деятельности, несовместимость в силу личностных, возрастных и других различий;
5. Неудовлетворенность своим положением в группе, организации, обществе;
6. Некорректные действия руководителя из-за отсутствия у него опыта (неумение распределить задание, неправильное использование системы стимулирования труда, неумение понять психологию подчиненного и т. д.);
7. Недостатки стиля работы и неправильное поведение руководителя, столкновение со стереотипами, утвердившимися в сознании подчинённых под влиянием стиля работы прежних руководителей;
8. Нарушение внутригрупповых норм поведения, распад коллектива на различные группы, возникновение разногласий между разными категориями работников;
9. Личностные характеристики отдельных людей — специфические особенности поведения, отношения к труду и коллективу, черты характера и т. д.

Для разрешения конфликтов члены коллектива пользуются различными стратегиями поведения, а именно: стратегией конкуренции, приспособления, избегания, компромисса и сотрудничества. Эффективное и продуманное разрешение конфликта может увеличить самостоятельность индивидов и улучшить процесс принятия решений [3, с. 320].

Существуют ли конфликты между врачами и средним медицинским персоналом (медсестрами)?

Да, конечно. Противоречия и разногласия между руководителями и подчиненными время от времени неизбежно возникают. Медицинский работник, выполняя свои профессиональные обязанности и требования, обязан придерживаться медицинского этикета — порядка поведения в той или иной обстановке, во взаимоотношениях с коллегами и пациентами. Медицинский этикет предусматривает строгое соблюдение субординации, т. е. системы служебного подчинения младшего по должности старшему [4, с. 324].

В процессе развития отношений между врачами и медицинскими сестрами следует учитывать их должностные инструкции. Вы-

сокоэффективный труд медицинского коллектива также немислим без взаимопонимания и взаимопомощи между всеми сотрудниками, в частности, между врачом и медсестрой. Терпимость и взаимоуважение занимают ведущее место в создании деловых эффективных отношений между врачом и медсестрой. Врачи могут многое сделать для улучшения своих отношений с медсестрами, причем путями достижения этого являются: понимание, профессиональное уважение, тактичность и отзывчивость [5, с. 99–109].

Основными причинами формирования противоречий, перерастающих в конфликты между врачами и медсестрами, являются: плохое выполнение/невыполнение своих должностных обязанностей; несовпадение жизненных ценностей, установок; личные переживания, а также неприязнь к медицинскому работнику [6, с. 62–65].

Таким образом, производственные конфликты врачей и медсестер в государственных учреждениях здравоохранения имеют место. В основном они происходят не чаще, чем раз в месяц. Пациенты в большинстве случаев не являются свидетелями конфликтных ситуаций между врачом и медсестрой. Эти конфликты не влияют на качество оказываемых ими услуг и не сказываются на имидже государственных бюджетных учреждений здравоохранения.

Библиографический список

1. Анцупов А. Я., Баклановский С. В. Конфликтология в схемах и комментариях : учебное пособие. 2-е изд. перераб. СПб., 2009.
2. Нагайцев В. В. Специфика и тенденции развития социального протеста населения провинциального региона России: по материалам социологических исследований в Алтайском крае в 1990-х годах : дис. ... канд. соц. наук. Барнаул, 2000.
3. Болучевская В. В., Павлюкова А. И., Сергеева Н. В. Общение врача: особенности профессионального взаимодействия // Медицинская психология в России: электрон. научный журнал. 2011. №3.
4. Гришина Н. В. Производственные конфликты и их регулирование. СПб., 2010.
5. Зеленков М. Ю. Конфликтология: учебник. М., 2013.
6. Калмыкова О. Ю. Управление конфликтами и стрессами в медицинском учреждении // Кадровик. 2014. №6.

А. В. Усова (Барнаул)

ДОМИНИРУЮЩИЕ ЦЕННОСТИ ПРИ МЕЖПОКОЛЕННОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ НОСИТЕЛЕЙ КУЛЬТУРЫ

Изменения в системе доминирующих ценностей прежде всего связывают с реформированием современного общества. Этот вопрос сегодня активно обсуждается различными учеными, в частности, Е. А. Попов обращает на него внимание в своих работах [1, с. 13–17; 2, с. 66–69]. Но это также затрагивает проблему духовности, решаемую преимущественно в философском ключе, а не в системе социальных координат. «Проблема духовности, — по мысли Г. В. Платонова и Е. Ю. Новиковой, — встает с особой остротой в период реформ, поскольку новый хозяйственный и социально-политический механизм не возникает стихийно, а создается целенаправленно, сознательно, в соответствии с менталитетом людей» [3, с. 285]. Кроме того, как продолжают размышлять исследователи, «при анализе такого явления, как духовность, необходимо... различать исторически устойчивые черты, составляющие национальный характер, и черты личности, которые формируются у индивида, у тех или иных слоев общества под влиянием конкретных условий исторического развития» [3, с. 294]. Связь социального благополучия с духовностью, по-видимому, можно полагать условной, поскольку первое свидетельствует о достижении человеком его экономических «высот» или накоплении человеческого капитала, в то время как второе обществу неподконтрольно, дается ему генетикой тысячелетий. Некоторые исследователи, полагая, что «именно идея социальной справедливости осуществляет интеграцию общества» [4, с. 27], практически отказывают духовности в консолидации индивидов. Напротив, твердая убежденность в том, что духовность спасет мир, выглядит еще большей декларацией, чем, к примеру, утверждение о достижимости идеалов общественной жизни.

Проблема духовности является традиционной для любого общества на любом этапе его конкретно-исторического развития. Сложные вопросы совершенствования человека, его развития, как известно, относятся к кругу неразрешимых, онтологических. Проводить какие-либо параллели в достижении человеком социального благополучия и обретением духовности или духовных состояний вряд ли представляется возможным на любом из уровней научных обобщений. Вместе с тем отчетливо вырисовывается позиция, согласно ко-

торой социальное благополучие как уровень или степень выраженной *социальности* человека, его включенности в широкий спектр социальных отношений и связей «отменяет» многие базовые ценности группы или общества, включаемые в систему духовной жизни человека. Тем не менее роль культуры и *культурного* в оценках социального благополучия занимает далеко не последнее место. По мнению некоторых исследователей, «важно отметить еще одну существенную черту современных глобальных социальных изменений. Утверждение новой реальности происходит не только в результате воздействия объективных условий и факторов, но и под эгидой повышения роли субъектности, внутреннего мира людей» [5, с. 55]. С этой точки зрения социальное благополучие является не просто результатом накопления культурного капитала, его итогом, а процессом закрепления человеком его роли в сохранении и трансляции социокультурного опыта в межпоколенном взаимодействии. Социальное благополучие, таким образом, невозможно без утверждения приоритетных ценностей, отчетливых перспектив их развития в обществе, и в то же время для него необходима конструктивная коммуникация поколений. Именно фактор *поколений* в антропосоциальном базисе социального благополучия выступает основным условием его оценивания.

Межпоколенное взаимодействие становится решающим как в актуализации определенных духовно-консолидирующих смыслов социального благополучия, так и для признания важности ценностно-смысловых комплексов культурного развития и культурной интеграции в достижении благ. Становится очевидным, что благополучие с точки зрения определения *духовно-консолидирующего потенциала* представляет собой совокупность ценностно-смысловых показателей, выявление которых раскроет изменения, сопровождающие общество и личность в социальной реальности. Это, в частности, отмечает С. И. Добров, полагая, что благополучие человека и благополучие общества не могут совпадать абсолютно — для одного состояния характерны устремления в настоящее, для другого — устремления в будущее [6, с. 101–102]. Согласно такой позиции благополучие выступает фактором общественного развития, пространственно-временной характеристикой ценностно-нормативных преобразований. Такой взгляд, пожалуй, в наибольшей степени удовлетворяет возможности соотнесения социального благополучия с духовно-консолидирующим потенциалом (или комплексом), обеспечивающим гармонизацию всех сфер общественного бытия. Конкретизируя такую точку зрения, следует обратить внимание на те элементы, которые являются составляющими такого комплекса. Это прежде всего общечело-

веческие ценности (добро, истина, любовь к родине, труд и др.), историческая память народа, аккумулируемая в мифологии, устном народном творчестве, национально-культурные черты (язык, культурные коды и символы и т. д.), — все эти и другие составляющие духовно-консолидирующего комплекса, влияющего на достижение социального благополучия, одновременно оказываются культуросохраняющими характеристиками. К числу важнейших ценностно-смысловых комплексов социально-культурного благополучия, транслирование которых последующим поколениям свидетельствует о сохранении культурной трансмиссии — непрерывности в процессе передачи ценностей и норм, следует отнести следующие: знание истории своей родины, своей семьи; наличие региональных программ, направленных на поддержание творческой интеллигенции; развитие художественно-творческих объединений и коллективов; поддержка центров национальных культур; включение памятников и памятных мест в культурное наследие региона; создание национально-культурных автономий; проведение межрегиональных культурно-массовых мероприятий — выставок, смотров, конкурсов, соревнований; открытие творческих студий в школах, лицеях, высших учебных заведениях; наличие издательств и типографий; наличие информационных и развлекательных СМИ; пополняемость библиотечных фондов новой литературой и т. д. Все эти и другие ценностно-смысловые комплексы, транслируясь от одного поколения в другое, обеспечивают достижение социального благополучия, придают ему не только выраженный экономоцентричный, но и духовно-консолидирующий характер. Подобный вектор «формирования» социального благополучия согласуется с высказываемой в научном дискурсе идеей о том, что «новое понимание значения и места культуры в жизни современного общества свидетельствует о тенденции постепенного преодоления «экономического центризма»» [7, с. 59]. Примерно в этом же ключе размышляет и А. С. Ахиезер: «Сконцентрированный в культуре накопленный опыт превращается в программу воспроизводства, фокусируется в личности, испытывает органическую перестройку, перефокусацию, переосмысление, интерпретацию и т. д.» [8, с. 6]. Перечисленные здесь процессы, актуализирующие взаимодействие человека, общества и культуры, касаются в полной мере и характеристик социального благополучия.

Библиографический список

1. Попов Е. А. Человек и его духовная деятельность в центре внимания социологии // Социология в современном мире: наука, обра-

зование, творчество. Вып. 4 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2012.

2. Попов Е. А. Культура и духовная жизнь человека и общества в системе современного социологического знания и в условиях российско-азиатского поликультурного взаимодействия : монография. Барнаул, 2013.

3. Платонов Г. В., Новикова Е. Ю. Духовность русского народа и наши реформы // Социально-гуманитарные знания. 2008. № 6.

4. Кочетков В. В., Кочеткова Л. Н. К вопросу о генезисе постиндустриального общества // Вопросы философии. 2010. № 2.

5. Худяков С. И. Культура как фактор консолидации народов России // Социально-гуманитарные знания. 2008. № 6.

6. Особенности культуросохраняющих социальных процессов и изменений: реальность нового тысячелетия: кол. монография. М., 2007.

7. Худяков С. И. Новая роль культуры в трансформирующемся обществе: от экономоцентризма к культуроцентризму // Социально-гуманитарные знания. 2009. № 2.

8. Ахиезер А. С. Об особенностях современного философствования (Взгляд из России) // Вопросы философии. 1998. № 2.

И. В. Целуйко (Барнаул)

МОЛОДЕЖНЫЕ СУБКУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Научный руководитель — Я. Э. Меженин

Одной из главных особенностей культурного пространства российского общества является многообразие различных субкультур. Первые социологические научные представления, как зарубежные, так и отечественные, строились на изучении связи девиантного поведения в молодёжных субкультурах.

В дальнейшем, основываясь на британской неомарксистской традиции, формировались теории, акцентирующие внимание не на внешних проявлениях девиации, а на глубинных классовых противоречиях, их порождающих. Однако, как справедливо отмечает С. А. Воронина, «дифференциация культуры, определяемая различием социальных функций различных групп, возникает в период разложения первобытного общества, начала разделения труда и возникновения первых городских цивилизаций. Эту дифференциацию со временем начинают называть социальными субкультурами, число кото-

рых напрямую зависит от специализированных областей деятельности индивидов, составляющих определенное общество» [1, с. 67]. Современные концепции зачастую являются междисциплинарными и охватывают широкий круг молодёжных проблем.

Под молодёжной субкультурой мы понимаем «систему норм и ценностей, отличающих группу от большинства общества, это особая форма организации людей — автономное целостное образование внутри господствующей культуры, определяющее стиль жизни и мышления ее носителей, отличающееся своими обычаями, нормами, комплексами ценностей и даже институтами» [2].

Типологизация субкультур как исследовательская задача заинтересовала социологов ещё в 70-е гг. XX в., однако до середины 1980-х гг. исследования по данной проблематике проводились довольно редко [3]. Различают следующие направления субкультур:

1. Субкультуры середины — второй половины XX в., не существующие в настоящее время: моды, тедди-бойз, стилиаги, битники, митьки, люберы и пр.

2. Реанимированные субкультуры, например, хиппи, готы старой школы, гранджеры, глэм-рокеры и др.

3. Современные субкультуры, которые зародились многие десятилетия назад и сейчас не теряют популярности. Ценностные установки и жизненный стиль представителей данных субкультур практически не меняются со времени их возникновения и стабильно существуют до сих пор. К таким субкультурам относятся байкеры, металлисты, наци-скинхеды, футбольные фанаты. Однако такие виды субкультур, как хип-хоп, гламур, готика, индустриальная субкультура, фрик-культура, находятся на стадии активного развития. Сегодня появляются новые течения в их рамках, меняется стилистика, например, эмо-культура.

Кроме того, можно выделить субкультуры, отражающие профессиональную принадлежность входящих в них людей: полицейская, врачебная, научная. Различают субкультуры, связанные с интересами в области литературы: любители фантастики, детективов, классики, фэнтези. Религиозные организации тоже можно назвать субкультурами, так как они имеют свои традиции и ценности и тоже стремятся к объединению людей.

Среди причин развития различных субкультур можно особо выделить поиск самоидентификации, характерный для молодежной среды. В современном обществе наблюдается множество установок социального поведения, формируется мозаичность сознания индивидов, что приводит к отсутствию целостного представления о самом себе.

Следовательно, наличие множества вариантов для самоидентификации затрудняет возможность обрести субъектную целостность — единую и непротиворечивую картину мира. Вероятно, что из-за неопределённости сущности культуры, её ризоморфного характера и возникают различные субкультуры. Э. Тоффлер считал, что благодаря субкультурам, в которые мы — осознанно или нет — входим, формируются наши индивидуальности [4]. Однако существуют и другие предпосылки возникновения субкультур. Примером тому может выступить панк-течение, которое противопоставляло себя массовой культуре, негативно относилось к материальным благам, карьерному росту и общественному признанию — всем ценностям, которые признаются обществом.

Сегодня в развитых обществах наличие плюрализма субкультур является нормой. Каждая из субкультур обладает своей картиной видения мира и может оказывать влияние на индивида — как положительное, так и отрицательное. Всё зависит от целей, которые преследует человек, вступая в ту или иную субкультуру, где он пытается самоидентифицировать себя или выразить протест к окружающей его действительности, принимая нормы и установки, которые ему предлагают различные направления.

Однако если ценности молодежных субкультур вступают в противоречие с культурными традициями современного общества, то это может привести к развитию идей неприятия и отвержения господствующей культуры вплоть до террористической угрозы. Об этом писал Е. А. Попов еще в 2010 г.: «Но если обратиться к онтологической специфике терроризма, то можно увидеть истоки этого явления в изменениях, возникающих в сохранности своих культурных корней, своей исторической памяти, социокультурной коммуникации, во взаимодействии человека и государства, человека и общества» [5, с. 176].

Изучение особенностей развития субкультур позволит глубже понять современное российское общество, а также проследить динамику ценностных ориентаций, доминирующих в молодежной среде.

Библиографический список

1. Воронина С. А. Молодежная культура в транзитивном обществе. Барнаул, 2015.
2. Социология: энциклопедия / сост. А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г. М. Евелькин, Г. Н. Соколова, О. В. Терещенко. М., 2003.
3. Латышева Т. В. Феномен молодежной субкультуры: сущность, типы // Социологические исследования. 2010. № 6.

4. Тоффлер Э. Шок будущего. М., 2008.

5. Попов Е. А. Онтологическая обусловленность проявлений терроризма в современной действительности // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. Вып. 2 / под ред. Е. А. Попова. Барнаул, 2010.

*М. И. Черепанова, Д. А. Неваева, Д. К. Щеглова,
С. А. Сарыглар (Барнаул)*

РОЛЬ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ УСТАНОВОК В СОЦИАЛЬНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ*

В условиях современной социальной реальности этнические процессы в рамках других глобальных социокультурных явлений действуют в направлении интеграции или дифференциации. В первом случае они имеют культурсинтезирующий характер, а во втором — культуротличительные тенденции. Эти процессы часто взаимобусловливаются. В связи с этим актуализируется проблема поиска идентичности в условиях стремительно увеличивающейся тенденции унификации человечества. Одной из основополагающих проблем в научном поле исследования этнической идентификации, ее прикладного характера, имеет изучение межэтнических установок в процессе социального взаимодействия.

Межэтнические установки зависят как от исторического взаимодействия представителей различных национальностей, их социально-экономического положения и неравенства в этой связи, социально-психологических факторов, так и политической ситуации в определенном обществе. Межэтнические установки имеют сложную структуру. В социологической теории принято выделять три компонента ее структуры. Она включает в себя: рационально-когнитивный компонент — осознание объекта, знания и представления о нем; эмоционально-оценочный компонент — оценка, чувства по отношению к объекту; регулятивный компонент. Развитие и формирование теории установки в социологии позволило по-новому осмыслить ее по-

* Опубликовано при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках конкурсной части государственного задания в сфере научной деятельности ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет». Код проекта: 1475 «Гражданская и этническая идентичности в системе сохранения социальной безопасности населения приграничных территорий Российской Федерации».

нимание в контексте межэтнических отношений. Исходя из всего перечисленного можно констатировать, что этнические установки — это установки, существующие тогда, когда человек в процессе своей жизнедеятельности осознает, оценивает и поступает как личность, включенная в этническую группу.

Межэтнические установки — это установки на взаимодействие — негативное или позитивное — с представителями других национальностей в любой сфере жизнедеятельности. А поскольку установки формируются в процессе социализации личности в семье, учебных заведениях, коллективах, в ходе соседского и дружеского общения, а затем закрепляются в умениях, навыках, без которых не представляется возможным строить какие-либо отношения. Социальные установки призваны определять и координировать деятельность людей в верном направлении. Межэтнические установки — это установки на взаимодействие с другими этническими общностями в любой сфере жизнедеятельности и в любом виде — от личного общения с людьми иной национальности до восприятия явлений, элементов истории, культуры, типов социально-экономического развития. Этнические и межэтнические установки аккумулируют предшествующий жизненный опыт, причем не только свой, но и окружающих, ведь установки формируются в процессе социализации и затем закрепляются в навыках, без которых построить отношения просто невозможно. В процессе межэтнических взаимодействий они выполняют компенсирующую функцию в познавательном процессе, минимизируя риск. Люди могут не вполне понимать ситуации и причины тех или других явлений, но закрепленное в установке отношение помогает избежать опасности. Установки выполняют и другую важную функцию — преобразуют знания в потребности и направляют действия. Русские, которые живут сейчас в государствах ближнего зарубежья, из жизненного опыта и информации официальных каналов осведомлены о необходимости знания государственных языков. Но только осознание этой потребности, сформировав установку на его изучение, помогает им стать двуязычными. Групповые установки обладают особой силой и устойчивостью. Но еще большей устойчивостью обладают стереотипы.

Психологи обычно считают, что этнические стереотипы занимают ключевое место среди межэтнических установок, кроме того, они выделяют предрассудки и предубеждения как виды установок. Этнические установки фиксируют отношение к явлению (например, традициям), объекту (языку, литературе и т. д.) или к виду общения (деловому, семейному, дружескому, соседскому) [1]. Но если нужно вы-

яснить тип отношения к контактам в целом или народу в целом, к его культуре, истории, людям, то предметом изучения становится система установок или ориентаций. Например, негативные установки, которые в 1990-е — начале 2000-х гг. особенно ярко проявлялись по отношению к чеченцам (на них проецировались последствия конфликта в Чеченской республике), а также к национальностям Кавказа, становились для русских и в целом части российского населения некой солидаризирующей основой, разрушающей нормальную и гражданскую, и этническую идентичности [2].

Под нормальной идентичностью понимаются позитивные представления о своей национальности и сопутствующие им эмоции, понятия чести, достоинства, защищенности, благополучия, близости к своим. Сюда можно отнести и патриотизм, не переходящий в фаворитизм, толерантные установки к «другим». Негативная идентичность конструируется на основе представлений о себе как неспособных изменить жизнь к лучшему, обиженных, обделенных, живущих в кольце врагов, солидаризирующихся на основе враждебного отношения к «чужому» [3]. Такой идентичности свойственна подавленность мотивации к достижениям, апатия, страхи, равнодушие к политическим событиям, ущемленная национальная гордость, комплексы неполноценности.

Межнациональные отношения могут носить разный характер: равноправие, господство одной нации, подчинение другой, конфликт наций. Важную роль в формировании характера подобных взаимоотношений играют как межэтнические установки, так и специфика этнической идентичности.

Этническая идентичность — составная часть социальной идентичности личности, отождествление индивидом себя с представителями своего этноса и обособления от других этносов [3]. Другие авторы трактуют этническую идентичность как сознание общности людей, базирующееся на представлениях о своей национальности, языке, культуре, истории, территории, интересах, эмоциональном отношении к ним и при определенных условиях готовности действовать во имя этих представлений. Российская идентичность определяется принадлежностью к национально-государственной российской общности. Такая принадлежность может быть формально-правовой — всеобщей для граждан Российской Федерации, когда все они определяются как россияне. Иной, реальный смысл имеет внутренне осознанная принадлежность к российской общности. Она у россиян, как отмечают исследователи, остается противоречивой, проявляется слабость, недостаточность интенсивности

общегражданской идентичности, во многом все еще носящей формальный характер [4].

Со времен исследований Ч. Кули и Дж. Мида известно, что идентификация индивида происходит в сопоставлении с «другим» [4]. Этот «другой» совсем не обязательно «чужой» и тем более враждебный. Э. Эриксон, который и ввел термин «идентичность» в интердисциплинарное поле исследований, обратил внимание на взаимосвязанность процесса становления и трансформации идентичности с вопросами общественного и культурного развития, идеологии. Представляется принципиально важным в воображаемом поле социальности, на которое влияют идеологические структуры (власть, образование, СМИ, оппозиционные группы и т. д.), выделить ту часть, которая задается рациональными смыслами опыта общения или вообще не включает сегменты этнокультурной различительности, носит нерелексированный характер.

В этом случае негативные установки на приток иммигрантов, межэтнические контакты в трудовой и непроизводственной сфере, быту, культурные барьеры являются реакцией на комплекс обстоятельств: 1) ограниченные ресурсы выживания; 2) опасение за сохранение своих жизненных интересов (конкуренция в трудовой сфере, непривычность нового культурного пространства); 3) неуверенность в будущем, недоверие к социальным институтам [4].

Резюмируя основные идеи статьи, необходимо заметить, что механизмы идентификации сложны: это динамический процесс, полный противоречий, чутко реагирующий на разнообразные мотивы, интересы, ситуации в обществе. Процесс формирования этнической идентичности является объективным, необходимым для полноценной жизнедеятельности личности, потому что каждый человек проживает в определенной этнической общности, ассоциирует себя с ней. Это неотъемлемая часть представлений человека о себе и окружающем его мире. Как следствие складывается позиция по отношению к другим нациям, т. е. межэтнические установки, которые непосредственно влияют на характер межнациональных отношений.

Библиографический список

1. Черепанова М. И., Неваева Д. А., Щеглова Д. К. Теоретические подходы к анализу онтологической природы этничности // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. Вып. 7 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2015.
2. Черепанова М. И., Неваева Д. А., Щеглова Д. К. Многообразие этнической идентичности в современном обществе // Социология в со-

временном мире: наука, образование, творчество. Вып. 7 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2015.

3. Черепанова М. И. Гражданская идентичность населения Алтайского края: точки интеграции и дестабилизации // Гражданская идентичность, социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве : материалы Международной научной конференции. Барнаул, 2015.

4. Черепанова М. И., Сарыглар С. А. Социальный потенциал межнациональной напряженности населения Алтайского края // Ломоносовские чтения на Алтае-2015 : материалы Международной научно-практической конференции. Барнаул, 2015.

Р. К. Муродалии (Барнаул)

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС МИГРАНТОВ ИЗ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Проблема определения правового статуса мигрантов в настоящее время активно обсуждается как учеными, так и практиками. Споры ведутся прежде всего о конкретном содержании правового статуса той или иной категории мигрантов. К сожалению, отсутствует до сих пор единое мнение о том, каковы особенности правового статуса мигрантов по отношению к иным категориям населения, позволяющие говорить о необходимости выделения специального правового статуса.

Правовой статус личности — это базовая категория, на основе которой происходит конкретизация прав и обязанностей по отношению к определенным группам населения. Исходя из деления правового статуса личности на общий, родовой и видовой, по отношению к мигрантам должно использоваться понятие родового правового статуса. «Специальный или родовой, статус отражает особенности положения определенных категорий граждан... Указанные слои, группы, базируясь на общем конституционном статусе гражданина, могут иметь свою специфику, дополнительные права, обязанности, льготы, предусмотренные текущим законодательством» [1, с. 186]. В рамках родового правового статуса можно выделить видовые правовые статусы: беженца, вынужденного переселенца, иностранного работника (трудоустроенного-мигранта) и др. К подобному выводу пришел и Экономический суд СНГ в решении № С-1/14–96 о толковании понятий

«беженец», «мигрант», «вынужденный переселенец» применительно к Соглашению о помощи беженцам и вынужденным переселенцам, заключенному 24 сентября 1993 г.: в соответствии с общим значением понятия «мигрант» за ним необходимо признать статус родового понятия, включающего в себя все категории лиц, осуществляющих пространственные перемещения, вне зависимости от причин перемещений, их длительности и пространственных границ.

Родовой правовой статус мигранта в российском законодательстве не определен, федеральным законодателем не используется даже понятие «мигрант». В то же время в литературе нередко высказывается мнение о необходимости разработки «общего правового статуса мигранта» [2, с. 49]. Однако следует признать практическую и методологическую сложность решения подобной задачи, в том числе из-за чрезвычайно широкого предмета регулирования подобного нормативного правового акта. На теоретическом уровне можно выделить несколько особенностей, позволяющих говорить о наличии родового правового статуса, объединяющего видовые категории мигрантов.

Первая особенность состоит в том, что мигранты являются категорией населения, специфика статуса которой связывается с осуществляемыми ими пространственными перемещениями через государственные или административные границы. Следствием миграции является появление значительных по численности групп населения, большей частью не адаптированных к новым условиям проживания и не ассимилированных среди коренного населения. Поскольку наличие мигрантов влияет на экономическую, демографическую, политическую, криминологическую ситуацию в принимающем государстве или административно-территориальной единице [3], то очевидна необходимость специального регулирования правового статуса данной категории населения. Практически всегда миграционное перемещение влечет изменение правового статуса — это вторая особенность. «Особый правовой статус мигранта будет зависеть от видового различия мигрантов (беженец, вынужденный переселенец, иностранный работник и т. д.) и заключаться в дополнительных правах и обязанностях» [4, с. 15].

Международные мигранты, находясь вне территории страны, гражданами которой они являются, с одной стороны, как правило, сохраняют права и обязанности по отношению к государству гражданской принадлежности, а с другой — дополнительно приобретают определенные права и обязанности государства пребывания, становясь трудящимися-мигрантами, беженцами, нелегальными мигрантами и т. д. Статус внутренних мигрантов также может изменяться в зависимо-

сти от субъекта Федерации — места пребывания или проживания. Поэтому, по нашему мнению, следует согласиться с А. Похлебаевой, выделяющей в качестве признаков, отражающих специфику статуса мигранта, изменение его правового статуса, а также правовое регулирование принимающим государством [5].

Условно в содержании правового статуса мигрантов можно выделить следующие группы прав, свобод и обязанностей:

- 1) права, свободы и обязанности, закрепленные нормами международного права и международными соглашениями;
- 2) права, свободы и обязанности, установленные нормами национального законодательства: права и обязанности, предоставленные в государстве гражданской принадлежности (преимущественного проживания) либо в административной единице, откуда была осуществлена миграция; права и обязанности, предоставленные мигрантам в государстве или административной единице, в которое лицо осуществило миграцию;
- 3) права, предоставляемые мигрантам органами местного самоуправления (потенциальные меры социальной поддержки и социальной помощи). При этом следует отметить особое значение международных актов, договоров и соглашений, нередко с их помощью закрепляются особые правила регулирования порядка въезда и выезда, пребывания, осуществления трудовой деятельности, а также дополнительные льготы и гарантии для граждан государств, подписавших подобные соглашения.

Следует отметить временный, переходный характер статуса. По общему правилу статус мигранта возникает после соответствующего обращения в государственные органы, в том числе дипломатические и консульские учреждения, либо вследствие фактического пересечения государственных или административных границ, а утрачивается после выезда из государства пребывания или после получения его гражданства. Как подчеркивает Т. Н. Юдина, мигранты, которые въезжают в развитую страну впервые, обычно не имеют намерения обосноваться там постоянно [6, с. 137]. Например, согласно результатам социологических исследований средняя продолжительность проживания за рубежом украинских трудящихся-мигрантов составляет около 12,5 месяцев. В свою очередь, принимающее государство предоставляет соответствующий правовой статус тоже на определенное время.

Библиографический список

1. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права. М., 2004.

2. Баранов В. М. Незаконная миграция в современной России: понятие, виды, эффективность противодействия // Миграция, права человека и экономическая безопасность современной России: состояние, проблемы, эффективность защиты : сб. ст. / под ред. В. М. Баранова. Н. Новгород, 2004.

3. Стерляева Н. А. Некоторые аспекты сельско-городских миграций в Алтайском крае // Гражданская идентичность, социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве : материалы Международной научной конференции / отв. ред. С. Г. Максимова. Барнаул, 2015.

4. Хабриева Т. Я. Миграционное право как структурное образование российского права // Журнал российского права. 2007. № 11.

5. Похлебаева А. Понятие миграции и ее классификация // Журнал международного права и международных отношений. 2005. № 3.

6. Юдина Т. Н. Социология миграции. М., 2006.

Е. В. Шахова (Барнаул)

БЛОГИ И АВТОРСКИЕ КОЛОНКИ КАК УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ (на примере Алтайского края)*

Регуляция межэтнического взаимодействия — очень важный и актуальный вопрос в современном многонациональном обществе. Ведь наряду с процессами глобализации, которая способствует социальной интеграции и взаимопроникновению различных культур, наблюдаются и увеличение межэтнических конфликтов.

Различные аспекты данной темы с давних времен обсуждаются научным сообществом. Все более актуальными становятся исследования средств массовой коммуникации в формировании общественного мнения, посвященного вопросам межэтнических отношений. Сегодня обсуждение этой темы является предметом широкого обсу-

* Опубликовано при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках конкурсной части государственного задания в сфере научной деятельности ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет». Код проекта: 1475 «Гражданская и этническая идентичности в системе сохранения социальной безопасности населения приграничных территорий Российской Федерации».

ждения. Многочисленные исследования показывают, что через СМИ большим потоком в массовое сознание передается так называемая этническая информация. Позитивная (толерантная) этническая информация о своем народе (этнотипе) способствует формированию своего этнического самосознания, уважительному отношению к собственной этнической общности, национальному достоинству, а также формированию позитивных представлений людей в области международных отношений. Но чаще встречается информация, представленная реципиенту, распространяющая населению установки нетерпимости (интолерантности) [1].

Конфликтотенный потенциал массмедиа в сфере этнических отношений изучен явно недостаточно, требуется более глубокое исследование вопроса влияния современных СМИ на формирование в массовом сознании образа иноэтничного представителя, а также поиск возможных путей снижения негативного потенциала информационной среды [2].

Политика Российской Федерации направлена на улучшение межэтнических отношений. Об этом свидетельствует Федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России», принятая 20 августа 2013 г. Целями данной программы являются укрепление единства многонационального народа Российской Федерации (русской нации); содействие укреплению гражданского единства и гармонизации международных отношений; содействие этнокультурному многообразию народов России. Также в 2013 г. в Госдуме прошла презентация этического кодекса для журналистов, специализирующихся на освещении межэтнических отношений в России, в которой говорится, что основной целью работы пишущих о межэтнических вопросах представителей СМИ должно быть стремление «снизить градус напряженности в обществе» и «настроить аудиторию на создание стабильного многонационального общества».

Таким образом, освещение межэтнических и межконфессиональных отношений все более осознается и обществом, и журналистским сообществом как серьезная этическая проблема, требующая особой профессиональной рефлексии.

В связи с этим нами проводится исследование, посвященное изучению деятельности медиапространства Алтайского края, направленной на развитие межэтнического взаимодействия.

Нами было проанализировано 15 интернет-ресурсов. При отборе источников информации для анализа выбирались наиболее влиятельные региональные интернет-ресурсы. Условием выбора ресурса яв-

лялся высокий индекс цитирования. Для отбора наиболее влиятельных интернет-ресурсов региона были использованы информационно-аналитическая система «Медialogия» (<http://www.mlg.ru/>) и форма Яндекс-каталог (<https://yaca.yandex.ru/>).

Далее был проведен контент-анализ авторских колонок и блогов, представленных на этих сайтах, с целью выявить в них интенсивность и периодичность сообщений, связанных с социальной интеграцией и развитием межэтнического взаимодействия.

Для выделения показателей, необходимых для проведения контент-анализа, были проинтерпретированы следующие основные понятия: этническая общность, национально-культурное объединение, социальные интеграция и дезинтеграция, национальная политика.

Данные понятия можно охарактеризовать через следующие индикаторы: 1) этническая общность: этнос, нация, национальность, народ; 2) этнические объединения: диаспора, национально-культурная/этнокультурная организация; 3) социальная интеграция: межэтническое сотрудничество, межэтническое взаимодействие, диалог, дружба, мир/согласие, толерантность/терпимость, единство; 4) социальная дезинтеграция: конфликт, напряженность, враждебность (вражда), неприязнь, ксенофобия, экстремизм, национализм; 5) национальная политика: государственная — поддержка/содействие, грант/субсидия, государственная программа.

В зависимости от упоминания или не упоминания данных индикаторов в изучаемом источнике происходило кодирование.

В результате контент-анализа блогов было выявлено, что материалы на тему «Социальная интеграция и развитие межэтнического взаимодействия в Алтайском крае и на федеральном уровне» наиболее часто появлялись в 2013 и 2014 гг. Новости на эту тему разделились на две группы практически пополам:

- новости, связанные с межэтническим взаимодействием, национальной сферой;
- новости, связанные с проявлением патриотизма в контексте социальной интеграции.

Авторы в своих работах в 36,7% упоминают об этнической общности, чаще всего о критерии «народ» (в 81,8% наблюдений), реже о «нация/национальность» (63,5% наблюдений). Такой критерий, как «этнос» не употребляется в проанализированных нами блогах.

В авторских колонках процессам дезинтеграции (30%) уделено больше внимания, чем процессам интеграции (13,3%). Процесс интеграции представлен такими категориями, как «дружба» (75% наблюдений); «взаимодействие/сотрудничество», «единство» (по 50%

наблюдений); «мир/согласие», «толерантность/терпимость» (по 25% наблюдений). Процесс дезинтеграции характеризуется в основном через «национализм» (55,6% наблюдений). Менее популярны среди блогеров темы «конфликт/столкновение», «неприятнь/вражда» — 44,4% наблюдений, «ксенофобия» — 11% наблюдений. Такое понятие, как «ксенофобия» в блогах не употребляется.

75% наблюдений уделено содействию/поддержке, 25% — программе/закону в сфере национальной политики, которая представлена в 13,3% статей.

Теме Великой Отечественной войны посвящено 23,3% материалов. Большинство из них (85,7% наблюдений) связано с освещением какого-либо события (в основном с Днем Победы), 28,6% наблюдений представлено в виде биографий.

Гражданственность проявляется в авторских колонках не так часто (в 10%). Она представлена через критерии «россиянин», «гражданин страны» (по 66,7% наблюдений), «нравственная/гражданская позиция», «национальное самосознание» (по 33,3% наблюдений).

Популярной темой в блогах является патриотизм, ему уделено 40% всех материалов. В основном авторы упоминают о позитивных патриотических ценностях (36,7%), которые проявляются через «уважение» (72,7% наблюдений), «гордость» (36,4% наблюдений), «любовь» (9,1% наблюдений). Негативные патриотические ценности, проявляющиеся как «безразличие», упоминаются редко (3,3%).

Таким образом, наиболее популярные материалы можно разделить на несколько тематических блоков:

- патриотизм (работы посвящены Великой Отечественной войне, Дню Победы, Дню России и другим мероприятиям, воспитывающим патриотизм в жителях региона);
- этническая общность (материалы описывают праздники, имеющие национальный характер, жизнь и характер людей разных национальностей, их культуру общения и взаимодействия с другими);
- дезинтеграция (характеристика событий и процессов, связанных с конфликтами, неприятнь в сфере межэтнического взаимодействия, призывы к борьбе с ними).

Полученные результаты свидетельствуют о том, что деятельность региональных интернет-ресурсов играет значимую роль в социальной интеграции и развитии межэтнического взаимодействия региона, направлена на предотвращение разного рода межнациональных конфликтов, на стремление добиться согласия и мира между всеми нациями, проживающими в регионе. Однако неприятнь к предста-

вителям других народов, непонимание культуры других, стереотипное мышление все еще характерно для жителей региона. Это является барьером во взаимопонимании и комфортной жизни жителей всех национальностей Алтайского края.

Библиографический список

1. Кольцова Е. Ю., Таратута Е. Е. Измерение толерантности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. № 4.

2. Лисова С. Ю. Политико-правовой инструментарий регулирования в СМИ информации о межэтнических отношениях // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2009. № 4.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абашина Анна Дмитриевна, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, доцент, заведующая лабораторией «Теория и практика социальной работы», кандидат педагогических наук.

Антонович Ирина Владимировна, Алтайский государственный университет, доцент кафедры социальной работы, кандидат социологических наук.

Атясова Наталья Юрьевна, Алтайский государственный университет, старший преподаватель кафедры психологии коммуникаций и психотехнологий, кандидат социологических наук.

Бабушкина Екатерина Владимировна, Алтайский государственный университет, студентка.

Беляева Ксения Александровна, Алтайский государственный университет, магистрант.

Бем Анастасия Андреевна, Алтайский государственный университет, студентка.

Боброва Галина Евгеньевна, Новокузнецкий институт (филиал) Кемеровского государственного университета, заведующая кафедрой всеобщей истории, философии и социальных наук, доцент, кандидат социологических наук.

Борисова Ольга Владимировна, Алтайский государственный университет, аспирант.

Бочарова Анна Сергеевна, Алтайский государственный университет, студентка.

Бутина Анастасия Васильевна, Алтайский государственный университет, ведущий специалист отдела статистики и мониторинга.

Буянова Алина Евгеньевна, Алтайский государственный университет, студентка.

Вараксина Наталья Владимировна, Алтайский государственный университет, доцент кафедры общей социологии, кандидат социологических наук.

Вишник Татьяна Владимировна, Алтайский государственный университет, студентка.

Возилкина Марина Евгеньевна, Алтайский государственный университет, аспирант.

Гафурова Зумрад Нуралиевна, Алтайский государственный университет, магистрант.

Гилёва Надежда Ринатовна, Алтайский государственный университет, магистрант.

Гончарова Наталья Петровна, Алтайский государственный университет, доцент кафедры эмпирической социологии и конфликтологии, кандидат социологических наук.

Горбунова Анастасия Андреевна, Алтайский государственный университет, аспирант.

Дель Владимир Владимирович, Алтайский государственный университет, студент.

Догадаева Наталья Сергеевна, Российский государственный университет им. А. И. Герцена, магистрант.

Домашев Анатолий Николаевич, Алтайский государственный университет, доцент кафедры общей социологии, кандидат философских наук.

Доровских Алена Святославовна, Алтайский государственный университет, магистрант.

Дронова Елена Николаевна, Алтайский государственный университет, доцент кафедры социальной работы, кандидат педагогических наук.

Ермилова Елена Евгеньевна, Алтайский краевой информационно-аналитический центр, главный специалист отдела мониторинга и анализа системы образования.

Жабина Алена Владимировна, Алтайский государственный университет, магистрант.

Жиляева Инна Алексеевна, Алтайский государственный университет, магистрант.

Зайцев Константин Александрович, Алтайский государственный университет, студент.

Иванова Оксана Андреевна, социолог Центра специальной связи и информации Федеральной службы охраны Российской Федерации в Алтайском крае.

Ипатова Татьяна Евгеньевна, Алтайский государственный университет, студентка.

Кайгородов Евгений Викторович, Главное управление образования и молодежной политики Алтайского края, начальник управления профессионального образования, начальник отдела взаимодействия с высшими учебными заведениями.

Калинина Юлия Александровна, Алтайский государственный университет, доцент кафедры социальной работы, кандидат социологических наук.

Капусткина Елена Владимировна, Санкт-Петербургский государственный университет, доцент кафедры экономической социологии.

Климова Наталья Валерьевна, Алтайский государственный университет, студентка.

Кобелев Константин Юрьевич, Алтайский государственный университет, магистрант.

Колесникова Ольга Николаевна, Алтайский государственный университет, декан факультета социологии, профессор кафедры социальной работы, кандидат социологических наук.

Констанц Татьяна Константиновна, Алтайский государственный университет, магистрант.

Кузнецова Валерия Игоревна, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Институт педагогики и психологии, магистрант.

Липинская Мария Николаевна, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, доцент кафедры социальной педагогики и социальной работы, кандидат педагогических наук.

Лобанова Анастасия Дмитриевна, Алтайский государственный университет, студентка.

Мазайлова Татьяна Александровна, Алтайский государственный университет, доцент кафедры социальной работы, кандидат социологических наук.

Мазуренко Анжелика Анатольевна, Алтайский государственный университет, магистрант.

Максимова Светлана Геннадьевна, Алтайский государственный университет, профессор, заведующая кафедрой психологии коммуникаций и психотехнологий, доктор социологических наук.

Марфутенко Иван Александрович, Алтайский государственный университет, магистрант.

Медведева Ирина Вадимовна, Алтайский государственный университет, магистрант.

Меженин Ян Эдуардович, Алтайский государственный университет, доцент кафедры общей социологии, кандидат социологических наук.

Мелиев Фируз Салимжонович, Алтайский государственный университет, магистрант.

Мельник Юлия Олеговна, КГКУ Центр занятости населения Барнаула, инспектор отдела содействия занятости населения.

Микова Мария Петровна, Алтайский государственный университет, магистрант.

Миллер Софья Михайловна, Алтайский государственный университет, магистрант.

Михайлова Надежда Константиновна, Кемеровский государственный университет, доцент кафедры экономической теории, муниципального управления и сервиса, кандидат экономических наук.

Мишина Валентина Леонидовна, Алтайский краевой информационно-аналитический центр, главный специалист отдела мониторинга и анализа системы образования.

Морева Юлия Евгеньевна, Алтайский государственный университет, студентка.

Муродалии Ризвони Курбониён, Алтайский государственный университет, магистрант.

Нагайцев Виктор Валентинович, Алтайский государственный университет, доцент, заведующий кафедрой эмпирической социологии и конфликтологии, кандидат социологических наук.

Неваева Динара Алиевна, Алтайский государственный университет, ассистент кафедры психологии коммуникаций и психотехнологий.

Ноянзина Оксана Евгеньевна, Алтайский государственный университет, доцент кафедры психологии коммуникаций и психотехнологий, кандидат социологических наук.

Оболянский Геннадий Васильевич, Алтайский государственный университет, профессор кафедры эмпирической социологии и конфликтологии, кандидат исторических наук.

Обрывко Е. И. Алтайский государственный педагогический университет, старший преподаватель кафедры педагогики.

Омельченко Дарья Алексеевна, Алтайский государственный университет, доцент кафедры психологии коммуникаций и психотехнологий, кандидат социологических наук.

Очаковская Елена Сергеевна, Алтайский государственный университет, студентка.

Петунина Елена Владимировна, Алтайский краевой информационно-аналитический центр, начальник отдела мониторинга и анализа системы образования.

Пинигина Екатерина Константиновна, Алтайский государственный университет, магистрант.

Пироженко Полина Яковлевна, Алтайский государственный университет, студентка.

Подрезов Михаил Владимирович, Томский государственный университет, магистрант.

Попов Евгений Александрович, Алтайский государственный университет, профессор, заведующий кафедрой общей социологии, доктор философских наук.

Рожкова Ангелина Станиславовна, Алтайский государственный университет, студентка.

Рябцева Надежда Борисовна, Горно-Алтайский государственный университет, студентка.

Сарыглар Сылдысмаа Артуровна, Алтайский государственный университет, магистрант.

Себрякова Наталия Валерьевна, Алтайский государственный университет, студентка.

Сергиенко Алие Мустафаевна, Алтайский государственный университет, профессор кафедры эмпирической социологии и конфликтологии, доктор социологических наук.

Сиротина Татьяна Викторовна, Алтайский государственный университет, доцент кафедры социальной работы, кандидат социологических наук.

Славнова Виктория Константиновна, Алтайский государственный университет, студентка.

Соколенко Анастасия Анатольевна, Алтайский государственный университет, студентка.

Соловьев Виктор Владимирович, Российский государственный университет им. А. И. Герцена, студент.

Спирина Анастасия Сергеевна, Алтайский государственный университет, магистрант.

Стебунова Анастасия Вячеславовна, Алтайский государственный университет, студентка.

Стерляева Наталья Анатольевна, Алтайский государственный университет, доцент кафедры психологии коммуникаций и психотехнологий, кандидат социологических наук.

Стрельникова Мария Александровна, Алтайский государственный университет, магистрант.

Тамразян Нелли Артуровна, Алтайский государственный университет, студентка.

Тишкова Евгения Валериевна, Алтайский государственный университет, магистрант.

Усова Алина Витальевна, Алтайский государственный университет, студентка.

Хабарова Елена Викторовна, Горно-Алтайский государственный университет, аспирант.

Хакимова Мария Петровна, Алтайский государственный университет, магистрант.

Целуйко Иван Витальевич, Алтайский государственный университет, студент.

Черепанова Мария Ивановна, Алтайский государственный университет, доцент кафедры психологии коммуникаций и психотехнологий, кандидат педагогических наук.

Чуканова Татьяна Викторовна, Алтайский государственный университет, заместитель декана факультета социологии, доцент кафедры социальной работы, кандидат социологических наук.

Шахова Екатерина Владимировна, Алтайский государственный университет, магистрант.

Шитова Любовь Александровна, Алтайский государственный университет, магистрант.

Шунк Елизавета Петровна, Алтайский государственный университет, студентка.

Щеглова Дарья Константиновна, Алтайский государственный университет, аспирант.

Яковлева Анна Владимировна, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, магистрант.

Для заметок

Научное издание

**СОЦИОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ:
НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ, ТВОРЧЕСТВО**

Сборник статей

Выпуск 8

Часть 2

Редактор Л. И. Базина
Подготовка оригинал-макета О. В. Майер

Издательская лицензия ЛР 020261 от 14.01.1997.

Подписано в печать 01.06.2016

Формат 60x84/16. Бумага офсетная.

Усл.-печ. л. 19,3. Тираж 100 экз. Заказ 209.

Типография Алтайского государственного университета
656049 Барнаул, ул. Димитрова, 66